К. Н. Успенскій.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ.

ЧАСТЬ I.

Изданіе Издательскаго Общества при Историко-Философскомъ факультетѣ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

455
46

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул. соб. домъ.
МОСКВА—1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1
I. Политическая эволюція Римской имперіи 13
а) Императорская власть 13
б) Административный строй имперіи 18
II. Соціальная эволюція Римской имперіи 24
а) Сенаторская аристократія и крупное землевладѣніе 24
б) Колонатъ и крѣпостное право въ имперіи 30
III. Христіанство въ имперіи и союзъ имперіи съ церковью 42
IV. Вопросъ о такъ наз. „упадкѣ“ Римской имперіи и образованіе первыхъ варварскихъ королевствъ на почвѣ имперіи 61
V. Восточная имперія въ V в. 77
VI. Имперія VI Юстиніановскій ренессансъ 85
VII. Попытки административной реформы при Юстиніанѣ 103
VIII. Состояніе финансовъ и финансовое управленіе при Юстиніанѣ . . . 113
IX. Имперія VII—VIII в. 128
X. Организація ѳемъ 144
XI. Крестьянство въ имперіи VI—VIII в. 153
XII. Такъ называемый „Земледѣльческій законъ“ 163
XIII. Монастырское землевладѣніе и вопросъ объ экскуссіи 183
XIV. Организація монастырства и особенности монастырскаго феодализма. . 198
XV. Иконоборчество VIII—IX в. 209
XVI. Вопросъ объ отношеніи къ иконамъ въ восточной имперіи 221
XVII. Исламъ и имперія къ VIII в. 229
XVIII. Иконоборческая дѣятельность Льва III 237
XIX. Иконоборчество при Константинѣ V 254
XX. Позднее иконоборчество 260

ВВЕДЕНІЕ.

Въ послѣднее время, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ обострения такъ наз. Восточнаго вопроса, у насъ въ Россіи замѣчалось повышеніе интереса къ изученію исторіи Византійской имперіи. Заводились спеціальные періодическіе органы, посвященные византиновѣдѣнію, учреждались даже особые ученые институты, разрабатывающіе византійскую исторію, литературу и археологію. Въ программы историческихъ факультетовъ высшихъ учебныхъ заведеній вводится исторія Византіи, какъ самостоятельный, главный предметъ. Надо, однако, сознаться, что это рвеніе носило и носитъ нѣсколько искусственный характеръ: усиленное разслѣдованіе византійскаго прошлаго приняло въ общемъ прикладное направленіе. Стоитъ заглянуть въ любое изъ появившихся даже въ самые послѣдніе годы сочиненій по исторіи Византіи, чтобы убѣдиться, что этотъ ученый интересъ къ ней предопредѣлялся вѣрой въ то, что Россія является наслѣдницей и преемницей православной восточной имперіи. «Византія,—говоритъ одинъ изъ нашихъ византологовъ,—ощутительный предметъ, важный для познанія нашей собственной исторіи, которая не можетъ быть понята безъ близкаго знакомства съ византійской, потому что нашъ государственный строй, общественный бытъ, искусство, законодательство, народная и книжная мудрость развивались подъ вліяніемъ Византіи». «Наше русское прошлое связало насъ нерасторжимыми узами съ Византіей,—заявляетъ другой,—и на этой основѣ опредѣлилось наше русское національное самосознаніе». «Множество нитей культурныхъ, экономическихъ, религіозныхъ, литературныхъ связывали Византію съ Русью,—провозглашаетъ третій:—эти древнія нити не порвались еще окончательно. Византійскія начала живы и въ нашей государственной, и въ нашей общественной жизни—и такимъ образомъ исторія Византійской имперіи представляетъ для насъ, русскихъ, современный интересъ». Я не буду разбирать и опровергать теорію византійскаго преемства, поскольку идея культур-

ной и соціальной наслѣдственности не пріемлется современнымъ научно-историческимъ міросозерцаніемъ. Тѣмъ болѣе, что теорія эта является не результатомъ предварительнаго изслѣдованія, а наоборотъ, сама предшествовала и предопредѣляла изслѣдованіе, была, такъ сказать, болѣе предметомъ вѣры, чѣмъ знанія. Подъ ея натискомъ и историческая работа становилась тенденціозной и получала такую чуждую строгой научности окраску, что въ значительной мѣрѣ утрачивала плодотворность. Было бы, можетъ быть, несправедливымъ сказать, что она была совершенно безплодна. Открыты, разобраны и приведены въ порядокъ многіе очень важные источники; среди русскихъ византинистовъ были и очень крупные ученые, какъ, напр., В. Г. Васильевскій, Ѳ. И. Успенскій, изслѣдованія которыхъ слѣдуетъ признать весьма цѣнными. Но въ общемъ все это только яркія разрозненныя пятна, не могшія вывести исторію Византіи изъ ея страннаго состоянія, въ которомъ она оставалась въ продолженіе всего XIX столѣтія, въ достаточной мѣрѣ остается и сейчасъ. Въ широкой публикѣ о ней продолжаютъ господствовать представленія, какъ о сплошномъ царствѣ разложенія, дикаго деспотизма, коварной политики, затхлой церковности, т.-е. предметѣ скучномъ и мало поучительномъ. Научная же изслѣдовательская работа только какъ бы бокомъ проникала и проникаетъ въ эту область. Въ то время, какъ другіе моменты европейской исторіи успѣшно и съ интересомъ изучались съ соціальной точки зрѣнія, исторія Византійской имперіи продолжала лежать мертвымъ, заброшеннымъ, непочатымъ угломъ, коснѣла въ видѣ архаическаго альманаха дворцовыхъ смутъ и интригъ, расправъ и романовъ, религіозныхъ распрей и отчаянныхъ войнъ безъ конца, словно этотъ историческій процессъ въ отличіе отъ прочихъ проходилъ безъ участія народа или общества, словно успѣхи въ пониманіи задачъ историческаго познанія заколдованнымъ образомъ не могутъ добраться до этого тридесятаго царства.

Исторія Византійской имперіи, т.-е. того государства и общества, которое, являясь продолженіемъ Восточной Римской имперіи, развивалось и жило до половины XV вѣка, когда разгромлено было турецкимъ завоеваніемъ, слабо изслѣдована, плохо разработана и не привлекаетъ къ себѣ ученаго интереса. Гдѣ искать этому объясненія? Указываютъ иногда, что такая печальная участь ея зависитъ отъ скудости и малодоступности ея источниковъ. Но отъ античнаго міра до насъ дошло неизмѣримо меньше матеріаловъ для изученія, а между тѣмъ научная работа все съ усиливающейся энергіей идетъ въ этой области. И напрашивается другое, пожалуй, еще болѣе простое объясненіе. На первый взглядъ оно покажется даже наивнымъ. Вспомнимъ, что научно-историческая работа въ своемъ до-сознательномъ началѣ всегда на-

ціоналистична, направляется къ познанію своего, родного прошлаго. А Византія для историковъ всѣхъ странъ Европы (не исключая Россіи и Турціи, идеальной и реальной наслѣдницъ ея)—представляетъ чужое прошлое. Его разслѣдованіе всегда должно было быть и не такъ интересно, и не такъ неотложно. Это далеко не то, что исторія древняго міра, съ которымъ долго считали органически связанной послѣдующую исторію Западной Европы. Византія же оказывалась для изслѣдователей, среди которыхъ давали тонъ, конечно, западно-европейскіе, и особенно чуждымъ или отчужденнымъ прошлымъ. Латинскій Западъ и греческій Востокъ очень рано сдѣлались непримиримыми врагами и политическими, и церковно-религіозными, и культурными. Эта вражда оказалась замѣчательно живучей. Можно рѣшительно утверждать, что начало презрительнаго отношенія къ Восточной Имперіи, представленіе Византіи, византинизма, какъ среды омертвѣнія и разложенія, выросло именно изъ этого антагонизма. Новая европейская исторіографія выступала и работала, уже нося въ себѣ эту традицію или эту предвзятость. И научно-историческая работа въ отношеніи къ Византійской имперіи, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказывалась въ подчиненіи отвлеченно-построенной, заранѣе уже принятой схемѣ. Уже готово было понятіе или терминъ—«Византія», накрывавшій собой извѣстную совокупность или комбинацію политическихъ, религіозныхъ, нравственныхъ и правовыхъ особенностей: подъ эту осудительную рубрику собрано было все противоположное тѣмъ соціально-культурнымъ успѣхамъ, которыхъ достигали и стремились достичь западно-европейскія общества за XVIII в. Эта нарождавшаяся новая Европа ненавидѣла свое прошлое, Средневѣковье, свою готику, высвободиться изъ оковъ которой удавалось съ величайшимъ напряженіемъ силъ. Византію представители «раціонализма» и «просвѣщенія» считали самымъ затхлымъ и ужаснымъ угломъ Средневѣковья. И историки XVIII вѣка, желая изобразить прошлое Византійской имперіи, невольно собирали и сгущали тѣ ряды его фактовъ, которые только иллюстрировали уже предвзятое представленіе. Съ особенной яркостью и убѣдительностью изложилъ и изобразилъ исторію Византіи, какъ безнадежное разложеніе и неуклонное умираніе на протяженіи 1000 лѣтъ, знаменитый англійскій историкъ Гиббонъ (въ Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи). Его трудъ имѣлъ огромный успѣхъ, съ увлеченіемъ читался во всѣхъ странахъ Европы. И всѣ его картины изъ жизни таинственно-мрачнаго византійскаго дворца съ его деспотизмомъ и низкопоклонствомъ, лицемѣріемъ и коварствомъ, всѣ вычерченные имъ образы императоровъ и императрицъ, губившихъ другъ друга, среди церемонной роскоши, кровавыхъ революцій, романическихъ пертурбацій и церков-

ныхъ споровъ, надолго были усвоены и запечатлѣны европейской публикой. Гиббоновская схема византійской исторіи господствовала въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто ясное и несомнѣнное.

Но въ концѣ-концовъ такое построеніе исторіи Византіи, какъ неуклоннаго движенія къ упадку и гибели соціально-политическаго организма, лишеннаго здороваго и жизненнаго культурнаго ядра, должно было начать вызывать смущеніе среди историковъ. Самъ еще Гиббонъ принужденъ былъ ограничить свое безпросвѣтно осудительное сужденіе о Византіи: онъ призналъ за ней все-таки одну заслугу во «всемірной исторіи». Византія въ продолженіе столѣтій стояла своего рода форпостомъ Европы, выдерживая и задерживая натиски и удары вражескихъ нашествій изъ Азіи и Африки. Такимъ образомъ получалось уже значительное противорѣчіе: съ одной стороны, тысячелѣтнее умираніе, съ другой—стойкость и жизнеспособность культуры, выказавшей огромную силу сопротивленія.

Сопоставленіе такой живучести «тысячелѣтняго покойника» съ эфемерностью другихъ, современныхъ ему, политическихъ объединеній еще болѣе разочаровываетъ въ построеніи Гиббона: рядомъ съ Византіей зарождались, поднимались и рушились и германскія государства, кончая великой имперіей Карла Великаго, и славянскія объединительныя попытки и даже такая могучая организація, какъ Арабская имперія. Все это заставляло отказаться отъ построенія исторіи Византіи, какъ непомѣрно затянувшейся агоніи «падавшей» Римской имперіи. Послѣдующіе историки и занялись пересмотромъ содержанія самаго понятія или Термина—«Византія», «византинизмъ». Въ немъ старались обнаружить совокупность тѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно преобразовывалась или перерождалась Римская имперія въ новую—Византійскую. Эту точку зрѣнія выдвигали историки II-ой половины XIX в.: англичанинъ Финлей, нѣмецъ Краузе, отчасти и извѣстный историкъ «греческаго народа» Папарригопуло. У нихъ получалось, что въ восточныхъ областяхъ Римской имперіи, изъ которыхъ и создалась Византія,—римское господство, римскія идеи и теченія, однимъ словомъ—романизмъ съ теченіемъ времени столкнулся съ подъемомъ исконныхъ эллинскихъ и восточныхъ теченій, съ своего рода греко-восточной реакціей, и долженъ былъ сойти на нѣтъ, уступая мѣсто образующемуся новому складу жизни—византинизму. Конкретными признаками послѣдняго они предлагали считать: а) забвеніе классическихъ традицій и преобладаніе надъ ними восточныхъ, b) замѣну латинскаго языка греческимъ, с) сложеніе особаго міросозерцанія, пропитавшагося эллинскими и восточными философскими идеями.

Такимъ образомъ, Византія получала здѣсь характеръ какъ будто жизнеспособнаго, эволюціонирующаго организма.

Надо однако признать, что и такое построеніе жизнеспособной Византіи не свободно отъ придуманности и отвлеченности. Оно хотя и отказались отъ игры въ малозначащія слова: паденіе и возрожденіе, но вѣдь и терминъ—«перерожденіе», на которомъ оно обосновывается, не болѣе убѣдителенъ: это тоже не болѣе, какъ иносказательное выраженіе, перенесенное изъ жизни цѣльныхъ организмовъ. Опять и здѣсь историческій процессъ для уясненія подмѣненъ процессомъ физіологическимъ, и вмѣсто объясняющаго сравненія получилось упрощеніе, искажающее историческую дѣйствительность. Такія подстановки—произвольны и отвлеченны, въ чемъ легко убѣдиться изъ тѣхъ разногласій, которыя замѣчаются среди историковъ и относительно времени образованія византинизма, и относительно самыхъ симптомовъ «перерожденія». На вопросъ, когда кончается Римская имперія и гдѣ начинается собственно Византійская, мы находимъ чуть ли не десять различныхъ отвѣтовъ, падающихъ на различные историческіе моменты, начиная съ перенесенія столицы на востокъ Константиномъ Великимъ (IV в.), кончая реформами императоровъ Исаврійской династіи и иконоборчествомъ (VIII в.). Трудно стоять за любую изъ этихъ раздѣляющихъ перегородокъ. Но это покажется и совсѣмъ излишнимъ, если сообразить и вспомнить, что общество, подданные тѣхъ государей, которые позднѣе стали называться византійскими царями, никогда сами не считали себя и не называли византійцами, а продолжали до самаго конца, до турецкаго завоеванія, именовать себя римлянами-ромеями. Вспомнимъ и о томъ, что въ складѣ жизни тѣхъ странъ, которыя входили въ составъ Византійской имперіи, никогда въ дѣйствительности не происходило замѣны классическихъ римскихъ началъ—восточно-греческими. Новѣйшее, болѣе глубокое изслѣдованіе исторіи Римской имперіи все безповоротнѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что не только Восточная, но и вся имперія съ первыхъ поръ своего существованія не была чужда этимъ началомъ. Римская имперія сознательно строилась, какъ новая всемірная держава, по эллинистическимъ образцамъ. Эллинистическіе уклады легли въ основу ея организаціи: они въ культурномъ отношеніи были безусловно совершеннѣе, и о римскомъ вліяніи, о романизаціи средиземноморскихъ, особенно, восточныхъ странъ можно говорить въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Наоборотъ, въ ходѣ развитія Римской имперіи центральнымъ и существеннымъ теченіемъ была эллинизація Запада и Рима.

Едва ли поэтому можно говорить о какой-либо эллино-восточной реакціи, двигающейся впередъ будто бы съ VI вѣка и выражавшейся на-

глядным образомъ въ постепенной замѣнѣ латинскаго языка греческимъ. Вспомнимъ, что латинскій языкъ и никогда не былъ господствующимъ въ восточныхъ частяхъ Средиземноморья: онъ употреблялся здѣсь только въ оффиціальныхъ сношеніяхъ чиновниковъ съ центральными органами, и то только до извѣстной поры. Наконецъ, и то событіе, которое считается какъ бы началомъ и подготовкой почвы для образованія новой Византійской имперіи. Раздѣленіе римской державы на восточную и западную не можетъ быть признано реальной исторической гранью. Фактически римская имперія никогда не была единой и цѣльной. Теоретически и въ V вѣкѣ, когда постоянно въ ней было болѣе одного императора, представлялась она, какъ единое государство. Какъ бы незавсимы и враждебны другъ къ другу ни были по временамъ соимператоры, изъ ихъ сознанія никогда не выпадала мысль объ единствѣ всемірной имперіи. И когда въ 476 году въ Римѣ не стало болѣе императора, то нигдѣ, ни на западѣ, ни на востокѣ, не считали, что какая бы то ни была имперія пала. Но въ разбираемой схемѣ есть еще крупное недоразумѣніе—это привлеченіе въ качествѣ чуть не виднѣйшаго фактора образующагося въ VIII вѣкѣ византинизма—славянской иммиграціи, на которой настаиваютъ главнымъ образомъ русскіе византологи. Съ этимъ вопросомъ намъ придется встрѣтиться позднѣе. Теперь достаточно будетъ указать, что самое переселеніе славянъ въ предѣлы имперіи едва ли было настолько значительно, чтобы славянство могло стать однимъ изъ видныхъ этническихъ элементовъ ея. И трудно допустить, чтобы рыхлыя, безпомощныя въ хозяйственномъ отношеніи славянскія пятна могли властно вліять на переустройство давно налаженныхъ порядковъ организованнаго государства.

Такимъ образомъ и схема «жизнеспособнаго» византинизма оказывается столь же мало пріемлемой, какъ и старая Гиббоновская. Условно, для удобства изученія и распредѣленія матеріала, конечно, возможно въ длинномъ процессѣ исторіи имперіи отдѣлять позднѣйшій періодъ подъ особую рубрику съ соотвѣтствующимъ названіемъ—византійскій, греко-римскій. Но такое обозначеніе должно считаться исключительно условнымъ, а не приниматься, какъ опредѣляющее характеръ или содержаніе накрытыхъ имъ историческихъ фактовъ. У насъ не находится основаній въ извѣстный моментъ, на той или иной грани, фиксировать прекращеніе Римской имперіи и начало Византійской, хотя понятно, что имперія въ IV вѣкѣ, при Константинѣ Великомъ, во многомъ представляется непохожей на имперію X вѣка при Константинѣ Багрянородномъ. Вѣдь, напр., и Россія при Петрѣ Великомъ совсѣмъ не похожа на Россію при Александрѣ I и Россію при Иванѣ Грозномъ. Мы невольно становимся передъ рѣшительнымъ вопросомъ, нужна ли

и возможна ли здѣсь вообще какая бы то ни было схема, т.-е. существовалъ ли въ дѣйствительности тотъ жизненный укладъ, который привыкли называть «Византіей».

Отвѣчая на поставленный вопросъ, примемъ въ соображеніе слѣдующее: если признать, что государство и общество, называемыя византійскими, продолжали держаться на основахъ, выработавшихся въ Римской имперіи къ IV в., что учрежденія здѣсь были римскія, что руководившія и управлявшія въ немъ силы держались традицій римской политики, какъ она опредѣлилась послѣ союза имперіи съ христіанской церковью, что соціальный строй съ его группировками и отношеніями былъ естественнымъ развитіемъ стараго имперскаго, то исчезаютъ и надобность, и основанія выдѣлять особую Византійскую имперію и создавать особый культурно-соціальный кругъ—византинизмъ. При современныхъ успѣхахъ изслѣдованія исторіи Римской имперіи—построеніе такой Византіи кажется не болѣе, какъ историческимъ недоразумѣніемъ, только смущающимъ и препятствующимъ плодотворному изученію исторической реальности. Въ самомъ дѣлѣ, отрывая Византію отъ античной Римской имперіи, мы въ значительной мѣрѣ дѣлаемъ ее несжиданной и непонятной и вмѣстѣ съ тѣмъ и неинтересной. А выдѣляя ее и изолируя изъ исторіи средневѣковой Европы, выхватываемъ ее изъ ея исторической среды и превращаемъ въ чуждое, тридесятое царство. А вѣдь именно такъ и поступали съ Византіей до послѣдняго времени. Въ той полосѣ прошлаго, которую научно-историческая работа (тоже, конечно, искусственно) считала всеобщей исторіей, т.-е всей возможной полнотой своего матеріала, процессу, выдѣленному подъ рубрикой «Византія», просто не находилось мѣста,—и онъ пристраивался гдѣ-то сбоку отъ всеобщей исторіи. Я разумѣю сейчасъ ту всемірно-историческую концепцію, которая ведетъ свое начало отъ Гегеля, и въ своей основѣ исходила изъ признанія единства и цѣльности историческаго процесса. Эта теорія проникнута была взглядомъ на жизнь безчисленныхъ вереницъ людскихъ поколѣній, какъ на бытіе единаго организма—человѣчества, которое, какъ всякій организмъ, растетъ, зрѣетъ, дряхлѣетъ и приближается къ умиранію. Соотвѣтственно этому взгляду, всемірно-историческій процессъ, т.-е. въ концѣ-концовъ только хронологически ограниченная часть исторіи народовъ и обществъ, населявшихъ и населяющихъ берега Средиземнаго моря, и подѣленъ былъ на свои знаменитые три куска: древнюю, среднюю и новую исторіи. Эти періоды или стадіи переходятъ одна въ другую черезъ страшныя потрясенія всего организма, черезъ грандіозные катаклизмы. Древній міръ закончился трагическимъ паденіемъ Римской имперіи. Средневѣковье открывается образованіемъ германскихъ, варварскихъ госу-

дарствъ и сложеніемъ феодализма. Такимъ образомъ выходило, что изслѣдованіе древней исторіи упиралось въ конецъ V вѣка, въ 476 годъ, и дальнѣйшее считало уже выходящимъ изъ своей компетенціи, а въ то же время изученіе средневѣковой исторіи сосредоточивалось только на группѣ обществъ средней Европы, т.-е. на романо-германскомъ мірѣ, который долго считался исключительнымъ носителемъ феодальнаго строя и культуры. И научное вниманіе, какъ съ того, такъ и съ другого конца упорно миновало то, что называли исторіей Византіи: съ той стороны, это былъ излишній, странно живучій остатокъ античной имперіи, которая, по всемірно-историческому закону, должна была пасть, и въ концѣ V в. распалась. Съ другой стороны—Византія представляла собой соціально-политическій строй, казавшійся неподходящимъ подъ типъ средневѣковаго европейскаго, т.-е. феодальнаго, а потому ее устраняли при изученіи, какъ помѣху въ историческихъ обобщеніяхъ.

Теперь наша наука уже покончила съ долго господствовавшей всемірно-исторической точкой зрѣнія, поскольку значительно измѣнилось и общее міросозерцаніе, раздвинулось поле историческаго изученія и выдвинулись новыя задачи и принципы историческаго познанія. Думается, что теперь уже можно и должно ожидать рѣшительнаго поворота и въ отношеніи научнаго вниманія и работы къ исторіи, такъ называемой, «Византіи», т.-е. Восточной имперіи Изслѣдованіе соціальной исторіи западно-европейскихъ средневѣковыхъ государствъ, расширяя и углубляя свои успѣхи, все болѣе утверждалось въ признаніи, что многое, весьма существенное въ ней можетъ быть понято и объяснено только изъ взаимодѣйствія съ Восточной имперіей. Все яснѣе становится за послѣднее время, что Византія вовсе не стояла особнякомъ отъ Европы, наоборотъ, не переставала быть во многомъ для романо-германскихъ обществъ вліятельнымъ образцомъ, постояннымъ культурнымъ сотрудникомъ. Западно-европейскія новыя государства, возникавшія на почвѣ прежней Римской имперіи, даже самое крупное культурно-политическое объединеніе среди нихъ—христіанская имперія Карла Великаго—строились въ значительной мѣрѣ подъ воздѣйствіемъ не терявшей своего обаянія Византіи. Значительный культурный подъемъ Италіи X—XI вв., сдѣлавшій ее центромъ и очагомъ просвѣщенія, расходившагося по всѣмъ странамъ европейскаго Запада, обусловленъ былъ массовой эмиграціей изъ Византіи, вызванной иконоборческимъ движеніемъ. Вселенческія стремленія и достиженія папства, особенно въ ихъ началѣ, зародыши средиземноморской торговли, подготовка крестоносческаго движенія, первые ростки, такъ называемаго, «Возрожденія»—все это можетъ быть правильно разъяснено только въ связи съ византійской исторіей. Мы все болѣе убѣждаемся, что византійскій

историческій процессъ не только не протекалъ совершенно изолированно, но напротивъ, являлся однимъ изъ существенныхъ слагаемыхъ средневѣковой цивилизаціи. И теперь никого уже, или только немногихъ упрямыхъ стародумовъ, не приводитъ въ смущеніе возможность говорить о феодализмѣ и феодализаціонныхъ процессахъ въ Византіи, тогда какъ еще недавно обозначеніе «византійскій феодализмъ» представлялось парадоксомъ или ересью. Формы, въ которыхъ выливалась здѣсь феодализація, своеобразны, и носителями феодальной мощи здѣсь являлись не тѣ соціальные элементы, что на Западѣ. Но эти расхожденія особенно любопытны для историка, потому что имѣютъ большое значеніе для выясненія сущности феодальнаго строя вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруженіе феодализирующихъ процессовъ въ византійской исторіи позволяетъ покончить со старымъ построеніемъ византинизма, какъ ненужнымъ и накрывавшимъ совсѣмъ иное содержаніе. И если западно-европейскія страны въ раннее средневѣковье мы разсматриваемъ, какъ части римской имперіи, въ которыхъ пыталось устроиться новое возобладавшее здѣсь населеніе, то въ Византіи правильнѣе и проще всего увидать и изучать римскій Востокъ, также съ V вѣка переживавшій и этнографическія, и экономическія измѣненія, но только, можетъ быть, не такія буйныя и напряженныя, какъ Западъ. И подобно тому, какъ относительно феодальнаго Запада новѣйшее изслѣдованіе отказалось отъ старыхъ споровъ о корняхъ феодализма, знаменитыхъ споровъ романистовъ и германистовъ, отказалось, стало быть, отъ построенія схемъ и выработки единыхъ, всенакрывающихъ формулъ, и здѣсь, относительно Византіи, я бы считалъ самымъ цѣлесообразнымъ з а б ы т ь роковой и неисторичный вопросъ, почему Восточно-римская имперія прожила на тысячу лѣтъ долѣе Западной, и что представляетъ византійская исторія, новый прогрессъ, или старый, непрекращавшійся регрессъ, непосредственное продолженіе античной римской имперіи или зарождающееся снова самостоятельное матеріальное и культурное развитіе—и передвинуть центръ тяжести научнаго интереса съ «всемірно-историческихъ» призраковъ—на уясненіе внутреннихъ процессовъ, развивавшихся въ обществѣ, которое называютъ византійскимъ.

Такія же задачи изученія византійской исторіи намѣчаются для историка и съ другого конца, т.-е. со стороны и античнаго міра. Я упомянулъ уже о томъ, что новѣйшимъ изслѣдованіемъ Римской имперіи убѣдительно установлено, что эта всемірная держава объединялась и строилась на эллинистическихъ основахъ, и была, въ сущности, только въ раздвинутыхъ масштабахъ возстановленіемъ монархіи Александра Македонскаго. Но Александрова «имперія» въ свою очередь поднималась, какъ расширенная реставрація великаго Персидскаго царства,

повторявшаго попытки ассирійскихъ владыкъ вселенной. Исторія средиземноморской «вселенной», т.-е. оконечностей Азіи, Африки и Европы, заключающихъ въ себѣ Средиземное море,—съ незапамятныхъ поръ представляетъ собой вереницу наслаивавшихся другъ на друга опытовъ культурнаго и политическаго объединенія этого комплекса странъ. При этомъ нетрудно разглядѣть, что каждая новая попытка захватывала все болѣе обширную площадь, описывала все болѣе широкій кругъ. Но любопытно то, что каждая вновь поднимавшаяся сила, бравшая на себя иниціативу объединенія, оказывалась носительницей менѣе развитой культуры, чѣмъ объединяемыя ею страны. Завоеватели и объединители какъ бы сами извнѣ прирастали къ старому культурному кругу и старались приспособиться къ болѣе налаженнымъ и совершеннымъ порядкамъ его и укладамъ. Уже Персидское великое царство опёрлось въ своихъ началахъ на древнѣйшую нильско-месопотамскую цивилизацію. Обще-эллинская держава Александра, въ которой къ прежней передне-азіатской и сѣверо-африканской основѣ придвигались два южныхъ выступа Европы и острова восточной половины Средиземнаго моря, выстроилась съ безусловнымъ преобладаніемъ персидскихъ элементовъ надъ греческими. Слѣдующая, грандіозная универсалистическая попытка исходила съ объединенныхъ Римомъ западныхъ береговъ Средиземнаго моря. Но Западъ въ культурномъ отношеніи обладалъ еще менѣе значительными рессурсами въ сравненіи съ объединяемыми группами, чѣмъ въ свое время Грецiя Александра Великаго. Такимъ образомъ Римъ, несомнѣнно, еще пассивнѣе, еще покорнѣе входилъ въ тотъ сложный культурный процессъ, который шелъ очень давно.

Вмѣстѣ съ успѣхами своихъ внѣшнихъ завоеваній, Римъ неуклонно долженъ былъ втягиваться въ этотъ могучій процессъ всѣми частями и сторонами своей культуры и соціально-политическаго строя. Творческія силы и культурные рессурсы римлянъ были далеко недостаточны для властнаго руководства объединенными странами и народами, для увѣреннаго и рѣшительнаго обновленія хода и склада ихъ жизни. Въ результатѣ Римская имперія съ самаго начала конструировалась изъ эллинистическихъ элементовъ съ замѣтнымъ и живучимъ въ нихъ наклономъ къ востоку. И культурный центръ въ этомъ неровномъ комплексѣ странъ, конечно, никогда не былъ въ Италіи, въ Римѣ. Сердцевиной имперіи, наиболѣе трудоспособной, питательной ея частью былъ изстаринный эгейскій кругъ. Соотвѣтственно этому и политическій центръ, послѣ нѣкотораго колебанія, быстро передвигался въ восточномъ направленіи.

Значитъ, тѣ особенности или признаки, которые считались содержаніемъ византинизма, смѣнившаго истлѣвшій романизмъ, именно и

составляли исконную сущность Римской имперіи. И если мы обнаруживаемъ ихъ присутствіе въ позднѣйшія эпохи, то мы въ правѣ заключать отсюда не о совершившемся перерожденіи Римской имперіи въ иную, новую, не о нахлынувшей вдругъ реакціи эллинизма или востока, а какъ разъ объ отсутствіи такихъ переворотовъ и поворотовъ, и о живучести старыхъ, выработавшихся еще въ античной средѣ укладовъ и жизненныхъ формъ.

Такъ, подвигаясь съ другого края, мы опять пришли къ тому же выводу о негодности и ненужности построеній какой-то особой Византійской исторіи и призрачнаго византинизма. Тѣмъ самымъ опредѣленно намѣтились задачи предстоящаго намъ изученія, а также и его интересъ. Передъ нами одинъ изъ множества процессовъ, изъ взаимодѣйствія, переплетенія и пересѣченія которыхъ и состоитъ то, что называютъ исторіей древняго и новаго міра. Этотъ процессъ мы и должны съ возможной тщательностью и внимательностью изслѣдовать въ его конкретности и индивидуальныхъ особенностяхъ и прежде всего выяснить его зарожденіе и образованіе изъ суммы условій предшествующей эпохи, т.-е. въ его историческомъ контекстѣ. Такимъ образомъ мы обязаны отправляться отъ обзора основныхъ линій соціально-политическаго развитія Римской имперіи, чтобы ясно представить себѣ самый фактъ сокращенія ея въ одну Восточную имперію.

I. Политическая эволюція Римской имперіи.

а) Императорская власть.

Римская имперія, если подъ ней понимать не политическую форму, не императорство, а имперіализмъ, т-е. завоевательное движеніе римскаго капитала и римскаго оружія, можетъ быть представлена, какъ присоединеніе западно-средиземноморскихъ странъ къ изстаринному культурному кругу, включавшему въ себя переднюю Азію, сѣверо-восточный уголъ Африки и Эгейскія страны. Римъ бралъ на себя политическое, капиталистическое объединеніе, но самъ укладывался въ формы, издавна существовавшія на востокѣ, принимая монархическо-церковную, бюрократическую и крѣпостную организацію эллинистическаго Востока. Но если это такъ, то въ качествѣ соціально-политическаго строя римская имперія окажется съ самаго момента своего образованія очень далекой отъ формъ монархически организованной демократіи, въ какихъ ее принято изображать подъ вліяніемъ построенія знаменитаго Моммсена. Нѣмецкій ученый строилъ ее, какъ естественную реакцію городской аристократической республикѣ, непомѣрно расширившейся въ военно-административномъ отношеніи и односторонне надавившей внутри. Римскій, италійскій пролетаріатъ и нещадно эксплоатируемыя провинціи—были силами, создававшими принципатъ, который и выступалъ съ двумя крупными задачами: освободить имперію отъ хищнаго управленія и хозяйничанья въ ней сплоченной группы магнатовъ-нобилей и перестроить общество на началахъ уравненія. Поскольку, однако, нобилитетъ былъ еще очень могучъ и поднявшійся противъ него «блокъ» италійскаго пролетаризированнаго гражданства и провинціальной массы не могъ однимъ натискомъ разбить налаженнаго господства, политическій строй имперіи и долженъ былъ на первое время, по крайней мѣрѣ, выразиться въ двоевластіи, діархіи. Этими двумя властями и были антагонирующіе въ соціальномъ смыслѣ: демократическій

принципатъ и аристократическій сенатъ—средоточіе нобилитета, антагонирующіе и въ политическомъ смыслѣ монархизмъ и республиканство. Поскольку то былъ компромиссъ, онъ и былъ ненадежной, колеблющейся формой—и имперія потомъ жестоко поплатилась за эту ошибку, за фальшь, на которой она обосновалась.

Таково построеніе Моммсена, до послѣдняго времени господствовавшее въ исторической наукѣ. Исходя изъ него, изслѣдователи Римской имперіи и всю дальнѣйшую ея эволюцію представляли въ соотвѣтствующихъ очертаніяхъ. Въ качествѣ центральнаго процесса вырисовывается, обыкновенно, жестокая борьба императорскаго правительства со старой республиканской аристократіей, ставшій общимъ мѣстомъ терроръ, жертвами котораго падаютъ представители самыхъ знатныхъ фамилій. Рядомъ съ этимъ стараются подчеркнуть въ дѣятельности императоровъ заботы и мѣропріятія въ пользу низшихъ слоевъ населенія, защиту и попытки обезпечить свободный пролетаріатъ и даже зависимыя группы людей. Наконецъ, настаиваютъ на томъ, что съ утвержденіемъ имперіи наступаетъ спокойствіе и довольство по всѣмъ концамъ огромной державы: провинціи, изнуренныя и разоренныя хищнической расправой нобилитета, вздохнули свободно и быстро стали развивать живую и энергичную дѣятельность, достигая настоящаго процвѣтанія. Вообще утвержденіе имперіи знаменовало собой огромный и разносторонній культурный подъемъ странъ, лежащихъ вокругъ Средиземнаго моря. «Демократическая монархія Цезарей, какъ руководящая сила, взяла на себя организацію міра въ единое народно-хозяйственное цѣлое, и общество, въ лицѣ среднихъ классовъ населенія, поддерживало эту инициативу государства, благодаря утвержденію личной безопасности, гражданскаго равенства и мѣстнаго самоуправленія».

Такую картину «цвѣтущей эпохи» Римской имперіи можно встрѣтить въ любомъ изъ общихъ новѣйшихъ руководствъ. Всматриваясь въ нее, даже помимо всякихъ сопоставленій съ позднѣйшимъ, такъ называемымъ «упадкомъ», можно замѣтить въ ней и противорѣчія и неясности: слишкомъ сгущены краски въ одну сторону, искусственно подчеркнуты извѣстныя линіи. Возьмемъ ли мы предпринятый принципатомъ разгромъ старой республиканской знати, мы скоро должны убѣдиться, перечитывая гнѣвныя повѣсти Тацита и Ювенала, что въ императорскомъ террорѣ мало было сознательной принципіальности и планомѣрности. За преслѣдованіями, казнями, конфискаціями, случайными и капризно разбросанными, нѣтъ возможности разглядѣть дѣйствительную непримиримость столкнувшихся силъ, и еще менѣе серьезное желаніе принципата встать на защиту угнетенныхъ раньше низшихъ клас-

совъ. Разрушались властное положеніе и огромныя земельныя состоянія отдѣльныхъ крупныхъ фамилій, много знатныхъ головъ падало подъ ударами мечей при такихъ принцепсахъ, какъ Тиберій, Неронъ, Домитіанъ. Но въ результатѣ получался совсѣмъ не подъемъ мелкихъ собственниковъ-гражданъ, вовсе не возрожденіе владѣльческаго крестьянства. На счетъ погубленныхъ и конфискованныхъ княжескихъ вотчинъ создавалось несмѣтное императорское землевладѣніе, строившееся, однако, вовсе не на новыхъ началахъ, а примыкавшее къ старому типу крупныхъ частныхъ имѣній, часто до-римской эпохи, съ рабскимъ трудомъ, съ суровыми вотчинными уставами, съ передачей земель въ аренду крупными массами и предоставленіемъ этимъ крупнымъ арендаторамъ, обыкновенно, капиталистамъ, полной власти надъ мелкими съемщиками—крестьянами. Вмѣсто защиты свободы этой мелкоты получалось ускореніе процесса ея закрѣпощенія, и именно на императорскихъ земляхъ. Экономико-финансовая организація имперіи все болѣе складывалась, какъ «владѣніе Цезаря вселенной», какъ, если не единое, то самое крупное, и все сдавившее частное хозяйство. Государство имѣетъ тенденцію въ лицѣ носителя верховной власти, превратиться въ хозяина-собственника, безгранично и только для себя распоряжающагося имуществомъ и трудомъ общества. Всѣ эти явленія врѣзаются клиномъ въ общепринятое построеніе исторіи Римской имперіи. Но получающееся недоразумѣніе еще болѣе разростается, когда послѣ картины полнаго благополучія, всесторонняго расцвѣта—первыхъ двухъ столѣтій послѣ Р. Х.—мы сразу и неожиданно сталкиваемся съ описаніемъ полнаго разложенія и всеобщаго упадка. Какія бы объясненія этого паденія ни изобрѣтались: чрезмѣрность ли культурно-объединительнаго размаха, неподготовленность ли населенія имперіи, недостаточность силъ правительственныхъ группъ, все-таки оно остается загадочнымъ, и общая линія развитія Римской имперіи оказывается странно изломанной.

Болѣе обстоятельное и глубокое изученіе прошлаго тѣхъ странъ, которыя вошли въ составъ Римской имперіи, главнымъ образомъ восточныхъ областей, гдѣ были раньше такъ называемыя эллинистическія царства преемниковъ Александра Македонскаго: Птолемеевскаго Египта, Селевкидской Сиріи, изученіе, которое предпринято въ самое послѣднее время, должно, да въ достаточной мѣрѣ уже и можетъ помочь на новыхъ основаніяхъ переоцѣнить построеніе соціальнаго начала и сущности Римской имперіи, отказавшись отъ искусственной Моммсеновской схемы.

Основной результатъ такой переоцѣнки я уже формулировалъ: Римская имперія создавалась и организовалась не какъ торжество въ за-

воеванномъ мірѣ римскихъ порядковъ и укладовъ, а какъ новая, необыкновенно широкая попытка возстановленія единства средиземноморскихъ странъ, естественно примыкавшая къ предшествующимъ опытамъ. Силой, которая пришла къ сознанію необходимости такого устроенія, была, несомнѣнно, римская аристократія, кругъ нобилей, бывшихъ предпринимателями и руководителями постепенно расширявшихся завоеваній. Въ этой эллинизированной средѣ должна была возникнуть мысль воспользоваться для обладанія вселенной уже давно налаженными порядками и пріемами своихъ предшественниковъ, восточныхъ монарховъ. Эти порядки казались удобными и для самого Рима съ Италіей, такъ какъ посредствомъ ихъ можно было сломить гибельное соперничество отдѣльныхъ представителей и группъ нобилитета, и задавить все еще поднимавшіяся попытки демократическихъ протестовъ, протестовъ обездоленнаго италійскаго крестьянства. И та политическая форма, въ которой усматривали соціальнаго антагониста старой аристократіи, т.-е. принципатъ, монархія была созданіемъ этой аристократіи, естественнымъ завершеніемъ общественной іерархіи. И съ самаго начала, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, эта единоличная власть строилась вовсе не изъ римскихъ традицій, консолидировалась не изъ кумуляціи старыхъ властей города-государства, а накрывала собой имперію, какъ совершенно новая, чуждая Риму, сила И уже первый прочный принципатъ— Октавіана Августа, становится понятнымъ, перестаетъ казаться сотканнымъ изъ колебаній, противорѣчій и лицемѣрія, если въ его основѣ узнать мастерски реставрированную, обожествленную, церковно-бюрократическую, эллинистическую монархію, пріемлемую и для никогда не знавшихъ обожествленія Италіи и западныхъ странъ. Ни о какой діархіи, двоевластіи здѣсь не приходится говорить, такъ какъ императоръ и сенатъ, какъ средоточіе землевладѣльческой и служилой знати, есть нѣчто единое и въ политическомъ, и въ соціальномъ смыслѣ. Столкновенія и взрывы вражды внутри этого круга, конечно, могли происходить, отдѣльные носители божественной власти могли устраивать террористическіе разгромы однихъ группъ знатныхъ домовъ съ помощью другихъ. Но это была вовсе не принципіальная борьба старой и новой силы, а послѣдніе взрывы, вспыхивавшіе отголоски стараго соперничества во владѣльческой средѣ. Вѣдь рядомъ съ этими казнями и конфискаціями, императоры создавали новыхъ магнатовъ, а главное, содѣйствовали укрѣпленію крупныхъ владѣльцевъ на ихъ экзимированныхъ вотчинахъ, населенныхъ потомками захваченныхъ ихъ отцами рабовъ, и массой вновь забираемаго въ кабалу опустившагося и поникшаго свободнаго крестьянства.

Дальнѣйшая исторія императорской власти, какъ руководящей силы,

скрѣплявшейся изъ эллинистическихъ образцовъ, и не заключаетъ въ себѣ никакихъ неожиданныхъ перемѣнъ и уклоненій съ разъ принятаго пути. Мы замѣчаемъ лишь естественное развитіе и постепенное напряженіе въ ней главныхъ ея элементовъ, изъ которыхъ она слагалась, и на эллинистическомъ Востокѣ. Увѣреннѣе и смѣлѣе выдвигается божественная сущность ея, выясняется деспотическій ея характеръ, скрѣпляется и налаживается бюрократическая ея опора, въ видѣ заимствованнаго изъ Птолемеевскаго Египта, но усовершенствованнаго административнаго механизма, проступаетъ, наконецъ, все настойчивѣе тяготѣніе къ востоку, къ восточной внѣшности и манерамъ.

Къ IV вѣку, можно сказать, этотъ процессъ развитія императорской власти достигаетъ своего завершенія. Въ лицѣ своихъ носителей, Діоклетіана, а затѣмъ Константина, она окончательно передвигается на востокъ, какъ опредѣлившійся культурно-политическій центръ всемірной державы. Она пропитывается и окутывается уже чисто-восточными тонами и очертаніями, и опирается на новой религіи, выработавшейся изъ взаимодѣйствія и сліянія эллинистическихъ, на христіанствѣ, превращенномъ въ государственную церковь и создавшемъ новое, болѣе тонкое и глубокое теоретическое обоснованіе божественности императорской власти и безграничнаго самодержавія.

Императоръ теперь считается собственникомъ всей имперіи, всѣхъ земель и всего живущаго на нихъ. Онъ абсолютный владыка, dominus—Господь своихъ подданныхъ, и они обязаны безпрекословно повиноваться его повелѣніямъ, въ которыхъ звучитъ слово Божіе. Онъ—воплощеніе Бога живаго (corporalis deus), сынъ Божій, святой и непогрѣшимый. Императору и его изображеніямъ подобало воздавать почести, какъ иконамъ, молиться на нихъ. Всякое слово его, которымъ вѣщаетъ самъ Богъ, есть священный законъ. Нарушитель закона—прежде всего богоотступникъ, неповиновеніе царской волѣ—тяжкій грѣхъ, дерзкое кощунство. Идеологія власти, созданная христіанской церковью, вознесла императора на недосягаемую высоту. Сообразно съ этимъ измѣнялся и весь царскій обиходъ. Дворецъ превращался въ таинственный храмъ, времяпрепровожденіе императора въ сплошную вереницу богослуженій и церковныхъ церемоній, до которыхъ допускались только высшіе сановники и духовенство. Простые смертные рѣдко видѣли своего владыку. Это были торжественные выходы, явленія божества. Облеченный въ свѣтлыя, блистающія ризы, съ сіяющимъ нимбомъ на головѣ, показывался императоръ издали народу, который долженъ былъ колѣнопреклоненно привѣтствовать его славословіемъ. Добиться аудіенціи императора стало очень трудно. Счастливецъ, допущенный до лицезрѣнія священной особы, долженъ былъ еще при входѣ пасть ницъ

и ожидать милостиваго дозволенія приложиться устами къ краю божественной ризы.

Рядомъ съ этой эволюціей императорской власти и въ связи съ ней шелъ и другой процессъ организаціи царскаго, чисто-бюрократическаго управленія, строго выдержанной правительственной системы.

б) Административный строй Имперіи.

И здѣсь, въ качествѣ основной линіи тоже идетъ постепенное приспособленіе къ восточно-эллинистическимъ пріемамъ и порядкамъ. Это было естественно и необходимо. Вступивъ въ обладаніе странами восточнаго Средиземноморья совершенно не подготовленнымъ, безъ всякой правительственной системы, съ политическими формами и органами, разсчитанными на иныя условія, Римъ долженъ былъ принять тѣ болѣе совершенные, давно налаженные порядки, которые онъ нашелъ въ своихъ колоніяхъ. Первоначальный, еще республиканскій опытъ управленія провинціями посредствомъ проконсуловъ, часто мѣнявшихся, какъ бы налетавшихъ изъ Рима намѣстниковъ, скоро оказался вполнѣ неудачнымъ, тѣмъ болѣе, что такая важная отрасль управленія, какъ финансовая, сборъ податей и всякихъ доходовъ, поступавшихъ съ провинцій, поручалась весьма примитивно частнымъ предпринимателямъ, отдавалась на откупъ такъ называемымъ публиканамъ, откупщикамъ, обыкновенно, изъ «всадническаго класса». Поверхность, безсистемность, разбросанность— вотъ основныя черты этого управленія владѣтельнаго города-государства своими средиземноморскими колоніями. Но оно въ то же время было и хищническимъ: платежныя силы провинцій быстро истощались и надвигался кризисъ, угрожавшій, главнымъ образомъ, хозяйничавшимъ тамъ со своими капиталами всадникамъ. Между носительницей политической власти надъ имперіей, сенатской знатью и фактическими хозяевами областей, всадниками, тоже усилилось соперничество. Вражда эта вылилась въ гражданскія войны конца республики. Разорявшееся всадничество въ концѣ-концовъ принуждено было пойти на примиреніе съ нобилитетомъ, могучимъ своимъ крупнымъ землевладѣніемъ. Компромиссъ этотъ выразился въ установленіи принципата, при чемъ приниженное всадничество входило въ эту организацію послушной служебной силой. Принципатъ создавался, какъ надежное средство водворить порядокъ въ властвованіи провинціями, покончить со ставшей опасной и гибельной борьбой внутри правившихъ круговъ. Это средство правительствующая аристократія взяла изъ давнишнихъ укладовъ своихъ восточныхъ провинцій. Соотвѣтственно этому и въ распоряженіи этими колоніями, а постепенно и во всей имперіи вновь органи-

зованное императорское правительство переходитъ къ эллинистическимъ пріемамъ управленія. Самымъ вліятельнымъ образцомъ служила при этомъ административно-финансовая система Птолемеевскаго Египта. Прежде всего отказались отъ стараго откупщичества въ финансовомъ управленіи, которое поручается бюрократическимъ органамъ, чиновникамъ, ряды которыхъ заполняются присмирѣвшимъ всадничествомъ. Эти чиновники-прокураторы сначала появляются въ тѣхъ провинціяхъ, которыя выдѣлены были въ вѣдѣніе принцепса. Позднѣе, съ исчезновеніемъ различія между императорскими и сенатскими провинціями, такіе же, подчиненные контролю изъ центра, управители размѣщаются повсюду, замѣняя собой старыхъ магистратовъ-намѣстниковъ. Старинный Римъ не зналъ раздѣленія военной и гражданской власти. Императорскіе агенты въ областяхъ со своими помощниками, т. наз., легаты, становятся опредѣленно гражданскими чиновниками, проходящими свою особенную служебную карьеру, подобно тому, какъ это было устроено въ царствѣ Птолемеевъ. А военное командованіе выдѣлялось въ особую область.

Къ концу III вѣка эта административная система достигаетъ своего завершенія въ организаціи, такъ называемыхъ, префектуръ. Она стояла въ связи съ попыткой реорганизаціи самой верховной императорской власти, исходившей изъ сознанія нецѣльности средиземноморской державы. Долговременная и упорная извѣстная «смута», тянувшаяся весь III вѣкъ, обнаружившая стремленіе провинціальныхъ міровъ обособиться, выдѣлиться изъ имперіи, убѣждала въ необходимости мультипликаціи императорской власти. Императоръ Діоклетіанъ и рѣшается впервые оффиціально признать, прежде всего, фактически существовавшую діархію Востока и Запада имперіи, а затѣмъ въ этихъ половинахъ выдѣляетъ еще по одному крупному комплексу провинцій, устанавливая, такимъ образомъ, тетрархію—четевластіе двухъ августовъ и двухъ цезарей. При каждомъ изъ четырехъ государей, долженствовавшихъ править «несліянно и нераздѣльно», стоялъ по-старому, какъ ближайшій помощникъ, такъ называемый, префектъ преторія. Это былъ первоначально командиръ императорской гвардіи, преторіанскихъ когортъ, постепенно превратившійся въ своего рода имперскаго канцлера.

Отъ четевластія, какъ его придумалъ Діоклетіанъ, очень скоро пришлось отказаться, но дѣленіе имперіи на четыре префектуры осталось. Это были: Востокъ, Иллирія, Италія и Галлія. Во главѣ каждой стоялъ префектъ, какъ полновластный гражданскій губернаторъ. Командованіе военными силами передавалось особымъ комитамъ—магистрамъ кавалеріи и пѣхоты. Параллельно со сложеніемъ четырехъ префектуръ прошло дѣленіе областей имперіи на 13 округовъ, діойкесъ, во главѣ которыхъ стояли особые чиновники-викаріи, какъ бы

замѣстители префектовъ. Но они не были подчинены прямо префектамъ соотвѣтствующей префектуры, а стояли какъ бы сбоку, наблюдая сами за префектомъ и являясь сдерживающимъ элементомъ. Въ составъ діойкесъ входило по нѣскольку прежнихъ провинцій, управленіе которыхъ осталось въ лицѣ президовъ и дуковъ, гражданскихъ и военныхъ начальниковъ, однако, непосредственно подчиненныхъ викаріямъ и префектамъ.

Такъ какъ на ряду съ этимъ сложеніемъ областной императорской администраціи создавалось и новое центральное управленіе, повторявшее порядки старыхъ восточныхъ царствъ, то можно сказать, что къ IV в. Римская имперія, какъ государство, съ этой стройной, централизованной, іерархизированной и бюрократизированной системой, выстроилась въ видѣ очень расширенной эллинистической державы, въ которой нигдѣ и ни въ чемъ нельзя усмотрѣть продолженія или развитія старинныхъ римско-италійскихъ началъ и традицій.

Уже на первыхъ порахъ вышедшій изъ сенатскихъ круговъ принципатъ, въ лицѣ Октавіана Августа, создаетъ при себѣ особый тайный совѣтъ—consilium—изъ 15 сенаторовъ по жребію, консула даннаго года и близкихъ къ государю лицъ. При Гадріанѣ этотъ совѣтъ реорганизуется по образцу птолемеевскаго синедріона. А въ IV вѣкѣ Константинъ превратилъ его въ настоящій оффиціальный органъ, консисторій, участіе въ которомъ стало государственной должностью. Это было нѣчто въ родѣ современныхъ совѣтовъ министровъ, потому что члены консисторія были поставлены во главѣ отдѣльныхъ, обособившихся вѣдомствъ. Характерной особенностью этихъ вѣдомствъ и должностей было то, что они накрывали собой части не государственной жизни, а скорѣе отдѣлы дворцоваго обихода и императорскаго хозяйства. Первый изъ этихъ сановниковъ, своего рода премьеръ-министръ, носилъ названіе comes et quaestor sacri palatii, и ему была поручена выработка законопроектовъ и указовъ отъ имени императора. Второй министръ назывался magister officiorum. Это начальникъ дворца и всѣхъ состоящихъ при немъ присутственныхъ мѣстъ. Подъ его командой находилась личная охрана государя, 7 конныхъ полковъ, такъ называемыя scholae, и особый отрядъ знатныхъ кандидатовъ, гвардейцевъ въ бѣлыхъ мундирахъ. Посредствомъ цѣлаго штата своихъ агентовъ (agentes in rebus), онъ наблюдалъ за правильнымъ ходомъ всей провинціальной администраціи. Наконецъ, стоя во главѣ особой канцеляріи пріемовъ, этотъ сановникъ велъ международныя сношенія, пріемы посольствъ и дипломатическую переписку. Третій сановникъ, praepositus sacri cubiculi, обыкновенно евнухъ, со штатами своихъ помощниковъ завѣдывалъ царскими покоями и обиходомъ. Далѣе шли comes sacra-

rum largitionum, министръ священныхъ щедротъ, стоявшій во главѣ финансовъ, т.-е. императорской казны, фиска, уже давно слившагося съ старой общинной римской кассой—эраріемъ,—и comes rerum privatarum, управляющій огромными императорскими вотчинами и имуществами, стянутыми въ обладаніе императора путемъ конфискаціи и наслѣдованія (patrimonium).

Ниже распредѣлены были цѣлыя вереницы канцелярій, конторъ, правленій, архивовъ,—officia, scrinia,—съ необозримыми штатами служащихъ, разставленныхъ въ стройномъ іерархическомъ порядкѣ, съ восточной доточностью размѣщенныхъ по табели о рангахъ, отъ ничтожнаго разсыльнаго при какой-нибудь канцеляріи, до свѣтлѣйшихъ, превосходительныхъ и сіятельныхъ, какъ можно перевести восточно-пышныя названія высшихъ ранговъ: clarissimi, respectabiles, illustres, чуждыя старому Риму.

Такой абсолютной монархіей, руководящей жизнью подвластныхъ странъ и народовъ посредствомъ централизованной бюрократіи, организовался Римъ, какъ новая всемірная держава, объединявшая берега Средиземнаго моря. Въ своей объединительной попыткѣ Римъ, однако, не могъ избѣжать той основной задачи, которая стояла и передъ его предшественникомъ—эллинизмомъ Она состояла въ томъ, какъ совмѣстить укладъ городовъ-государствъ, которымъ жили европейскія части имперіи, съ укладомъ монархіи, вросшемъ глубоко въ природу восточныхъ и южныхъ береговъ Средиземнаго моря. Эллинистическое объединеніе не сумѣло и не успѣло выработать общаго единаго рѣшенія этой задачи. Въ различныхъ эллинистическихъ мірахъ различно относились къ ней. Въ Египетскомъ царствѣ городъ, какъ политическое цѣлое, совсѣмъ не принимался въ разсчетъ. Въ Селевкидской Сиріи была сдѣлана попытка построить крупное государство на почвѣ самоуправляющихся городскихъ округовъ. Въ Пергамскомъ царствѣ, напротивъ, главный городъ объединялъ около себя государство. Греція и въ эллинистическую пору продолжала быть міромъ слабо сцѣпленныхъ подъ одной гегемоніей полисовъ.

Римская имперія вновь сталкивалась съ этимъ недорѣшеннымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что помимо сирійскихъ и греческихъ политій, вошедшихъ въ ея составъ, она въ своей основной, объединяющей странѣ—Италіи—была міромъ городовъ-государствъ, сохранившихъ свое самоуправленіе съ куріями, комиціями и магистратами. Сначала Римъ примкнулъ къ сирійской системѣ, образуя изъ городовъ-государствъ самоуправляющіяся, административно-податныя единицы, съ различными, однако, степенями автономіи. При этомъ онъ не только не пытался романизировать или итализировать принятыя на востокѣ политіи, по-

скольку формы италійскихъ муниципіевъ были менѣе совершенны, но, напротивъ, при распространеніи муниципальнаго строя въ западныхъ провинціяхъ, въ Испаніи, Галліи, римскіе политическіе дѣятели исходятъ, очевидно, изъ сирійскихъ образцовъ. Передъ Юліемъ Цезаремъ явно носился планъ превратить всю имперію въ огромный комплексъ самоуправляющихся городскихъ общинъ (civitates), стянутыхъ въ одно цѣлое, абсолютной монархіей и ея органами. Если бы этотъ планъ удался, Римская имперія предстала бы расширеннымъ возстановленіемъ Селевкидскаго царства.

Болѣе близкое знакомство римскихъ правящихъ круговъ съ порядками Птолемеевскаго Египта, вскорѣ послѣ паденія Цезаря, заставило бы принять иное направленіе. При Августѣ сдѣланъ былъ опытъ реорганизаціи западныхъ провинцій по-египетски. Но опытъ не былъ удачнымъ, и въ I—II вѣкѣ, съ неодинаковой отчетливостью, правда, всѣ провинціи разсматривались, какъ совокупность городскихъ общинъ, civitates, т.-е. самоуправляющихся округовъ съ городскими центрами. Между городской и сельской территоріей не было противоположности. Горожане и сельчане были одинаково членами общины, но для принадлежности къ полноправному гражданству нужно было обладать недвижимой собственностью въ границахъ общины. Носителями и дѣятелями общественной жизни были только собственники—поссесоры. Изъ ихъ среды избирались ежегодно смѣнявшіеся магистраты—дуовиры, эдилы, квесторы, изъ нихъ составлялся и общинный сенатъ—курія. Такимъ образомъ, мѣстное самоуправленіе въ Римской имперіи строилось явно аристократически, что подсказываетъ намѣренія правящихъ круговъ: императоры преслѣдовали здѣсь исключительно фискальныя цѣли и удобства. По эллинистической традиціи—они допускали автономность мелкихъ міровъ постольку, поскольку она обезпечивала правильное поступленіе доходовъ и исправное несеніе повинностей. Но надъ міромъ самоуправляющихся общинъ стояло управленіе провинцій, бюрократическая покрышка, которая висѣла, какъ безсмѣнное memento mori для автономіи civitates. Императорское правительство очень рано, еще во II вѣкѣ, начинаетъ усиливать бюрократическое вмѣшательство во внутреннюю жизнь городскихъ общинъ, напрягать надзоръ за веденіемъ городского хозяйства, такъ какъ не всѣ общины одинаково успѣшно справлялись съ нимъ. Не останавливаясь на подобномъ изложеніи постепеннаго превращенія муниципальныхъ міровъ въ фискальные органы, укажу прямо на завершеніе этого процесса, указы импер. Константина 325 и 326 гг., которыми члены общинныхъ курій, куріалы, прикрѣплялись къ нимъ, превращались въ наслѣдственно несущихъ бремя муниципальныхъ повинностей и отвѣтственныхъ передъ казной

тяглыхъ людей. Однимъ словомъ, и здѣсь восторжествовала система бюрократико-деспотическаго управленія, египетскіе образцы взяли верхъ надъ сирійско-эллинскими.

Представленный мною обзоръ организаціи правительственной власти и устройства администраціи въ Римской имперіи позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Государственность, государственная система великаго объединенія странъ основана была на старой восточной бюрократико-монархической базѣ, которая уже оказалась непрочной и негодной для долговременнаго культурнаго прогресса. Римляне не сумѣли внести сюда новыхъ оживотворяющихъ элементовъ, а эта недостаточность творческихъ силъ Рима и Италіи предрѣшала и ненадежность имперіи. И великое политическое объединеніе, которое, казалось, обезпечивало просторъ общественной самодѣятельности и должно было создать хозяйственный и культурный подъемъ странъ и народовъ, соединенныхъ для совмѣстнаго труда подъ охраной права, выливалось въ узкую и гнетущую организацію деспотизма, превращалось въ огромный, единый ойкосъ, оторвавшійся отъ общества, отъ населенія, но извнѣ надавившій на него, строившійся на подневольной, крѣпостной работѣ всѣхъ классовъ и группъ этого общества.

Но что особенно характерно для устроенія Римской имперіи, какъ государства, это сліяніе государственнаго дѣла съ государевымъ, признаніе государя полнымъ господиномъ и хозяиномъ всего огромнаго объединенія странъ и людей. Это—восточная точка зрѣнія, которая издревле господствуя на неевропейскихъ берегахъ Средиземнаго моря, захлестнула сначала греческія народныя политіи, а потомъ и римское республиканство. Позднѣе такой концепціи власти подчинились и новыя германскія общества. И невольно напрашивается мысль объ аналогичности присоединенія къ старому складу жизни, сначала римско-италійскаго запада, а потомъ германскаго завоевательнаго передвиженія. Хочется представить себѣ и римлянъ, создающихъ свою имперію по берегамъ Средиземнаго моря, своего рода варварами по сравненію съ внѣшнеподчиняемыми древне-культурными восточными странами. И если это пріемлемо, то проростаніе феодализирующихъ процессовъ еще въ глубинѣ Римской имперіи становится естественной реакціей, необходимымъ рецидивомъ одичанія.

Не буду, однако, забѣгать впередъ. Намъ еще предстоитъ раньше ознакомиться съ эволюціей соціальнаго и хозяйственнаго строя римской имперіи, какъ она проходила въ тѣсной связи съ политическимъ развитіемъ ея.

II. Соціальная эволюція Римской Имперіи.

а) Сенаторская аристократія и крупное землевладѣніе.

Предшествующее разсмотрѣніе способовъ и средствъ политическаго объединенія Римской имперіи въ достаточной степени должно было убѣдить насъ въ сложности этническаго и культурнаго состава этого огромнаго комплекса. Поэтому, едва ли возможнымъ оказывается говорить объ обществѣ Римской имперіи, какъ о чемъ-то цѣльномъ и единообразномъ на всемъ протяженіи береговъ Средиземнаго моря. Мы имѣемъ дѣло со спаяннымъ въ одну державу цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ, давно опредѣлившихся соціальныхъ укладовъ, при чемъ рѣчь идетъ не только о различіи Востока и Запада, но и сами эти—Востокъ и Западъ—далеко не едины, а представляются тоже въ рядѣ разнствующихъ аспектовъ. Между этими складами, несомнѣнно, шло взаимопроникновеніе, необходимое при сосуществованіи ихъ въ одной государственности. Въ области политическаго устроенія, администраціи, государственнаго хозяйства, а главное—права, оно явно выражалось въ насыщеніи римскихъ нормъ эллино-восточными элементами. Въ той области, которая стоитъ передъ нашимъ изученіемъ, въ соціальной эволюціи, вошли въ нее и продолжали жить со своими особенностями, прочительно труднѣе. И вообще выясненіе соціальной структуры имперіи и соціальныхъ отношеній возможно лишь при одномъ условіи: если мы будемъ имѣть дѣло не съ горизонтальными общественными пластами на протяженіи всей имперіи, а съ вертикальными разрѣзами ея на нѣсколько обществъ, какъ они, сложенныя задолго до образованія имперіи, вошли въ нее и продолжали жить со своими особенностями, проходя каждое свою эволюцію, несмотря на уравнительную и нивеллирующую политику государства.

Правда, напрягавшаяся государственность въ концѣ-концовъ въ IV—V в. одержала верхъ надъ обществомъ. Все болѣе развивавшіяся

требованія казны, вмѣстѣ съ ростомъ бюрократическаго самодержавія заставляли государство превращать свободныя общественныя организаціи въ мертвыя, механически двигавшіяся колеса правительственной машины. Система принужденія и закрѣпощенія, принятая государствомъ по отношенію къ обществу, какъ рабочему населенію одного громаднаго ойкоса, привела къ образованію имперскихъ сословій. Въ IV—V вв. возможно говорить о сенаторахъ, куріалахъ, военныхъ, ремесленникахъ и купцахъ, крестьянахъ, какъ общихъ для всѣхъ областей имперіи, неподвижныхъ, рѣзко обособленныхъ, наслѣдственныхъ группахъ, обреченныхъ на подневольное служеніе государству. Но это расчлененіе было принудительнымъ и чисто-внѣшнимъ. Массы населенія и отвѣтили на него стихійной ненавистью къ государству, только порабощавшему и задерживавшему хозяйственное развитіе. Имперія IV—V вв. представляетъ собой картину великаго соціальнаго и экономическаго кризиса— съ уменьшеніемъ населенія, пренебреженіемъ къ обязанностямъ, обманами, укрывательствомъ, бѣгствомъ и образованіемъ наперекоръ государству болѣе узкихъ соціально-политическихъ соединеній.

И если возможно выдѣлить въ сложномъ соціальномъ составѣ Римской имперіи цѣльную общественную группу, игравшую обще-имперскую роль, то это—развѣ только земельную знать, тѣ нѣсколько сотъ могущественныхъ домовъ, которые раньше дѣлили между собою экономическую эксплоатацію и политическое господство надъ объединенными берегами Средиземнаго моря, а потомъ реорганизовали это свое обладаніе міромъ въ формѣ принципата. При первомъ же принцепсѣ, Августѣ заложенъ былъ фундаментъ будущаго привилегированнаго положенія этой сенаторской аристократіи. Съ одной стороны, она была замкнута высокимъ имущественнымъ цензомъ, съ другой — право занятія высшихъ имперскихъ должностей признано только за потомственными сенаторами. Но это прохожденіе по лѣстницѣ старинныхъ магистратуръ, превратившихся въ имперіи въ почетные титулы (квестура, эдилитетъ, претура, консулатъ), было необходимо для каждаго аристократа, желавшаго занять мѣсто въ почетнѣйшей корпораціи—въ сенатѣ. Императорская власть оберегала чистоту ея состава. Но все-таки къ этой знати пришлось пріобщить сначала высшій слой стараго всадничества, такъ наз. illustres, которые заняли всѣ выдающіяся должности новаго режима. Позднѣе, въ корпорацію сенаторовъ проникаютъ и прочіе слои всаднической буржуазіи. Въ то же время открыта была возможность стать сенаторомъ и путемъ выслуги. Успѣшное прохожденіе муниципальныхъ должностей открывало двери въ сенатъ, правда, только до тѣхъ поръ, пока правительство, обезпокоенное обезлюдѣніемъ курій, не запретило этого выхода изъ нихъ.

Итакъ, сенаторское сословіе состояло изъ лицъ, состоявшихъ членами римскаго сената, какъ высшаго государственнаго совѣта Но по мѣрѣ того, какъ росъ абсолютизмъ императорской власти, и императоры охотнѣе переносятъ функціи совѣщательнаго органа на созданный ими особый императорскій совѣтъ—consistorium, сенату остается все менѣе дѣла: онъ почти и не собирается въ полномъ составѣ, и члены сената въ большинствѣ случаевъ и не живутъ въ столицѣ, а остаются въ своихъ крупныхъ имѣніяхъ, являясь здѣсь, въ провинціяхъ, большими вельможами. Императоры не боролись съ этимъ абсентеизмомъ, даже напротивъ, содѣйствовали ему, дозволивъ закономъ Ѳеодосія II (443 г.), двумъ низшимъ разрядамъ сенаторовъ: clarissimi и respectabiles, вѣчно жить въ своихъ имѣніяхъ и не являться на засѣданія сената, который включалъ теперь однихъ лишь illustres—высшій разрядъ (изъ виднѣйшихъ сановниковъ). Такимъ образомъ, получалось, что сенаторское сословіе—это одно, а дѣйствительное участіе въ сенатѣ—это другое. Сенаторское сословіе, это—слой крупнѣйшихъ земельныхъ магнатовъ въ имперіи, пополнившійся самыми могущественными и богатыми элементами муниципальной знати и вобравшій въ себя и остатки старой всадничѐской знати, которая къ IV в. растворяется и исчезаетъ, какъ особое сословіе. Сосредоточивая постепенно въ своихъ рукахъ и огромныя земельныя богатства, и денежные капиталы, сенаторы въ то же время занимали и всѣ высшія должности въ имперскомъ управленіи. Такимъ образомъ, между административнымъ составомъ имперіи и ея высшимъ классомъ протянулась тѣсная и прочная связь. И несмотря на ростъ абсолютизма императорской власти, сенаторское сословіе не только не принижалось и не утрачивало своего соціальнаго могущества, но, наоборотъ, пріобрѣтало и политическое вліяніе въ государствѣ. Сенаторъ, магнатъ, большой баринъ (vir potens) становится болѣе замѣтной фигурой въ Римской имперіи въ IV—V в. Свидѣтельства Амміана Маркеллина объ ихъ patrimonia, sparsa per orbem, св. Кипріана, Арнобія о помѣстьяхъ, включающихъ въ себя цѣлыя провинціи, Сидонія Аполлинарія и мн. др. не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что уже въ IV в. земельный фондъ римской монархіи въ значительной степени передвинулся въ руки сенаторской знати. Это крупное землевладѣніе, начавшееся складываться еще давно, въ глубинѣ республики, и было главной основой всемогущества и привилегированнаго положенія сенаторскаго сословія, превращающагося постепенно въ своего рода правящую и господствующую группу имперскихъ князей.

Съ особенностями этого типа крупнаго землевладѣнія мы и должны теперь ознакомиться. Это—огромныя вотчины, принадлежавшія только

самому императору или представителямъ сенаторскаго сословія, имѣнія, занимающія собой часто значительную часть провинціи и въ то же время не входящія въ городскіе округа, въ civitates, изъ которыхъ и составлялись провинціи. Они изъяты изъ общаго управленія имперіи. Такія экзимированныя вотчины носили названіе saltus. Ихъ нужно отличать отъ латифундій, тоже крупныхъ земельныхъ комплексовъ (главнымъ образомъ въ Италіи), входившихъ, однако, въ составъ того или другого муниципальнаго міра. Автономность сальтусовъ вытекала, въ значительной степени, изъ обще-имперскаго положенія ихъ владѣльцевъ. Это или глава имперіи, или лица, не могущіе входить въ составъ муниципальной куріи, поскольку они входятъ въ составъ обще-имперской куріи—сената.

Автономность сальтусовъ выражалась и въ законодательномъ отношеніи: внутренняя жизнь каждаго такого имѣнія регулировалась своими уставами, особыми leges saltus; и въ хозяйственномъ отношеніи, въ самостоятельности организаціи труда, правѣ устраивать рынки; и въ фискальномъ отношеніи, въ свободѣ отъ муниципальныхъ поборовъ и повинностей (но не отъ государственной поземельной подати—tributum); и въ судебно-административномъ отношеніи, въ предоставленіи владѣльцамъ, а на имперскихъ доменахъ управляющимъ, особой юрисдикціи, правѣ держать свою военную команду, налагать штрафы и позднѣе имѣть свои частныя тюрьмы. Развитіе этихъ правъ приводило къ тому, что и свободное рабочее населеніе сальтусовъ все опредѣленнѣе разсматривалось, какъ подданное господину.

Въ ранней имперіи большинство такихъ экзимированныхъ имѣній сосредоточивается въ обладаніи принцепсовъ. Цѣлое египетское царство получилъ еще Августъ, какъ одинъ колоссальный сальтусъ, организуя обладаніе имъ по образцамъ своихъ предшественниковъ, Птолемеевъ, посредствомъ своихъ прокураторовъ, преемниковъ птолемеевскихъ эпимелетовъ, и эпитроповъ. Дальнѣйшій ростъ императорскаго патримонія шелъ двумя путями: наслѣдованія и конфискаціи. При патрональномъ характерѣ отношеній, какой сталъ складываться въ Римѣ еще въ концѣ республики, установился обычай завѣщать свое имущество какой-либо важной особѣ, чтобы показать этимъ близость къ этому лицу. Въ имперіи стало почти правиломъ завѣщать значительныя части наслѣдствъ въ пользу императора, какъ друга-покровителя. И эти отчисленія стали крупнымъ регулярнымъ доходомъ принцепсовъ, изъ которыхъ одни смотрѣли на это, какъ на добровольный даръ, другіе—какъ на обязательную дань. Со времени Тиберія появляются даже особые чиновники—procuratores hereditatium.

На ряду съ этимъ, императоры стягивали земли и посредствомъ

конфискаціи. Извѣстенъ и сталъ общимъ мѣстомъ яркій примѣръ ея, переданный Плиніемъ, какъ Неронъ конфисковалъ владѣнія шестерыхъ магнатовъ, которыя и составляли цѣлую провинцію—Африку. Такіе разгромы крупныхъ вотчинъ со стороны императоровъ понятны помимо фантастичныхъ указаній на анти-аристократическія тенденціи принципата. Скоплявшіяся въ собственности императоровъ земельныя массы первоначально разбивались на двѣ категоріи: патримонія и фиска, т.-е. частной собственности его и государственной собственности, только находившейся въ управленіи, подобно тому, какъ въ Птолемеевскомъ Египтѣ различались, царская земля и земля царя, какъ частнаго собственника. Но такъ какъ система экономической эксплоатаціи патримонія и фиска была одна и та же, то эти фонды переставали различаться съ теченіемъ времени, и императоры одинаково распоряжались и государственными и государевыми и дворцовыми домэнами, устраивая ихъ, какъ saltus, т.-е. автономныя, экзимированныя помѣстья.

На ряду съ этимъ процессомъ собиранія въ императорскихъ рукахъ значительныхъ территорій во всѣхъ частяхъ имперіи, становится замѣтнымъ постепенно и обратный процессъ—раздачъ и пожалованій земель фиска и патримонія представителямъ сенаторской знати, какъ ближайшей соціальной опоры императорской власти. Начиная съ III в. усиливается и предоставленіе сенаторамъ императорскихъ земель крупными массами въ наслѣдственную аренду, и жалованіе ихъ высшимъ сановникамъ. Извѣстно, что императоръ Константинъ, основавъ новую столицу, перетянулъ на востокъ сенаторовъ, щедро надѣляя ихъ своими вотчинами въ Понтѣ и Малой Азіи. Во время варварскихъ нашествій римскіе сенаторы спасались на востокъ, гдѣ императоры предоставляли имъ свои земли, обыкновенно, огромными пространствами, такъ какъ земледѣліе здѣсь въ Азіи было слабо развито. Такимъ образомъ, именно въ восточныхъ областяхъ къ V вѣку образовались и самыя многочисленныя, и самыя крупныя владѣнія магнатовъ-сенаторовъ, сохранявшія тѣ же порядки, ту же автономность и удѣленность, какія характеризовали ихъ, когда они были императорскими.

А дальше само же правительство, государство, въ извѣстное время, когда ему все труднѣе становилось справляться со всѣми подробностями управленія мѣстной жизни, нашло въ крупномъ экзимированномъ, т.-е. независимомъ отъ мѣстнаго муниципальнаго управленія, землевладѣльцѣ, какъ бы готовый общественный органъ, которымъ оно могло воспользоваться въ своихъ административныхъ цѣляхъ. На него и возлагаются права и обязанности фискальнаго агента и полицейской власти. Автономный въ хозяйственномъ отношеніи магнатъ, надѣленный и атрибутами административной власти надъ населеніемъ своихъ

земель, превращался въ значительную политическую силу, которой не трудно было все болѣе эмансипироваться отъ воздѣйствія центральной власти. Эти potentes постепенно присваиваютъ себѣ все новыя государственныя функціи: они фактически освобождаются отъ податей и облагаютъ подвластное населеніе своихъ имѣній оброками и барщинами. Для обороны отъ внѣшнихъ враговъ они организуютъ цѣлыя частныя арміи (такъ наз. ойкій), изъ рабовъ, кліентовъ и наемныхъ варваровъ. Исходя изъ даннаго имъ права представлять на судъ живущихъ у нихъ людей, они все рѣшительнѣе захватываютъ и право суда надъ ними, и въ помѣстьяхъ воздвигаютъ свои тюрьмы, carceres privati. Крупные господа чувствуютъ себя и распоряжаются въ V вѣкѣ, какъ настоящіе державцы, независимые отъ императорскаго правительства.

«Напряженіе самодержавія и деспотизма императорской власти въ центрѣ сопровождалось ослабленіемъ ея вліятельности на периферіи имперіи». Общественная безопасность переставала находить оффиціальныхъ охранителей. Umbra potentium являлась естественнымъ надежнымъ убѣжищемъ для всѣхъ: и для куріала, обезсиленнаго гнетомъ муниципальныхъ повинностей, и для забитаго свободнаго поселянина, и для ищущихъ могучаго покровителя въ судѣ, и для бѣгущихъ отъ платежа государственныхъ налоговъ. На этой почвѣ и развивается своеобразный институтъ патроната, patrocinium, весьма опредѣленно изображаемый законодательными и литературными памятниками распадающейся имперіи. Это такое отношеніе, которое влечетъ за собой переходъ ищущаго покровительства подъ власть патрона и передачу его земли въ собственность послѣдняго. Становясь только какъ бы держателемъ прежде принадлежавшей ему земли, такой человѣкъ превращался въ кліента магната, въ его подданнаго. Подъ частную власть сильныхъ людей переходили и цѣлыя общины, даже города. Имперія близилась къ разложенію на рядъ своего рода владѣтельныхъ княжествъ, все неуклоннѣе отрывавшихся отъ государственнаго центра. Эти, несомнѣнно, феодализирующіе процессы въ V вѣкѣ съ одинаковой силой дѣйствовали и въ западной, и въ восточной областяхъ имперіи.

Такова та важная роль, которую въ соціальной эволюціи имперіи сыграла ненормально развивавшаяся и превратившаяся въ анти-государственную силу земельная аристократія имперскихъ сенаторовъ, когда-то выступавшая создателемъ и организаторомъ самаго этого великаго государства. Формулируя этотъ выводъ, я снова считаю необходимымъ подчеркнуть, что и здѣсь, въ устроеніи имперской знати, мы замѣчаемъ наслѣдіе эллинистическаго Востока. Имперія не только бюрократизировалась, но и аристократизировалась по египетскимъ образцамъ.

Обожествленный, безграничный деспотъ—монархъ наверху, онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ и самый крупный землевладѣлецъ, автономный на своихъ владѣніяхъ. Его соціальная и политическая опора—землевладѣльческо-служилая знать, какъ единственный классъ, пользующійся въ государствѣ какими-либо правами, но фактически захватывающій въ свои руки княжескую самостоятельность. А дальше различныя категоріи безправной массы... Вотъ основы соціальнаго строя Птолемеевскаго царства и Римской имперіи IV—V вв.

б. Колонатъ и крѣпостное право въ имперіи.

Еще недавно колонатъ съ его характерными чертами крѣпостной зависимости считали соціальнымъ состояніемъ, одинаково, одновременно и повсемѣстно организующимся въ Римской имперіи. Крѣпостное земледѣльческое населеніе, повинное платежами и работой владѣльцамъ земли и лишенное права перехода, представлялось общимъ для всей имперіи общественнымъ классомъ, въ IV вѣкѣ смѣнившимъ прежнее свободное крестьянское землевладѣніе и свободную аренду. И изслѣдованіе сосредоточивалось исключительно на вопросѣ о «причинахъ» этой рѣзкой и быстро надвигающейся соціальной метаморфозы, на вопросѣ о происхожденіи крѣпостной зависимости къ IV вѣку—ранѣе свободнаго крестьянства имперіи, связывая его съ другимъ, болѣе широкимъ вопросомъ—объ «упадкѣ» римской державы. Въ образованіи колоната и видѣли одно изъ выраженій общаго соціально-культурнаго упадка, или одинъ изъ наиболѣе яркихъ его симптомовъ. Поскольку имперію считали римской, въ смыслѣ ея основъ и укладовъ, упадокъ ея отожествляли съ ростомъ варваризаціи ея, наплыва чуждыхъ Риму элементовъ и теченій. Появленіе колоната, превращеніе массы свободныхъ гражданъ въ полурабовъ частныхъ лицъ, которое регулируется цѣлымъ рядомъ законовъ и постановленій императоровъ IV—V в., начиная съ указа Константина, казалось, прежде всего, крупной реформой правительства, стремившагося въ ней найти выходъ изъ затруднительнаго положенія путемъ насилія надъ значительною частью подвластнаго гражданства.

Это узаконеніе Константина Великаго отъ 332 г., которымъ и начинается законодательная исторія колоната, опредѣляло: «Тотъ, у кого будетъ найденъ принадлежащій другому колонъ, не только долженъ вернуть его туда, откуда онъ родомъ, но и долженъ заплатить подать, причитающуюся съ него за все время, какое у него колонъ находился...

А самихъ колоновъ, которые вздумаютъ бѣжать, надлежитъ заковывать въ кандалы, какъ рабовъ, чтобы въ наказаніе заставить ихъ рабскимъ способомъ исполнять обязанности, приличествующія свободнымъ людямъ». Текстъ конституціи ясенъ и не оставляетъ сомнѣній, что передъ нами настоящее прикрѣпленіе колона къ землѣ извѣстнаго имѣнія. Если раньше колона могли удерживать на снятой и занятой землѣ дольше договорнаго срока: или фактическая невозможность разсчитаться съ помѣщикомъ, или какія-нибудь соображенія личной выгоды, то теперь онъ лишается права покинуть ее когда бы то ни было: его уходъ уже считается побѣгомъ, т.-е. преступленіемъ. Его не только штрафуютъ, но карають. Законъ какъ бы создаетъ новое общественное состояніе, не только зависимое отъ владѣльца земли экономически (въ силу арендн. договора), но и подчиненное власти этого землевладѣльца. Сдѣлавъ этотъ крупный шагъ, законодательство пошло и дальше въ томъ же направленіи Конституція Валентиніана I отъ 371 г. разсуждаетъ: «Мы не думаемъ, чтобы колоны могли свободно уходить изъ села, къ которому ихъ, какъ извѣстно, привязываетъ происхожденіе и родство. Если они перейдутъ, ихъ слѣдуетъ вернуть и подвергнуть наказанію, но долженъ быть оштрафованъ и тотъ, кто принялъ къ себѣ чужого колона...»

Постановленіе Ѳеодосія отъ 386 г. считаетъ уже стариннымъ, исконнымъ законъ о повсемѣстномъ, во всѣхъ провинціяхъ, закрѣпощеніи колоновъ вѣчными узами права, такъ что никто изъ нихъ не можетъ по своей волѣ покинуть землю, какъ это можетъ сдѣлать свободный. Если же кто переманитъ или скроетъ у себя чужого колона, обязанъ заплатить 6 унцій золота—если колонъ частный, и 1 фунтъ—если онъ императорскій.

Законъ Анастасія отъ V в., какъ бы завѣнчиваетъ этотъ законодательный процессъ: «Всякій свободный гражданинъ, въ теченіе 30 лѣтъ сидѣвшій въ качествѣ арендатора на данномъ участкѣ, по истеченіи этого срока, оставаясь лично свободнымъ и сохраняя право распоряженія своимъ имуществомъ, навсегда прикрѣпляется къ землѣ и обязуется платить оброкъ собственнику ея».

Этимъ законодательствомъ, какъ думали раньше, прежній мелкій арендаторъ-земледѣлецъ, колонъ и превращается въ «раба земли» (servus terrae), въ неотъемлемую часть имѣнія, но ясно, что государство руководствовалось при этомъ своими фискальными интересами: оно въ такихъ формахъ прикрѣпляло колона къ своему государственному тяглу. Наслѣдственно служа и работая на помѣщика, колонъ въ сущности служилъ государству, добывая своимъ подневольнымъ трудомъ средства, необходимыя государству для содержанія все рос-

шихъ армій, несмѣтной полиціи, необъятныхъ штатовъ чиновниковъ, пышнаго двора.

Такимъ образомъ, государство въ своихъ интересахъ произвело эту крупную соціальную реформу. Но... все-таки самый источникъ этого насильственнаго закрѣпощенія изслѣдователи старались найти гдѣ-либо внѣ сферы дѣйствія римскаго права, т.-е. стремились доказать, что государственная мѣра насильственно распространяла здѣсь не-римскія отношенія на римскихъ гражданъ. Еще въ 40-хъ гг. Цумптъ, а за нимъ Савиньи и, наконецъ, Моммсенъ считали такимъ источникомъ условія поселенія плѣнныхъ германцевъ (летовъ) на территоріи имперіи, условія, потомъ насильственно распространенныя правительствомъ и на всю имперію Но оказывалось: 1) что поселенія варваровъ имѣли мѣсто лишь въ сѣверныхъ областяхъ имперіи, а 2) начинаются они въ крупныхъ масштабахъ лишь съ Марка Аврелія, тогда какъ на сальтусахъ сидятъ уже готовые колоны еще съ начала II вѣка. Другіе изслѣдователи, какъ, напр., Рудорфъ, находили, что крѣпостныя колонатныя отношенія выработаны были давно въ восточныхъ областяхъ, напр., въ Птолемеевскомъ Египтѣ, откуда они потомъ и были надвинуты императорами на всѣ подвластныя земли. Но положеніе Египта въ Римской имперіи было совершенно исключительнымъ, такъ что нѣтъ возможности дѣлать отъ него абстракцію для другихъ провинцій. Своеобразную теорію происхожденія колоната «снизу» создалъ экономистъ Родбертусъ. На основаніи источниковъ II и III вв. и позднѣйшаго императорскаго законодательства, онъ доказываетъ, что владѣльцы италійскихъ латифундій, чтобы удовлетворять все росшему спросу на сельскіе продукты изъ столицы, должны были переходить отъ рабской, мало продуктивной, культуры къ свободной, т.-е. переводить постепенно различныя категоріи рабовъ въ состояніе почти самостоятельныхъ арендаторовъ. Но въ основѣ этого построенія лежитъ ложная идея, что въ древности существовалъ только рабскій трудъ при полномъ отсутствіи свободнаго. Эту ошибку Родбертуса и обнаружилъ въ свое время Гейстербергкъ, указавшій, что въ имперіи долженъ былъ быть соціальный матеріалъ изъ свободныхъ людей, послужившій основой для установленія законодательнымъ путемъ колоната. Открытіе и накопленіе въ послѣдующее время богатаго эпиграфическаго матеріала, надписей (преимущественно въ римской Африкѣ), изъ которыхъ узнавали о различныхъ сторонахъ жизни и быта крестьянъ-арендаторовъ императорскихъ и частновладѣльческихъ вотчинъ, дало возможность отступить отъ первоначальнаго наивнаго выведенія крѣпостныхъ отношеній механически изъ законодательства императоровъ. Знаменитый французскій историкъ, Ф. де Куланжъ, первый выдвинулъ эволюціонную точку

зрѣнія, попытавшись построить органическое развитіе колоната въ имперіи изъ свободной аренды въ большихъ имѣніяхъ. Онъ отчетливо выяснилъ тѣ чисто-экономическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ большинство мелкихъ собственниковъ превращалось сначала въ свободныхъ арендаторовъ—съемщиковъ, а потомъ въ зависимыхъ, привязанныхъ къ своимъ участкамъ и, наконецъ, въ крѣпостныхъ работниковъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь ростъ задолженности ихъ землевладѣльцамъ. Въ то же время развитіе крупной собственности въ ущербъ мелкой и средней, паденіе прежняго рабскаго хозяйства съ убылью рабовъ и выяснявшаяся все болѣе невыгодность рабской плантаціонной системы—заставляли переходить большинство крупныхъ имѣній къ системѣ хозяйствованія съ помощью мелкой аренды—и не за деньги, а за часть продукта, что имѣло огромное значеніе, ибо здѣсь коренилось начало барщины. Императорское законодательство только формулировало юридически тѣ отношенія, которыя были созданы самой жизнью.

Такимъ образомъ, въ исторіи колоната стали различать два періода: подготовительный и законодательно-завершительный. Одни изъ послѣдователей Ф. де Куланжа, какъ напр. Бодуэнъ, сосредоточили свое вниманіе на послѣдней стадіи и представляли правительственную формулировку колоната, какъ одно изъ частичныхъ проявленій всеобщаго закрѣпощенія, являющагося характерной тенденціей имперіи, начиная съ IV вѣка. Здѣсь закрѣпостительными мѣрами правительство боролось съ бѣгствомъ сельскаго населенія и уклоненіями отъ податныхъ тяготъ, со все болѣе угрожавшимъ обезлюдѣніемъ и запустѣніемъ деревень. Другіе ученые, какъ нѣмецъ Шультенъ, англичанинъ Пельгамъ, подчеркивали тѣ особыя условія и распорядки, которые господствовали на императорскихъ домэнахъ, несомнѣнно, главенствовавшихъ въ аграрномъ строѣ имперіи. Они доказывали, что первое закрѣпощеніе свободныхъ арендаторовъ, послужившее какъ бы образцомъ и для частновладѣльческихъ имѣній, складывалось именно на императорскихъ сальтусахъ. И самое законодательство о колонатѣ было только превращеніемъ въ общегосударственныя нормы уложеній, опредѣлявшихъ состояніе императорскихъ колоновъ. Объясняется это тѣмъ, что въ лицѣ императора соединялись крупнѣйшій землевладѣлецъ имперіи и законодательствующая власть.

Но во всей описанной мною разработкѣ вопроса о происхожденіи колоната господствовала увѣренность въ общности одного и того же процесса для всего сложнаго состава странъ, входившихъ въ Римскую державу, увѣренность въ повсемѣстномъ одинаковомъ переходѣ отъ свободнаго землевладѣнія и аренды черезъ посредство рабскаго хозяй-

ства ко все болѣе зависимой арендѣ. Но такая увѣренность, помимо всего прочаго, постулировала невѣроятно быстрое и внезапное паденіе правового сознанія у многомилліонной массы земледѣльческаго населенія имперіи. Непонятно, и должно было казаться невозможнымъ, огульное по всей имперіи и совершенно безропотное превращеніе безъ протеста и возстаній почти въ рабовъ свободныхъ съемщиковъ земли, самостоятельныхъ крестьянъ-гражданъ.

Въ то же время эволюціонная теорія считалась, по состоянію матеріала, главнымъ образомъ съ условіями Италіи и западныхъ областей имперіи, не обращая вниманія на то, что ея объясненіе не соотвѣтствовало тѣмъ условіямъ экономическаго развитія, въ которыхъ жили главенствовавшія въ культурномъ отношеніи восточныя части имперіи, и которыя тоже привели къ появленію крѣпкаго землѣ колоната. Въ самое послѣднее время, пользуясь значительнымъ расширеніемъ матеріала по хозяйств. исторіи античнаго міра, вопросомъ о происхожденіи колоната, занялся русскій ученый, М. Ростовцевъ, пришедшій къ убѣжденію, что этотъ вопросъ глубже и сложнѣе, чѣмъ онъ представлялся раньше. Онъ выясняетъ, что колонатъ не стоитъ одиноко, что его генезисъ и исторія находятся въ тѣснѣйшей связи съ экономической политической и соціальной исторіей Рима вообще, съ тѣмъ постепеннымъ возвращеніемъ къ строю и отношеніямъ, которые въ свое время характеризовали монархическія государства Востока, съ принужденіемъ служить государству, замѣняющимъ собой греческій принципъ свободнаго служенія родинѣ. Поэтому, при изученіи исторіи колоната необходимо слѣдить за развитіемъ несвободныхъ крѣпостныхъ земельныхъ отношеній въ древнемъ мірѣ вообще и изслѣдовать эволюцію экономической и правовой жизни не только въ Италіи и на Западѣ, но и въ области господства права восточныхъ монархій, эллинскихъ политій и эллинистическихъ державъ на Востокѣ, которыя еще со времени республики становятся органической частью римскаго государства. Здѣсь и устанавливается съ очень раннихъ поръ существованіе отношеній, очень похожихъ на условія позднеримскаго колоната. Что же касается до западно-европейскихъ областей, то относительно до-римскихъ аграрныхъ и соціальныхъ порядковъ здѣсь у насъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы установить разъясняющіе прецеденты. Изученіе же Востока выяснило, что въ Египтѣ и Малой Азіи въ эллинистическое и до-эллинистическое время уже существовалъ особый классъ «царскихъ земледѣльцевъ», создавшій на Востокѣ ту основу, которая подготовила образованіе позднѣйшаго колоната. Эти отношенія всецѣло и покорно были восприняты и римскимъ государствомъ. Здѣсь на царскихъ и жалованныхъ частныхъ земляхъ создался классъ земледѣльческаго населенія, стоявшій между свободной арендой и крѣ-

постнымъ земледѣліемъ. Порядки эти складывались изъ разнообразныхъ условій: и изъ отношеній покоренныхъ народностей къ завоевателямъ, и изъ религіозныхъ основъ, и изъ соціальныхъ условій восточнаго абсолютизма съ его ученіемъ о правѣ собственности государя на всю территорію государства и ея населенія. Важную роль сыграло при этомъ и развившееся на Востокѣ ученіе о тѣсной связи жителя опредѣленной мѣстности съ мѣстомъ своего рожденія и своей гражданской принадлежности, что̀ даетъ извѣстныя права, но и налагаетъ извѣстныя обязанности. Это—ученіе объ ἰδία, которое обязываетъ каждаго человѣка нести въ своемъ родномъ углу, въ своемъ кругу опредѣленныя личныя и имущественныя тяготы, откуда развивается представленіе о такъ назыв. литургіи, т.-е. объ обязательномъ и принудительномъ несеніи этихъ тяготъ именно на своей родинѣ или въ мѣстѣ своей приписки, вызывающемъ прикрѣпленіе человѣка къ этому origo. Ученіе о литургіи, развивающееся и въ политіяхъ, и въ монархіяхъ различнаго типа, образуетъ въ эллинистическую пору цѣльную систему, по которой каждый гражданинъ или подданный долженъ нести опредѣленныя обязанности не только по отношенію къ государству вообще, но и по отношенію къ своему родному мѣсту, будь то городъ-государство, вошедшій въ составъ монархіи, или крупное царское имѣніе, или ленное владѣніе большого барина. Въ аграрныхъ же порядкахъ здѣсь на Востокѣ мы замѣчаемъ еще въ эллинистическую пору образованіе отношеній, характеризующихся сочетаніемъ основъ крѣпостничества съ юридическими формами свободной земельной аренды. Типично для Востока то, что именно къ этому полусвободному, полузависимому сельскому люду государство особенно настойчиво примѣняетъ ученіе объ idia или origo.

Первой провинціей, вошедшей въ составъ римскаго государства, была Сицилія, до того бывшая царствомъ Гіерона и въ фискальномъ отношеніи стоявшая въ зависимости отъ правовыхъ нормъ, выработанныхъ въ Птолемеевскомъ Египтѣ. Со второй половины II в. до Р. Х. частью римскаго государства становится и Азія, гдѣ «царскіе земледѣльцы» служили основой земельнаго хозяйства пергамскихъ царей; въ составъ очень многихъ греческихъ общинъ побережья входили полузависимые паройки, а огромныя территоріи мѣстныхъ святилищъ обрабатывались священными рабами или «крѣпостными божествами» (гіеродулы).

Въ самой Италіи аграрныя отношенія складывались благопріятно для развитія и здѣсь зависимаго земледѣльческаго населенія. Въ Этруріи давно существовали крѣпостныя отношенія, распространявшіяся и на Лаціумъ, но и помимо этого установлено, что одновременно съ развитіемъ ученія о частной собственности на землю (dominium jure Qui-

ritium) и ученіемъ объ арендѣ (locatio-conductio, своб. арендаторъ назыв. colonus), идетъ въ Римѣ развитіе и другихъ формъ владѣнія землей, которыя способствуютъ образованію крупныхъ частновладѣльческихъ земельныхъ комплексовъ на государственной землѣ. Они обрабатываются или посредствомъ рабскаго труда, или свободной аренды.

Характерно то, что когда Гракхи, въ борьбѣ съ ростомъ этого нобильскаго землевладѣнія, пытаются соціализировать эти земли и создаютъ мелкихъ собственниковъ, то у новыхъ собственниковъ они отнимаютъ право отчуждать свои надѣлы и обязываютъ ихъ платить нѣчто въ родѣ арендной платы (vectigal) въ пользу государства. Такимъ образомъ, Гракхіанское движеніе пыталось ввести въ Италіи нѣчто, похожее на восточное государственное крестьянство. Попытки Гракховъ и продолжателей ихъ дѣла оказались неудачными: ростъ крупнаго землевладѣнія римской аристократіи и въ Италіи, и въ провинціяхъ продолжался, а вмѣстѣ съ нимъ шелъ и ростъ того класса населенія, который сидѣлъ на чужой землѣ. Этотъ процессъ не прекращается и въ эпоху имперіи, но такъ какъ изсякъ притокъ рабовъ, то земледѣльческое хозяйство на латифундіяхъ складывается всецѣло въ формахъ раздачи земли мелкимъ съемщикамъ. Капиталистическое хозяйство и общія экономическія условія способствовали все бо́льшей задолженности этихъ арендаторовъ по отношенію къ землевладѣльцамъ, и юридически свободные срочные арендаторы постепенно становятся зависимыми фермерами, лишенными фактически и экономически возможности уйти съ разъ взятой ими для обработки земли. Императорское правительство слабо вмѣшивается въ этотъ процессъ закрѣпощенія и не препятствуетъ все болѣе развивающемуся переходу отъ срочной денежной аренды къ безсрочной и парціарной (т.-е. за часть продукта).

И если принципатъ выступаетъ гдѣ-нибудь врагомъ этого крупнаго магнатскаго землевладѣнія, то это лишь въ стремленіяхъ стянуть въ свое обладаніе возможно большія массы годной для обработки земли, въ созданіи рядомъ съ частными имѣніями огромныхъ императорскихъ вотчинъ. Эти личныя имѣнія императоровъ (на востокѣ они искони обрабатывались полукрѣпостнымъ населеніемъ) потомъ объединяются въ административномъ отношеніи съ государственными земельными имуществами (ager publicus) и разсматриваются всѣ вмѣстѣ, какъ agri fiscales, т.-е. казенныя земли.

На этихъ земляхъ, въ устроеніи ихъ хозяиномъ-правительствомъ, происходитъ любопытная борьба двухъ противоположныхъ тенденцій, какъ это выясняется изъ открытаго богатаго эпиграфическаго матеріала, главнымъ образомъ, въ сѣверной Африкѣ. На основаніи изученія африканскихъ надписей изъ крупныхъ императорскихъ сальтусовъ, бывшихъ

здѣсь, мы узнаемъ, что имперія застала здѣсь отношенія, похожія на италійскія: крупное экзимированное землевладѣніе, частью еще на основѣ рабскаго, частью уже аренднаго колонскаго хозяйства, при чемъ колоны здѣсь, вѣроятно, по старымъ еще карѳагенскимъ традиціямъ, были безсрочными арендаторами за часть продукта и съ обязательствомъ барщины. Превративъ эти сальтусы въ императорскіе (посредствомъ конфискаціи), правительство (наиболѣе ярко при Гадріанѣ) рѣшительно регулируетъ сложившіяся въ нихъ отношенія путемъ законодательства и вырабатываетъ сложную административную организацію, объединяя сальтусы въ огромные тракты съ центромъ въ Карѳагенѣ. Цѣлью имперіи было создать на этихъ земляхъ зависимый только отъ государства классъ императорскихъ крестьянъ, при посредствѣ которыхъ разсчитывали сдѣлать болѣе интенсивной обработку земли и увеличить площадь культуры на счетъ пустырей, болотъ и лѣсовъ.

Но государство не отказалось при этомъ и отъ услугъ крупнаго частновладѣльческаго капитала. Оно охотно допустило сюда крупныхъ, генеральныхъ арендаторовъ, такъ наз. кондукторовъ, оно охотно ассигновало крупнымъ предпринимателямъ земли въ новоприобрѣтенныхъ районахъ, напр., въ Мавританіи. Сначала, какъ будто принимаются мѣры, чтобы не допускать роста зависимости мелкихъ съемщиковъ отъ кондукторовъ, расположить колоновъ различными льготами и поблажками. Но эти хорошія условія, т.-е. низкіе оброки, самостоятельность въ веденіи хозяйства, помощь въ случаѣ нужды, затягивали колоновъ, привязывали ихъ къ разъ занятой ими землѣ. А съ другой стороны, у правительства не хватило послѣдовательности въ обузданіи аппетитовъ крупныхъ съемщиковъ, которые, сблизившись съ фискальными агентами и управителями, въ концѣ-концовъ плотно надавили на крестьянство.

Вездѣ, такимъ образомъ, даже отчасти противъ воли имперіи, складываются отношенія, ведущія къ экономической зависимости крестьянства отъ крупныхъ собственниковъ. И повсюду, но въ каждой области самостоятельно, начинаются побѣги колоновъ, начинается обезлюдѣніе деревень подъ вліяніемъ чиновничьяго произвола и стачекъ этихъ чиновниковъ съ крупными съемщиками. Это запустѣніе земли при осложненіи задачъ управленія и обороны государства, при увеличеніи дорогого чиновничества, напряженіи военныхъ рессурсовъ должно было казаться все болѣе роковымъ для правительства. Ему нужно было не запустѣніе, а расширеніе культурной площади. И оно начинаетъ изыскивать мѣры для пресѣченія зла, мѣры старыя, уже испытанныя на эллинистическомъ Востокѣ. Насиліе и принужденіе—вотъ эти мѣры. Насильственно навязываютъ обработку пустующей земли, напрягаютъ при-

мѣненіе ученія о родинѣ или мѣстѣ приписки къ удержанію населенія на однихъ мѣстахъ и разъ взятыхъ дѣлахъ, сближаютъ права крупныхъ арендаторовъ съ правами владѣльцевъ, раздавая государственныя земли частнымъ лицамъ на условіяхъ долгосрочнаго владѣнія съ приписанными къ нимъ колонами.

Все это со стороны переживавшаго кризисъ государства были, однако, отдѣльныя мѣры, частичныя регулировки. Въ IV в. все сельское населеніе имперіи оказывается прикрѣпленнымъ къ землѣ. Но законодательство и право этого времени не сумѣло дать строгую систему гражданскихъ отношеній новаго соціальнаго состоянія, фиксировать правовое положеніе колоната, какъ класса общеимперскаго. Этотъ юридическій хаосъ очень характеренъ для колоната, какъ явленія безконечно разнообразнаго въ своемъ происхожденіи, оставшагося разнообразнымъ и въ сложившемся видѣ. Въ законодательныхъ памятникахъ мы встрѣчаемся съ совершенно различными толкованіями колоната: однѣ конституціи настаиваютъ на элементѣ свободы въ положеніи колоновъ, другія почти не хотятъ отличать колонатъ отъ рабства. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ совершенно различными категоріями колоната. Съ одной стороны, стоятъ, такъ наз., оригинарные колоны (coloni originarii), т.-е. колоны по мѣсту своей родины или приписки. Это сѣвшіе на участки арендаторы въ сальтусахъ, которыхъ правительство въ своихъ казенныхъ интересахъ старалось прочно усадить по мѣстамъ, подобно тому, какъ оно поступило и съ муниципальными куріалами. Правительство интересовалось ими главнымъ образомъ, какъ своими тяглецами, какъ приписанными къ податному тяглу. Повидимому, это—категорія, носившая названіе и адскриптиціевъ, т.-е. «письменныхъ». Съ другой стороны, въ распоряженіяхъ императоровъ (начиная съ V в.) мы видимъ свободныхъ колоновъ (coloni liberi), которые противопоставляются адскриптиціямъ, какъ несвободнымъ. «Свободные»—это съемщики-крестьяне, просидѣвшіе въ одномъ и томъ же имѣніи 30 лѣтъ и лишенные права уходить послѣ этого. Но они сохраняютъ право распоряжаться своимъ имуществомъ, не спрашивая разрѣшенія у помѣщика. Наконецъ, въ Ѳеодосіевомъ кодексѣ содержится цѣлый рядъ постановленій, имѣющихъ цѣлью покровительство и совсѣмъ независимымъ крестьянскимъ группамъ, образующимъ свои метрокоміи—волости (въ восточныхъ провинціяхъ).

Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что колонатъ, какъ онъ выработался къ IV—V в., нельзя разсматривать, какъ однообразно закабаленную и закрѣпощенную крестьянскую массу, а необходимо все время различать разнообразные разряды и группы колоновъ, съ различными сочетаніями элементовъ свободы и зависимости.

Я подчеркиваю этотъ выводъ особенно потому, что онъ поможетъ намъ въ дальнѣйшемъ многое уяснить себѣ въ полной загадокъ картинѣ крестьянской жизни позднѣйшей, такъ наз. Византійской имперіи.

Законодательное прикрѣпленіе колоновъ къ имперіи было только одной изъ линій общаго закрѣпощенія, которому подверглись всѣ части римскаго общества съ IV вѣка. Я указалъ на тѣ условія, которыя создавали такія тенденціи правительства: то было неуклонное возрастаніе потребностей государства, изъ которыхъ самой напряженной, самой настойчивой была не прекращавшаяся съ III вѣка борьба съ варварами, все плотнѣе и хищнѣе напиравшими на окраинныя области имперіи. Способы удовлетворенія этихъ потребностей были избраны старые, тѣ же, попытки которыхъ мы застаемъ въ эллинистическихъ государствахъ. Это призывъ къ служенію государству и казнѣ всѣхъ, всего населенія, въ тѣхъ группировкахъ и занятіяхъ, какія сложились къ тому времени: свободный выборъ занятій замѣнялся ихъ наслѣдственностью и обязательной несмѣняемостью.

И одновременно съ закрѣпощеніемъ крестьянства происходитъ закрѣпощеніе ремесленниковъ и торговцевъ, превращеніе и этихъ группъ въ рабовъ казеннаго интереса, какими стали, какъ мы видѣли, колоны и куріалы. Римскіе города, въ которыхъ мы и предполагаемъ естественно сосредоточеніе этихъ индустріальныхъ элементовъ, нельзя представлять себѣ нарочито торгово-промышленными центрами въ противоположность деревнямъ. Городъ былъ центромъ общественной, муниципальной жизни приписаннаго къ нему округа, и главной руководящей въ немъ силой были все-таки мѣстные землевладѣльцы. Но не нужно думать при этомъ, что ремесленные и торговые элементы были совершенно оттиснуты на задній планъ. Распредѣляясь и группируясь въ свои товарищества—коллегіи—эта внушительная по своимъ размѣрамъ plebs urbana (городская чернь) заставляла съ собой считаться и группу землевладѣльцевъ, такъ какъ отъ коллегій въ значительной степени зависѣли избранія въ муниципальныя должности. Эти коллегіи, въ которыхъ для взаимопомощи группировались по профессіямъ римскіе ремесленники и торговцы, были весьма прочно устроенными корпораціями: у нихъ были свои собственныя уложенія, свои выборные старосты-магистры, дуовиры, ректоры, майоры (старшіе), свои собранія, свои кассы, пополнявшіяся членскими взносами и пожертвованіями.

Постепенно на эти частныя и совершенно автономныя корпораціи и начинаетъ налагать свою деспотическую руку государство, правительство, привлекая коллегіи къ служенію государству, къ отбыванію повинностей. Политическія смуты III столѣтія, провинціально-солдатская анархія, усиленіе варварскихъ нападеній на имперію, несо-

мѣнно, губительно отозвались и на государственныхъ средствахъ, и на хозяйственной жизни населенія многихъ провинцій. Это было довольно значительное разореніе и пріостановка правильнаго народно-хозяйственнаго круговорота. Разоренное правительство пытается ухватиться за коллегіи, какъ прочныя и значительныя организаціи, располагавшія извѣстными матеріальными средствами. Въ свою очередь коллегіи, надломленныя остановками и погромами, какъ разъ начинаютъ распадаться: многіе торговцы и ремесленники бросаютъ дѣла, переставшія приносить выгоды, выходятъ изъ коллегій.

Правительство теперь уже само заинтересовано въ поддержаніи этихъ промышленныхъ корпорацій, на которыя оно за истощеніемъ денежныхъ средствъ, стремилось опереться: оно и старается задержать бѣгство изъ коллегій ихъ членовъ, обезпечить для себя ихъ составъ, и даже насильно включить въ эти организаціи тѣхъ, кто оставался за ихъ предѣлами. Раньше оно вступало въ договоры и соглашенія съ коллегіями. Съ конца III в. согласительное начало смѣняется принужденіемъ. Коллегіи притянуты были на службу государству—и принадлежность въ коллегіи становится для каждаго неизбѣжнымъ тягломъ, т.-е. ремесленники и торговцы, записанные въ ту или другую корпорацію, не смѣя ея оставить, должны были заниматься тѣмъ или другимъ дѣломъ не потому, что это было выгодно и интересно каждому изъ нихъ, а потому, что этого требовало отъ него государство. Коллегія становилась для нихъ такимъ же мѣстомъ приписки, неотрывнымъ цѣлымъ, какимъ для куріаловъ былъ городъ, а для колоновъ—данное имѣніе. Занятія ихъ, ихъ дѣятельность стали своего рода государственной барщиной, и начиная съ IV в. крѣпостныхъ коллегіатовъ клеймятъ каленымъ желѣзомъ, чтобы даже и въ случаѣ бѣгства ихъ можно было всюду узнать и найти. Сначала, при Діоклетіанѣ, за такой уходъ изъ коллегіи наказывали только отобраніемъ имущества въ пользу коллегіи. Позднѣе императорское законодательство объявляетъ полную невозможность выходить изъ коллегій, и тотъ, кто приметъ къ себѣ такого бѣглаго коллегіата, въ колоны, въ приказчики, подвергается жестокому наказанію.

Превративъ коллегіи ремесленниковъ въ своего рода подневольныхъ и наслѣдственныхъ государственныхъ рабочихъ, правительство и организуетъ изъ нихъ вмѣстѣ съ рабскими кадрами казенныя предпріятія: оно беретъ на себя часть народнаго хозяйства, эксплоатируя ее для своихъ цѣлей, для удовлетворенія своихъ нуждъ, для изготовленія различнаго рода продуктовъ, необходимыхъ ему для снабженія войска и содержанія несмѣтнаго чиновничества. Перейдя съ Діоклетіана къ натуральной системѣ обложенія, оно получало съ населенія подати въ видѣ массъ

сырыхъ продуктовъ. Эти поступленія собирались въ казенныхъ магазинахъ и кладовыхъ. Часть этого сырья переходила затѣмъ для обработки на огромныя фабрики, которыя казна создала для себя. Таковы были шерстяныя, полотняныя фабрики, оружейные, красильные заводы, монетные дворы, ювелирныя мастерскія, рудники и соляные промыслы. Во главѣ каждаго завода или фабрики стоитъ обычный императорскій прокураторъ. Къ ней приписаны накрѣпко рабы въ опредѣленномъ количествѣ и коллегіи ремесленниковъ. Каждый изъ рабочихъ получалъ отъ начальства извѣстное количество сырья, которое онъ и обязанъ былъ подъ угрозой суровой кары до смертной казни включительно, обработать къ опредѣленному сроку въ опредѣленное количество продуктовъ. Такимъ образомъ, эти императорскія предпріятія организованы были въ формѣ крупныхъ царско-домашнихъ производствъ, являясь сколкомъ съ такихъ же организацій въ Птолемеевскомъ Египтѣ.

III. Христіанство въ имперіи и союзъ имперіи съ церковью.

Дальнѣйшее изученіе нуждается, для полноты представленія, въ знакомствѣ съ новымъ, огромной важности, факторомъ, сложившимся и пріобрѣтшимъ силу къ IV вѣку въ Римской имперіи. Я разумѣю христіанство, какъ огромный поворотъ въ религіозномъ сознаніи античнаго міра, въ своихъ послѣдствіяхъ и развитіи сыгравшій созидательную, опредѣляющую роль во всей дальнѣйшей исторіи Европы. Возникновеніе христіанства, ранняя его исторія, союзъ государства и церкви съ его многозначительными послѣдствіями—все это вопросы, которыхъ нѣтъ возможности миновать при изученіи, такъ называемаго, «средневѣковья», направимъ ли мы наши взоры на востокъ, или на западъ. Думается, что это настолько очевидно, что не требуетъ доказательствъ. Но приходится сознаться, что исторія ранняго христіанства до сихъ поръ не вполнѣ завоевана научнымъ знаніемъ, не вполнѣ доступна для объективнаго, безразличнаго изслѣдованія—отчасти въ виду той значительной роли христіанской религіи, какую она все еще играетъ въ жизни современныхъ европейскихъ обществъ, отчасти въ виду того, что изученіе ея все еще не перестало быть, такъ сказать, монополіей теологіи. Богословская точка зрѣнія, невольно предвзятое и непобѣдимое убѣжденіе въ сверхъестественномъ характерѣ, въ абсолютности христіанской религіи, сильны даже въ работахъ протестантской критической школы ученыхъ, крупные успѣхи и заслуги которыхъ въ изслѣдованіи и критикѣ источниковъ и въ разъясненіи отдѣльныхъ вопросовъ несомнѣнны. Въ значительной степени замѣтно это уже въ первомъ вопросѣ исторіи христіанства, въ вопросѣ объ его возникновеніи. Допуская въ широкой мѣрѣ воздѣйствіе на христіанство предшествующихъ религій, признавая, что всѣ идеи, соединившіяся въ христіанствѣ, даны въ греческой культурѣ или идутъ изъ болѣе старинныхъ религій—вавилонской, индійской, эти критики-протестанты сохраняютъ

нѣкій объединяющій историческій центръ—геніальную личность создателя христіанства, который въ необходимый моментъ въ яркой формѣ связалъ разбросанныя идеи и смутныя стремленія, т.-е. сверхъестественное личное творчество. Такимъ образомъ, вопросъ о началѣ христіанства трактуется преимущественно, если не исключительно, въ біографической формѣ. Историкъ не можетъ удовлетвориться только такимъ отвѣтомъ на вопросъ о возникновеніи христіанства и прежде всего потому, что относительно, такъ называемыхъ, основателей религій все болѣе обнаруживается, что мы имѣемъ дѣло не съ подлинными слѣдами ихъ дѣятельности, а съ позднѣйшими и весьма сложными литературными созданіями и варіаціями на философскія и нравственныя темы. Любой изъ нихъ, какъ личность реальная, настолько закрытъ систематическимъ, символико-поэтическимъ и церковно-устроительнымъ творчествомъ, что мы не можемъ сказать о немъ, какъ человѣкѣ, жившемъ въ такую-то эпоху, почти ни одного слова. На основаніи дошедшихъ до насъ данныхъ можно говорить только о томъ, что хотѣли ему приписать его почитатели. При этомъ, обыкновенно, разсказъ ведется не современникомъ, спутникомъ или сподвижникомъ его, а самъ ссылается на имѣющуюся традицію.

Въ то же время эти разсказы объ основателяхъ религій отличаются еще одной особенностью: они вплетаютъ столько символовъ, до того условны, что у насъ является сомнѣніе, имѣлъ ли въ виду составитель изображать реальную личность и не писалъ ли онъ просто поучительный романъ, въ которомъ детали подобраны съ извѣстной тенденціей, чтобы выдѣлить основную цѣль, а вовсе не для того, чтобы изобразить біографію опредѣленнаго лица. Эта основная цѣль состоитъ въ свою очередь въ томъ, чтобы начертить нѣкоторую мистическую истину, обнаружить для посвященныхъ нѣкоторую тайну. Вѣдь если принимать синкретическій составъ христіанства (а въ этомъ едва ли можно сомнѣваться), т.-е. видѣть въ немъ взаимопроникновеніе и смѣшеніе религіозныхъ вѣрованій и представленій различныхъ странъ и культуръ, входившихъ въ составъ Римской имперіи, то врядъ ли историческое объясненіе нуждается въ ссылкахъ на головокружительные успѣхи апостоловъ миссіонеровъ, на геніальныя откровенія того или другого создателя религіи и его ученія. Историческое вниманіе передвигается на иные моменты, на разслѣдованіе и установленіе, такъ называемыхъ, внѣшнихъ условій превращенія Римской имперіи изъ языческой въ христіанскую. Знаменитый нѣмецкій ученый Гарнакъ, въ своемъ сочиненіи: «Миссія и распространеніе христіанской церкви», выдвигаетъ въ качествѣ такихъ условій слѣдующія формулы: 1) проникновеніе греческой культуры и установленіе относительнаго единства языка и по-

нятій, 2) политическое единство, выразившееся въ римской монархіи: земная монархія послужила образцомъ небесной; 3) необычайно возросшій и облегченный всемірный торговый обмѣнъ и развитіе путей сообщенія; 4) сознаніе единства рода человѣческаго; 5) разложеніе и демократизація стараго общества; 6) римскую религіозную политику, благодаря терпимости которой облегчался синкретизмъ, взаимопроникновеніе вѣрованій; 7) развитіе союзнаго начала въ корпораціяхъ, коллегіяхъ и муниципіяхъ, 8) проникновеніе въ имперію сирійской и персидской религіи; 9) паденіе точныхъ наукъ вслѣдствіе демократизаціи общества, благодаря популяризаціонной работѣ, и 10) возрастаніе одновременно съ упадкомъ науки религіозной философіи, ищущей откровеній и жаждущей чудесъ. Въ этомъ, нѣсколько громоздкомъ, перечнѣ, несомнѣнно, не все одинаковой цѣнности, не все одинаковаго порядка, не все одинаково годится въ качествѣ объясненія или, такъ наз., причины возникновенія и торжества христіанства въ имперіи. Въ значительной мѣрѣ причинами, предварительными условіями, выставляются здѣсь явленія, входящія въ составъ сложнаго момента, который желательно объяснить. Все это—и развитіе кружковой жизни, и союзнаго начала, и демократизирующее теченіе, и упадокъ научности въ сторону философской мистики, и, наконецъ, синкретизмъ, смѣшеніе вѣрованій, все это различныя стороны самого христіанства, или перифразъ его, выраженіе его же, иными словами—только вытянутыя въ перспективу.

Въ качествѣ условій, предшествовавшихъ христіанству и, такъ сказать, расчищавшихъ ему дорогу, можно изъ этого перечня оставить только эллинистическое культурное объединеніе средиземноморскихъ странъ и римское политическое объединеніе ихъ въ единую имперію. Но если въ христіанствѣ видѣть не особый элементъ, извнѣ вошедшій въ синкретизированный составъ религіознаго сознанія римскаго общества, а именно самый этотъ синкретизмъ, завершеніе этого процесса, то изученіе послѣдняго и можетъ дать отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи христіанской религіи. Въ этой области исторіи античнаго синкретизма, исторіи внутренняго подготовленія языческаго міра къ образованію христіанства, достаточно много сдѣлано въ настоящее время. Въ послѣдніе годы вышелъ цѣлый рядъ цѣнныхъ работъ: Якоби, Фразера, Кюмона, Клемена, нашего Зѣлинскаго. Я изложу результаты ихъ, какъ они формулированы въ цѣнной статьѣ Ѳ. Зѣлинскаго: «Христіанство» (помѣщенной въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза-Эфрона). Изслѣдованіе захватило развитіе языческой религіи, философской спекуляціи и научной мысли. Что касается первой, то въ эпоху Римской имперіи она представляла очень пестрый комплексъ, въ которомъ можно намѣтить три основныхъ

линіи: греческую, римскую и восточную. Въ греческой религіи обозначаются два теченія: явная религія гражданскихъ культовъ и тайная религія мистерій. Въ періодъ своей крѣпости и расцвѣта, явная религія, несомнѣнно, въ основахъ своихъ была противоположна христіанству, какъ рѣзкое отрицаніе монотеизма и универсализма. Но со времени потери греческой самостоятельности она была расшатана и профанаціями, и философскимъ скепсисомъ; она уже получила наклонъ къ единобожію, получающему выраженіе то въ признаніи верховной неисповѣдимой Случайности, то всемогущей Моиры, управляющей движеніями свѣтилъ и черезъ нихъ жизнью людей, то Промысла, то просто Божества.

Другая половина греческой религіи, религія мистерій (элевсинскихъ и орфическихъ), которая оказалась болѣе живучей и была распространена въ Римской имперіи, своимъ содержаніемъ не только не была враждебна христіанству, но какъ бы шла ему навстрѣчу. Въ идеѣ орфизмъ былъ культомъ бога-спасителя, пострадавшаго, погребеннаго и воскресающаго. Тайна Діониса Загревса направляла вниманіе на загробную жизнь съ ея вѣчнымъ блаженствомъ праведниковъ и безконечными мученіями грѣшниковъ, развивала священную практику постовъ и очищеній, приготовленія въ земной жизни къ небесной. Въ общемъ греческая религія съ разложеніемъ ея явнаго многобожія, съ развитіемъ и одухотвореніемъ орфизма, была теченіемъ, готовымъ слиться съ христіанствомъ.

Римская религія сама по себѣ не знала отчетливаго многобожія; ея боги путались и въ образахъ, и въ качествахъ, и въ количествахъ, а путаясь, интегрировались и сливались въ одно всеобъемлющее божество. Она по своей природѣ тяготѣла къ единобожію. Въ эпоху имперіи монотеистическія тенденціи старались, нѣсколько искусственно, пригнать къ обожествленію генія царствующаго императора. Но любопытно, что этотъ императорскій монотеизмъ предвосхищалъ одну еще очень важную основу христіанства—идею о Богочеловѣкѣ: своимъ поклоненіемъ Человѣкобогу онъ открывалъ дорогу и Богочеловѣку. Благодаря ему, христіанство становится естественной религіей греко-римской культуры и оказывается непріемлемымъ для іудизма. Восточное религіозное теченіе, разливавшееся какъ на востокѣ имперіи, такъ и на западѣ, приносило съ собою культъ единыхъ, всепоглощающихъ божествъ. Таковы были, особенно популярные: Мирѳа Непобѣдимый, Великая Мать Идейская, Исида, Ма Кападокійская. Эти культы, подобно греческимъ мистеріямъ, пропитаны были сознаніемъ человѣческой грѣховности и жаждой искупленія, были основаны на эффектныхъ, потрясающихъ душу обрядахъ. Въ основѣ большинства изъ нихъ лежалъ одинъ и тотъже слегка варіированный миѳъ о смерти бога, оплакиваемаго боги-

ней, его женой, матерью, или возлюбленной, и о воскресеніи этого бога. Христіанство, вышедшее тоже съ Востока, двигалось по расчищенному пути, и какъ наиболѣе возвышенный и яркій восточный культъ, должно было имѣть и наибольшій успѣхъ.

Научно-философское развитіе имперіи шло въ направленіи далеко не враждебномъ христіанству. Въ философіи физика и логика были вытѣснены метафизикой и этикой. Метафизика въ своихъ греческихъ началахъ и выступила впервые, какъ протестъ противъ народныхъ вѣрованій. Она выдвигала издревле единое божество или какъ душу мира, или какъ начало вселенной. Въ ученіи Платона эти попытки сведены въ единую систему съ руководящей идеей о Деміургѣ—Промыслителѣ и Творцѣ міра.

Платоновское ученіе, преобладавшее по своему вліянію среди прочихъ системъ и доктринъ, на нѣкоторое время,—начиная съ III в. до Р. Х. проникается скептицизмомъ, но уже въ I вѣкѣ, въ своемъ широкомъ господствѣ въ восточной части имперіи, платонизмъ очистился отъ этихъ скептическихъ теченій. Онъ сложился въ такъ называемый неоплатонизмъ, проникнутый мистическимъ экстазомъ, ведущимъ человѣка къ непосредственному единенію съ божествомъ. Неоплатонизмъ выдвинулъ между Деміургомъ—творцомъ и твореніемъ—міромъ особую силу, какъ эманацію бога-творца—Логосъ—Бога Слово или Разумъ, участвовавшаго въ сотвореніи міра, а рядомъ съ нимъ и духовное начало, поддерживающее общеніе между богомъ и людьми. Въ своемъ ученіи о божествѣ христіанство и вышло неоплатоническимъ, по крайней мѣрѣ, христіанство восточное, греческое. Предваряя христіанство въ своемъ ученіи о божествѣ, платонизмъ предупредилъ его и въ ученіи о душѣ. Безсмертіе души, какъ основа ученія о загробной жизни, страшномъ судѣ, провозглашено было Платономъ, и догматъ этотъ, несмотря на оппозицію скептическихъ ученій и эпикурейства, Аристотеля и стоиковъ, остался незыблемымъ. Изъ философіи неоплатониковъ онъ проникъ и въ государственную религію, ставъ основаніемъ консекраціи, т.-е. признанія божественности душъ усопшихъ добрыхъ императоровъ, а консекрація предваряла христіанское поклоненіе святымъ.

Этика, начало которой приходится связывать съ проповѣдью Сократа, основалась на признаніи разумной добродѣтели единственнымъ источникомъ счастья. Ученіе это развито было стоической школой, господствовавшей потомъ, главнымъ образомъ, на западѣ имперіи. Стоицизмъ придалъ и метафизикѣ нравственное обоснованіе, выдвинувъ свою «душу міра»—Логосъ, устроившій все къ лучшему въ природѣ и поставившій человѣка подъ свое особое попеченіе. Западное христіанство, въ противоположность восточному, и носитъ стоическій характеръ.

Между тѣмъ эмпиризмъ, созданный Аристотелемъ и блестяще развернувшійся въ александрійскій періодъ греческой науки, могшій стать серьезной помѣхой христіанству съ его вѣрой въ чудо, уже съ I вѣка до Р. Х. идетъ на убыль. Наука безповоротно пропитывается спекулятивнымъ духомъ.

Въ извѣстной мѣрѣ слѣдуетъ упомянуть, что внѣшнимъ образомъ античный міръ былъ подготовленъ къ принятію христіанства. Въ самомъ складѣ жизни Римской имперіи можно видѣть весьма благопріятную почву для того. Христіанскій универсализмъ долженъ былъ имѣть несомнѣнный успѣхъ при тѣхъ объединительныхъ стремленіяхъ, которыя одушевляли римскій міръ. Римская имперія была, или хотѣла быть вселенской. Римскій гражданинъ сознавалъ себя гражданиномъ міра. Національная обособленность испарялась, исчезала крѣпость національныхъ религій, все живѣе чувствовалась потребность въ такой, которая бы обращалась къ человѣку, какъ таковому. Вмѣсто греческаго Зевса, римскаго Юпитера, египетской Изиды, всемірному гражданину нуженъ былъ просто богъ. Его и предлагала христіанская религія. На ряду съ отсутствіемъ политическихъ перегородокъ внутри имперіи, это сознаніе общечеловѣчества, космополитизма поддерживалось и тѣмъ разноплеменнымъ составомъ населенія, которымъ отличались всѣ крупные политическіе центры. Въ такихъ городахъ, какъ Римъ, Александрія, Карѳагенъ, Эфесъ, Антіохія, Коринѳъ, Миланъ, Ліонъ, невозможно было замѣтить преобладанія какой-нибудь національности. Всѣ онѣ здѣсь смѣшивались, и римляне, и греки и евреи въ одну группу, уже равнодушную къ племеннымъ различіямъ, къ стариннымъ культамъ и доступную для прозелитизма. Единство языка, удобство и легкость сообщенія внутри имперіи, даже самая общительность, характерная для античнаго міра,—все это были очень важныя условія, способствовавшія быстротѣ и успѣшности христіанской проповѣди.

Все это, будучи суммировано, представляетъ христіанство совсѣмъ не въ видѣ извнѣ налетѣвшей, чуждой и неожиданной античному міру волны, а, наоборотъ, какъ возсоединеніе, одухотвореніе и выясненіе тѣхъ смутныхъ, робкихъ и незаконченныхъ религіозно-нравственныхъ запросовъ, стремленій и настроеній, которыя бродили въ умахъ и сердцахъ языческаго общества, пережившаго свое язычество. Христіанская идеализація и систематизація античности удивительны по своей полнотѣ и чуткости. Христіанская проповѣдь сумѣла выдвинуть и укрѣпить самые жизненные, самые необходимые элементы античнаго религіозно-нравственнаго міросозерцанія.

Переходя къ самой исторіи превращенія Римской имперіи въ христіанскую, постепеннаго распространенія и укрѣпленія христіанства, не-

обходимо выдѣлить прежде всего эпоху еще зародышеваго развитія его, пріютившагося на лонѣ іудейства. Это приблизительно весь первый вѣкъ безъ послѣдняго десятилѣтія его. Въ эти годы замѣчается въ цѣломъ рядѣ городовъ, по которымъ разсѣивалось еврейство, зарожденіе христіанскихъ кружковъ или группъ. Говорить о томъ, гдѣ оно появляется раньше, гдѣ позже, по какому направленію оно двигалось, можно только гадательно. Первыми христіанами были евреи, отколовшіеся отъ синагогъ, промѣнявшіе іудейство на христіанство, и, наконецъ, язычники, принявшіе христіанство.

Такой составъ ранняго христіанства понятенъ, такъ какъ апостольская проповѣдь зазвучала прежде всего въ синагогахъ, хотя внутри послѣднихъ и не была принята. Первымъ усиліемъ проповѣдниковъ было сплотить обращенныхъ въ болѣе или менѣе строго организованныя общины. Успѣхъ этихъ усилій и выразился въ томъ, что вокругъ еврейской общины, какъ кольцо, выпершее изъ ея предѣловъ, но близкое по составу, облегла община христіанская. Синагога смотрѣла на христіанскую общину, какъ на своего врага. Но для посторонняго взгляда, хотя бы того же правительства—синагога и христіанская община, по большинству состава еврейская, сливались и смѣшивались. Христіанство въ крайнемъ случаѣ разсматривалось, какъ іудейство другого толка, одна изъ еврейскихъ сектъ, а потому привольно пользовалось еврейскими привилегіями, свободой отъ участія въ языческихъ и императорскомъ культахъ. Покойное существованіе христіанской общины подъ сѣнью іудейства обезпечивалось еще болѣе тѣмъ, что христіанство само по себѣ значительно менѣе, чѣмъ еврейство, обособлялось отъ языческой среды. Христіане исправно несли всѣ тягости государственныхъ повинностей, участія въ общинной жизни, подчинялись соціальнымъ распорядкамъ, вообще добросовѣстно воздавали кесарево кесареви, и не чуждались языческаго общества. Въ своей внутренней организаціи христіанская община старалась приспособиться къ двумъ своимъ задачамъ: собственному укрѣпленію и дальнѣйшему распространенію. Управлялась она главнымъ надзирателемъ, епископомъ, который дѣйствовалъ при помощи нѣсколькихъ служителей—діаконовъ, функціей которыхъ была христіанская благотворительность (что-то въ родѣ коллегіальныхъ кураторовъ), и нѣсколькихъ старостъ—пресвитеровъ, составлявшихъ своего рода управу общины. Они объединяли всю экклесію, т.-е. весь составъ обращенныхъ данной мѣстности. Рядомъ съ этими агентами были у общины свои апостолы, пророки и дидаскалы. Апостолы и пророки распространяли ученіе Христа и потому были въ постоянныхъ разъѣздахъ, дидаскалы воспитывали общину въ духѣ этого ученія. Памятниками этой дѣятельности остались до нашего времени

посланія апостоловъ и пастырскія наставленія апостольскихъ мужей. Но для ранней эпохи эту организацію не надо представлять себѣ строгой и единой. Одной христіанской церкви еще не было, т.-е не было еще ни собора, ни единства управленія общинами. Сложились круги общинъ, объединявшихся около одного имени основателя: римская группа—ап. Петра, группа ап. Павла—въ Греціи, Македоніи и Малой Азіи, другая группа въ Малой Азіи, объединившаяся вокругъ таинственнаго имени ап. Іоанна.

Въ эти годы язычество и въ частности имперскія власти смотрятъ на христіанство вполнѣ спокойно, если только они замѣчаютъ его. Хотя христіанская пропаганда ведется и очень дѣятельно, тѣмъ не менѣе христіане еще не увлекались жаждой мученичества, не шли ни на какія демонстраціи противъ лицъ и порядковъ. Поэтому имъ предоставлялись всѣ еврейскія привилегіи и гарантіи. Врагомъ христіанства, первымъ гонителемъ его была не имперія, не язычество, а іудейство, которое не могло не считаться съ опасностью и помѣхой для своего дѣла и безопасности въ лицѣ усиливавшагося христіанства. Христіанство высасывало жизненные соки изъ синагоги, ростъ его грозилъ отнятіемъ привилегій, данныхъ Августомъ. Уже при императорѣ Клавдіи правительство вмѣшивается со своей строгой рукой въ эти внутреннія распри въ іудейскихъ общинахъ. Апостолъ Павелъ погибъ отъ преслѣдованій малоазіатскихъ евреевъ, которые сумѣли направить на него имперскій судъ. Римскіе евреи воспользовались броженіемъ столичнаго населенія по поводу Неронова пожара и сумѣли создать легенду о христіанскомъ поджогѣ, за которую охотно ухватилось правительство. Это было первое гоненіе на христіанъ, но не гоненіе за вѣру, а преслѣдованіе за предполагаемое преступленіе. Казнили не христіанъ, а поджигателей. Но римская почва уже обагрилась мученической кровью христіанъ. Это былъ тоже загорѣвшійся грандіозный пожаръ. Мученичество становится для христіанъ желаннымъ блаженствомъ, восторгомъ и подвигомъ.

Въ слѣдующіе полтора столѣтія въ судьбахъ и организаціи христіанства замѣчаются значительныя перемѣны. Выражаются онѣ въ томъ, что христіанство отрывается безповоротно отъ іудейства, широко распространяется въ римскомъ мірѣ, объединяется въ единую христіанскую церковь, смѣняетъ апостолизмъ на епископализмъ, вступаетъ въ прямое соприкосновеніе съ римскимъ обществомъ и властью, терпитъ цѣлый рядъ жестокихъ гоненій, создаетъ свою блестящую литературу, какъ защиту въ борьбѣ и оружіе распространенія.

Въ первомъ столѣтіи христіанство оставалось почти исключительно достояніемъ востока имперіи. Западъ почти что нетронутъ имъ: тамъ

царитъ спокойно Непобѣдимый Мирѳа, соперникъ Христа. Къ 100-му году можно въ общихъ чертахъ такъ представить себѣ картину распространенія христіанства на Востокѣ. Въ Греціи оно утвердилось въ Коринѳѣ и Аѳинахъ, да на о. Критѣ; въ Македоніи—въ Солуни, Филиппахъ и Береѣ. Въ Малой Азіи больше христіанскихъ общинъ, и это, пожалуй, на первое время самая христіанская страна. Въ Эфесѣ и прочихъ общинахъ Апокалипсиса: Смирнѣ, Ѳіатирѣ, Пергамѣ, Сардахъ, Филадельфіи, Лаодикеѣ; затѣмъ въ Тарсѣ, Антіохіи Писидійской, Иконіи, Листрѣ, Колоссахъ, Іераполѣ, нѣкоторыхъ городахъ Галатіи, Троады и Каппадокіи—христіанство свило себѣ прочныя, надежныя гнѣзда. Въ Сиріи мы его замѣчаемъ въ Антіохіи, Дамаскѣ, Тирѣ, Сидонѣ и Птолемаидѣ, на о. Кипрѣ. Наконецъ, въ Палестинѣ группы христіанъ сплотились въ Іерусалимѣ, Самаріи, Лиддѣ, Кесареѣ. Помимо этихъ очаговъ христіанскія общины возникли лишь въ Римѣ и Александріи Египетской. За столѣтіе, прошедшее до 200 года, успѣхи распространенія христіанства, по ширинѣ площади и количеству запылавшихъ очаговъ, выражаются очень явственно. И въ Сиріи, и въ Греціи образуется рядъ новыхъ общинъ. Особенно много ихъ прибавляется въ Малой Азіи: Магнесія, Траллы, Филомелій, Парій, Никомедія, Пепуза, Тимій, Апамея, Анкира, Синопа, Амастрида и т. д. Нѣсколько новыхъ группъ замѣтны въ городахъ Ѳракіи. Но что важнѣе, христіанство въ эти годы проливается болѣе могучей волной и на Западѣ. Въ Италіи—Неаполь, Сиракузы, въ Галліи—Ліонъ, Віенна, въ Африкѣ—Карѳагенъ, въ Нумидіи—Мадавра, Скиллій, въ Германіи—Кельнъ, наконецъ, въ Испаніи нѣсколько группъ. Это были первыя крупныя побѣды христіанства, которыя привели отдѣльныя общины къ сознанію единства дѣла, сплотили христіанскую церковь и выдвинули ее уже какъ замѣтную силу въ римскомъ государствѣ и обществѣ.

Было бы, конечно, важно узнать и насколько интенсивно, въ глубину проникло христіанство. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удается въ источникахъ найти свидѣтельствъ, опредѣляющихъ густоту христіанскаго населенія имперіи во II вѣкѣ. Такія свѣдѣнія, какъ слова Оригена, что нѣтъ еще ни одного города, который можно было бы назвать христіанскимъ, мало разъясняютъ дѣло. Но о чемъ, однако, возможно и для II вѣка говорить безъ сомнѣнія, это о томъ, что христіанство перестало быть достояніемъ исключительно простонародья, какъ было въ эпоху апостоловъ. Оно привлекаетъ къ себѣ и людей высшаго круга: и изъ интеллигенціи, и изъ знати. При Домитіанѣ христіанство входитъ въ императорскій дворецъ, въ семью намѣченныхъ наслѣдниковъ престола, сыновей Тита Флавія Клемента. Несмотря на его разгромъ, оно не исчезаетъ отсюда—и среди приближенныхъ импе-

раторовъ, ихъ челяди, всегда было извѣстное число христіанъ. Послѣдніе теперь видны и въ войскѣ. Пока христіане считались евреями, они были свободны отъ военной службы; но когда іудейская личина была снята, они подлежали набору наравнѣ съ прочими подданными. Болѣе строгіе христіане отказывались обнажать мечъ, проливать кровь и приносить языческую присягу, но другіе шли на уступки, и число ихъ въ легіонахъ все росло.

Несмотря, однако, на эти успѣхи христіанства, римское общество до III вѣка, въ общемъ, относится къ христіанству враждебно, что замѣчается и въ высшихъ его классахъ, и въ низахъ. Простой народъ, безсознательно предрасположенный къ христіанству, недовѣрчиво еще смотритъ на замкнувшіеся кружки, на таинственныя общины христіанъ. Ихъ подозрѣваютъ въ безбожіи и ненависти къ человѣческому роду, и эти подозрѣнія не разъ приводятъ къ христіанскимъ погромамъ. Основаніемъ для обвиненія христіанъ въ безбожіи былъ отказъ ихъ поклоняться языческимъ богамъ, иногда принимавшій демонстративный характеръ. При гражданскомъ характерѣ античной религіи, уваженіе къ роднымъ богамъ было залогомъ преуспѣянія всей общины. Присутствіе христіанъ въ общинѣ должно было внушать гражданамъ-язычникамъ большую тревогу. Основаніемъ для второго обвиненія въ человѣконенавистничествѣ было, вѣроятно, и обособленіе христіанъ отъ общественной языческой жизни съ ея увеселеніями и культомъ, и доходившее до свѣдѣнія язычниковъ радостное ожиданіе близкой кончины міра, и убѣжденіе христіанъ, что міръ во злѣ лежитъ и подлежитъ вѣчной карѣ. Тѣ же обвиненія противъ христіанъ повторяются отчасти и въ интеллигентномъ обществѣ, которое тоже недоброжелательно смотрѣло на христіанство. Но главные мотивы недоброжелательства здѣсь были иные: образованнымъ людямъ претило то преобладаніе чуда, которымъ было пропитано христіанство. Они ссылаются на здравый смыслъ и въ новомъ увлеченіи видятъ шарлатанство, способное дѣйствовать лишь на темное простонародье. Развитому художественному вкусу ихъ была противна слишкомъ упрощенная и часто грубоватая форма христіанской проповѣди. Сознанію культурности и сознанію цѣнности достигнутой цивилизаціи было ненавистно отрицательное отношеніе къ ней христіанъ. Самое обезцѣненіе земныхъ благъ ради загробной жизни казалось абсурдомъ образованному языческому обществу. Такія возраженія противъ христіанства встрѣчаемъ мы у цѣлаго ряда писателей, начиная съ правленія императора Траяна, начиная съ Тацита.

Отношенія къ христіанству римскаго правительства также должны были обостриться съ тѣхъ поръ, какъ христіанскія общины отдѣлились отъ еврейства и вышли изъ-подъ покрова его привилегій. Поводомъ къ

столкновенію послужилъ культъ императора. Дѣло началось при Домитіанѣ, который очень ревниво относился къ своей божественности. Ареной этого перваго гоненія сдѣлалась, главнымъ образомъ, Малая Азія Хотя при Нервѣ гоненіе и затихло, но христіанство стало уже считаться оффиціально запрещенной религіей, христіанскія общины отнесены были къ разряду недозволенныхъ коллегій. Траянъ, сузившій вообще права коллегій, обратилъ вниманіе и на христіанъ. До насъ дошла любопытная переписка по этому вопросу между императоромъ и намѣстникомъ Виѳиніи, Плиніемъ Младшимъ. На вопросъ послѣдняго, какъ ему быть съ христіанами, Траянъ отвѣтилъ рескриптомъ, повелѣвавшимъ христіанъ нарочно не разыскивать, анонимныхъ доносовъ не принимать, но явно уличенныхъ въ христіанствѣ наказывать, если они не раскаются и не принесутъ жертвы богамъ. Этотъ рескриптъ Траяна оставался юридическимъ основаніемъ для процессовъ противъ христіанъ и при Гадріанѣ, и при Антонинѣ Новый рескриптъ изданъ былъ Маркомъ Авреліемъ, который, считаясь съ народнымъ настроеніемъ, приказалъ судить и предавать казни всѣхъ, кто введеніемъ новыхъ культовъ подаетъ поводъ къ народнымъ смутамъ. Въ это гоненіе прославилась геройствомъ своихъ подвижниковъ Ліонская община въ Галліи. Около 20 лѣтъ послѣ этого христіане пользовались спокойствіемъ. Только въ 201 году Септимій Северъ издалъ постановленіе противъ перехода язычниковъ въ христіанство. На этотъ разъ особенно жестоки были гоненія въ Александріи и въ Африкѣ. Но они зато и улеглись очень быстро, и остальное правленіе Северовъ было весьма мирнымъ. Александръ Северъ относился къ христіанамъ даже благожелательно. Смерть этого императора и вступленіе на престолъ Максимина Ѳракійца были началомъ новыхъ гоненій на христіанъ, но они уже носятъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ прежнія, и должны быть разсмотрѣны особо.

Со второй четверти III-го вѣка можно начинать новый періодъ въ исторіи развитія христіанства. Оно является вполнѣ сложившеюся единой церковью и выдерживаетъ рѣшительную борьбу съ распадающимся язычествомъ.

Очень интереснымъ представляется процессъ внутренней организаціи христіанской церкви. Въ раннемъ періодѣ мы замѣтили, что христіанскія общины складывались изъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, въ нихъ дѣйствуютъ апостолы и дидаскалы, какъ носители духовнаго возбужденія, съ другой—епископы, пресвитеры и діаконы, какъ руководители трезвой гражданской дѣятельности. На первое время (источникомъ, для изученія котораго являются посланія Новаго Завѣта), казалось, что именно апостольскому элементу суждено объ-

единить церковь. Вышло, однако, совсѣмъ наоборотъ. Апостолы постепенно вышли изъ предѣловъ церкви. Сначала они брали на себя руководство цѣлыми областями, во главѣ же отдѣльныхъ общинъ стали епископы. По мѣрѣ того, какъ сходило со сцены первое поколѣніе апостоловъ, все явственнѣе становилось, что и весь институтъ ихъ заканчиваетъ свое существованіе, такъ какъ не находилось достойныхъ и готовыхъ преемниковъ. Апостолы исчезаютъ, и на первое мѣсто поневолѣ выдвигаются епископы, завѣдывавшіе дѣлами общинъ или единолично, или коллегіально съ пресвитерами. Съ тѣхъ поръ, далѣе, какъ первоначальное воодушевленіе христіанъ смѣняется спокойнымъ стремленіемъ организоваться и устроиться, это управленіе общинъ стало нуждаться въ болѣе строгомъ порядкѣ и единствѣ. Постепенно христіанскія общины избираютъ единоличную власть епископа, какъ самую удобную и ведущую къ единенію церкви. Подъ епископомъ, главой общины, расположились іерархически пресвитеры и діаконы, и эта трехстепенная іерархія складывается въ особое духовное сословіе—клиръ. Всѣмъ этимъ развитіемъ и подготовлено было объединеніе однообразно организованныхъ христіанскихъ общинъ въ одну церковь. Въ послѣднія десятилѣтія II вѣка это объединеніе ярко выражается, а отчасти и закрѣпляется въ борьбѣ христіанства съ монтанистской реакціей. По мѣрѣ исчезновенія пророческаго и апостольскаго одушевленія, съ наступленіемъ спокойнаго, мирнаго епископскаго руководительства—идея близкой кончины міра отходитъ на второй планъ: христіанство не отрывается уже въ экстазѣ отъ земли, а, наоборотъ, старается прочнѣе на ней утвердиться. Экстатическимъ и эсхатологическимъ элементамъ, поскольку они уцѣлѣли въ немъ, становилось тѣсно въ его предѣлахъ. Они и вырвались наружу, и ушли въ монтанизмъ. Главнымъ образомъ, это сказалось въ Малой Азіи.

Послѣ побѣды церкви надъ апостольско-пророческой реакціей монтанизма, послѣдовало новое усиленіе значенія клира, какъ обособившагося ядра въ общинѣ, и епископской власти, становившейся почти неограниченной. Но сами епископы объединились въ еще болѣе тѣсно связанную группу: на мѣсто старыхъ провинціальныхъ синодовъ для рѣшенія важныхъ вопросовъ, становятся теперь соборы епископовъ. Въ половинѣ III вѣка въ Антіохіи засѣдали соборы, которые посѣщались епископами изъ Арменіи, Сиріи, Каппадокіи, Финикіи, Египта. На римскіе соборы съѣзжались епископы со всей Италіи. Между епископами шла оживленная переписка по всѣмъ вопросамъ Выходило, что какъ разъ въ то время, когда въ имперіи начинаютъ проступать сепаратистическія тенденціи, выражавшіяся въ борьбѣ провинцій за императорскую власть, христіанская церковь стояла уже у порога политически-

вселенскаго единства. Епископскій союзъ, руководившій общинами, превращался въ международное государство въ государствѣ. Имперія, въ лицѣ своего правительства, не могла не понять опасности такого развитія церкви, поскольку она оставалась конкуррирующей съ ней силой. Оттого въ третьемъ вѣкѣ существенно и измѣняется характеръ правительственныхъ гоненій на христіанъ. И прежнія столкновенія съ отдѣльными проявленіями анархизма христіанства, съ отдѣльными христіанами, не желавшими поклоняться императору, смѣняются теперь попытками произвести разгромъ церковной организаціи. Начиная съ Максимина, черезъ Деція до Діоклетіана идутъ эти попытки, выражавшіяся въ преслѣдованіи клира, въ казняхъ и заточеніяхъ епископовъ и пресвитеровъ, въ разрушеніи церквей, конфискаціи значительныхъ имуществъ, собранныхъ церковью, уничтоженіи священныхъ книгъ, принудительныхъ отреченіяхъ отъ христіанства. Гоненія эти, изъ которыхъ особенно продуманнымъ и систематичнымъ было послѣднее, организованное Діоклетіаномъ, вносили, конечно, значительныя потрясенія; массы слабыхъ отпадали отъ знамени креста, т.-е. заявляли оффиціально о своемъ отреченіи отъ христіанства, ради сохраненія свободы и служебныхъ выгодъ. Но, именно, огромное число этихъ отступниковъ показывало, что христіанство властно проникало во всѣ области государственной жизни. Не только міряне, но священники, даже епископы занимали высокія должности. Въ своемъ ростѣ христіанство переставало быть враждебнымъ государству. Самое содержаніе его, его ученіе постепенно утрачивало задорность и исключительность первыхъ временъ. Воспринимаясь и кругами, сравнительно интеллигентными, оно принимало все болѣе спекулятивный характеръ, превращаясь въ религіозно-философскую систему. Труды Оригена Александрійскаго и его школы сближали христіанство съ послѣднимъ словомъ античной философіи—неоплатонизмомъ. И въ той полемикѣ, которая въ III вѣкѣ загорѣлась между представителями этой послѣдней языческой программы и оригенистами, мы подъ внѣшней оболочкой борьбы ясно вскроемъ взаимное признаніе и уваженіе и готовность примириться и объединиться. По основнымъ пунктамъ, въ которыхъ они расходились,—о созданіи міра во времени, о вочеловѣченіи Логоса и воскресеніи мертвыхъ, оригенисты даютъ такія разъясненія, что ихъ утвержденіе почти равнялось отрицанію. Но и виднѣйшіе неоплатоники—Плотинъ, а особенно его ученикъ Порфирій, принимаютъ Христа, какъ почтеннаго мудреца и любимца боговъ, хотя и пытаются противопоставить ему свою миѳическую фигуру, древняго мудреца Пиѳагора, принесшаго людямъ божественное откровеніе. Но допуская чудо и откровеніе, неоплатонизмъ лишалъ себя главнаго оружія противъ христіанства.

Можно въ общемъ сказать, что церковь къ концу III вѣка во всѣхъ отношеніяхъ оказывалась приготовленной. Какъ поэтически выразился Гарнакъ: «подобно невѣстѣ съ богатымъ приданымъ, ожидала она полубезсознательно, но полная стремленій, царственнаго жениха», т.-е. государства, которое за III вѣкъ также въ своемъ развитіи двигалось по направленію этого союза. Національный характеръ Римской имперіи окончательно исчезаетъ, но параллельно съ этимъ космополитическимъ объединеніемъ проростало культурно-мѣстное обособленіе. Провинціальные міры проявляютъ склонность замкнуться въ тѣсныхъ кругахъ областныхъ интересовъ. Уже въ III в. въ имперіи было, собственно, нѣсколько центровъ, столицъ и Римъ уже не былъ главнѣйшей. Тетрархическая организація Діоклетіана выражала собой признаніе правительствомъ этого культурнаго распаденія имперіи. Въ своихъ преобразовательныхъ попыткахъ правительство Діоклетіана, однако, пробуетъ бороться съ этимъ распаденіемъ, усиливается воскресить угасшее національно-государственное сознаніе Мы уже знакомы со средствами этого возрожденія: они были взяты изъ прошлаго эллинистическаго востока: напряженіе самодержавія и бюрократизма, закрѣпощеніе всѣхъ общественныхъ слоевъ. Но на ряду съ ними правительство, даже раньше Діоклетіана, воздвигаетъ и еще одно средство объединенія—религіозную реформу. Старый культъ императора, введеніемъ котораго въ различныя религіи имперіи старались достигнуть религіознаго объединенія, оказался слишкомъ ничтожнымъ, не отвѣчающимъ вновь нароставшимъ запросамъ общества. Начиная съ Элагабала, сплошной вереницей тянутся до Константина императорскія «реформаціи» Подчиненіе всѣхъ религій культу сирійскаго божества смѣняется пропагандой сознанія близости и тожества всѣхъ религій и необходимости ихъ сліянія (при Северахъ). И дальше діоклетіановская религія Миеры—Солнца,—все это, въ своихъ монотеистическихъ тенденціяхъ, было только хожденіемъ около христіанства. Предпріятіе же Максимина Дазы, объединить всѣ культы каждой провинціи административнымъ путемъ, подчинить ихъ государственному, первосвященнику, какъ чиновнику, управляющему кадрами казенныхъ священниковъ—было (сознательнымъ или безсознательнымъ, безразлично) подражаніемъ организаціи христіанской церкви. Ясно, что имперія нуждалась въ общей религіи, даже больше, въ общей церкви, которая могла бы соединить гражданъ и поддержать государство. Общество и государство требовали монотеистической религіи, пирамидальнаго строенія ея, т.-е. съ широкимъ основаніемъ и прочно выведеннымъ островерхимъ покровомъ. Имперія съ ростомъ затрудненій нуждалась въ усиленіи народной энергіи и для того въ крѣпкой, жизненной организаціи, въ живыхъ силахъ которыя

могли бы руководить этой энергіей. Но такую религію не надо было заново изобрѣтать и такую организацію заново создавать. Они были готовы въ христіанствѣ и въ христіанской церкви съ ея могущественной іерархіей, съ ея крупными матеріальными рессурсами. Приходится удивляться близорукости или косности императорскаго правительства, которое до Константина не рѣшалось сдѣлать естественнаго шага—соединенія имперіи съ христіанской церковью.

Но если всмотрѣться въ движеніе фактовъ, окажется, что и здѣсь не правительство, въ лицѣ Константина, а сама христіанская церковь сыграла активную роль Будучи уже самой крупной силой въ имперіи, обладая прекрасной организаціей и солидными средствами, церковь въ лицѣ епископовъ рѣшительно вмѣшалась въ борьбу наслѣдниковъ Діоклетіана изъ-за императорской власти, выступивъ противъ ненавистнаго ей и опаснаго, въ качествѣ будущаго императора, Галерія, вдохновителя Діоклетіана. Христіане поддерживаютъ коалицію Максенція и Константина, которые охотно приняли эту поддержку. Вся борьба разыгрывается на отношеніи къ христіанской церкви, на попыткахъ привлечь на свою сторону ея органы и средства. Галерій палъ, такъ какъ его обращеніе къ епископамъ оказалось запоздалымъ. Максенцій былъ уничтоженъ интригой Константина, сумѣвшаго добиться разрыва между церковью и своимъ союзникомъ. Симпатіи христіанскаго большинства, его руководителей сосредоточиваются на Константинѣ, прочно утвердившемся въ западной половинѣ имперіи. На Востокѣ шло еще въ это время соперничество двухъ претендентовъ послѣ гибели Галерія, Максимина и Лициния. И здѣсь, собственно, борьбой руководила христіанская организація, поддерживавшая Лициния. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ею было достигнуто сближеніе Лициния съ Константиномъ, съ цѣлью добиться общаго для всей имперіи признанія христіанства дозволенной религіей, чтобы обезопасить церковь отъ возможныхъ гоненій. Признаніе это было сдѣлано въ 312 году на съѣздѣ императоровъ въ Миланѣ (Миланскій эдиктъ). Послѣ смерти Максимина въ 313 г. начинается долгая борьба за власть между оставшимися императорами Востока и Запада, при чемъ Константинъ сумѣлъ внушить восточнымъ церквамъ недовѣріе къ Лицинію, а это толкнула Лициния на опрометчивый шагъ: онъ бросился за поддержкой къ языческой части населенія и объявилъ гоненіе на христіанъ. Этой ошибкой Лициния воспользовался Константинъ и объявилъ войну, какъ открытый заступникъ христіанъ. Къ 324 г. онъ оказался единымъ властителемъ всей имперіи. Онъ былъ выдвинутъ и поддержанъ христіанской церковью, ея властными и могучими епископами, которые составляли съ самаго начала своего рода неоффиціальный императорскій совѣтъ, сопровождая Кон-

стантина даже въ походахъ. Императору приходилось очень серьезно считаться съ этимъ мощнымъ общеимперскимъ учрежденіемъ, имѣвшимъ и налаженные порядки, и значительные капиталы. Открыто не переходя въ христіанскую вѣру, оставшись до самой смерти безъ обычнаго уже тогда крещенія, Константинъ не могъ, однако, остановиться только на первоначальномъ безразличномъ признаніи равноправности христіанства съ прочими культами, хотя въ душѣ онъ вовсе не былъ увлеченнымъ послѣдователемъ Христа, и еще въ 20-хъ гг. разрѣшилъ постройку храма «своему божеству» въ Гиспеллѣ. Руководители и главы церкви настойчиво добивались тѣхъ правъ и привилегій, которыми раньше пользовалось язычество, и правительство принуждено выбрасывать одну льготу за другой для представителей христіанскихъ общинъ, членовъ клира, храмовъ. Уже въ 313 году клиръ освобождается отъ тягостей декуріоната, въ 315 г. на ряду съ императорскими доменами признаются свободными отъ казенныхъ повинностей ecclesiae catholicae (не католическія, а общія, общественныя въ противоположность частнымъ молельнямъ). Въ 319 г. епископамъ предоставляется юрисдикція въ гражданскихъ дѣлахъ, такъ что можно было миновать обычныя судебныя инстанціи; въ 321 г. церквамъ дано право пріобрѣтать имущество по завѣщаніямъ, и такъ далѣе. Въ результатѣ христіанскія общины и ихъ члены оказывались подъ особымъ покровительствомъ государства. Христіанство постепенно завоевывало явно привилегированное положеніе. Но установленіе льготъ и преимуществъ клира повело къ тому, что императору пришлось взять на себя и рѣшеніе вопросовъ и затрудненій, возникавшихъ въ церковной организаціи. Впервые Константинъ былъ втянутъ въ рѣшеніе церковныхъ дѣлъ—по поводу такъ наз. донатизма. Такъ называется длительная и жестокая борьба церковныхъ партій въ Африкѣ изъ-за назначенія епископа Карѳагенскаго: одна изъ нихъ поддерживала Доната, другая Цециліана. Противники Доната обратились за помощью къ императору. На заявленіе Доната: «Quid est imperatori cum ecclesia?», эти епископы указывали, что «надъ императоромъ нѣтъ никого, кромѣ Бога, который его поставилъ: если поэтому Донатъ считается себя выше императора, то онъ преступаетъ предѣлы, дозволенные людямъ».

Константинъ объявилъ донатистовъ лишенными всѣхъ льготъ, дарованныхъ христіанамъ. Это было первое выступленіе императора въ качествѣ верховнаго судьи въ церковномъ дѣлѣ, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, въ видѣ указовъ противъ еретиковъ и схизматиковъ, новаціановъ, валентиніановъ, маркіонистовъ, павликіанъ. Въ нихъ онъ, по внушенію епископовъ, повелѣваетъ имъ прекратить церковное разъединеніе. А затѣмъ императору пришлось принять участіе и въ

установленіи догматическихъ истинъ, такъ какъ епископы обратились къ нему за утвержденіемъ выработаннаго вѣроученія. Поводомъ къ этому было знаменитое дѣло Арія, при чемъ къ Константину обратился и самъ виновникъ раздора и его противникъ, патріархъ александрійскій Александръ. Императоръ повелѣлъ созвать большой соборъ. 20-го мая 325 года было первое засѣданіе собора въ Никейскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора, который открылъ его рѣчью, призывавшей къ единенію и миру. Онъ затѣмъ и предсѣдательствовалъ, принимая участіе въ преніяхъ и утверждая съ полнымъ сознаніемъ своего права тѣ или иныя предложенія участниковъ собора. Онъ одобрилъ текстъ символа вѣры, предложенной кесарійской церковью, и онъ былъ принятъ соборомъ. Въ заключеніе онъ утвердилъ своей печатью соборныя постановленія, «дабы, какъ онъ самъ заявилъ, областные начальники не смѣли уничтожить ихъ».

Такъ создалась въ христіанской церкви новая центральная власть: императоръ становился высшей инстанціей церковнаго законодательства, какъ въ сферѣ догмы, такъ и церковнаго строительства. По словамъ современника, Евсевія Кесарійскаго, Константинъ называлъ себя, какъ бы епископомъ, поставленнымъ Богомъ для внѣшнихъ дѣлъ. Въ дѣйствительности, онъ былъ уже признаннымъ главой и повелителемъ церкви, которому принадлежитъ власть созывать и распускать вселенскіе соборы и властно руководить ими. Самые вселенскіе соборы превращаются въ своего рода государственныя учрежденія, и въ рядъ правительственныхъ задачъ становится новая, приведеніе христіанской церкви, уже признанной государственной, къ единству. Эта задача при ближайшихъ преемникахъ Константина расширяется. Политика примиренія съ еретическими программами, главнымъ образомъ, съ аріанской, смѣняется репрессивной. Въ 380 г. правительство Ѳеодосія высказалось рѣшительно: «Мы хотимъ, чтобы всѣ народы, которыми правитъ наша благость, пребывали въ той религіи, какую передалъ римлянамъ ап. Петръ. Тѣмъ, кто слѣдуетъ этому ученію, повелѣваемъ принять имя каѳолическихъ христіанъ и считаемъ, что иные сумасбродные безумцы, которые несутъ на себѣ безчестіе еретическаго ученія, подлежатъ прежде всего возмездію отъ Бога, а затѣмъ мщенію отъ нашего побужденія, которое мы восприняли по небесному рѣшенію».

Ереси ѳотиніанъ, евноміанъ и аріанъ были преданы осужденію, и императорскими указами имъ было запрещено строить храмы, совершать богослуженія, избирать епископовъ и священниковъ, при чемъ указы приводились въ исполненіе насильственными мѣрами. Естественнымъ продолженіемъ этой политики было начавшееся преслѣдованіе старыхъ языческихъ культовъ, особенно послѣ предостереженія, дан-

наго юліановской реакціонной попыткой. Тому же Ѳеодосію принадлежитъ первый починъ въ этомъ дѣлѣ. Рядъ указовъ, воздвигавшихъ гоненіе на язычество, завершается конституціей 392 г., въ которой исполненіе языческихъ обрядовъ подводится подъ тяжкое преступленіе laesae majestatis. Для искорененія старинныхъ культовъ снаряжались карательныя экспедиціи, особенно жестоко расправлявшіяся въ Африкѣ и Египтѣ.

Такимъ образомъ, Римская имперія сдѣлалась христіанской, а христіанская церковь государственной. Вникая въ смыслъ этой грандіозной уніи, учитывая значеніе ея для обѣихъ соединившихся силъ, мы прежде всего убѣждаемся въ томъ, несомнѣнно, отрицательномъ значеніи, какое имѣло для христіанской церкви подчиненіе ея государству. Она обмірщается, пріемлетъ царство отъ міра сего, становится въ немъ одной изъ служебныхъ силъ, идетъ на компромиссъ, примиряется съ тѣми принципами и элементами императорской государственности, которые антагонируютъ съ основнымъ смысломъ первоначальной христіанской концепціи. Церковь признаетъ въ достаточной мѣрѣ идею человѣкобога императора и стираетъ грани между кесаревымъ и божіимъ. Однако не трудно сообразить, что такая профанація христіанства, такая его варваризація далеко не была неожиданной катастрофой. Оно уже задолго до примиренія съ государствомъ пошло по этому пути, и главнымъ образомъ, въ лицѣ своихъ признанныхъ пастырей и руководителей, епископовъ, ставшихъ послѣ побѣды надъ апостолистическимъ началомъ, полными хозяевами въ церкви. Нравственный уровень епископата быстро понижается. Составъ его заполняется властолюбцами и карьеристами, между которыми идетъ жестокое соперничество даже въ моменты гоненій. Возможность привлечь на свою сторону правительствующія группы, на нѣкоторое время скрѣпляетъ узы и дружныя отношенія епископовъ. Но уже при Константинѣ снова проступаютъ эти разъединительныя тенденціи, возобновляются старые, недоконченные счеты, выражающіеся въ борьбѣ различныхъ формулъ, въ ересяхъ и расколахъ. Эти формулы, часто совершенно безсодержательныя, были только символами, лозунгами, прикрывавшими болѣе простыя, жизненныя отношенія и болѣе реальные конфликты между руководителями церквей. Въ это соперничество епископы, превратившіеся въ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ правительственныхъ агентовъ, вовлекали и императоровъ, навязывая имъ роль верховныхъ судей въ церковно-религіозныхъ дѣлахъ, и общество, увлекая его новыми, казавшимися неотложными, догматическими вопросами. Въ результатѣ получалось то, о чемъ не безъ ироніи повѣствуетъ св. Григорій Нисскій, что уже въ IV в. въ Константинополѣ уличный мѣняла, прежде, чѣмъ размѣнять деньги, долго толкуетъ о томъ, рожденъ, или не рожденъ, а сотворенъ Іисусъ Христосъ; булочникъ, на вопросъ, по-

чемъ хлѣбъ, отвѣчаетъ пространно, что Отецъ больше Сына, а банщикъ, вмѣсто ванны, читаетъ лекцію о Богородицѣ. Богословскіе вопросы становятся самыми животрепещущими и всезаполняющими, и общественныя отношенія неуклонно окрашивались ими. И для государства, и для правительства создалась огромная задача, новое сложное дѣло— церковное устроеніе. Власть императора, являющагося теперь главой государства, а въ то же время и главой церкви, начиная съ Константина, впитываетъ въ себя новые оттѣнки, что особенно замѣтно на Востокѣ Формы чисто-восточной деспотіи, напряженныя Діоклетіано-Константиновскими реформами, христіанизируются, наполняются со стороны учителей церкви новымъ содержаніемъ.

Самодержавный императоръ, автократоръ провозглашается намѣстникомъ Бога на землѣ, не знающимъ никакихъ ограниченій своей верховной власти. Ослушаніе императорской воли—великій грѣхъ, это хула на Духа Святаго, такъ какъ царская власть признавалась богоустановленной и боговдохновенной. Съ самаго момента своего избранничества, императоръ пріобщался божественной мудрости и благодати. Такому представленію соотвѣтствовали и титулы, эпитеты государя, указывавшіе на его святость и божественность: «Божественный самодержецъ, сынъ Божій, равноапостольный, святой царь». Съ момента облаченія государя въ императорскія одежды, напоминавшія архіерейскія ризы, ему подобало богоравное почитаніе, выражавшееся въ поклоненіи и славословіяхъ, наподобіе иконы. Вся жизнь, весь обиходъ императора были сплошнымъ богослуженіемъ: его выходы, трапезы, пріемы, празднества, обставлены были сложными, выработанными съ величайшей аккуратностью обрядами.

Всѣ эти черты императорской власти, созданныя союзомъ съ церковью, повторяю, ярче выразились въ Восточной имперіи, поскольку уже для IV вѣка можно говорить объ образованіи двухъ имперій съ центрами, Римомъ и Константинополемъ, хотя въ принципѣ она и продолжала признаваться единой. Собственно въ этомъ раздвоеніи не было ничего неожиданнаго, такъ какъ оно фактически существовало искони: съ самаго начала, страны, составлявшія раньше эллинистическій кругъ, и внутри Римской имперіи составляли обособленную культурную группу. Съ тѣхъ поръ, какъ къ этой культурной розни восточно-эллинизированныхъ и западныхъ провинцій, присоединилась рознь внѣшней борьбы на два противоположныхъ фронта (парѳянско-персидскій и германскій), а между тѣмъ авторитетъ императорской власти среди смуты III вѣка упалъ, этотъ дуализмъ обозначился явственнѣе и его оффиціально призналъ Діоклетіанъ въ своемъ четевластіи. Съ тѣхъ поръ, исключая только короткій промежутокъ времени единодержавія Константина, въ Западной и Восточной имперіи фактически стояли особыя правительства.

IV. Вопросъ о такъ называемомъ „упадкѣ“ Римской имперіи и образованіе первыхъ варварскихъ королевствъ на почвѣ имперіи.

Великій союзъ государства и церкви, превращеніе всемірной имперіи въ христіанскую, какъ мы видѣли, повело къ обмірщенію церковной организаціи, къ приниженію христіанской вселенской церкви до роли покорнаго служебнаго органа имперіи. Но эта, казалось бы, грандіознѣйшая реформа, связанная съ именемъ Константина, не дала и самой имперіи того спасительнаго обновленія, отъ котораго она заиграла бы живыми, творческими силами. Прежде начавшіе дѣйствовать процессы политическаго разъединенія, выдѣленія въ государствѣ болѣе узкихъ соціально-политическихъ міровъ, упадка общественной энергіи, поворота экономической жизни къ болѣе упрощеннымъ формамъ—всѣ эти процессы не были пріостановлены примиреніемъ съ христіанствомъ и церковью. Христіанское и христіанизированное общество продолжало подвергаться старому гнету деспотическаго государства, и правительство скоро должно было убѣдиться, что разсчеты его на дѣятельную и постоянную поддержку его не оправдались. Цѣли христіанства, какъ такового, не совпадали съ интересами государства, а церковь, занявъ видное мѣсто въ государствѣ, неуклонно стремилась подняться выше его, стать надъ нимъ. Но, призванная служить единству имперіи, христіанская церковь не сумѣла сама остаться единой: она наполнена была борьбой сектъ, ересей и расколовъ. Вовлекая въ эту борьбу государство и его власть, она приносила съ своимъ торжествомъ лишь новую плоскость вражды и распаденія.

Я хочу сказать этимъ, что и послѣ христіанизаціи, въ IV—V в. въ Римской имперіи продолжаютъ неуклонно расти и развиваться теченія, въ совокупности которыхъ невольно усматривается извѣстный регрессъ, пріостановка человѣческой дѣятельности во всѣхъ областяхъ

жизни, ставшій знаменитымъ въ исторической литературѣ, — упадокъ Римской имперіи, внутренній упадокъ, предшествовавшій внѣшнему разрушенію ея, варварскому завоеванію. «Не варвары разрушили Римскую имперію—она пришла къ распаденію отъ собственнаго внутренняго разложенія»—такова формула Моммсена. Ее приняли всѣ почти историки: она остается господствующей и въ наши дни Задача и интересъ изслѣдованія сосредоточены на вопросѣ объ источникахъ этого упадка, на такъ называемыхъ причинахъ его образованія.

Одни изслѣдователи старались показать, что упадокъ античнаго міра зависѣлъ отъ деспотическаго характера организаціи Римской имперіи: казенно-бюрократическіе пріемы управленія, непосильная для общества требовательность власти должны были губительно дѣйствовать въ своемъ развитіи и на психику людей, приводя ихъ къ сознанію необезпеченности, отчаянію, должны были убивать общественную самодѣятельность, дѣлать государство и общество яростными врагами, подрывая тѣмъ самыя основы культурнаго развитія. Другіе выдвигали нравственный упадокъ и распущенность высшихъ классовъ римскаго общества, какъ источникъ паденія и всей имперіи. Третьи многозначительно повторяли знаменитую формулу Плинія: «Latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias», т.-е. считали корнемъ гибели развитіе въ имперіи крупнаго землевладѣнія. Нѣкоторые указывали въ качествѣ причины упадка, тотъ подборъ, который совершался въ римскомъ мірѣ при помощи рекрутскихъ наборовъ и приводилъ къ вырожденію античной расы.

Въ послѣднее время даны попытки болѣе широкихъ построеній внутренняго разложенія античнаго міра. Изъ нихъ наиболѣе вліятельнымъ оказалось объясненіе Эд. Мейера (въ «Экономическомъ развитіи древняго міра»). Онъ видитъ здѣсь послѣдствія неимовѣрнаго роста крупнаго капитала и рядомъ съ нимъ неимущаго пролетаріата. Развитіе капитализма, денежнаго хозяйства вело къ разрушенію деревенскаго строя въ пользу городского. Привлекая сельское населеніе матеріальными и соціальными выгодами, видами на быстрое обогащеніе, а также на даровое содержаніе, городъ не только политически, но и матеріально поглощаетъ деревню, уничтожаетъ естественныя для сельскаго строя жизненныя и торговыя сношенія и дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе сельскаго населенія. Но это разореніе сельскаго населенія въ скоромъ времени должно было отразиться и на благосостояніи самого города. Торговля пріостанавливается, промышленность замираетъ, тысячи рабочихъ рукъ остаются безъ дѣла и городъ начинаетъ пустѣть, какъ раньше пустѣли деревни. Такимъ образомъ, городъ, первоначально бывшій главнымъ факторомъ культурнаго развитія и причиной колоссальнаго роста благосостоянія, въ концѣ-концовъ уничто-

жаетъ благосостояніе, культуру и, наконецъ, самого себя. Значитъ, культура, достигнувъ наивысшаго развитія, и при полной исправности внутренняго строя, безъ вмѣшательства сколько-нибудь опаснаго внѣшняго врага, разлагается извнутри и снова уступаетъ мѣсто варварству.

Эта формула переживающей самое себя и саморазлагающейся культуры, подстановкой которой думаетъ рѣшить задачу Эд. Мейеръ, діалектична и произвольна. Въ то же время Мейеръ слишкомъ упрощаетъ и суживаетъ и процессъ, имъ изучаемый, и самую задачу. Сводить всю сложную эволюцію римскаго общества къ печальнымъ послѣдствіямъ роста капитализма, не принимая во вниманіе ни другихъ сторонъ соціальнаго процесса, ни многообразія и своеобразія дѣйствительныхъ фактовъ, это значитъ удовольствоваться отвлеченной, ничего не поясняющей схемой.

Насколько такое построеніе отвлеченно и произвольно, показываетъ появленіе рядомъ съ нимъ другого такого же общаго объясненія упадка античной культуры, предложеннаго другимъ видным нѣмецкимъ историкомъ, Максомъ Веберомъ. Въ противоположность Эд. Мейеру съ его полнымъ развитіемъ капитализма въ Римской имперіи, онъ обосновывается на положеніи, что древняя культура есть прежде всего, по существу своему, культура городская. Городъ является носителемъ, какъ политической жизни, такъ и искусства, и литературы. И въ экономическомъ отношеніи древнему міру присуща та форма хозяйства, которую мы теперь называемъ городскимъ хозяйствомъ. Правда, на этомъ фундаментѣ мѣстнаго хозяйства еще въ сѣдую старину возникла международная торговля, но эту торговлю нельзя считать значительной. Античная культура—культура береговъ, а на континентѣ—господство натуральнаго хозяйства. Только на морѣ и на большихъ рѣкахъ, дѣйствительно, происходилъ международный обмѣнъ. Онъ и пустилъ поэтому неглубокіе корни, захватывая лишь предметы роскоши и интересуя лишь тонкій слой имущихъ классовъ. Успѣхи торговли, такимъ образомъ, въ древности обусловливались увеличеніемъ имущественнаго неравенства, которое здѣсь принимаетъ опредѣленную форму—рабовладѣльчества. И античная культура характеризуется какъ рабовладѣльческая. Рядомъ съ городскимъ свободнымъ трудомъ стоитъ несвободный трудъ за предѣлами города. Подъ надстройкой, какую представляло собой мѣновое хозяйство, оказывается все болѣе расширяющійся съ усиленіемъ рабовладѣльцевъ фундаментъ натуральнаго хозяйства. Итакъ, рабовладѣлецъ оказывался экономическимъ носителемъ античной культуры, организація рабскаго труда—необходимой основой римскаго общества. Значитъ, римское могущество и культура двигались впередъ и были надежны постольку, поскольку шло безпрепятственно расширеніе

Римской имперіи и, обусловливаемая имъ, регулярная поставка на рынки человѣческаго матеріала, рабовъ. Съ прекращеніемъ завоевательныхъ войнъ, останавливается подвозъ рабовъ, и плантаціи должны были рухнуть. Хозяева-землевладѣльцы борются съ этой бѣдой путемъ превращенія рабовъ въ несвободныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, производя въ то же время закрѣпостительный нажимъ на свободныхъ колоновъ-арендаторовъ. Но эти мѣры не спасаютъ крупныхъ хозяевъ: производство для сбыта должно было исчезнуть; тонкія нити обмѣна, протянувшіяся поверхъ натурально-хозяйственной основы, должны были постепенно вытянуться и порваться. Большія имѣнія порываютъ свою связь съ городскимъ рынкомъ. Города бѣднѣютъ и падаютъ. Культура становится деревенской и феодальной. Античный міръ смѣняется Средневѣковьемъ.

Такова приблизительно схема «соціальныхъ причинъ» паденія античнаго міра, какъ удается ее уловить въ довольно сбивчивыхъ разсужденіяхъ Макса Вебера. Едва ли нужно доказывать, что она такъ же искусственна и невыразительна, какъ и схема Мейера.

Всѣ такія построенія, надо сознаться, очень мало объясняютъ. Здѣсь историки все еще занимаются подстановкой такъ называемыхъ причинъ историческихъ явленій, считая установленіе причинной ихъ связи своей чуть ли не главнѣйшей задачей. До сихъ поръ приходится слышать, что въ установленіи причинъ и заключается раскрытіе основной научно-исторической истины. Но поскольку точное опредѣленіе понятія причины съ трудомъ давалось старымъ логикамъ, вызывая споры и расхожденія, постольку и историки, оперируя съ неустановленнымъ терминомъ, впадали въ недоразумѣнія. Очень часто въ качествѣ причины какого-нибудь явленія указывается самое это явленіе, только подъ другимъ обозначеніемъ. Мы недавно наблюдали, какъ причиной образованія христіанства считали религіозный синкретизмъ. А между тѣмъ ясно, что синкретизмъ и есть само христіанство. Или же сложное историческое явленіе для уясненія расчленяютъ на части, на линіи и моменты—и ихъ распредѣляютъ въ перспективу, т.-е. между ними ставятъ знаки: раньше, позднѣе, вмѣстѣ, параллельно, извлекая затѣмъ связи воздѣйствія, вліянія, взаимодѣйствія, толчка, отраженія. Такимъ образомъ, научная работа создаетъ новые ряды и группировки фактовъ, съ которыми потомъ и производятъ свои операціи. Вотъ, напр., сложное явленіе—«паденіе имперіи», раздѣляютъ на цѣлый рядъ процессовъ: развитіе капитализма, деспотизма, разоренія, обезлюдѣнія, вырожденія и т. д., ихъ располагаютъ въ извѣстной послѣдовательности и получается, что имперія, напр., пала отъ разоренія. Но разореніе и было одной изъ линій или однимъ изъ симптомовъ упадка. Нѣмецкій философъ

Авенаріусъ показалъ, что въ этомъ стремленіи различить причины и слѣдствія, въ разложеніи явленія на силу и результатъ, слѣдуетъ видѣть фиктивную операцію, которую онъ назвалъ «интроекціей». Нельзя не согласиться и съ другимъ философомъ Махомъ, который считаетъ понятіе причины скомпанованнымъ по понятію воли: какъ въ нашей личной жизни мы привыкли раздѣлять ея проявленія на замыслы, планы, мотивы и на выполненія, дѣйствія, точно такъ же и въ сложныхъ группахъ общественныхъ явленій мы склонны различать, съ одной стороны, замыслы и размахи, а съ другой—удары, осуществленія скрытыхъ до тѣхъ поръ силъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что мы вообще охотно разнородныя множества людей скучиваемъ въ искусственныя рубрики: общество, народъ, человѣчество,—и они у насъ дѣйствуютъ, какъ лица. Мы персонифицируемъ даже самыя историческія явленія и процессы, и ведемъ рѣчь о фигурахъ революцій, реакцій, паденій, капитализмовъ, какъ о сознательныхъ и активно дѣйствующихъ организмахъ. Кто не читалъ фразъ: имперія упадала, республика переживала, революція стремилась, latifundia perdidere. Скажутъ, что это условныя выраженія, не мѣшающія постигать истинный смыслъ явленій. Но въ томъ-то и дѣло, что увлеченные этой условностью, мы иногда начинаемъ вѣрить, что одно явленіе можетъ стать причиной другого, т.-е. создать другое явленіе.

Надо сознаться далѣе, что самый упадокъ имперіи, эта грандіозная катастрофа, которой кончаютъ исторію античнаго міра, въ значительной степени преувеличена. слишкомъ сгущены опредѣленныя краски. Выбираются, исключительно, явленія и факты, свидѣтельствующіе о безнадежномъ отмираніи всѣхъ сторонъ соціальной и культурной жизни имперіи, всего сложнаго состава ея странъ. Смотря подъ опредѣленнымъ, предвзятымъ угломъ зрѣнія, и **всѣ** процессы и факты оцѣниваютъ, какъ предвѣстниковъ близкой смерти. А между тѣмъ, нельзя забывать такія крупныя прогрессивныя теченія, какъ, напр., сложеніе христіанства, совершенствованіе администраціи; хотя бы даже только это. А кромѣ того, надо помнить, что, принимая это паденіе имперіи, мы создаемъ странный «живой трупъ» въ Восточной имперіи, жившей долго и потомъ. Слишкомъ, съ другой стороны, ярко изображается начальное величіе имперіи, слишкомъ полнымъ и сочнымъ представляется этотъ ея расцвѣтъ. Въ томъ-то и дѣло, что грандіозное культурно-политическое объединеніе, предпринятое Римомъ и выражавшееся въ организаціи великой имперіи, и никогда, съ самаго начала не было полнымъ и удачнымъ. Не было такого момента, въ который Римскую имперію можно было бы назвать единымъ, цѣльнымъ организмомъ: ни въ хозяйственномъ, ни въ соціальномъ, ни даже въ политическомъ отношеніи. Ни-

когда развитіе ея не двигалось равномѣрно и въ единомъ направленіи повсемѣстно, т.-е. во всѣхъ культурныхъ кругахъ, входившихъ въ ея составъ. Такимъ образомъ, едва ли возможнымъ оказывается говорить и о какомъ-то общемъ упадкѣ имперіи. Если на протяженіи четырехъ столѣтій въ комплексѣ странъ и обществъ замѣчаются, то тамъ, то здѣсь, признаки быстраго роста хозяйственныхъ успѣховъ, или ослабленія хозяйственной энергіи, то осложненія, то упрощенія экономическихъ отношеній, такія явленія естественны и понятны сами собой; это не упадокъ имперіи, а просто результаты измѣненій или условій природы, или направленія торговыхъ путей, или, наконецъ, измѣненій во внѣшнемъ положеніи той или другой мѣстности. Западъ имперіи—Италія, Римъ, постепенно перестаютъ быть центромъ, превращаются въ окраины, въ захолустье; здѣсь замѣчается поворотъ къ болѣе простымъ, элементарнымъ формамъ жизни, къ натуральному хозяйству. И само правительство идетъ навстрѣчу этому повороту, считая, что такая организація общественнаго труда при осложнившейся трудности военной обороны государства обезпечиваетъ бо́льшіе доходы и бо́льшія услуги съ населенія... Затѣмъ присоединеніе къ всемірной имперіи, проникновеніе въ составъ этого культурно-политическаго круга новыхъ этническихъ группъ, новаго населенія средне-европейскихъ странъ, приноситъ съ собой еще болѣе рѣшительныя перемѣны: западно-средиземноморскія страны перестраиваются въ ряды новыхъ, германскихъ, по составу правящихъ группъ—королевствъ, не теряющихъ, однако, сознанія своей принадлежности къ Римской имперіи. Огромный же Востокъ, и въ Римской имперіи оставшійся культурнымъ центромъ, можно сказать, почти что не былъ захваченъ этимъ упадкомъ: тамъ шли и развивались свои процессы, явившіеся продолженіемъ старой эллинистической жизни. Если и можно сближать образованіе и упроченіе на Востокѣ и на Западѣ крупныхъ автономныхъ сальтусовъ-княжествъ, закрѣпощеніе сельскаго населенія, то мы уже убѣдились въ томъ, что это не единые общеимперскіе процессы, а совершенно раздѣльныя и самостоятельныя образованія. На Востокѣ феодализирующія теченія были возобновленіемъ старинныхъ, до-римскихъ; на Западѣ—они выходили изъ неподготовленности этихъ странъ къ обширному объединенію. Вѣдь расчлененіе всесвѣтной монархіи Александра на рядъ эллинистическихъ царствъ мы не считаемъ упадкомъ эллинизма. Точно такъ же и расчлененіе единой, но не цѣльной Римской имперіи на естественно образовавшіяся части едва ли можетъ быть квалифицировано, какъ упадокъ или паденіе, тѣмъ болѣе, что, выдѣлившись изъ отпадавшихъ краевъ, то, что было центромъ имперіи, Востокъ про-

должалъ существовать и развиваться въ качествѣ Римской имперіи и поздѣе—черезъ цѣлый рядъ столѣтій. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній нашъ интересъ долженъ перемѣститься съ разслѣдованія и угадыванія причинъ совершившагося измѣненія на изученіе того, *какъ* происходили эти перемѣны, т.-е. какъ фактически Римская имперія сдѣлалась только Восточной имперіей. При этомъ не будемъ закрывать глаза передъ простымъ смысломъ фактовъ, не будемъ *фактическое* исчезновеніе въ Римѣ единаго императорскаго правительства отказываться считать результатомъ все-таки *фактическаго* завоеванія.

Вообще, какъ бы мы ни смотрѣли на эти процессы, мы обязаны познакомиться съ самымъ фактическимъ ихъ содержаніемъ, и прежде всего, слѣдовательно, съ тѣмъ, какъ въ дѣйствительности складывались отношенія между Римской имперіей и соприкоснувшимся съ ней германскимъ міромъ. Мы минуемъ при этомъ первыя, спорадическія столкновенія Рима съ германцами, начиная съ знаменитаго нашествія кимвровъ и тевтоновъ, требовавшихъ себѣ земель для поселенія на римскихъ владѣніяхъ, черезъ попытку племени свевовъ перебраться черезъ Рейнъ въ южную Галлію, до походовъ римскихъ легіоновъ въ прирейнскія и зарейнскія страны. Походы эти организованы были Августомъ, и сначала они складывались для римлянъ съ блестящимъ успѣхомъ. Германцы, казалось, должны были отказаться отъ надежды найти себѣ мѣста для поселенія на римской территоріи. Римская имперія еще сильна, еще стремится къ росту: она заняла всю рейнскую линію, съ юга подступивъ къ Дунаю, она двигается дальше за эти рѣки, полагаетъ основаніе «провинціи Германіи», которая обѣщаетъ расшириться далеко на востокъ, по направленію къ Эльбѣ.

Но этотъ римскій натискъ на сѣверо-востокъ очень быстро и ослабъ. Задача оказалась весьма трудной: театръ войны былъ отдаленный, а боевая линія страшно растянута: германцы, хотя и раздроблены, но часто отважно-дики и неуловимы; климатъ непривычный, природа суровая и неподатливая. Первая же случайная катастрофа, постигшая римлянъ, гибель легіоновъ Квинктилія Вара въ Тевтобургскомъ Лѣсу (9 годъ по Р. Х.), сразу охладила воинственный пылъ римскаго правительства. Августъ рѣшительно отказывается отъ завоевательной политики и завѣщаетъ своему преемнику Тиберію организовать на рейнской и дунайской границахъ оборонительную систему. Къ концу I в., такимъ образомъ, какъ бы уравновѣшивается взаимное давленіе другъ на друга римскаго и варварскаго міра: Римъ не двигается больше впередъ, германцы еще не въ силахъ принудить его къ дальнѣйшему отступленію. Но имперія уже чувствуетъ тяжесть германскаго напора: она принуждена держать на одной рейнской границѣ стотысячную ар-

мію, воздвигаетъ между Рейномъ и Дунаемъ для обороны этого угла, такъ называемыхъ Десятинныхъ полей, цѣлую систему укрѣпленій, знаменитый limes romanus, римскій пограничный валъ, «Чортову стѣну», какъ ее прозвали впослѣдствіи. Въ это время, т.-е. за II вѣкъ, и складываются постоянныя отношенія между римлянами и германцами. Ихъ не надо представлять себѣ только въ видѣ военныхъ столкновеній, и взаимоистребленія. Помимо того, что римское правительство и здѣсь дѣйствовало при помощи стараго, испытаннаго пріема: divide ac impera, притягивая въ свою дружбу однѣ варварскія группы, разжигая искусно распри между другими, между римскимъ и германскимъ мірами налаживалось и мирное культурное общеніе, и торговый обмѣнъ. Потянулись сюда съ юга предпріимчивые люди, привлекаемые возможностью легкой наживы. И по берегамъ Рейна и Дуная, и въ Десятинныхъ поляхъ прочно усѣлось римское населеніе, появились оживленные города, прекрасныя имѣнія. Римскіе храмы и школы, театры и бани, виллы и мастерскія стали украшать эти побережья. Всюду слышался латинскій говоръ. Римская цивилизація не могла не оказывать вліянія на германцевъ, которые, конечно, не жили только національной ненавистью къ римлянамъ, какую имъ иногда приписывали. Вражда обострялась мѣстами и временами, но утверждать, что германцы стихійно и неудержимо стремились къ разрушенію Рима, къ истребленію всего римскаго— было бы грубѣйшей ошибкой. Напротивъ, варвары питали къ имперіи своеобразное суевѣрное почтеніе, мистическій трепетъ передъ величіемъ римскаго имени, и Римъ привлекалъ къ себѣ варваровъ: они охотно шли на дружбу съ римскими правителями, принимали князей, рекомендованныхъ изъ Рима, а главное, съ разныхъ сторонъ и различными путями просачивались внутрь имперіи. И отдѣльные воины, и цѣлыя дружины, со своими вождями во главѣ поступали въ легіоны, образовывали вспомогательные отряды и на римской службѣ забывали навсегда свою родину въ далекихъ походахъ. Много германцевъ уводилось въ имперію и насильно, въ качествѣ плѣнныхъ, и потомъ мы ихъ видимъ уже рабами или колонами на латифундіяхъ и сальтусахъ, и въ Азіи, и въ сѣверной Африкѣ. Имперія, чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе ощущала нужду и въ военныхъ людяхъ, и въ рабочихъ рукахъ, поскольку коренные жители отъ воинской повинности старались уклониться, а земли, стянутыя въ огромныя вотчины императоровъ и сенатской знати, лежали впустѣ и ждали сильныхъ и выносливыхъ земледѣльцевъ.

Такимъ образомъ, обильные варварскіе элементы вольно и невольно вливались въ предѣлы имперіи, пополняя собой два самыхъ нужныхъ слоя населенія: войско и крестьянство. И если въ началѣ они еще легко и незамѣтно впитывались римскимъ общественнымъ организмомъ, то

съ теченіемъ времени ихъ вліяніе внутри него дѣлается все болѣе замѣтнымъ, содѣйствуя значительному перерожденію всего организма. Но даже прежде, чѣмъ началось дѣйствительное перерожденіе римскаго общества, это послѣднее, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ германцами, лучше узнало ихъ, привыкло къ нимъ, отбросило тѣ фантастическія представленія о нихъ, какія были на первыхъ порахъ и заставляли относиться къ варварамъ, какъ чудовищамъ. Можно, конечно, предполагать, что и нѣкоторыя части германцевъ, познакомившись съ римской цивилизаціей, должны были стремиться воспользоваться удобствами римскаго быта, римскими техникой и умѣньями.

Въ такомъ положеніи дѣла обстояли здѣсь, на сѣверѣ въ теченіе лѣтъ полутораста. Но въ это время въ германскомъ мірѣ неизбѣжно должны были назрѣвать условія, давленію которыхъ и суждено было нарушить установившееся спокойствіе и равновѣсіе Не буду разбираться въ нихъ, а скажу прямо, что первымъ проявленіемъ этого постепенно складывавшагося и подготовлявшагося движенія въ германскомъ мірѣ были событія, разыгравшіяся въ 165 г. при императорѣ Маркѣ Авреліи. Цѣлый рядъ германскихъ племенъ, жившихъ въ союзѣ съ имперіей по дунайской границѣ: маркоманны, квады, гермундуры, вандалы соединились вмѣстѣ и, поднявшись, залили провинціи Норикъ и Паннонію, проникли и дальше, въ Рецію и Иллирію. Съ оружіемъ въ рукахъ, дикія толпы ихъ требуютъ земель для поселенія. Части ихъ переваливаютъ черезъ Альпы, рыщутъ въ Италіи. Аквилея находилась уже въ осадѣ. Въ самомъ Римѣ наступило смятеніе. Маркъ Аврелій самъ принялъ командованіе наскоро собранной арміей. Изъ Италіи варваровъ скоро удалось вытѣснить, но цѣлый рядъ лѣтъ императору пришлось пребывать въ Карнутѣ, на Дунаѣ, руководя военными дѣйствіями противъ германцевъ, не прекращавшихъ своихъ вторженій въ римскіе предѣлы. Маркъ Аврелій умеръ, не закончивъ этого дѣла, и его сыну Коммоду пришлось впервые пустить въ ходъ деньги, которыми онъ купилъ миръ у германцевъ. Римъ остался побѣдителемъ; племенная коалиція, образовавшаяся было около маркомановъ, разсыпалась. Но самая продолжительность этой маркоманнской войны показываетъ, что внутри германскаго міра произошли значительныя перемѣны, и что съ этихъ поръ начинается новый періодъ въ отношеніяхъ между имперіей и варварами. Дѣйствительно, съ начала III в. новый усиленный напоръ германскихъ массъ на имперію, заложенный маркоманнами, уже не прекращается; онъ все крѣпчаетъ, доходя до настоящаго передвиженія племенъ, съ которымъ уже нельзя справиться однимъ, даже и рѣшительнымъ ударомъ. Къ Рейну изъ-за Эльбы, на мѣсто тацитовскихъ херусковъ, бруктеровъ, хамановъ, продвигаются крупныя массы бур-

гундовъ, франковъ, алеманновъ. Они предлагаютъ имперіи военную службу и обѣщаютъ ей вѣрность, если она предоставитъ имъ земли на своей территоріи. Имперія еще съ гордостью отвергаетъ эти предложенія—впустить въ свои предѣлы цѣлое воинственное племя. Но за этими массами надвигаются новые комплексы вандаловъ, лангобардовъ. И видно по всему, что въ глубинѣ самаго германскаго міра совершаются въ III в. какія-то крупныя передвиженія, идутъ жестокія столкновенія и вообще происходитъ великая сумятица Съ ея, пока еще только отдаленными, отзвуками и приходилось считаться Римской имперіи, но какъ разъ въ то время, когда силы ея начинаютъ колебаться отъ происходившихъ въ ней внутреннихъ неурядицъ. Именно въ III в. стало обнаруживаться, что великое культурно-политическое объединеніе, предпринятое Римомъ, обречено на полную неудачу: силъ италійства и Рима оказалось недостаточно, чтобы призвать къ творческой жизни объединенныя страны, и наступала неудержимо пріостановка дѣятельности и работы во всѣхъ областяхъ жизни. Подробности этого поворота въ жизни имперіи я уже имѣлъ случай указывать раньше. Тогда же я говорилъ и о томъ, что предпринятая императорскимъ правительствомъ съ начала IV в попытка возродить утраченное уже единство и крѣпость, крупная реформа, связанная съ именами Діоклетіана и Константина, соединеніе имперіи съ христіанской церковью—не принесли желаемыхъ результатовъ, такъ какъ реформа основана была на старыхъ, эллинистическихъ средствахъ: деспотическаго принужденія и всеобщаго закрѣпощенія. Такимъ образомъ, имперія роковымъ образомъ лишалась все безповоротнѣе силы сопротивленія и общественной энергіи какъ разъ къ тому моменту, когда все росшая сумятица внутри германскаго міра стала давать ей себя чувствовать непосредственными, тяжкими ударами. Именно, въ IV в. германцы надвинулись на римскія границы уже цѣлой огромной державой, настоящимъ большимъ государствомъ. Я имѣю въ виду готовъ съ ихъ Черноморскимъ царствомъ.

Новѣйшія изслѣдованія въ области исторіи германскихъ передвиженій рисуютъ такую картину образованія этого перваго большого политическаго объединенія германцевъ. Исходной точкой перезаселенія были южные берега Балтійскаго моря, которые были заняты восточной отраслью германской расы. Главной частью ея были готоны, предки историческихъ готовъ, сидѣвшіе по низовьямъ Одера и Вислы. Часть ихъ перебросилась на Скандинавскій полуостровъ. Ко II в по Р. Хр. весь этотъ могучій племенной комплексъ начинаетъ сдвигаться съ своихъ первоначальныхъ мѣстъ, можетъ быть, вслѣдствіе того, что скандинавскіе готы возвратились на старые балтійскіе берега, изъ суровыхъ сѣверныхъ странъ. Такъ какъ съ востока въ то же время

надвигались славянско-литовскія группы, то въ малоплодородной странѣ (теперешняя Пруссія) стала ощущаться тѣснота, и готы вынуждены были потянуться къ югу. За вторую половину II в. вся масса готовъ спускается отъ южнаго угла Балтійскаго моря къ сѣверо-западному углу Чернаго, а около половины III в., по свидѣтельствамъ источниковъ, все широкое пространство отъ Днѣстра до Дона занято готскими поселеніями.

Это передвиженіе готовъ, какъ предполагаютъ, въ первую очередь и вызвало вторженіе маркоманновъ, на римскую территорію, а затѣмъ заставило племена алеманновъ и бургундовъ податься къ рейнской границѣ. На ихъ мѣстахъ, образуя какъ бы вторую линію напора на имперію, усаживается вновь складывающіеся крупные племенные комплексы: вандаловъ, лангобардовъ и т. д. Все это, включая и готовъ, пока еще не настоящія объединенныя государства: отдѣльные народцы, входящіе въ комплексы, управляются своими князьями, которыхъ избираетъ вѣче. Но въ моменты осложненія обстоятельствъ, военнаго напряженія, они уже умѣютъ подчиняться одному общему вождю—королю. Раньше другихъ эта военная монархія избираемыхъ конунговъ развивается у готовъ благодаря борьбѣ, которую имъ приходилось вести съ имперіей и восточными кочевниками. Готы становятся грозой имперіи и громятъ ея восточныя провинціи съ суши и съ моря, такъ что пришлось имъ уступить Дакію (лѣвый берегъ нижняго Дуная).

Черноморскіе готы распадались на двѣ вѣтви—западную, вестготовъ и восточную, остготовъ (за Днѣстромъ до волжскихъ береговъ). Въ IV в. среди готовъ распространяется христіанство въ формѣ аріанства. Тогда же король преобладавшихъ вестготовъ, Германрихъ объединилъ готовъ и другія болѣе мелкія племена, можетъ быть, даже финскія и славянскія, въ одну огромную державу.

Державѣ Германриха и суждено было принять ударъ новой азіатской волны, нахлынувшей на Европу: это были гунны, народъ тюрко-монгольскаго племени, ранѣе кочевавшій въ средне-азіатскихъ степяхъ и во второй половинѣ IV в. продвинувшійся въ Поволжье. Борьба готскаго государства съ этимъ натискомъ кончается разгромомъ державы Германриха и движеніемъ гунновъ вмѣстѣ съ захваченными въ эту волну остготами къ западу въ Паннонію (нынѣшнюю Венгерскую низменность). Вестготскія части, избѣгая этой орды, спѣшно переселялись къ берегу Дуная и обратились къ восточному императору Валенту съ просьбой позволить имъ поселиться въ предѣлахъ имперіи, обѣщая за это свою службу и подчиненіе. Просьба эта была исполнена, и до 200.000 готовъ, способныхъ носить оружіе, съ семьями и имуществомъ, размѣщены были гарнизонами въ провинціи Мизіи (нынѣшняя Болгарія),

при чемъ провинціальныя власти обязаны были снабжать это варварское войско провіантомъ. Злоупотребленія римскихъ чиновниковъ и всевозможныя притѣсненія вызвали среди военныхъ поселенцевъ возстаніе, къ которому примкнули и римскіе колоны. Банды возставшихъ громили города Балканскаго полуострова, въ сраженіи при Адріанополѣ въ 378 г. разбили императорское войско, при чемъ самъ императоръ Валентъ погибъ въ рѣзнѣ Только черезъ пять лѣтъ императору Ѳеодосію удалось усмирить это возстаніе и заключить съ готами договоръ, по которому они снова признавали власть императора и въ качествѣ союзныхъ ополченій размѣщались на квартирахъ въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова

И западное правительство держится той же примирительно-уступчивой политики по отношенію къ варварамъ. За недостаточностью собственныхъ военныхъ средствъ приходилось прибѣгать для защиты имперіи отъ варваровъ къ ихъ же силамъ. Вдоль рейнской границы вытянуты были поселенія германскихъ группъ на положеніи летовъ или федератовъ Леты-варвары, поселенные на государственныхъ земляхъ съ обязательствомъ наслѣдственной военной службы. Федераты—это цѣлыя германскія племена, впущенныя на территорію имперіи съ обязательствомъ защищать ее отъ враговъ, но съ сохраненіемъ своего политическаго устройства, со своими королями, своимъ правомъ, что-то въ родѣ вассальныхъ княжествъ въ имперіи. Варварскіе вожди, конунги, состоявшіе на службѣ имперіи, очень скоро должны были сознать свою силу въ государствѣ и пытаться пользоваться своимъ положеніемъ въ своихъ интересахъ. Уже при преемникѣ Ѳеодосія на Востокѣ, Аркадіи, балканскіе вестготы объединяются подъ руководствомъ своего вождя Алариха и двигаются походомъ на Константинополь. Несмотря на уступчивыя предложенія императорскаго правительства, Аларихъ подступилъ къ столицѣ, взялъ съ нея огромный выкупъ и спустился въ Грецію, предавая грабежу ея города и села. Подошедшія на помощь войска западнаго императора Гонорія, подъ командой Стилихона (вандала, добившагося своими талантами выдающагося положенія руководителя неспособнаго Гонорія), вытѣснили вестготовъ изъ Пелопоннеса къ сѣверу. Но Аркадій, опасавшійся Стилихона, поспѣшилъ удалить его съ его войсками, а съ Аларихомъ заключилъ договоръ, по которому Аларихъ назначался военнымъ управителемъ Иллиріи (съ титуломъ dux), гдѣ и поселены были вестготы въ качествѣ федератовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ восточное правительство усиленно указывало Аларихъ возможность похода на Италію. Стилихонъ, раскрывъ эти замыслы, приготовился для защиты, стянулъ въ Италію легіоны съ рейнскихъ береговъ и даже изъ Британіи, заключилъ новые договоры съ племенами

франковъ и алеманновъ, предоставивъ имъ земли въ Галліи и Рэціи. Нападеніе Алариха 401 г. окончилось неудачей. Но за то другія германскія группы, бургунды, алеманны и франки, окончательно утвердились въ это время на лѣвомъ берегу Рейна; свевы, вандалы проникаютъ въ Испанію. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ имперіи, полчища разноплеменныхъ варварскихъ группъ, подъ предводительствомъ Радагайса, въ 404 г. появляются въ Италіи, и только необыкновенной расторопности Стилихона удалось отразить это страшное нападеніе. Послѣднимъ предпріятіемъ Стилихона было вступленіе въ переговоры съ Аларихомъ, котораго онъ приглашалъ взять на себя защиту имперіи, предлагая ему въ собственность одну изъ пограничныхъ провинцій. Недальновидные сотрудники Гонорія увидѣли въ этомъ непатріотичность и измѣну православію (вестготы были аріанами) и обвинили Стилихона въ стремленіи занять императорскій престолъ. Онъ былъ убитъ по приказанію Гонорія, а по всей Италіи начались германскіе и аріанскіе погромы. Десятки тысячъ расквартированныхъ въ Италіи варваровъ бѣжали къ Алариху, который, воспользовавшись гибелью Стилихона, двинулся большимъ походомъ на Италію, доходилъ до Рима, взялъ съ него большой выкупъ и расположился прочными стоянками въ Тосканѣ, ожидая отъ Гонорія отвѣта на свое предложеніе союза. Не дождавшись его, онъ опять двинулся къ Риму, заставилъ сенатъ свергнуть Гонорія и провозгласилъ императоромъ городского префекта Аттала, а вслѣдъ затѣмъ лѣтомъ 410 г. въ третій разъ осадилъ Римъ, взялъ его и предалъ трехсуточному грабежу. Съ огромной добычей вестготы бросились потомъ въ южную Италію, такъ какъ Аларихъ мечталъ о завоеваніи Африки. Построенные для этого похода корабли, однако, погибли въ бурѣ, и самъ Аларихъ вскорѣ умеръ. Поднятый на щитъ вестготами его родственникъ Атаульфъ въ 412 г. счелъ возможнымъ примириться съ низвергнутымъ Гоноріемъ, который снова становится императоромъ. Вестготамъ дано было позволеніе занять южную Галлію. Уже слѣдующій вестготскій король, Валлія окончательно усаживается здѣсь въ провинціи Аквитаніи (между Пиренеями, океаномъ и Гаронной, съ главнымъ городомъ Толозой), и, такимъ образомъ, послѣ долгихъ странствованій вестготы прочно образуютъ свое тулузское королевство на римской почвѣ. Это и было первое настоящее варварское государство на землѣ имперіи.

Вестготы со своимъ королемъ Валліей получили для поселенія провинцію Аквитанію, принимая на себя обязательство военной службы на защиту имперіи. Они и устраивались въ странѣ на основаніи римскаго закона о военномъ постоѣ (hospitalitas): они получали квартиры въ помѣщеніяхъ мѣстныхъ жителей: обыкновенно такому постояльцу пре-

доставлялась $^1/_3$ дома и такая же часть плодовъ съ земли владѣльца, у котораго онъ помѣщался. Собственно говоря, точно на такихъ же основаніяхъ размѣщались и прежде на постой римскіе легіоны. Только тамъ содержаніе легіонерамъ выдавали изъ казенныхъ магазиновъ, а теперь оно было разложено на самихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Но все-таки говорить о томъ, что здѣсь не было никакого насилія надъ туземнымъ населеніемъ, едва ли справедливо: испомѣщеніе массы чужихъ людей съ семьями, своими обычаями, своей организаціей, людей, которые, получая обязательное содержаніе, считали себя побѣдителями, носило характеръ завоеванія, особенно, когда эти постояльцы съ первыхъ же шаговъ начинали нарушать предполагавшіяся нормы, а туземные галло-римляне были безсильны дать организованный отпоръ ихъ дикости Приходилось идти уже на полный раздѣлъ земель, поскольку совмѣстное существованіе оказывалось невозможнымъ. Такъ очень скоро въ собственность вестготовъ вырѣзана была треть земель въ Аквитаніи. Ихъ король считался какъ бы на службѣ имперіи: онъ былъ начальникомъ имперской арміи, состоявшей изъ его вестготовъ, и носилъ титулъ magister militum и патриція, какъ высшаго сановника имперіи, которому передавалась и административная власть въ странѣ не только надъ своими готами, но и надъ римскими гражданами. Теоретически онъ былъ какъ бы намѣстникомъ императора, но фактически онъ являлся полнымъ государемъ и господиномъ въ уступленной области, ведущимъ самостоятельно и внутреннюю и внѣшнюю политику, завоевывающимъ для себя и на свой рискъ новыя земли. Римское правительство уже не вмѣшивается въ жизнь этихъ оторвавшихся отъ имперіи областей, подобно тому, какъ оно переставало вмѣшиваться во внутреннюю жизнь экзимированныхъ сальтусовъ

Возникновеніе вестготскаго королевства является чрезвычайно характернымъ моментомъ въ процессѣ распада или расчлененія западной половины Римской имперіи. Онъ былъ выраженіемъ внутренняго ослабленія имперіи, которая, нуждаясь въ силахъ для военной обороны и впуская въ свои предѣлы съ этими цѣлями свѣжіе и боеспособные варварскіе элементы, уже не въ состояніи оказывается уподобить ихъ себѣ. Германцы являются въ этихъ областяхъ активной силой: здѣсь они представляютъ собой военныхъ защитниковъ имперіи. Отсюда одинъ шагъ къ тому, чтобы они захватили и политическое преобладаніе. Все это, конечно, даетъ впечатлѣніе постепенности процесса расчлененія имперіи, медленнаго перерожденія римскаго государства и общества, пропитывавшихся варварскими элементами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ такое перезаселеніе западныхъ римскихъ странъ новыми этническими группами включало въ себя и моментъ завоеванія, было, если не вне-

запной катастрофой, то цѣлой вереницей частичныхъ катастрофъ и разгромовъ. И образованіе королевства вестготовъ нельзя представлять себѣ исключительно въ мирныхъ, идиллическихъ очертаніяхъ. Подобнымъ же образомъ складывались и послѣдующія варварскія государства во владѣніяхъ имперіи. Само собой разумѣется, что можно отмѣтить въ различныхъ случаяхъ и расхожденія, т.-е. въ одномъ мѣстѣ могли преобладать мирныя отношенія, германцы безъ особаго ожесточенія размежевывались со старымъ римскимъ населеніемъ, а ихъ вожди покорно вступали въ права намѣстниковъ императора; въ другихъ мѣстахъ происходилъ болѣе или менѣе насильственный захватъ, и тогда рѣшительнѣе вытѣснялись и римскіе порядки, и римское населеніе.

Этотъ процессъ заканчивается исчезновеніемъ самой императорской власти на Западѣ. Послѣ того, какъ бассейнъ р. Роны занятъ былъ королевствомъ бургундовъ, на сѣверо-востокѣ Галліи сложилось королевство франковъ, Британія захвачена была саксами, а сѣверная Африка вандалами, въ непосредственномъ владѣніи имперіи на Западѣ оставалась только Италія. Въ Римѣ продолжаютъ избираться императоры, но и здѣсь руководящей силой становятся тѣ же варвары: только ихъ ополченія составляютъ ея военную защиту, и военная власть переходитъ въ руки ихъ вождей. Только тѣнь гражданской власти остается въ рукахъ императоровъ; всѣ же высшія должности замѣщаются германскими офицерами. Непрекращающаяся борьба за императорскій престолъ ведется съ помощью все тѣхъ же варваровъ. Ихъ призываютъ, нанимаютъ, допускаютъ въ самый Римъ. Обыкновенно, завершеніемъ этого бурнаго разлива дикихъ силъ считается мятежъ варварскихъ войскъ въ Италіи противъ главнокомандующаго Ореста и его сына Ромула-Августула, проведеннаго имъ въ императоры. Руководитель возстанія, офицеръ изъ германцевъ, Одоакръ, свергнувъ правительство, заставилъ войско провозгласить себя королемъ Италіи. Онъ обратился за утвержденіемъ къ восточному императору Зенону, который, назначая Одоакра патриціемъ, поручилъ ему управленіе Италіей и Римомъ. Формально ничего особеннаго, никакой всемірной катастрофы не происходило въ этомъ знаменитомъ 476 году. Такъ, вѣроятно, представлялось дѣло и участникамъ его, и современникамъ: снова въ Римской имперіи былъ единый императоръ, назначившій своимъ намѣстникомъ на западѣ въ Италіи военнаго вождя германцевъ. Эти германцы, поднявшіе на щитъ Одоакра, помѣщены были въ Италіи по обычнымъ третямъ домовъ, съ обычными третями доходовъ владѣльцевъ, но Одоакръ руководилъ управленіемъ въ Италіи по старымъ законамъ, сохраняя всѣ прежнія учрежденія, оставивъ всю администрацію въ прежнихъ римскихъ рукахъ Въ дѣйствительности, однако, поскольку вос-

точное правительство къ концу V в. не имѣло силъ осуществлять свою власть на Западѣ, поскольку эта власть оставалась только номинальной, Италія и другія западныя области перестали составлять Римскую имперію; фактически она превратилась въ группу самостоятельныхъ королевствъ, основанныхъ новымъ, нахлынувшимъ и возобладавшимъ населеніемъ Западной Европы. Несмотря на это, ни на мгновеніе не слѣдуетъ поддаваться представленію, что Римская имперія пала, уничтожилась: она сжалась, сократилась фактически, но она продолжала существовать. Изъ 14 діойкесъ, входившихъ (по дѣленію Діоклетіана) въ ея составъ, въ шести съ конца V в. хозяйничали варвары. Это были: Италія, Иллирія, Африка, Испанія, Галлія, Британія Но восемь оставались подъ непосредственной властью имперіи: Египетъ, Востокъ, Азія, Понтъ, Ахея (Греція), Ѳракія, Македонія, Дакія.

V. Восточная имперія въ V вѣкѣ.

Изъ составныхъ частей имперіи, уцѣлѣвшихъ къ концу V в., меньше всѣхъ страдалъ отъ вражескихъ нашествій Египетъ. Превращенный при Діоклетіанѣ изъ личнаго достоянія Августа въ одну изъ діойкесъ имперіи, онъ продолжалъ быть предметомъ особыхъ заботъ правительства, смотрѣвшаго на эту область, какъ на экономическій оплотъ монархіи. Но эти заботы не приводили къ полному успѣху, поскольку имперія не сумѣла привязать къ себѣ массы туземнаго населенія, не сливавшагося съ эллинизированными высшими классами и остававшагося въ приниженномъ и безправномъ положеніи. Простонародье, сидѣвшее арендаторами на государственныхъ земляхъ и рабочими въ казенныхъ мануфактурахъ, скапливавшееся въ большихъ городахъ, особенно въ огромной столицѣ края, Александріи, отличалось буйностью и легковозбуждаемостью, а также слѣпой религіозной ревностью. Дикія междоусобія и бунты—по quasi-религіознымъ подвигамъ, еврейскіе погромы то и дѣло потрясали Египетъ и нарушали нормальное теченіе его жизни.

Востокъ заключалъ въ себѣ провинціи: Сирію, Палестину, Финикію, южный берегъ Малой Азіи (Киликію и Исаврію), Аравію и Месопотамію. Культурнымъ центромъ діойкесы, наиболѣе оживленной ея частью было сирійское побережье; народъ здѣсь продолжалъ говорить на арамейскомъ языкѣ и во многомъ придерживался старинныхъ финикійскихъ традицій. Только самые верхи общества состояли изъ грековъ или эллинизированныхъ сирійцевъ. Въ матеріальномъ отношеніи культура Сиріи стояла очень высоко: эти нынѣ запустѣвшія мѣстности были сплошь прекрасно обработаны; сирійскія фабрики снабжали міръ льняными и шелковыми тканями и издѣліями изъ стекла. Черезъ Сирію пролегалъ великій торговый путь къ Евфрату. Столица Сиріи—Антіохія, по многолюдству, оживленію и роскошной жизни соперничала съ Александріей и Константинополемъ.

Съ Сиріей граничили Аравія и Месопотамія. Но подъ первой разумѣлся лишь сѣверо-западный уголъ Аравійскаго полуострова съ городомъ Петрой, который постоянно тревожился набѣгами подвижныхъ арабскихъ племенъ. Вторая расположена была только по верховьямъ Евфрата и Тигра. Дальнѣйшее теченіе этихъ рѣкъ еще въ половинѣ IV в. имперія должна была уступить возродившейся персидской державѣ Сассанидовъ, которая являлась въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій грознымъ и могучимъ врагомъ, заявляя притязанія также на всемірное владычество. Переходъ къ Малой Азіи составляли дикія мѣстности вдоль Тавра—Киликія и Исаврія, воинственные горцы которыхъ давали имперіи лучшіе отряды.

Азія включала въ себѣ острова Эгейскаго моря, западные и югозападные берега мало-азіатскаго полуострова. Это были прочно эллинизированныя мѣстности. Города Смирна, Эфесъ, Сарды развивали бойкую промышленную и культурную дѣятельность, хотя упадокъ торговли въ Средиземномъ морѣ, конечно, не могъ не отозваться на благосостояніи этихъ центровъ.

Сѣверный берегъ вдоль Чернаго моря и восточныя части внутри полуострова входили въ составъ діойкесы Понта. Естественно, что по мѣрѣ отдаленія къ востоку эллинизація выражалась слабѣе. Въ Виѳиніи по Мраморному морю красуются такіе блестящіе греческіе города, какъ Никомедія и Никея. Дальше Галатія, область кельтовъ, заброшенныхъ судьбой въ Малую Азію, Каппадокія со своимъ плохимъ греческимъ говоромъ, наконецъ, Арменія до Евфрата. Попытки отовладать у персовъ такъ называемую великую Арменію окончились для имперіи полной неудачей. Римская же Арменія и Каппадокія оставались вѣчно въ напряженно-военномъ положеніи, и главный портъ на Черномъ морѣ, Трапезунтъ, служилъ основнымъ базисомъ для арміи, державшейся здѣсь противъ персовъ.

Ахея, т.-е. страна древнихъ грековъ, все болѣе пустѣла, бѣднѣла. Прежде знаменитые города, въ родѣ Коринѳа, Эгины и др., такъ и влачили жизнь захолустій. И развѣ только Аѳины поддерживали отблескъ древней славы, оставаясь и теперь священнымъ городомъ для всѣхъ образованныхъ людей. Аѳинская академія все еще давала лучшее философское и риторическое образованіе, стоя увѣреннымъ центромъ старой языческой культуры. Прочія запустѣлыя области заселялись новыми пластами пришельцевъ: то это были готы или гунны, осѣдавшіе частями послѣ своихъ опустошительныхъ нашествій, то это были кадры плѣнныхъ варваровъ, посаженные здѣсь императорскимъ правительствомъ.

Македонія, хотя не менѣе Греціи подвергалась варварскимъ набѣгамъ и поселеніямъ, но не успѣла заглохнуть, можетъ быть, потому,

что правительство въ эту сторону стягивало свои боевыя силы. Къ сѣверу отъ Македоніи до Балканскихъ горъ лежала Ѳракія, центральная область имперіи, поскольку здѣсь находилась ея столица, Константинополь, созданная императоромъ Константиномъ на удивительно выгодномъ мѣстѣ, какъ разъ на серединѣ между европейскими и азіатскими владѣніями имперіи и вблизи отъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ, изъ которыхъ набирались хорошія войска. Въ то же время столицу легко было защищать отъ враговъ, такъ какъ съ двухъ сторонъ ее омывали воды Босфора и Золотого Рога, а третью сторону можно было сдѣлать неприступной съ суши.

Дальше, въ западномъ и сѣверномъ направленіи до Дуная, пролегала Дакія, которой и приходилось терпѣть послѣдовательно нараставшія нападенія готовъ, гунновъ, а потомъ славянъ (антовъ) и болгаръ, стремившихся прорваться на Балканскій полуостровъ. Дальнѣйшее черноморское побережье: Крымъ, Новороссія, Кавказъ почти выскользнуло изъ-подъ вліянія имперіи послѣ готскаго заселенія и гуннскихъ погромовъ. Лишь нѣсколько приморскихъ городовъ, во главѣ съ Херсонесомъ, сохраняли эллинизированное населеніе. Точно такъ же совершенно разстроенной оказывалась и сѣверо-западная часть Балканскаго полуострова, такъ называемая западная Иллирія.

Если ближе всмотрѣться въ политическую жизнь Восточной имперіи въ V в., нетрудно убѣдиться, что и здѣсь вопросъ объ отношеніяхъ къ варварамъ, тотъ же германскій вопросъ стоялъ весьма напряженно, и попытки разрѣшенія его и составляютъ главное содержаніе исторіи имперіи за это столѣтіе.

Собственно говоря, еще правительство императора Ѳеодосія Великаго пришло къ заключенію, что для имперіи не по силамъ борьба съ все новыми волнами, выдвигаемыми сѣверо-восточной Европой, что безнадежно настаивать далѣе на упорномъ противоположеніи римскаго и варварскаго міра. Съ тѣхъ поръ взятъ былъ иной, чѣмъ раньше, политическій курсъ приспособленія варварскихъ силъ для поддержанія имперіи, вовлеченія ихъ въ интересы государства. Средствомъ достиженія этой цѣли принято было соединеніе браками германцевъ и римлянъ и широкое допущеніе варваровъ къ военнымъ и гражданскимъ должностямъ.

Послѣ смерти Ѳеодосія, въ Восточной имперіи среди политическихъ партій германская была, несомнѣнно, самая главная и наиболѣе вліятельная. Во главѣ ея долго стоялъ Гаина, главнокомандующій восточными войсками. Передъ нею должна была отступить даже и довольно могучая партія мѣстныхъ аристократовъ, сенаторовъ и патриціевъ, столбовыхъ римлянъ, тяготившихся преобладаніемъ варваровъ при дворѣ и въ войскѣ. И германцы понимали свое положеніе въ имперіи, относясь

съ презрѣніемъ и къ правительству, и къ выродившимся представителямъ высшихъ классовъ. Предводители дружинъ, занимавшіе важныя, военныя мѣста, не могли не придти къ мысли о легкости ниспроверженія существующаго порядка и о замѣнѣ и здѣсь туземнаго правительства германскимъ. Уже упомянутый Гаина по смерти Ѳеодосія захватилъ Константинополь и произвелъ смуту въ восточныхъ войскахъ, замышляя овладѣть самимъ царствомъ.

Въ послѣдніе годы IV в. случилось быть въ Константинополѣ одному египетскому епископу, Синезію. Онъ прожилъ здѣсь три года и успѣлъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ обратился къ императору Аркадію съ докладной запиской, которая дошла до насъ. «Любящій царя мудрецъ,—пишетъ онъ,—конечно, посовѣтуетъ ему дорожить тѣми воинами, которые являются естественными защитниками полей и городовъ. Это тѣ, которыхъ Платонъ сравниваетъ съ сторожевыми собаками. Но какъ пастухъ не позволитъ быть вмѣстѣ съ ними волкамъ, такъ и правитель не долженъ вмѣстѣ съ ними вооружать тѣхъ, которые не родились и не воспитывались въ его законахъ. И нельзя не питать страха при видѣ молодыхъ воиновъ, воспитанныхъ въ чуждыхъ намъ нравахъ, живущихъ по своимъ обычаямъ и замышляющихъ враждебные намъ планы. Они нападутъ на насъ, когда признаютъ это удобнымъ. Уже нѣкоторые предвѣстники обнаруживаются, уже видны опухоли на тѣлѣ имперіи. И пока не дошло до этого, мы должны развивать въ себѣ римскій духъ и не только не допускать сближенія, но изъ всякаго учрежденія удалять варваровъ. Прежде всего нужно отъ нихъ очистить администрацію и сенатъ, для которыхъ они служатъ позоромъ и униженіемъ. При настоящемъ положеніи мудрая Ѳемида и богъ военнаго искусства закрыли бы лицо отъ стыда при видѣ того, какъ одѣтый въ шубу варваръ командуетъ ромеями, или какъ варваръ, снявъ съ себя овечью кожу и надѣвъ тогу, берется разсуждать съ римскими мужами о государственныхъ дѣлахъ, садясь выше консула и опытныхъ законовѣдовъ. Достойно удивленія, что эти бѣлокурые варвары, носящіе, словно греки, распущенные волосы, лучше всего годящіеся въ прислуги, занимаютъ всѣ начальственныя мѣста.. Если послушаешь меня, изъ этого труднаго положенія есть легкій выходъ. Ты можешь восполнить имперіи недостатокъ умноженіемъ у насъ полковъ и развитіемъ народнаго войска. Противъ этихъ людей нужны рѣшительныя мѣры: или пусть воздѣлываютъ землю, или пусть уходятъ, откуда пришли, и скажутъ живущимъ тамъ, что римляне не будутъ больше уступать, и что надъ ними царствуетъ благородный юноша!»

Но эти патріотическія рѣчи не могли уже быть приняты къ практическому руководству. Имперія оборонялась силами варваровъ, потому

что собственныхъ средствъ у нея не имѣлось и негдѣ было почерпнуть тотъ военный духъ, о которомъ говорилъ египетскій епископъ. Наборъ войскъ у варваровъ обратился уже въ систему, а изгнать германцевъ изъ Константинополя было немыслимо, такъ какъ это значило бы изгнать все дѣйствительное правительство. И въ теченіе всего послѣдующаго V вѣка, новая система продолжала оставаться въ полной силѣ. До послѣдней четверти его наиболѣе обычными были отряды готскаго происхожденія, изъ племенъ, поселенныхъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ качествѣ федератовъ. Большею частью федераты служили за жалованье, выдаваемое предводителю или князьку, на обязанности котораго было содержать въ порядкѣ дружину и предоставлять ее въ распоряженіе имперіи, когда это окажется необходимымъ. Вожди и начальники германскихъ отрядовъ и дружинъ, проживая въ имперскихъ городахъ, часто въ столицѣ, усваивали языкъ и обычаи имперіи, получали образованіе, и черезъ два-три поколѣнія ассимиллировались съ господствующимъ населеніемъ. Въ военной и гражданской администраціи мы постоянно встрѣчаемъ варварскія имена консуловъ, стратиговъ, сенаторовъ, отцы и дѣды которыхъ носили еще звѣриныя шкуры.

Въ царствованіе Льва I особеннымъ могуществомъ и вліяніемъ пользовалась одна готская фамилія, въ теченіе трехъ поколѣній занимавшая всѣ высшія должности. Это былъ родъ Аспара, одинъ изъ представителей котораго носилъ даже санъ цезаря. Эти Аспариды и прилагали всѣ усилія, чтобы сдѣлать императорскій престолъ игрушкой въ своихъ рукахъ. За ними были связи и родственныя узы съ другими германскими вождями, и они не рѣшались возложить на себя вѣнецъ только потому, что были аріанами, и боялись вызвать въ имперіи великую сумятицу. Противъ такого порядка вещей въ имперіи была все-таки оппозиція. Это были, конечно, старые туземно-аристократическіе элементы, столбовая римская сенаторская знать. Но она сама по себѣ была слаба и для борьбы съ усиливающимся германскимъ вліяніемъ она принуждена была пользоваться помощью тоже собственно не римскихъ, но во всякомъ случаѣ своихъ имперскихъ элементовъ. На первое время національная оппозиція оперлась на горное и воинственное племя исавровъ, давно уже дававшихъ государству лучшихъ воиновъ. Въ 471 году сломлено было окончательно могущество германцевъ въ арміи: почти что весь родъ Аспаридовъ былъ истребленъ. Исаврамъ, которыми преимущественно стали заполнять военные кадры, пришлось предоставить цѣлый рядъ привилегій, старшины ихъ были приняты на высокія должности, а главный начальникъ племени, Зенонъ былъ призванъ Львомъ I во дворецъ и ему отдана была рука царской дочери Аріадны. По смерти Льва Зенонъ проведенъ былъ въ императоры.

Въ царствованіе Зенона и разыгрывается послѣдній актъ великой римско-германской драмы, выдвигая, однако, еще разъ призракъ единой, нераздѣленной имперіи. Какъ я уже говорилъ въ другой связи, въ 476 г. въ Римѣ былъ свергнутъ Одоакромъ послѣдній императоръ Ромулъ Августулъ, при чемъ Одоакръ не сдѣлался самъ императоромъ, а провозгласилъ себя королемъ въ Италіи, обратился за утвержденіемъ къ императору Зенону. Послѣдній по предложенію сената назначилъ Одоакра для управленія дѣлами Запада и далъ ему санъ патриція. Надо однако замѣтить, что новый король вовсе не считалъ себя покорнымъ намѣстникомъ императора. Одоакру нужна была поддержка Зенона только постольку, поскольку въ Далмаціи жилъ еще одинъ экс-императоръ Непотъ, а въ Кампаніи другой, Ромулъ Августулъ. Самъ же по себѣ Одоакръ вовсе не стремился къ усиленію имперіи. Напротивъ, въ послѣднихъ смутахъ, производившихся въ Восточной имперіи остатками старой германской партіи, въ мятежахъ наслѣдниковъ Аспара, Одоакръ явно поддерживалъ своихъ соплеменниковъ. Это обстоятельство и заставило правительство Зенона пустить въ ходъ старое испытанное средство—противопоставить одному варварскому вождю другого. Такъ объясняется вопросъ о движеніи остготовъ въ Италію.

Чтобы понять эти событія, надо вспомнить, что гуннская имперія Аттилы на Дунаѣ къ тому времени распалась, и входившіе въ ея составъ остготы заняли Паннонію. Здѣсь они, т.-е. отдѣльныя части этого комплекса, входили въ договорныя отношенія съ Константинополемъ, но постоянно стремились къ полученію новыхъ, болѣе обширныхъ и плодородныхъ земель для поселенія. Чтобы держать готовъ въ извѣстныхъ границахъ, императорское правительство вытребовало отъ нихъ заложниковъ. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, и Ѳеодорихъ, сынъ Тіудеміра. Онъ выросъ и воспитался въ Константинополѣ и сдѣлался полугреченнымъ германскимъ княземъ. Будучи отпущенъ на родину Зенономъ, Ѳеодорихъ становится во главѣ движенія паннонскихъ готовъ, имѣвшаго цѣлью расширить занятыя имъ территоріи. Масса готовъ появляется въ Македоніи, доходитъ до Ѳессаліи и почти осаждаетъ Салонику. Зенону пришлось спѣшить съ улаженіемъ отношеній съ Ѳеодорихомъ. Онъ предоставилъ готамъ мѣстности въ Македоніи и пожаловалъ Ѳеодориха титуломъ magister militum, т.-е. ввелъ его въ тѣсную связь съ имперіей, а позднѣе ему данъ былъ санъ патриція и онъ былъ усыновленъ Зенономъ. Когда стало ясно, что Одоакръ поддерживаетъ мятежныхъ наслѣдниковъ Аспаридовъ, Зенонъ и предложилъ Ѳеодориху, который несмотря на всѣ привилегіи, данныя ему, не переставалъ быть опаснымъ вблизи Кон-

стантинополя, двинуться походомъ на Италію. Конечно, не всѣ остготы пошли за Θеодорихомъ, многіе остались на прежнихъ мѣстахъ, но зато примкнули охотники изъ другихъ германскихъ племенъ и даже римскіе колонисты, и въ общемъ это была внушительная масса людей, двигавшаяся въ Италію по порученію императора, подъ предводительствомъ имперскаго magister militum. Королевство Одоакра было уничтожено, и хотя Θеодорихъ, утвердившись въ Италіи, сдѣлалъ одинъ шагъ, который не входилъ въ данное ему порученіе,—онъ провозгласилъ себя королемъ,—но онъ продолжалъ и при преемникѣ Зенона Анастасіи, признавать верховенство имперіи, чеканилъ монету съ изображеніемъ императоровъ, издавалъ указы отъ ихъ имени. И вся его политика выражена была въ слѣдующей формулѣ: «Мы лучше хотимъ сохранить старое, римское, чѣмъ воздвигать новое, ибо мы не можемъ создать что-либо столь же прекрасное, какъ то, что мы можемъ сохранить». Остготскій король управлялъ итальянской префектурой на римскихъ началахъ. Императоръ посылалъ даже рескрипты «своему» сенату въ Римѣ, и римское населеніе, конечно, продолжало видѣть въ императорѣ своего верховнаго государя, а въ остготахъ—только временныхъ узурпаторовъ-постояльцевъ. Эта рознь между римлянами и остготами обострялась въ виду того, что послѣдніе были аріанами, и это обстоятельство выдвигало значеніе въ Италіи римскаго епископа. Онъ становился главой православія и вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ и хранителемъ римскихъ традицій. Константинополь постоянно сносился съ нимъ по религіознымъ и церковнымъ вопросамъ, и римскій епископъ, помимо остготскаго короля, становился какъ бы и политическимъ посредникомъ между римскимъ населеніемъ Италіи и императорскимъ правительствомъ.

Основаніе вестготскаго королевства въ Испаніи, бургундскаго въ Ронской долинѣ произошло съ формальнаго соизволенія императоровъ. Конечно, дальность разстоянія мѣшала здѣсь установленію такихъ же тѣсныхъ сношеній, какъ съ Италіей; германцы здѣсь плотнѣе надавили на мѣстное римское населеніе. Тѣмъ не менѣе и короли этихъ государствъ числилось какъ бы на службѣ имперіи, добивались пожалованія высокихъ титуловъ отъ императора. И когда бургундскій конунгъ Зигмундъ получилъ отъ императора Анастасія титулъ vir illustris, онъ въ благодарственномъ письмѣ указывалъ: «Vester quidem est populus meus, sed me plus servire vobis, quam illi praeesse delectat». Даже безусловно къ началу VI в. самый могущественный властитель на Западѣ, франкскій король Хлодовехъ считалъ необходимымъ для себя поддерживать связи съ константинопольскимъ дворомъ. Императоръ, сохраняя въ оффиціальномъ титулѣ обозначеніе Francicus, отправлялъ торже-

ственное посольство въ Туръ, резиденцію Хлодовеха, съ назначеніемъ его консуломъ, и франкскій король, облеченный въ знаки этого сана, выѣзжалъ къ народу и бросалъ по римской традиціи въ народъ деньги съ изображеніемъ императора.

Если это было только блѣдное мерцаніе старыхъ идей и отношеній, то важно все-таки, что мы его можемъ констатировать. Отъ энергіи правительства, отъ болѣе благопріятнаго для него сцѣпленія обстоятельствъ зависѣла возможность эту тѣнь наполнить живымъ содержаніемъ.

VI. Имперія VI вѣка. Эпоха Юстиніана.

Царствованіе императора Юстиніана издавна и обыкновенно считается однимъ изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ историческихъ моментовъ, какъ грандіозная попытка возстановленія въ новомъ блескѣ и величіи всемірной Римской имперіи. Начиная со стародавняго Гиббона, кончая новѣйшими историками Дилемъ и Holmes'омъ, во всѣхъ изображеніяхъ этого времени мы застаемъ одинаковую картину. Всю ее заполняетъ вздымающаяся надо всѣмъ и все накрывающая собой, подобно необъятному куполу св. Софіи, личность Юстиніана; все сводится къ всеобъемлющей и необыкновенно планомѣрной дѣятельности этого крупнѣйшаго изъ римскихъ императоровъ.

Съ исключительной добросовѣстностью и необыкновенной способностью къ широкимъ замысламъ и размахамъ—этотъ выходецъ изъ темной массы провинціальнаго крестьянства, достигши престола, сумѣлъ прочно и твердо усвоить себѣ двѣ грандіозныя идеи, завѣщанныя традиціей великаго мірового прошлаго: римскую идею всемірной монархіи и христіанскую идею царства Божія. Объединеніе обѣихъ въ одну теорію и проведеніе второй черезъ посредство свѣтскаго государства составляетъ оригинальную концепцію, которая и стала, говорятъ, сущностью политической доктрины Византійской имперіи. Всемірное государство, создаваемое волей самодержца государя—такова была мечта, которую лелѣялъ Юстиніанъ съ самаго начала своего царствованія. Оружіемъ намѣревался онъ возвратить утерянныя старыя римскія земли, затѣмъ дать общій законъ, которымъ обезпечено будетъ благосостояніе жителей, наконецъ, утвердить вѣру, которая соединитъ всѣ народы въ поклоненіи единому, истинному Богу. Таковы три основанія, на которыхъ Юстиніанъ разсчитывалъ построить свое могущество. Онъ незыблемо вѣритъ въ него. Въ его законодательныхъ актахъ на каждой страницѣ разбросаны увѣренныя фразы: «Нѣтъ ничего выше императорскаго величія; сами создатели права сказали, что воля монарха имѣ-

етъ силу закона». «Кто же можетъ истолковать тайны и загадки закона, какъ не тотъ, кто одинъ можетъ его творить?» Онъ одинъ способенъ проводить дни и ночи въ бдѣніи и трудѣ, чтобы думать думу о благѣ народа. Юстиніанъ первый отчетливо противопоставляетъ народной волѣ «милость Божію», какъ источникъ верховной власти. Съ его времени зарождается теорія объ императорѣ, какъ о равномъ апостоламъ, получающемъ благодать прямо отъ Бога и стоящемъ превыше и государства, и церкви. Богъ помогаетъ побѣждать враговъ, издавать справедливые законы. Войны Юстиніана получаютъ уже характеръ священныхъ, крестовыхъ походовъ. «Вездѣ, гдѣ императоръ будетъ господиномъ, возсіяетъ правая вѣра». Всякій актъ свой Юстиніанъ ставитъ подъ «покровительство Св. Троицы». Такое римско-христіанское построеніе власти вдохнуло въ дѣятельность Юстиніана широкую инціативу, сдѣлало его волю притягательнымъ и всенаправляющимъ центромъ, благодаря чему его царствованіе достигло значительныхъ результатовъ. И самъ Юстиніанъ въ своихъ законахъ возвѣщаетъ, что никогда до времени нашего правленія Богъ не даровалъ римлянамъ такихъ побѣдъ: «Возблагодарите небо, жители всего міра: въ ваши дни осуществилось великое дѣло, котораго Богъ признавалъ недостойнымъ весь древній міръ!». Дѣйствительность, окружавшая Юстиніана, при вступленіи на престолъ, все же далеко не соотвѣтствовала его идеаламъ. Раздвоенный со смертью Ѳеодосія Великаго (395), римскій міръ съ тѣхъ поръ болѣе не соединялся. Западъ, постепенно занятый варварами, не входилъ въ составъ монархіи Юстиніана. Съ востока имперіи угрожало сильное ново-персидское царство Сассанидовъ. На Дунаѣ ее тревожили гунны и славяне. На сѣверо-западѣ не вполнѣ прочно была установлена граница съ остготами. Такимъ образомъ, одна защита границъ могла бы стать для правительства сложнымъ и многотруднымъ дѣломъ. Внутреннее состояніе имперіи тоже нельзя было назвать благопріятнымъ. Провинціальное населеніе было разорено худою администраціей, вымогательствами чиновниковъ, разбоями, грабительствомъ войска: оно погружалось въ апатію или роптало. Въ столицѣ не погасали волненія распустившагося, легко возбуждавшагося населенія огромнаго города.

Подавивъ мятежи и борьбу партій въ столицѣ, Юстиніанъ обратился къ выполненію первой, внѣшней задачи, входившей въ его гигантскій планъ, возвращенію имперіи странъ, занятыхъ варварами. Первый ударъ направленъ былъ противъ вандаловъ и ихъ африканскаго королевства. Успѣхъ былъ полный и быстрый: Африка стала вновь провинціей имперіи. Затѣмъ предпринято было завоеваніе Италіи, гдѣ держалось еще остготское королевство. Несмотря на трудность этого предпріятія, несмотря на-то, что одновременно приходилось вести борьбу съ персами и

съ гуннами на сѣверѣ Балканскаго полуострова, послѣ многолѣтнихъ усилій Италія и Далмація были отвоеваны и превращены въ экзархатъ, намѣстничество имперіи. Изъ Африки далѣе была начата экспедиція въ Испанію, и южная часть Пиренейскаго полуострова съ Картагеной и Малагой была отбита у вестготовъ. А изъ Италіи Юстиніанъ готовъ былъ двинуть свои военныя силы противъ франковъ, алеманновъ и другихъ варваровъ, обосновавшихся въ средней Европѣ, и только наступившій разрывъ съ сильной Персіей заставилъ его сосредоточить вниманіе на восточномъ фронтѣ. Долго тянувшіяся войны съ персидскимъ царемъ Хозроемъ заканчиваются, однако, безусловнымъ успѣхомъ имперіи, которая удержала за собой всѣ закавказскія пріобрѣтенія. Въ то же время Юстиніанъ занялъ южный берегъ Крыма, а на сѣверѣ устроилъ надежную защиту отъ набѣговъ славянъ, аваръ и гунновъ.

Сознаніе великихъ задачъ и заслугъ Римской имперіи побудило Юстиніана предпринять рядъ тяжелыхъ и кровопролитныхъ войнъ; оно же руководило императоромъ въ его заботахъ о правѣ и управленіи. Во вступленіи къ Кодексу говорится: «Безопасность государства зиждется и укрѣпляется оружіемъ и законами; благодаря имъ родъ римлянъ превзошелъ всѣ остальные народы и возвысился надъ всѣми племенами; такъ было въ прошломъ и, съ помощью Божіей, такъ будетъ впредь и до вѣка». Юстиніанъ и предпринялъ грандіозную законодательную работу, которая закрѣпила въ формѣ знаменитаго Corpus juris результаты римскаго юридическаго творчества для послѣдующихъ поколѣній.

Рядомъ съ этимъ все царствованіе Юстиніана, не прерываясь, идетъ реорганизація управленія имперіи, главнымъ образомъ провинціальнаго. Цѣлью ея было достиженіе единства и отчетливой слаженности въ администраціи и финансовой исправности.

Таковы обычныя представленія царствованія Юстиніана, строющіяся главнымъ образомъ на основаніи законодательныхъ памятниковъ (особенно новеллъ) этого императора и трудовъ самаго важнаго изъ современныхъ ему историковъ—Прокопія изъ Кесаріи (его Войнъ и Построекъ). Если затѣмъ и присоединяется обыкновенно указаніе на «оборотную» сторону дѣятельности великаго императора, главнымъ образомъ на непосильное напряженіе податныхъ рессурсовъ населенія, на односторонне-фискальный духъ его режима, на рискованность его внѣшней политики, то все же представленіе остается неестественнымъ и мертвеннымъ. Величіе Юстиніана кажется неубѣдительнымъ, и во всемъ изображеніи мы не видимъ того, чѣмъ мы уже привыкли теперь интересоваться въ научно-исторической работѣ, что считаемъ основнымъ моментомъ, изъ котораго выясняются прочія стороны жизни; не

видимъ общества Римской имперіи VI в., съ его группировками, движеніями и борьбой различныхъ его частей, отраженіемъ или выраженіемъ которыхъ и могла лишь быть правительственная дѣятельность даже самаго выдающагося государя.

Но есть у насъ въ данномъ случаѣ еще одинъ своеобразный источникъ, открытый и ставшій извѣстнымъ собственно очень давно, еще въ XVII в., но только въ послѣднее время переставшій вызывать сомнѣнія и опасенія. Увѣренное теперь и внимательное пользованіе имъ, съ одной стороны, ломаетъ шаблонную схему неожиданнаго величія Юстиніана (это не такъ важно), а съ другой — помогаетъ проникнуть, хотя бы отчасти, въ общественную жизнь имперіи VI в., и придти къ нѣкоторымъ любопытнымъ заключеніямъ.

Я разумѣю небольшое сочиненіе, какъ теперь уже безповоротно доказано, того же Прокопія изъ Кесаріи, подъ названіемъ Ἀνέκδοτα, т.-е. «не предназначенное къ изданію», или, какъ его обыкновенно называютъ: «Тайная Исторія» (Historia Arcana). Содержаніе этого трактата таково: сначала авторъ разсказываетъ скандальныя исторіи изъ семейной жизни виднѣйшаго генерала той эпохи Велисарія и его жены Антонины. Покончивъ съ Велисаріемъ, авторъ заявляетъ, что хочетъ разъяснить, что за люди были Юстиніанъ и его жена Ѳеодора, и показать, какъ они погубили государство римлянъ. Разсказывается, какъ Юстиніанъ достигъ престола, какое отвратительное прошлое было у его соправительницы Ѳеодоры. Затѣмъ идетъ общій обзоръ правительственной дѣятельности Юстиніана, при чемъ выясняется, что въ ея основѣ лежали нечеловѣческая жестокость и ненавистное корыстолюбіе. Подъ ихъ ударами гибнетъ сенатская аристократія, какъ носительница римскихъ традицій и разстраивается старый римскій порядокъ. Слѣдующее дальше изображеніе злодѣйствъ Ѳеодоры, ея участія въ управленіи, дополняетъ эту общую картину. Съ 18-ой главы авторъ какъ бы наслаиваетъ новый кругъ, болѣе широкій по конкретнымъ подробностямъ. Одинъ за другимъ идутъ яркіе очерки разоренія народа хищнымъ правительствомъ, возведеннаго въ систему правительственнаго грабежа, сознательнаго разстройства администраціи, дезорганизаціи арміи, запустѣнія городовъ, исчезновенія правосудія. Въ качествѣ заключенія приводится нѣсколько печально-смѣшныхъ анекдотовъ изъ придворной жизни.

Таково вкратцѣ содержаніе любопытнаго произведенія, которое было разыскано еще въ XVII в. и впервые издано Алеманномъ, хранителемъ Ватиканской библіотеки. Надо замѣтить, что въ тѣ годы, въ научно-литературныхъ кругахъ Западной Европы какъ разъ шла борьба двухъ направленій, такъ называемыхъ легистовъ и куріалистовъ.

Первые, знатоки и поклонники римскаго права, особенно дорожили свѣтлой памятью Юстиніана и придавали большое значеніе тѣмъ сочиненіямъ Прокопія, которыя поддерживали славу создателя Corpus juris, какъ великаго монарха-завоевателя, верховнаго руководителя вселенской церкви, державшаго въ повиновеніи и римскихъ папъ. Въ папской средѣ куріалистовъ, наоборотъ, стремились унизить Юстиніана и поставить подъ сомнѣніе самое его православіе. Естественно, что открытая «Тайная Исторія» Прокопія была съ восторгомъ встрѣчена этими защитниками папства. И самый первый ея издатель, Алеманнъ подчеркнулъ въ предисловіи къ тексту, что появленіе такого писанія должно быть очень непріятно юристамъ. Послѣдніе приняли это, какъ вызовъ, и на Алеманна съ разныхъ сторонъ посыпались обвиненія въ желаніи оскорбить всѣхъ государей и королей. Въ «Тайной Исторіи» Прокопія они увидѣли одно изъ venena Vaticana, т.-е. ватиканскихъ отравъ. Такимъ образомъ, это небольшое и незначительное сочиненіе привлекло къ себѣ необыкновенное вниманіе, и около него разгорается долгая вѣковая борьба, пережившая тѣхъ, кто ее началъ, т-е. легистовъ и куріалистовъ.

Съ одной стороны, напрягаются и углубляются попытки доказать, что трактатъ, изданный Алеманномъ, не болѣе, какъ поддѣлка, что нѣтъ основаній приписывать его Прокопію, хорошо извѣстному автору Войнъ и Построекъ, что если это не простая мистификація Алеманна, то самъ онъ могъ стать жертвой такого подлога, совершеннаго раньше. Съ другой—настойчиво повторялись аргументы за подлинность Тайной Исторіи, намѣченные еще Алеманномъ: ссылки на нее, какъ произведеніе Прокопія, у писателя X в. Свиды и безусловно-очевидное сходство языка Тайной Исторіи съ языкомъ несомнѣнныхъ сочиненій Прокопія.

Переходя постепенно въ руки безпристрастныхъ историковъ и филологовъ, вопросъ о подлинности Тайной Исторіи и Прокопія, какъ ея авторѣ, обсуждается и разслѣдуется и въ теченіе всего XIX ст. За это время, помимо рукописнаго экземпляра, найденнаго Алеманномъ, удалось разыскать еще нѣсколько списковъ трактата, что значительно переставляло и весь вопросъ. Мысль о ватиканской отравѣ пришлось оставить; и изслѣдователи, даже безусловно отрицательно относившіеся къ трактату, старались показать лишь, что Прокопій, авторъ Войнъ и Построекъ, не могъ быть его авторомъ. Несомнѣнная прекрасная освѣдомленность автора въ событіяхъ и жизненномъ складѣ имперіи VI в. страстность тона, обиліе намековъ на что-то, хорошо извѣстное читателю, заставили и позднѣйшихъ отрицателей-критиковъ, признать въ этомъ авторѣ, современника бичуемыхъ лицъ и событій. Нѣмецкій историкъ Ранке, и совсѣмъ недавно русскій ученый Димитріу склонялись

видѣть въ Тайной Исторіи политическій памфлетъ, составленный изъ нѣсколькихъ кусковъ различной окраски. Можетъ быть, отчасти вошли сюда и какія-нибудь замѣтки Прокопія, но на ряду съ этимъ здѣсь слышны голоса различныхъ группъ, враждебныхъ правительству Юстиніана и его ближайшихъ сотрудниковъ: прасиновъ, евтихіанъ и т. д., а начальныя главы, направленныя противъ Велисарія, похожи на злобную выходку приверженцевъ другого генерала Нарсеса, страннымъ образомъ не затронутаго въ Тайной Исторіи. Всѣ эти куски потомъ были запаяны вмѣстѣ и накрыты авторитетнымъ именемъ Прокопія, при чемъ допущены были явныя несообразности и противорѣчія. Главныя изъ нихъ два:

Авторъ рѣшается сказать всю правду, такъ какъ Юстиніана уже не было въ живыхъ. Но изъ послѣдующаго оказывается, что Юстиніанъ живъ. Второе противорѣчіе: передавая, что Ѳеодора погубила готскую королеву Амаласунѳу, авторъ ссылается на то, что въ своихъ готскихъ войнахъ онъ боялся это сказать изъ страха передъ императрицей. Но, когда Прокопій писалъ свои готскія войны—Ѳеодоры уже не было въ живыхъ: она умерла въ 548 г. и ея бояться было нечего.

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ нѣтъ категорическихъ указаній на неподлинность сочиненія, выясненія безусловной невозможности авторства Прокопія. Но и они, думается, блѣднѣютъ и отпадаютъ передъ тѣми доказательствами принадлежности Тайной Исторіи перу Прокопія, которыя выдвинуты были сначала Даномъ, а позднѣе Гаури и Панченко.

Предпринятое Даномъ кропотливое сравнительное разслѣдованіе Тайной Исторіи и извѣстныхъ трудовъ Прокопія, по языку и способамъ выраженія, привело его къ установленію даже не близости, а очевиднаго тождества языка этихъ произведеній, которое исключаетъ мысль о поддѣлкѣ.

Осторожное и вдумчивое сравнительное же изученіе кругозора, основныхъ взглядовъ и вкусовъ Тайной Исторіи и сочиненій Прокопія, проведенное Панченко, обнаруживаетъ при рѣзкой разницѣ въ ихъ содержаніи, настроеніи и тенденціяхъ, безусловную одинаковость политическихъ, философскихъ, моральныхъ, религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣній, убѣжденій и предразсудковъ авторовъ Войнъ и Анекдотовъ, такъ что только изъ упрямства можно не увидать въ нихъ одно и то же лицо.

Сближеніе и сліяніе этихъ авторовъ становится особенно убѣдительнымъ послѣ установленія признаковъ несомнѣннаго близкаго знакомства автора Тайной Исторіи съ сочиненіями Прокопія, т.-е. провѣрки ссылокъ первой на тѣ или иныя мѣста послѣднихъ, а въ такомъ случаѣ выдвигается впередъ вопросъ о времени составленія Тайной Исторіи

(чтобы установить, на какія изъ прочихъ сочиненій могъ ссылаться Прокопій, и нѣтъ ли фальшивыхъ ссылокъ на труды, написанные явно позднѣе). Вопросъ этотъ неопровержимо разрѣшенъ Гаури въ его Procopiana, чѣмъ какъ будто закрывается и весь вѣковой споръ. Гаури доказалъ, что Тайная Исторія была написана не къ 559 г., а уже къ 550, когда Прокопіемъ опубликованы были семь книгъ его Войнъ. Настроеніе историка въ этотъ моментъ обнаруживается изъ послѣднихъ частей Войнъ. Походы на Западъ, предпринятые съ такимъ римско-патріотическимъ подъемомъ духа, съ теченіемъ времени складываются все неудачнѣе. Промахи и ошибки Велисарія въ Италіи, безучастное отношеніе охладѣвшаго Юстиніана крушили свѣтлыя надежды, которыми увлекался такой патріотъ, какъ Прокопій. Въ его душѣ накапливается разочарованіе и горечь, и ему уже кажется, что имперія на краю гибели. Онъ готовъ былъ уже излить свое раздраженіе въ своемъ оффиціозномъ трудѣ: онъ по своему понималъ причины несчастій. Но онъ не рѣшился, побоялся поступить такъ и для себя изложилъ все это въ замѣткахъ, которыя, конечно, никогда не предполагалъ обнародовать. Здѣсь, будучи самъ съ собою, онъ далъ волю своему гнѣву, раздраженію и страстности своей натуры. Онъ отводилъ здѣсь душу, а не изслѣдовалъ, и потому не старался быть разборчивымъ въ матеріалѣ. Не то, чтобы онъ выдумывалъ и писалъ завѣдомую ложь, но онъ охотно заносилъ, не провѣривъ, различнаго рода сплетни, пущенныя злыми языками и про Юстиніана, и про Ѳеодору. Передавая ихъ съ свойственнымъ ему риторическимъ паѳосомъ, онъ невольно допускалъ и преувеличенія, и перекраску и въ безразличныхъ фактахъ усматривалъ нѣчто зловѣщее и роковое.

Такое объясненіе происхожденія Тайной Исторіи слѣдуетъ признать исчерпывающимъ, тѣмъ болѣе, что при немъ исчезаютъ всѣ хронологическія противорѣчія, которыя раньше оставались непонятными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается и опредѣленная точка зрѣнія на Анекдоты, какъ на историческій источникъ. Подъ накипью раздраженія, за искаженіями мстительной ненависти, въ злобно-безпощадной каррикатурѣ, можно разсмотрѣть фактическую основу. И внимательное изученіе ея, путемъ сопоставленія и сравненія съ другими современными свидѣтельствами и законодательствомъ Юстиніана, показываетъ большую цѣнность сообщеній Тайной Исторіи, то раскрывающихъ закрытую въ другихъ сочиненіяхъ оборотную сторону крупныхъ правительственныхъ мѣропріятій, то подсказывающихъ настоящій, реальный смыслъ законодательныхъ актовъ, но, главное, вводящихъ насъ въ соціальную среду имперіи VI в., показывающихъ соотношенія общественныхъ силъ и значительную, живую борьбу между ними.

Но, можетъ быть, самымъ важнымъ и цѣннымъ для историка и является это ненавистно-раздраженное настроеніе Тайной Исторіи: въ немъ слышны отзвуки разжигающей страсти борьбы. Тайная Исторія сама является окрашенной въ опредѣленный соціально-политическій цвѣтъ, и чрезвычайно выпукло выражаетъ интересы одной изъ наиболѣе видныхъ боровшихся общественныхъ группъ. Аристократизмъ автора и притомъ не напускной, не отвлеченный, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ говоритъ отъ лица сословія или общественной группы, которую считаетъ «величайшей частью Римской имперіи». Это, какъ онъ выражается, ἡ σύγκλητος βουλή, сенаторское сословіе, о которомъ у Прокопія необыкновенно высокія представленія. Называя различныхъ лицъ и дѣятелей своей эпохи, онъ никогда не забываетъ отмѣтить, принадлежитъ, или не принадлежитъ данный человѣкъ къ составу сената, и на основаніи этого судить объ его достоинствахъ и недостаткахъ. Одинъ изъ сенаторовъ въ санѣ патрикія, пришедшій къ императрицѣ за денежнымъ пособіемъ, произноситъ цѣлую патетическую рѣчь о высотѣ и достоинствѣ сенаторства. Сенаторы—носители народнаго богатства и главная опора могущества имперіи. Ихъ разореніе является разореніемъ имперіи. Ихъ униженіе является разрушеніемъ мощи римскаго государства. «Поэтому Юстиніанъ и Θеодора и казались, какъ мнѣ, такъ и большинству изъ нашихъ не людьми, а гибельными чудовищами», заявляетъ Прокопій. Въ дѣятельности этого правительства, какъ самое отвратительное пятно, и выдвигается имъ систематическое разрушеніе этой великой и почетной корпораціи, что приводитъ на край гибели и самую Римскую имперію.

Такимъ образомъ, Тайная Исторія раскрываетъ царствованіе Юстиніана какъ критическій моментъ, какъ время особеннаго напряженія борьбы правительства съ образовавшейся въ государствѣ аристократіей особаго рода, съ сенаторскимъ сословіемъ.

Государство, въ лицѣ правящей власти, рано или поздно должно было почувствовать, наконецъ, въ потентахъ и динатахъ своихъ конкурентовъ и враговъ, но среди тревогъ и опасностей отчаянной защиты имперіи отъ варваровъ, оно не было уже въ состояніи обойтись безъ посредства и содѣйствія мѣстныхъ владыкъ. Уже съ конца IV в. императорское законодательство выступаетъ на борьбу съ сенаторской знатью, но борьба эта направляется только противъ косвенныхъ, особенно бросавшихся въ глаза послѣдствій того ненормальнаго положенія, какое заняли въ имперіи крупные привилегированные землевладѣльцы. Императорскія конституціи запрещаютъ насильственные захваты земли, содержаніе частныхъ армій (οἰκίαι), постройку carceres privati, а главное—patrocinia. Въ законодательствѣ Юстиніана мы застаемъ тѣ же мотивы, только они начинаютъ звучать напряженнѣе и настой-

чивѣе. Возьмемъ для примѣра, изъ цѣлаго ряда новеллъ, 30-ю «о проконсулѣ Каппадокіи». «Мы узнали,—читаемъ мы здѣсь,—что въ провинціи творится нѣчто ужасное, такъ что частичными исправленіями здѣсь ничего не достигнешь. Простые управляющіе магнатовъ (но мы краснѣемъ отъ стыда) съ поразительной дерзостью расхаживаютъ въ сопровожденіи цѣлыхъ отрядовъ служителей и челяди, и безъ стыда, безъ совѣсти грабятъ. Мы даже удивляемся, какъ сами наши подданные до сихъ поръ терпятъ это засилье. До насъ доходятъ многочисленныя жалобы духовныхъ и женщинъ на захваты ихъ собственности. Но и наши земли тоже растащены въ частныя руки, расхищены императорскіе конскіе табуны, и никто слова не сказалъ, ибо у всѣхъ уста были закрыты золотомъ».

Особенное вниманіе законодательства Юстиніана въ этой сферѣ сосредоточено на особыхъ tituli, которые ставились на земляхъ для обозначенія того, что онѣ въ силу patrocinium перешли подъ власть когонибудь изъ магнатовъ. Путемъ наложенія такихъ титуловъ, очевидно и расширялось крупное сенаторское землевладѣніе. Хотя еще въ началѣ V в. (судя по Кодексу Юстиніана) императорское правительство объявляло право ставить титулы своей прерогативой и такимъ образомъ лишь за собой оставляло возможность расширять свое казенное землевладѣніе, притягивая подъ свой патронатъ окрестныя земли и селенія, однако, власть не располагала средствами предупреждать злоупотребленія и нарушенія въ этой области со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ. Запреты оставались только на бумагѣ, и Юстиніану пришлось считаться, повидимому, съ повсемѣстнымъ распространеніемъ частновладѣльческихъ титуловъ. По крайней мѣрѣ, въ общей инструкціи областнымъ начальникамъ отъ 535 г., онъ особенно настойчиво указываетъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ ихъ функцій, на безпощадное искорененіе такихъ титуловъ. Онъ грозитъ за это, особо раздражающее его правонарушеніе конфискаціей имуществъ и публичнымъ преданіемъ позору, чтобы «эти люди (говоритъ онъ въ указѣ Понтійскому модератору) поняли, что не дозволяется обижать подданныхъ». Такія и имъ подобныя сердобольныя фразы, подчеркиваемыя въ новеллахъ заботы о благѣ и интересахъ несчастной, угнетаемой мелкоты, въ концѣ-концовъ, конечно, лицемѣріе. И въ сущности, иные мотивы руководятъ императоромъ въ его раздраженно-суровыхъ предписаніяхъ: онъ ихъ и не скрываетъ, завершая свои административныя порученія неизмѣннымъ указаніемъ: «пусть такой-то особенно тщательно заботится о благоустройствѣ казенныхъ и императорскихъ имуществъ, которыя повсюду расхищены и захвачены и доведены до ужаснаго положенія».

Не ясно ли, что въ формѣ борьбы съ нарушеніями правительственныхъ привилегій, подъ маской защиты мелкой и казенной собственности отъ незаконныхъ захватовъ посредствомъ наложенія титуловъ со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ законодательствомъ Юстиніана предпринятъ былъ походъ противъ расширенія магнатскаго землевладѣнія. Правительство въ качествѣ собственника казенныхъ земель стремилось лишить своего опаснѣйшаго конкуррента средства этого расширенія, оставляя его исключительно своей привилегіей. Исходя изъ такихъ законныхъ основаній, оно и облегчало себѣ то увеличеніе казеннаго и императорскаго земельнаго имущества на счетъ крупнаго частнаго, которое въ широкихъ размѣрахъ совершалось при Юстиніанѣ. Мы имѣемъ на этотъ счетъ свидѣтельства у историковъ этой эпохи Агаѳія и Евагрія, повѣствующихъ о кураторахъ императорскихъ домеповъ, перетягивавшихъ частныя земли въ свои вѣдомства. Насколько это движеніе было сильно именно при Юстиніанѣ, показываетъ и новелла императора Тиберія отъ 578 г., вызванная многочисленными жалобами крупныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ областей на несправедливые захваты ихъ владѣній со стороны управляющихъ дворцовыми имѣніями.

Въ такомъ случаѣ становятся понятными и рѣзкія заявленія Тайной Исторіи о томъ, что Юстиніанъ присваивалъ себѣ всѣ лучшія земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ большую цѣнность и прочія обвиненія этого источника, направленныя противъ Юстиніана, какъ демона-разрушителя сенаторскаго землевладѣнія. Борьба правительства съ аристократіей приняла, очевидно, серьезный и рѣшительный оборотъ. Случайныя до Юстиніана столкновенія сгущаются въ систематическую крупную войну по всѣмъ пунктамъ.

Въ объясненіи этого крупнаго и важнаго по своимъ послѣдствіямъ явленія едва ли возможно удовлетвориться огульной ссылкой на личную безчеловѣчность Юстиніана, къ которой сводитъ все дѣло Прокопій въ Тайной Исторіи. Слѣдуетъ поискать болѣе дѣйствительныхъ мотивовъ вспыхнувшей борьбы. Концы ихъ можно найти въ той же Тайной Исторіи, которая, помимо своего сенаторскаго аристократизма, пропитана еще и своеобразнымъ національнымъ. Авторъ все время подчеркиваетъ, что онъ римлянинъ, что его задача—описать несчастія, постигшая при Юстиніанѣ римскій народъ. Этотъ римскій народъ, римлянъ, государство которыхъ погубилъ Юстиніанъ, богатство которыхъ онъ расхитилъ, Прокопій противополагаетъ всѣмъ другимъ племенамъ—варварамъ. Онъ очень строгъ и придирчивъ въ этомъ различеніи, и не считаетъ римлянами и многія племена, входившія въ населеніе имперіи, даже федератовъ, лучшую часть арміи. Но для насъ важно то, что Прокопій упрямо противополагаетъ самого Юстиніана римскому на-

роду и государству римлянъ, и не только его, но и его предшественника Юстина. «Такъ обстояли дѣла у римлянъ съ Юстиномъ». «Такъ губилъ Юстиніанъ римлянамъ ихъ имперію». Это для него, римлянина, носителя высшей римской культуры, люди посторонніе, варвары. «Юстинъ даже подписать бумаги не умѣлъ, чего никогда прежде у насъ не бывало». Юстиніанъ самъ писалъ рѣшенія, но языкъ, осанка, образъ мыслей, порядки—все у него варварское, все выдавало сына иллирійскаго мужика. Предшественникъ Юстина, Анастасій былъ настоящій императоръ, уважавшій законы и лучшихъ людей, сберегавшій средства своего народа.

Прокопій нѣсколько разъ повторяетъ, что онъ излагаетъ не свою личную точку зрѣнія, но что такъ, именно, относились къ Юстиніану всѣ мы, т.-е. столбовые римляне. Сенаторская знать, повидимому, довольно значительная группа магнатскихъ домовъ, считавшихъ себя истинно-римской основой имперіи, смотрѣла на себя, какъ на собственника, хозяина государства и населенія, опираясь на свое почти княжеское землевладѣніе. Вотъ черты, которыхъ мы не замѣчаемъ въ настроеніи представителей той же имперской знати въ IV и почти во всемъ V столѣтіи. Нѣсколько странный подъемъ національзма, политическая претенціозность охватываютъ и сплачиваютъ ихъ только наканунѣ VI в., и именно въ Восточной имперіи. Здѣсь въ V в. идетъ не менѣе жестокая, чѣмъ на Западѣ, борьба съ варварами, которая организуется, какъ и на Западѣ, съ помощью варварскихъ же силъ. На этой почвѣ, для отпора все усиливавшимся на Балканскомъ полуостровѣ готамъ, имперія принуждена была, такъ сказать, предоставить руководящую роль незамѣнимому въ военномъ отношеніи малоазіатскому народцу, исаврамъ. Они входили въ составъ населенія имперіи, но въ своихъ горныхъ, неприступныхъ гнѣздахъ оставались въ достаточной мѣрѣ автономными.

Вступленіе на престолъ прирожденнаго «римлянина» Анастасія, «украшеннаго царской доблестью, свободнаго отъ корыстолюбія и другихъ страстей», и было торжествомъ сплотившейся въ своего рода политическую партію старо-римской аристократіи имперскихъ сенаторовъ-магнатовъ, усилившейся за V в. на Востокѣ, благодаря «титулованной» эмиграціи сюда изъ западныхъ, занятыхъ германцами, странъ. Сюда съѣзжались, получая огромныя земли отъ императоровъ, западные магнаты. Царствованіе Анастасія было золотымъ вѣкомъ столбовыхъ потентовъ и динатовъ, опиравшихся на свои огромныя автономныя вотчины-княжества, становившихся и политически руководящей силой въ государствѣ. Воспоминанія объ истинно-римскомъ правленіи Анастасія мелькаютъ и въ Тайной Исторіи Прокопія, выступающаго отъ лица се-

наторскаго сословія. Воцареніе варвара, иллирійскаго мужика Юстина, встрѣчено было съ неудовольствіемъ въ этой средѣ. Передъ правительствомъ Юстиніана, составившимся, какъ свидѣтельствуютъ и Прокопій, и Іоаннъ Лидъ, сплошь изъ новыхъ, темнаго происхожденія, дѣльцовъ, не связанныхъ со старыми традиціями, стояла уже серьезная оппозиція, организовавшаяся главнымъ образомъ, повидимому, въ такъ называемыхъ цирковыхъ партіяхъ.

Если вдуматься въ нѣсколько безпорядочно и сплеча набросанныя сообщенія Тайной Исторіи, то можно увидѣть, что Юстиніанъ въ предпринятой имъ попыткѣ разгрома крупнаго землевладѣнія сенаторской знати выступалъ и какъ владѣлецъ государственныхъ и императорскихъ имуществъ, и какъ носитель государственной власти

Захваты правительствомъ и его агентами крупныхъ состояній сенаторовъ, по указанію Прокопія, производились различными путями То это было вмѣшательство въ наслѣдованіе, при отсутствіи завѣщанія умершаго крупнаго собственника, когда императоръ объявлялъ себя автономнымъ наслѣдникомъ, какъ это произошло съ состояніемъ Эвдаймона—comes rei privatae, или препозита Евфрата. А по смерти знатнаго сенатора Зенона и еще двухъ сенаторовъ, Юстиніанъ овладѣлъ ихъ имуществами на основаніи завѣщаній, которыя считались подложными. Алеманнъ, между прочимъ, въ примѣчаніяхъ къ Тайной Исторіи приводитъ цитату изъ одной безыменной хроники, въ которой Юстиніану прямо приписывается общая тенденція перетянуть въ казну крупныя состоянія изъ рукъ законныхъ наслѣдниковъ.

То захватъ проводился въ видѣ donatio, дара, конечно, вынужденнаго или подложнаго. При этомъ вспоминается указъ Юстиніана отъ 537 г., объявлявшій, что дары частнаго лица императору не нуждаются въ обычныхъ формальностяхъ и протоколахъ.

Третьимъ и безусловно самымъ любопытнымъ способомъ разгрома крупныхъ владѣній называетъ Тайная Исторія ложныя обвиненія, приводившія къ конфискаціи. Для пониманія этихъ свидѣтельствъ Прокопія слѣдуетъ припомнить, что законодательство обнаруживаетъ особую склонность Юстиніана къ этому роду наказаній: онъ широко примѣняетъ конфискацію прежде всего за преступленія противъ государства, а затѣмъ и за такія уголовныя, которыя по своей важности приравнены къ политическимъ: грабежъ и насиліе, похищеніе дѣвицъ и монахинь, преступленія противъ церкви, отпаденіе въ ересь, противоестественные пороки и т. д.

Тайная Исторія, перечисляя обвиненія, возводившіяся Юстиніаномъ на гонимыхъ сенаторовъ, называетъ приблизительно тѣ же самыя, но здѣсь рѣшительно указывается, что самыя обвиненія были ложными и

въ безконечной вереницѣ конфискацій земель и богатствъ самыхъ видныхъ представителей сенаторскаго сословія и подчеркивается сознательное, систематическое разрушеніе этого сословія и его крупныхъ состояній. Пересматривая огромную вереницу этихъ ударовъ правительства, постигавшихъ то отдѣльныхъ наиболѣе видныхъ представителей сенаторскаго класса, то цѣлыя ихъ группы (какъ извѣстія о нихъ можно собрать изъ сочиненій Прокопія и хроникъ), все болѣе убѣждаешься въ политической подкладкѣ этихъ безконечныхъ столкновеній и судебныхъ процессовъ.

Изъ нихъ выдѣляются массовыя колоссальныя конфискаціи послѣ знаменитой революціонной попытки 532 г., носящей названіе Nika.

Тайная исторія своеобразно хочетъ видѣть въ этомъ мятежѣ и послѣдовавшемъ «великомъ царскомъ террорѣ», искусственно вызванное и раздутое самимъ правительствомъ возмущеніе, съ цѣлью однимъ разомъ произвести земельную экспропріацію всего якобы крамольнаго сенаторскаго сословія. Весьма возможно, что въ такомъ объясненіи есть односторонность, раздраженное преувеличеніе, но общая тенденція правительства Юстиніана схвачена едва ли невѣрно. Судя по описанію борьбы такъ называемыхъ цирковыхъ партій, прасиновъ и венетовъ у того же Прокопія и по свидѣтельству другихъ источниковъ, вражда партій и мятежъ 532 г. стояли въ связи съ недовольствомъ весьма значительной группы сенаторскихъ фамилій правительствомъ Юстиніана. Во вспыхнувшей революціи, въ попыткѣ свергнуть Юстиніана около провозглашеннаго мятежниками анти-императора Гипатія сплотилась какъ разъ вся наиболѣе видная сенаторская знать. И «великій царскій терроръ», постигшій эти круги, повидимому, имѣлъ реальныя основанія.

Опредѣленное впечатлѣніе послѣ этого производятъ и приводимые дальше Прокопіемъ многочисленные примѣры разгрома Юстиніаномъ, при участіи Ѳеодоры, отдѣльныхъ особо-крупныхъ земельныхъ состояній. Захвачены были колоссальныя владѣнія Зенона, внука императора Анѳемія, сенаторовъ Татіана, Демосѳена, Гиляра, которыхъ Прокопій называетъ самыми видными членами сенаторскаго класса, затѣмъ Діонисія, жившаго въ Ливанѣ, Іоанна, крупнѣйшаго богача Эдессы.

Слѣды политической борьбы могутъ быть вскрыты и въ цѣломъ рядѣ религіозныхъ процессовъ, направленныхъ косвеннымъ образомъ къ отобранію земельныхъ богатствъ. Таково, несомнѣнно, дѣло Амантія, виднаго придворнаго сановника, которому искусственно былъ приданъ церковный характеръ (обвиненіе въ неуважительномъ отношеніи къ патріарху), таково, можетъ быть, убійство Виталіана, вліятельнаго лидера Халкидонской партіи.

Въ иныхъ случаяхъ, къ конфискаціи правительство подходило ста-

риннымъ путемъ процесса laesae majestatis. Такъ сломлены были большія вотчины родственниковъ императора Анастасія, такъ разрушено было почти владѣтельно-княжеское положеніе знаменитаго Велисарія.

Всматриваясь, наконецъ, въ имена осужденныхъ и подвергнутыхъ конфискаціи въ «великомъ гоненіи противъ эллиновъ», какъ оно описано въ Хронографіи Ѳеофана, и замѣчая здѣсь сплошь земельныхъ магнатовъ—сенаторовъ: Македонія, эксъ-префекта Асклепіодота, Пегасія со чады, патриція Фоку, квестора Ѳому, естественно предположить и въ этомъ процессѣ политическую подкладку.

Всѣ приведенныя выше извѣстія, находящія отголосокъ или объясненіе и въ новеллахъ, въ своей суммѣ вмѣстѣ съ наличностью такого сочиненія, какъ сама Тайная Исторія, думается съ достаточной убѣдительностью вырисовываютъ царствованіе Юстиніана въ любопытныхъ чертахъ своего рода критическаго момента, времени, когда бурно вспыхнула давно подготовлявшаяся борьба между двумя противоположными силами: церковно-бюрократическимъ императорскимъ правительствомъ и сенаторской знатью, опиравшейся на свое автономное, крупное землевладѣніе.

Но феодализирующія теченія уже глубоко и прочно проникли въ общественную жизнь имперіи къ VI в. Крупное землевладѣніе, какъ экономическая опора расчлененія, стало надежно возобладавшей хозяйственной формой. Борьба съ носителями его, съ соціальнымъ классомъ, занявшимъ ненормальное положеніе въ государствѣ на его основѣ, представляла огромныя трудности для императорскаго правительства. Но даже если разгромъ сенаторской аристократіи, уничтоженіе ея громадныхъ вотчинъ-княжествъ и удались въ извѣстной мѣрѣ Юстиніану, то это еще не означало собой полной побѣды централизованной государственности. Повторяю, имперія не могла уже существовать безъ крупнаго землевладѣнія и крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ необходимыхъ своихъ органовъ: у правительства не оказывалось въ распоряженіи достаточныхъ средствъ для руководства жизнью подданныхъ, безъ посредства этой вспомогательной силы.

Въ результатѣ этой борьбы, рѣшительно предпринятой Юстиніаномъ и неуклонно, безпощадно проведенной черезъ все долгое царствованіе, крупное землевладѣніе, какъ хозяйственная форма, со всѣми его характерными для поздней Римской имперіи чертами осталось. Только оно стало передвигаться на иной соціальный составъ носителей, оно начало переходить въ иныя руки, казавшіяся правительству пока болѣе покорными и вѣрными. То были церкви и, главное, монастыри.

Я не стану распространяться о томъ, какое первенствующее мѣсто въ жизни христіанской имперіи занималъ религіозный моментъ, какой

вліятельной силой въ государствѣ и обществѣ были церковь и ея служители, какъ вся Восточная имперія приближалась по общему складу къ теократическому типу, какъ, наконецъ, могуче росло и усиливалось въ имперіи монашество. Для насъ въ настоящій моментъ важно вспомнить лишь, что какъ разъ царствованіе Юстиніана (и не безъ основаній) обычно считается золотымъ вѣкомъ основанія и роста монастырей. Въ своихъ новеллахъ Юстиніанъ не разъ высказываетъ свой взглядъ на монастыри, монашескую жизнь, которая приводитъ человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ Богомъ, превращаетъ его въ рыцаря созерцанія, парящаго превыше всѣхъ мірскихъ заботъ. Онъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ, что развитіе монашества является и прекраснымъ примѣромъ и отличной политикой: онъ сознательно не только изъ набожности, но и для укрѣпленія государства беретъ на себя поддержку этихъ «чистыхъ рукъ и святыхъ душъ», и съ изумительной заботливостью содѣйствуетъ учрежденію монастырей, регламентируетъ уставы монастырской жизни, обезпечиваетъ для нея матеріальныя средства, устанавливаетъ привилегіи духовенства и т. д.

Въ 536 г. въ самомъ Константинополѣ насчитывалось уже до 70 однихъ мужскихъ монастырей, но и позднѣе, до конца своего царствованія Юстиніанъ не переставалъ воздвигать новые, соперничая въ этомъ съ Ѳеодорой. Внѣ столицы въ Палестинѣ, Сиріи, Месопотаміи, Исавріи, Арменіи, на Синаѣ, въ Африкѣ—всюду идетъ монастырское строительство.

Соотвѣтственно этому напряженію созидательно-монастырской горячки, совершался и другой важный процессъ, на который я и хочу обратить вниманіе: быстрое накопленіе въ обладаніи церквей и монастырей крупныхъ богатствъ, сложеніе крупнаго монастырскаго землевладѣнія. Самъ по себѣ этотъ процессъ вполнѣ ясенъ: въ тревожное время, при своеобразномъ пониманіи набожности многія крупныя состоянія перетягивались подъ кровъ монастыря, при чемъ въ качествѣ мотивовъ сплетались здѣсь и наивное желаніе спасти душу, и боязнь правительственной экспропріаціи, и избавленіе отъ тяжелыхъ податей и повинностей.

Но интересно то, что такое скопленіе національнаго богатства въ обладаніи духовныхъ общинъ не могло, конечно, входить въ интересы казны и государства: монастыри отнимали подданныхъ у имперіи и лишали ее земель, нужныхъ для обработки, лишали все большей части доходовъ, поскольку церковь была изъята отъ несенія многихъ государственныхъ повинностей. А между тѣмъ въ законодательствѣ Юстиніана явно выражена тенденція къ охраненію и увеличенію церковно-монастырской собственности, и недвижимыя имущества, переданныя монасты-

рю, объявляются вѣчной и неприкосновенной собственностью той общины, которая ихъ получила. Отчужденіе какихъ бы то ни было церковныхъ владѣній влечетъ самыя суровыя кары, а всякій договоръ такого рода объявляется ничтожнымъ и не имѣющимъ силы. Вѣдь если императоръ и считалъ себя, какъ главу церкви и намѣстника Божія, верховнымъ собственникомъ церковныхъ владѣній и монастырей, если онъ и оставлялъ за собой право вмѣшиваться въ ихъ жизнь и распорядки, все-таки онъ не избѣгалъ опасности образованія въ имперіи новой могучей силы, которая легко могла превратиться въ анти-государственную Это заставляетъ предполагать особые разсчеты, которыми руководилось правительство Юстиніана, такъ рѣшительно создавая и упрочивая монастырское землевладѣніе И, можетъ быть, не будетъ ошибкой, если мы и на этотъ разъ примкнемъ къ объясненіямъ Тайной Исторіи Прокопія, которая опредѣленно усматриваетъ въ этомъ мѣру, направленную къ разоренію и разгрому старой сенатской знати съ ея княжескими вотчинами старо-римскаго экзимированнаго типа.

Конечно, нѣтъ необходимости сводить здѣсь все дѣло, какъ Прокопій, исключительно къ личному и сознательно-планомѣрному воздѣйствію Юстиніана. Правильнѣе было бы увидѣть въ этомъ первые признаки складывающагося антагонизма между духовенствомъ и частью свѣтскаго общества на почвѣ имущественныхъ интересовъ, при чемъ правительство считаетъ для себя болѣе выгоднымъ склониться на сторону перваго. Въ 13-ой главѣ Тайной Исторіи находятся такія любопытныя соображенія: «Казалось, что вѣра Юстиніана въ Христа жива и крѣпка, но и это было только на погибель подданнымъ. Вѣдь духовнымъ онъ дозволялъ безпрепятственно чинить всякія насилія надъ міянами и даже радовался, когда они разоряли окрестное населеніе, полагая, что это дѣло благочестивое. Въ тяжбахъ такого рода онъ считалъ справедливымъ, если кто-нибудь, ссылаясь на свое священство, захватывалъ непринадлежащее ему и выигрывалъ дѣло. И самъ онъ, захватывая незаконно имущество и живыхъ и мертвыхъ, и посвящая его какой-либо церкви или монастырю, прикрывался маской благочестія, чтобы имѣть основаніе никогда не возвращать отобраннаго тѣмъ, кто потерпѣлъ насиліе».

Подводя итоги разсмотрѣнной полосы дѣятельности императора Юстиніана, опиравшагося на бюрократію, мы имѣемъ основанія констатировать болѣе или менѣе полный успѣхъ рѣшительнаго и систематическаго натиска на старую аристократію, которая уже не оправлялась отъ великаго царскаго террора. Сенаторскія вотчины, похожія на княжества, покрывавшія собой цѣлыя провинціи, разбиваются и о нихъ долго потомъ нѣтъ рѣчи въ послѣ-юстиніановскомъ законодательствѣ. Поднимающаяся

позднѣе аристократія такъ называемыхъ властелей складывалась уже изъ иныхъ соціальныхъ элементовъ. Въ этомъ смыслѣ характерно одно признаніе самого Юстиніана въ новеллѣ 537 г. (De ordine senatus), именно, что число сенаторовъ, не засѣдающихъ въ сенатѣ, почти сошло на нѣтъ. Законодатель скромно объясняетъ такое оскудѣніе тѣмъ, что усиленная государственная дѣятельность требовала привлеченія многихъ лицъ къ дѣйствительной службѣ. Но оказывалось, что и въ сенатѣ образовалось много пустыхъ мѣстъ, которыя Юстиніану пришлось заполнять вновь пожалованными въ сенаторы съ пособіями отъ казны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ царствованіе Юстиніана приходится считать временемъ образованія въ имперіи крупнаго церковно-монастырскаго землевладѣнія, строившагося по типу автономныхъ сальтусовъ.

При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что монастыри стали появляться въ имперіи и церкви по частному почину, и такъ какъ терминъ «учрежденіе» былъ чуждъ римскому праву, то и монастыри и другіе «богоугодные институты» проходили въ правовую жизнь инкогнито. Навѣрное, на первое время они должны были регистрироваться въ категоріи collegia privata, дозволенныхъ коллегій религіознаго характера Въ такомъ смыслѣ, съ IV в. монастыри были правоспособными юридическими субъектами. Какъ таковые, ихъ трактуетъ и въ своихъ новеллахъ Юстиніанъ. Въ его законодательствѣ замѣтна тенденція уравнять монастырь съ церковью. Но и самъ Юстиніанъ, и его преемники, создававшіе новые монастыри, продолжали создавать ихъ какъ частныя лица. Можно замѣтить, что созиданіе монастырей въ эту эпоху являлось не столько дѣломъ благочестія, сколько способомъ устроенія недвижимыхъ имуществъ, казавшимся наиболѣе выгоднымъ и надежнымъ. Со стороны императора, который главнымъ образомъ и создавалъ новые монастыри, это было, какъ онъ самъ признавался въ Nov. 133, отличной политикой и средствомъ укрѣпленія государства. Со стороны же прочихъ реорганизаторовъ своихъ имѣній въ монастыри въ VI в., обыкновенно людей видныхъ и богатыхъ, то было въ значительной мѣрѣ средствомъ избѣжать насилія со стороны правительства, на что намекаетъ и Прокопій.

Большинство монастырей основывалось императорами на своихъ или казенныхъ земляхъ. Естественно, что здѣсь продолжали имѣть силу тѣ порядки, которые существовали и раньше, т.-е. порядки экзимированныхъ, автономныхъ сальтусовъ. Такихъ императорскихъ монастырей, судя по указаніямъ Дюканжа (Constantinopolis christiana), было и въ VI в. довольно внушительное количество. На ряду съ ними, начиная съ Юстиніана, выдвигается другая, легко сливающаяся съ ними категорія казенныхъ монастырей (monasteria fisci), возникавшихъ по правитель-

ственному почину на земляхъ фиска, въ VI в. уже не отличавшихся отъ patrimonium и res privata, а также основанныхъ на земляхъ частныхъ лицъ, перешедшихъ въ казну вслѣдствіе конфискаціи или иной подобной операціи. Создававшіеся такимъ образомъ съ VI в. все въ большемъ количествѣ монастыри оказывались экзимированными и привилегированными группами, и не потому, что они причислялись къ учрежденіямъ церкви, а потому, что они создавались императорами или близкими къ нимъ лицами на экзимированныхъ земляхъ. Ростъ и укрѣпленіе этихъ, пользовавшихся всякими изъятіями, самоуправляющихся территорій, выбивавшихся изъ-подъ вліянія и центральной власти, и епископовъ, лишавшихъ государство служебныхъ и рабочихъ силъ, приводятъ къ концу VII в. къ тому, что чуть не половина земельныхъ имуществъ въ имперіи оказывается въ безвозвратномъ обладаніи церковныхъ учрежденій, а по свидѣтельству одного духовнаго памфлета, родъ человѣческій въ это время былъ раздѣленъ на двѣ равныя половины: монаховъ и мірянъ. Такое положеніе вещей грозило прямо существованію государства. Съ начала VIII в. императорское правительство, подъ давленіемъ трудныхъ войнъ, и начинаетъ съ нимъ борьбу, извѣстную подъ названіемъ Иконоборчества.

VII. Попытки административной реформы при Юстиніанѣ.

Соціальная политика правительства Юстиніана въ главной своей линіи не была поворотомъ въ новую сторону, она оставалась вѣрна аристократическимъ традиціямъ Римской имперіи. Правительство не отказалось отъ помощи крупнаго землевладѣнія и не рѣшилось встать въ непосредственныя отношенія съ массами подвластнаго населенія. Оно и въ VI в. было такъ же далеко отъ мысли обратиться въ своей работѣ за содѣйствіемъ къ широкимъ слоямъ общества: идеаломъ и для Юстиніана оставалось централизованное по эллинистическимъ образцамъ государство, управляемое чисто-бюрократическими средствами, какъ оно было заложено преобразованіями Діоклетіана и Константина. Но осуществленіе этого идеала давалось все съ большимъ трудомъ: за два вѣка феодализирующія теченія въ имперіи сдѣлали значительные успѣхи. Самое примитивное средство, къ которому правительство неуклонно прибѣгало, усиленіе и напряженіе требовательности, постепенное превращеніе свободныхъ общественныхъ организацій въ механически двигавшіяся колеса правительственной машины, съ теченіемъ времени должно было оказываться все болѣе безплоднымъ. Вся хозяйственная и иная культурная энергія въ обществѣ была убита, и оно, естественно, двигалось назадъ, въ стадію натуральнаго хозяйства. Ему все труднѣе и непосильнѣе становилось содержать огромныя арміи, пышный, расточительный дворъ и несмѣтныя полчища чиновниковъ, не знавшихъ никакого контроля и превратившихся въ анти-соціальную силу. Имперія со своей бюрократіей и задавленное, разоренное общество стояли другъ противъ друга яростными врагами.

Насколько положеніе имперіи оказывалось тяжелымъ и затруднительнымъ въ VI в., мы узнаемъ изъ цѣлаго ряда новеллъ Юстиніана, въ которыхъ онъ, едва ли имѣя основанія перепустить мрачныя краски, да-

етъ въ общемъ ужасающую картину всеобщаго разоренія, негодности администраціи, хаоса и безпорядковъ, какіе царятъ въ провинціяхъ. Вотъ, напр, VIII-ая новелла, указывающая на одно изъ золъ, которое Юстиніану кажется особенно отвратительнымъ и вредоноснымъ, на продажность государственныхъ должностей, которая давно уже прочно утвердилась въ имперіи «Самыя высшія лица въ государствѣ, даже императоры, не краснѣя, открыто продавали искателямъ должностей свое покровительство и милость. И для этого кандидаты на мѣста тянулись, разорялись, дѣлая займы за огромные проценты, но они шли и дальше: съ безстыдной откровенностью, показывающей, какъ глубоко проникло зло, они выдавали кредиторамъ обязательства на полученіе доходовъ изъ провинцій, объ управленіи которыми ходатайствовали». По полученіи мѣста нужно было покрыть издержки, уплатить капиталъ съ процентами, и кредиторы нерѣдко для вѣрности сами ѣхали вмѣстѣ съ вновь назначеннымъ чиновникомъ на мѣсто его служенія. Естественно, что всѣ расходы должна была покрывать провинція, подвластное населеніе. Отсюда непрерывныя вымогательства, безпощадное выбиваніе и выколачиваніе, продажный и позорный судъ, пропитанный грабежомъ и неправдой. Таковы губернаторы, таковы и всѣ ихъ окружающіе: оффиціалы, не стыдясь, берутъ взятки, финансовые агенты набиваютъ себѣ карманы, требуя больше, чѣмъ слѣдуетъ, придумывая дополнительные поборы, полиція—большіе грабители, чѣмъ разбойники. И вотъ такая хищническая расправа вызываетъ повсемѣстно мятежи и возстанія, пристрастное правосудіе создаетъ общую необезпеченность. Убійства, разбои, полное презрѣніе законовъ—все это стало обычнымъ, никого не тревожитъ, никого не страшитъ, кто, будучи силенъ или богатъ, могъ быть увѣренъ, въ своей безнаказанности. Крупные земельные собственники чувствуютъ себя полными государями, они держатъ наемные отряды вооруженныхъ людей и съ ними грабятъ, насильничаютъ, захватываютъ чужія земли, даже принадлежащія императору. Подъ давленіемъ этихъ бѣдствій народъ разбѣгался изъ провинціи, цѣлыя области становились совершенно необитаемыми. Деревни и селенія запустѣли, земли не обрабатываются, города доведены до нищеты. Со всѣхъ концовъ имперіи стекаются жалобы въ столицу. Просители всѣхъ возрастовъ и общественныхъ положеній тянутся сюда, принося съ собой опасные элементы неудовольствія и смуты. Но само правительство, казна тѣми же явленіями приведены къ великой опасности: подданные разорены, измучены, они не въ состояніи исправно платить необходимые налоги, растутъ недоимки и имперіи грозитъ финансовый крахъ.

Вотъ условія, которыя заставляютъ Юстиніана принять рѣшительныя и безотлагательныя мѣры. О настойчивой необходимости реформы го-

ворятъ и тѣ многочисленныя его новеллы, которыя касаются переустройства отдѣльныхъ провинцій Состояніе каждой изъ нихъ представляется императору полнымъ своихъ мрачныхъ чертъ. Отзывы эти весьма любопытны, такъ какъ они носятъ оффиціальный характеръ и исходятъ отъ самого императора. Памфилія не перестаетъ направлять свои жалобы на дикія выходки императорскихъ чиновниковъ, на захваты земли военными и полицей. Въ Писидіи, оказывается, гражданскія и военныя власти дѣйствуютъ согласно только въ разореніи плательщиковъ, но такъ какъ населеніе, возмущенное вымогательствами, бросается въ возстанія, то страна полна разбоями, кровавыми расправами, въ которыхъ принимаютъ участіе и мѣстные магнаты. То же чередованіе мятежей съ вымогательствами, то же полное отчаяніе населенія, отличающагося безпокойнымъ характеромъ, засвидѣтельствовано относительно Ликаоніи и Исавріи. Понтъ и Пафлагонія—это царство убійствъ, грабежей, вооруженныхъ нападеній, солдатскаго и полицейскаго безчинства и воровства губернаторовъ. Относительно Каппадокіи императоръ заявляетъ, что у него окончательно опускаются руки, онъ не видитъ средствъ спасти несчастную провинцію отъ бѣдствій и удивляется, что еще есть жители, которые не бѣжали изъ этого ада. Слабо цивилизованная Арменія со своимъ полуварварскимъ населеніемъ является особо доступной и безпомощной добычей въ рукахъ хищныхъ управителей. Вообще же вся Малая Азія поражаетъ своимъ малолюдствомъ, одичаніемъ, что, несомнѣнно, является результатомъ дурного управленія. Обѣ Палестины полны смутъ, которыя усиливаются еще религіозными раздорами, и эта страна, одна изъ богатѣйшихъ, лучшая надежда казны теперь почти не приноситъ дохода. Въ Египтѣ происходитъ нѣчто невообразимое, но тамошніе чиновники такъ ловко покрываютъ другъ друга, что въ Константинополѣ ничего не знаютъ о происходящемъ тамъ.

Въ 535 году Юстиніанъ издалъ два большихъ указа: отъ 15 и 16 апрѣля, въ которыхъ начертываетъ основы общей административной реформы. Она должна была выразиться въ созданіи новаго чиновничества, въ перерожденіи его посредствомъ указанія новыхъ задачъ и обязанностей управленія. Должностныя лица должны отечески относиться къ населенію, охранять его отъ всякихъ несправедливостей, отнюдь не брать съ него денегъ, держать высоко знамя правосудія, преслѣдовать преступленія, наказывать виновныхъ по закону и вообще держать себя въ подвластной области такъ, какъ доброжелательный отецъ держится среди своихъ дѣтей. Особенное вниманіе императоръ обращаетъ на то зло, которое препятствуетъ процвѣтанію имперіи, это—продажа должностей. Чтобы понять это, слѣдуетъ припомнить, что безплатнаго замѣщенія должностей

давно уже не знало римское государство, въ силу установившагося взгляда о правѣ корпораціи или даже лица на должность, какъ на частную собственность. Нѣкоторыя должности центральной администраціи признавались даже наслѣдственными. Въ результатѣ стало обычнымъ продавать свой голосъ, т.-е. свое право за деньги (suffragium). Продажу должностей законъ формулировалъ какъ договоръ, имѣющій обязательную силу. Это—законъ 394 г., времени процвѣтанія бюрократизма: онъ запрещаетъ лицамъ, получившимъ извѣстное просимое мѣсто, отказываться отъ обязательствъ, принятыхъ на себя при заключеніи сдѣлки. Suffragium—довольно крупная сумма, которую платили лицу или вѣдомству, назначающему на должность. Ее нужно отличать отъ спортулъ, поборовъ разнаго рода, поступавшихъ при дѣлопроизводствѣ въ пользу чиновниковъ соотвѣтствующаго присутственнаго мѣста. Указъ Юстиніана направленъ противъ суффрагія, онъ объявляетъ всѣ должности безплатными, въ надеждѣ, что отъ этого запрещенія государство и казна процвѣтутъ, имѣя подданныхъ въ достаткѣ, а области въ изобиліи. Всякій суффрагій, въ видѣ ли взятки или въ формѣ патроцинія строго запрещался, и всѣ провинціальныя административныя должности объявлялись безвозмездными, за исключеніемъ необходимыхъ канцелярскихъ сборовъ, которые и фиксированы въ особомъ приложеніи къ указу. За превышеніе этихъ размѣровъ съ магистрата взыскивался штрафъ на сумму въ четыре раза болѣе взятой, а чиновникамъ грозила конфискація и изгнаніе со службы. Назначаемый долженъ былъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ сановниковъ, дать присягу въ соблюденіи закона. Текстъ ея тоже приложенъ къ указу. Въ указахъ много разъ повторяется главное желаніе императора: «чтобы у чиновниковъ были чисты руки». Съ этой цѣлью онъ старается поднять престижъ своихъ агентовъ, внушить имъ чувство собственнаго достоинства и высоты, отвѣтственности ихъ положенія. Съ необыкновенной доточностью и оптимистической вдумчивостью Юстиніанъ вырисовываетъ фигуры идеальныхъ управителей—губернаторовъ—отцовъ, авторитетныхъ и неподкупныхъ со стороны потентовъ и динатовъ, держащихъ въ рукахъ военную команду, близкихъ и доступныхъ для населенія, совершающихъ разъѣзды по своей провинціи, организующихъ общественныя работы, поощряющихъ земледѣліе, охраняющихъ миръ и тишину, держащихъ неослабный надзоръ за кадрами подчиненныхъ имъ полицейскихъ, финансовыхъ и судебныхъ чиновниковъ. Но главная задача, на которой должны быть сосредоточены усилія и энергія идеальнаго правителя, это—увеличеніе доходовъ фиска и охрана казеннаго интереса. Первая забота, правильное поступленіе налоговъ, и они отвѣчаютъ за безнедоимочный взносъ платежей.

Таковы общіе принципы административной реформы, устанавливаемые Юстиніаномъ. Онъ хотѣлъ объединить имперію новымъ чиновничествомъ, перерожденнымъ посредствомъ указанія новыхъ задачъ и обязанностей управленія. Самъ онъ считалъ ихъ чрезвычайно важными; онъ ссылается на указы 535 г. очень много разъ въ своихъ новеллахъ. Вдумываясь въ нихъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, въ чемъ же собственно заключалась реформа. Въ общихъ фразахъ о томъ, что чиновники должны быть съ чистыми руками, что губернаторы должны быть отцами подвластныхъ и т. д., нельзя усмотрѣть ни чего-либо новаго, выдвинутаго впервые Юстиніаномъ, ни чего-либо дѣйствительно пересоздающаго административную реальность. Только наивный оптимизмъ или необычайная увѣренность въ своей непомѣрной власти могли подсказать императору такого рода преобразовательные пріемы. Совѣты и увѣщанія, проповѣдь, даже съ присовокупленіемъ угрозъ страшнымъ судомъ Божіимъ, участью Іуды, проказой Геезія, и трепетомъ Каина, какъ это дѣлаетъ Юстиніанъ, едва ли кого изъ чиновниковъ могли убѣдить, исправить и переродить. А помимо этихъ средствъ въ обладаніи императорской власти, очевидно, не оказывалось иныхъ, болѣе вліятельныхъ и дѣйственныхъ. И указы 535 г. въ концѣ-концовъ обнаруживаютъ полную безпомощность правительства въ имперіи, утрату императорской властью всякаго авторитета, несмотря на высшую степень напряженности самодержавія. Эта власть переставала быть руководящей силой въ государствѣ, потому что тускнѣла самая идея государства.

Едва ли и самъ Юстиніанъ не сознавалъ такого положенія вещей. Огромная добросовѣстность, сознаніе своей отвѣтственности передъ Богомъ, чувство долга, которыя руководили имъ, заставляли его выступать съ проповѣдями-новеллами, но безпощадная дѣйствительность принуждала его чуть не на другой день отступать отъ своихъ предначертаній. И когда Прокопій въ Тайной Исторіи злорадно заявляетъ, что послѣ указовъ 535 года самъ Юстиніанъ въ томъ же году началъ продажу должностей и грабежъ усилился, а затѣмъ отобралъ всѣ почетныя мѣста и вмѣсто продажи сталъ назначать на нихъ «по пайму», съ обязательствомъ доставлять ему мѣстныя произведенія, мы не сочтемъ это клеветой. Такъ и должно было случиться. Въ послѣдующемъ законодательствѣ нетрудно замѣтить сначала замаскированныя, а потомъ и явныя отступленія отъ закона 535 г. Прежде всего актъ 535 г. имѣлъ въ виду лишь провинціальную администрацію, а, слѣдовательно, чиновники центральныхъ учрежденій продолжали покупать свои мѣста, и это ихъ право было подтверждено майскимъ указомъ того же года: «о помощникахъ квестора». Уже въ 536 г., назначая проконсула Каппадокіи, гдѣ были большіе императорскіе домены, императоръ обязуетъ

его уплатить, кромѣ взноса за дипломъ, еще 50 ф. золота въ вѣдомство императорской казны, какъ то обычно дѣлалось. Тотъ же обходъ закона виденъ въ назначеніи модератора въ Финикію Ливанскую. Позднѣе снова протискивается и самый терминъ суффрагія, такъ что въ 574 г уже императору Тиберію пришлось вновь отмѣнять его указомъ. И несмотря на это, суффрагій удерживается, становясь своеобразной формой государственнаго кредита. Государство уступаетъ частному лицу за его капиталъ пожизненную ренту. Это показываетъ уже значительное ослабленіе государственнаго сознанія: управленіе, служба перестаютъ быть дѣломъ общественнымъ, они становятся частнымъ предпріятіемъ, задачей котораго является исключительно полученіе выгоды— точка зрѣнія, характерная для феодализированнаго общества.

Рядомъ съ общей реформой административнаго строя имперіи, все царствованіе Юстиніана не прекращаются частичныя, то сравнительно мелкія, то значительныя перестройки и поправки въ управленіи имперіей и ея областями. Получается послѣ пересмотра безконечной вереницы новеллъ впечатлѣніе, что зданіе имперіи не выходитъ изъ лѣсовъ, все время ремонтируется. Можно разглядѣть, къ чему стремится преобразователь, что кажется ему неудобнымъ въ существующихъ порядкахъ. Діоклетіано-Константиновская система основана была на крайнемъ дробленіи провинцій, осложненіи чиновничьей іерархіи и тщательно проведенномъ раздѣленіи гражданскаго и военнаго управленія. Юстиніанъ явственно порываетъ съ этими традиціями. По всему видно, что онъ хотѣлъ упростить административную организацію: имѣть меньше провинцій, но лучше устроенныхъ, меньше чиновниковъ, но болѣе властныхъ на мѣстѣ и болѣе зависящихъ отъ центра. Съ этими цѣлями онъ постепенно проводитъ сліяніе территорій, строитъ рядъ крупныхъ управленій, а въ провинціяхъ, управленіе которыхъ представляетъ большія затрудненія, соединяетъ въ рукахъ одного намѣстника гражданскую и военную власть, чтобы положить конецъ соперничеству между ними. Но эти преобразованія вводятся не сразу, не повсемѣстно и не рѣшительно. Юстиніанъ какъ бы колеблется, ищетъ и приспособляется. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, особенно пограничныхъ, онъ сохранилъ старое раздѣленіе властей. Въ западныхъ областяхъ, вновь присоединенныхъ къ имперіи, напр., Италіи, выдѣленной въ префектуру или экзархатъ, мы также не замѣчаемъ проведенія новыхъ объединительныхъ началъ.

Заботъ, изобрѣтательности и энергіи было потрачено Юстиніаномъ не мало въ попыткахъ наладить порядки, вправить жизнь имперіи и ея составныхъ частей въ спокойное русло. Ему, повидимому, рисовалась въ соблазнительныхъ очертаніяхъ эта дѣятельная, кипучая, питающая государство, жизнь провинцій подъ руководствомъ расторопныхъ отцовъ-гу-

бернаторовъ. Съ особеннымъ удареніемъ указываетъ онъ своимъ намѣстникамъ на ихъ культурную роль въ странѣ: поддержаніе дорогъ, мостовъ, стѣнъ, водопроводовъ,—вотъ что должно стоять на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ ихъ дѣятельности. Правительство охотно отпускаетъ средства изъ казны для производства въ городахъ работъ и сооруженій, связанныхъ съ общественной пользой. Проводятся дороги даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ страна тціановъ и сирокиликійскія ущелья; вымащивается путь черезъ топкую Виѳинію изъ Никомедіи вглубь Малой Азіи. Устраиваются колодцы и цистерны въ безводныхъ пустыняхъ Сиріи и Палестины. Перебрасываются десятки мостовъ черезъ горныя рѣки, огражденныя плотинами противъ наводненій. По многимъ городамъ, кромѣ столицы, устроены были водопроводы и резервуары для обезпеченія жителей питьевой водой. Наконецъ, цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ, запустѣвшихъ и заглохшихъ среди тревогъ и погромовъ, былъ возстановленъ, другіе были вновь созданы и украшены названіемъ Юстиніановыхъ. Евагрій говоритъ, что въ Африкѣ было реставрировано 150 городовъ. По морскому берегу строились новые порты. Антіохія послѣ погрома 540 г. была перестроена съ неслыханной роскошью, съ банями, площадями, театрами. Старинный Карѳагенъ, украшенный дворцами, термами и церквами, превратился какъ бы въ новый великолѣпный городъ. Деревня Таврезій, родина Юстиніана, въ Иллиріи пересоздана была въ столицу этой области, съ названіемъ Justiniana Prima. Все это свидѣтельствуетъ о напряженныхъ усиліяхъ правительства, о торопливой хлопотливости его, какой-то судорожной добросовѣстности. Въ громоздящихся другъ на друга новеллахъ императоръ съ жаромъ спѣшитъ убѣдить подданныхъ, что наступилъ счастливый, золотой вѣкъ побѣдъ, успѣховъ и довольства. Все удается съ Божьей помощью, все благополучно, все къ лучшему. Но именно въ этихъ увѣреніяхъ, восточно-слащавыхъ и словоохотливыхъ слышится нота надвигающагося отчаянія. Въ смѣняющихъ другъ друга вереницахъ новыхъ предписаній, запрещеній, угрозъ и частичныхъ измѣненій, идущихъ черезъ все царствованіе, нельзя не увидѣть лихорадочныхъ потугъ правительства наладить порядки, которые, явно, прививались плохо. То и дѣло установленная въ какой-нибудь провинціи должность замѣняется другою, перебираются составы областей, то расширяются, то суживаются. Въ чемъ же дѣло? Ясно, что обновленное и одухотворенное управленіе, которое въ такихъ красивыхъ и привлекательныхъ чертахъ рисовалось въ указахъ, оказывалось непосильнымъ дѣломъ въ жизни. Въ имперіи VI в. не было налицо общественныхъ элементовъ, ни которые могли бы стать носителями этой администраціи, ни которые бы нуждались и радостно приняли ее. Въ данномъ случаѣ нѣтъ надобности ссылаться

на яркія сообщенія Тайной Исторіи относительно той анархіи, того дикаго грабежа и безуправства, какіе царили въ имперіи при Юстиніанѣ. Прокопій здѣсь судитъ пристрастно: онъ обвиняетъ во всемъ самого императора, который сознательно разрушилъ и остатки добрыхъ старыхъ порядковъ изъ тщеславнаго стремленія къ новшествамъ, уничтожалъ старыя должности, унижалъ старые саны, вводилъ варварскіе порядки, отстранялъ достойныхъ лицъ, припуская къ высшимъ должностямъ людей худородныхъ и дурныхъ, которые могли стать послушными орудіями въ его хищныхъ и губительныхъ рукахъ. Мы отлично понимаемъ мотивы раздраженія Прокопія, оскорбленнаго отстраненіемъ отъ видныхъ должностей представителей старой сенаторской знати Незачѣмъ взваливать вину на Юстиніана, который самъ, ничего не скрывая, заявляетъ въ новеллахъ о несокрушимости пороковъ имперской администраціи, о той халатности, которая позволяетъ назначеннымъ губернаторамъ на полгода, а то и больше, отлучаться изъ ввѣреннаго имъ края, о расхищеніи ими общественныхъ имуществъ, о присвоеніи значительной части казенныхъ сборовъ, назначеніи новыхъ непредусмотрѣнныхъ поборовъ съ населенія. Низшее чиновничество не отставало отъ начальниковъ, и Юстиніанъ дозволилъ своимъ подданнымъ просто бить своихъ чиновниковъ за вымогательство. Жалобы и просители стекались въ Константинополь со всѣхъ концовъ въ такихъ безнадежныхъ количествахъ, что въ 539 г., съ цѣлью ускорить отправленіе правосудія и нѣсколько разгрузить столицу, Юстиніанъ создалъ новую чрезвычайную должность quaesitor'а, верховнаго судьи и оберъ-полицеймейстера. Напрасно императоръ напрягалъ контроль епископовъ надъ губернаторами, напрасно издавалъ новыя разъясненія и подтвержденія къ старымъ указамъ: въ 540, 541, 544, 545, 546 гг., напрасно въ 556 г. онъ вновь со всѣми подробностями повторилъ то, что предписывалъ и повелѣвалъ 20 лѣтъ назадъ, констатируя, что ровно ничего не измѣнилось въ повадкахъ и беззастѣнчивости его агентовъ. Считавшая себя самодержавной, сознававшая свою боговдохновенность, императорская власть оказывалась безпомощной, неавторитетной, безсильной руководить обществомъ съ ослабѣвшимъ и помутнѣвшимъ сознаніемъ государственности. Государственное единство, идея великаго политическаго организма выпали изъ этого сознанія: люди умѣли жить уже мелкими мірами, феодализированными группами и если крупные господа (потенты и динаты) присвоили себѣ рядъ административныхъ и судебныхъ функцій, то и правительственные агенты въ своихъ областяхъ склонны были превращаться въ самостоятельныхъ господъ, смотрѣвшихъ на государственную должность, какъ на частную собственность. Эти явленія, столь характерныя для романо-германскаго запада,

замѣтны не менѣе и на востокѣ. И именно ихъ ростъ и можетъ объяснить безрезультатность объединительныхъ попытокъ Юстиніана. Его правительственной энергіи было не подъ силу остановить, заглушить развитіе феодализирующихъ процессовъ, захватившихъ общество имперіи. Не замѣчая ихъ прочныхъ успѣховъ, не отдавая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ и значеніи, Юстиніанъ продолжалъ вести политику большой, единой имперіи, которой уже не существовало въ дѣйствительности. Онъ нуждался въ своихъ размахахъ въ значительныхъ матеріальныхъ средствахъ, онъ велъ крупныя войны, онъ строилъ, какъ великій государь, онъ держалъ великолѣпный дворъ всемірнаго императора. А между тѣмъ хозяйственные рессурсы и способности общества не въ состояніи были удовлетворять такой широкой политической программѣ. И Юстиніану поневолѣ приходилось въ безвыходномъ положеніи отступать отъ провозглашенныхъ имъ принциповъ, открыто продавать съ аукціона общественныя должности, торговать въ самомъ дворцѣ законами и правосудіемъ, лишь бы добыть денегъ. Въ этомъ смыслѣ характерны упреки, которые дѣлаетъ Юстиніану Прокопій въ Тайной Исторіи относительно того, что центральная администрація падала все ниже, потому что императоръ, ко всеобщему удивленію, съ каждымъ новымъ назначеніемъ выбиралъ лицъ, все болѣе отвратительныхъ. «Мы изумлялись,—говоритъ Прокопій,—смотря на первыхъ избранниковъ, до какой скверны можетъ дойти природа человѣка. Но смотря на преемниковъ, пришлось убѣдиться, что мерзость людская по природѣ безгранична». Прокопій видитъ въ дурномъ подборѣ высшихъ чиновъ политическую систему правительства, злонамѣренное отстраненіе старыхъ сенаторскихъ и сановныхъ фамилій и выборъ незнатныхъ дѣльцовъ, какъ орудій тиранніи. Въ результатѣ полное, по мнѣнію Прокопія, разстройство управленія: имперія стала похожа на царство съ озорствомъ играющихъ дѣтей. Объясненія Прокопія, конечно, мы принять не можемъ, поскольку въ немъ слишкомъ явственно звучитъ обида старыхъ сановныхъ круговъ и старыхъ вѣдомствъ на умаленіе ихъ достоинства. Но самый фактъ критическаго положенія государства понятенъ и безъ злого вліянія личности Юстиніана. Правительство поневолѣ отказывалось отъ пышности и чванности въ придворныхъ распорядкахъ и центральномъ управленіи. Прокопію кажется, что въ прежнее время, до Юстиніана, было все нормально: служащихъ въ столичныхъ вѣдомствахъ было много, все это были настоящіе люди и содержаніе они получали солидное: оттого въ государствѣ было великое благоденствіе. Юстиніанъ съ перваго же года своего правленія лишилъ всѣхъ служащихъ почти всѣхъ доходовъ, разоривъ и ихъ, и зависѣвшихъ отъ нихъ людей.

Съ этимъ сообщеніемъ любопытно сопоставить жалобы другого современнаго Юстиніану писателя, Іоанна Лида, заядлаго чиновника (De magistratibus) Онъ тоже недоволенъ состояніемъ и составомъ управленія при Юстиніанѣ, главнымъ образомъ центральнаго. Онъ сѣтуетъ на то, что прежняя торжественность исчезла, лишая службу особаго почета; различныя вѣдомства спутались; число служащихъ, штаты, ограничены, а главное, упали доходы.

«Прежде старшій чиновникъ, cornicularius, получая изъ суммъ вѣдомства полныхъ 12 ф. золота въ годъ, имѣлъ сверхъ того и другіе доходы съ бумагъ, поступавшихъ къ нему для подписи, и это давало ему не менѣе 1000 золотыхъ въ годъ. А теперь что? Безъ слезъ не выскажешь,—какъ говоритъ Эврипидъ въ своемъ Пелеѣ. Все пропало. Я вѣдь это на себѣ испыталъ, какъ разъ добравшись къ этому времени до высокихъ чиновъ, и ничего не получивъ, кромѣ званія Вотъ ужъ, положа руку на сердце, могу сказать, что прямо ни гроша не попало мнѣ, ни жалованья, ни съ рѣшенныхъ дѣлъ. Прежде, бывало, за простую бумажонку со всякаго брали 37 золотыхъ, если захотѣлъ обратиться въ высшую инстанцію, а теперь рады, когда ненарокомъ перепадетъ не золото, а нѣсколько мѣдяковъ, словно на масло. Обидно до слезъ. Теперь я кляну себя, что поздно хватился за умъ: и для чего я столько времени корпѣлъ въ своей канцеляріи, чтобы потомъ идти чуть не по міру?»

И здѣсь слышится упрекъ Юстиніану за его якобы сознательное приниженіе столичнаго чиновничества и обезцѣненіе администраціи. Прокопію и Іоанну, какъ современникамъ и притомъ заинтересованнымъ и затронутымъ надвинувшимися перемѣнами въ укладахъ имперіи, естественно было смотрѣть на дѣло такимъ образомъ: имъ нужно было излить на кого-нибудь накипѣвшую горечь. Но Юстиніанъ, при всемъ своемъ напряженномъ самодержавіи, былъ безсиленъ въ данной области, въ государственномъ строеніи, что либо рѣшительно повернуть въ ту или другую сторону: онъ только пытался приспособляться къ стихійно измѣнившимся условіямъ, и прежде всего къ неуклонно надвигавшемуся обѣднѣнію имперіи и ея населенія и росту диссоціирующихъ теченій.

VIII. Состояніе финансовъ и финансовое управленіе при Юстиніанѣ.

Переходимъ къ иной сторонѣ напряженной дѣятельности императорскаго правительства VI вѣка, которая также заслуживаетъ сплошное осужденіе со стороны Прокопія и другихъ современныхъ писателей, огульно обозначаясь, какъ «грабежъ». Разумѣю веденіе государственнаго хозяйства, финансовое дѣло: оно должно было стать особенно тяжелой задачей передъ правительствомъ Юстиніана, поскольку оно пыталось продолжать вести крупную политику великой «всемірной» имперіи, а между тѣмъ и матеріальныя средства, и политическая ситуація къ VI в. значительно измѣнились. И эти перемѣны не были временными пріостановками и неудачами, какъ на нихъ склонны были еще смотрѣть правящіе круги. Но во всякомъ случаѣ Юстиніанъ чувствуетъ возможность банкротства: онъ судорожно хватается за все, что можетъ спасти его отъ безденежья и краха, но не рѣшается сразу сократить масштабы своей политики.

Литературные оппоненты этого правительства съ Прокопіемъ и Іоанномъ Лидомъ во главѣ—получали такимъ образомъ возможность направлять свои раздраженные удары въ оба уязвимыхъ мѣста: правительство виновно и въ томъ, что въ своихъ завоевательныхъ размахахъ оно не считалось съ разореніемъ народа; правительство виновно и въ томъ, что, избѣгая краха, разрушало римскіе завѣты и традиціи.

По соображеніямъ Іоанна Лида (De magistr III, 43, 44), началомъ разоренія казны былъ еще неудачный морской походъ императора Василиска, пытавшагося сокрушить вандальское королевство въ Африкѣ. Эта экспедиція стоила 65.000 ф. золота, 700.000 фунт. серебра и колоссальнаго количества военныхъ припасовъ. Предпріятіе кончилось крупной катастрофой. И съ тѣхъ поръ государственное хозяйство уже не могло оправиться. Истощены были, какъ государственные, такъ и императорскіе фонды, и съ того времени казна не была въ состояніи

своевременно уплачивать даже обычные расходы, и деньги тратились досрочно, т.-е. образовался постоянный дефицитъ. Непрекращавшіяся разорительныя войны съ начала царствованія Юстиніана, вызвавшія вторженіе персовъ, привели государство на край гибели; «а волею Божіею поставленный неутомимый императоръ, не ограничиваясь своей имперіей, погибшей по винѣ предковъ, считалъ своей жизненной задачей присоединять чужія земли».

Прокопій судитъ болѣе рѣзко. Онъ говоритъ, что бережливости императора Анастасія удалось скопить за 27 лѣтъ 3200 кентенаріевъ золота. Но Юстиніанъ, получивъ власть еще при жизни своего дяди Юстина, очень быстро растратилъ всѣ сбереженія и сокровища Анастасія на варваровъ и на береговыя сооруженія, «споря съ волнами и приливами». Затѣмъ Юстиніанъ обратился къ грабежу своихъ подданныхъ, чтобы одаривать варваровъ и возводить грандіозныя, но никому не нужныя сооруженія. Съ одной стороны, принимая мѣры къ повышенію государственнаго дохода и указывая населенію на необходимость новыхъ жертвъ, Юстиніанъ, съ другой, обращается и къ сокращенію расходовъ. Прокопій обрушивается на вторую линію мѣропріятій, поскольку она вела къ разрушенію военнаго могущества имперіи. Онъ указываетъ на стремленія Юстиніана сократить численность арміи, съэкономить въ ея содержаніи и переложить расходы на мѣстныя и даже на частныя средства. Въ результатѣ — ослабленіе римскаго войска, упадокъ дисциплины и военныя неудачи римлянъ. Вредныя мѣропріятія правительства въ этой области ставятся Прокопіемъ въ связь съ дѣятельностью особыхъ правительственныхъ агентовъ, введенныхъ Юстиніаномъ, такъ наз. логоѳетовъ. Повидимому, это были уполномоченные, посылавшіеся въ армію для ревизіи, а также въ области для взысканія въ казну различныхъ недоимокъ, и прежде всего тѣхъ суммъ, которыя шли на содержаніе войска и могли быть сочтены излишними, для взысканія долговъ казнѣ со всѣхъ лицъ, имѣвшихъ съ ней какіе-либо счеты. Очень естественно, что чиновники съ такими функціями заняли видное мѣсто въ системѣ управленія въ критическое время почти банкротства казны. Очень естественно, что дѣятельность этихъ контролеровъ и счетчиковъ едва ли могла оставить въ народѣ по себѣ свѣтлую, признательную память. Прокопій могъ сколько угодно собрать данныхъ о скаредности и прижимистости этихъ агентовъ, всѣми силами старавшихся сберечь для казны хоть крохи. Логоѳеты нарочно не пополняли убыли въ составѣ регулярныхъ полковъ, удерживали выслужившихся солдатъ на маломъ, младшемъ пайкѣ, «раздѣляя съ Юстиніаномъ солдатскія деньги»; многихъ выключали изъ списковъ: однихъ, какъ грековъ, за то, что будто изъ этой страны не можетъ быть порядочныхъ

солдатъ; другихъ потому, что они не представили царскаго разрѣшенія служить въ войскѣ; третьихъ,—за то, что они на нѣсколько дней оставили своихъ товарищей, т.-е. за просроченный отпускъ.

Жалобы на дурное содержаніе арміи при Юстиніанѣ читаемъ мы и у другого современнаго историка Агаѳія. «Покоривъ Италію и Ливію,—пишетъ онъ,—Юстиніанъ измѣнилъ курсъ своей внѣшней политики: онъ предпочиталъ ссорить варваровъ между собой и покупать миръ съ ними подарками. Не нуждаясь такимъ образомъ въ арміи, онъ сталъ смотрѣть сквозь пальцы на ея разореніе. Пользуясь этимъ, ближайшія къ престолу вѣдомства, на обязанности которыхъ лежитъ сборъ податей и раздача войску содержанія, въ одномъ открыто отказывали солдатамъ, другое задерживали и утаивали. Но когда должное, хотя и поздно, бывало выдано, къ войскамъ пріѣзжали новые чиновники и требовали выданное обратно. Въ этомъ именно и заключалась ихъ почтенная должность, чтобы взводить на солдатъ различныя обвиненія и лишать ихъ пропитанія. И подобно отливу, вся сумма жалованья какимъ-то чудомъ перекачивалась туда, откуда она притекала. Благодаря тому боевая сила находилась въ забросѣ, обнищавшіе ветераны покидали службу, уходя кто куда, лишь бы избѣжать несноснаго положенія.

Сокращеніе численности войскъ и содержанія ихъ постигло, по свидѣтельству Прокопія и другихъ историковъ, не одни регулярныя войска. Въ Тайной Исторіи даже прямо говорится о такой рискованной мѣрѣ, какъ распущеніе Юстиніаномъ пограничныхъ войскъ, лимитановъ, поселенныхъ на границахъ съ Персіей: сначала Юстиніанъ будто бы задерживалъ жалованье на 4—5 лѣтъ, а по заключеніи мира съ персами, совсѣмъ отказался содержать ихъ и тѣмъ отнялъ у нихъ военное званіе.

Къ мѣропріятіямъ той же категоріи относятся описанныя Прокопіемъ попытки Юстиніана сократить расходы по содержанію государственныхъ почтовыхъ дорогъ на Востокѣ, распустить лазутчиковъ и уничтожить постоянный обозъ.

Но если всѣ эти извѣстія собрать вмѣстѣ, они не даютъ яркой и убѣдительной картины разрушенія государства римлянъ Юстиніаномъ, какъ думалъ нарисовать ее Прокопій. Передъ нами все отдѣльныя, частичныя мѣры, мелкія ухищренія, которыми дѣловое правительство пыталось обернуться, кое-что сберечь. Самое большее, это первыя, еще полубезсознательныя движенія въ сторону отказа отъ міровой политики. И ясно по всему, что не здѣсь пролегалъ главный путь къ спасительному выходу изъ финансоваго кризиса. Правительство видѣло его попрежнему въ напряженіи платежныхъ силъ населенія, въ обремененіи провинцій новыми жертвами и тяготами. Дѣйствительно, Юстиніанъ чуть

не въ каждой своей новеллѣ съ однообразно-монотонной убѣдительностью внушаетъ подданнымъ, что высокія политическія задачи, взятыя на себя правительствомъ, требуютъ тяжелыхъ жертвъ и безропотнаго, аккуратнаго взноса податей, что покорный, исправный платежъ есть для каждаго священный долгъ, дѣло благочестія. Провинціальнымъ властямъ указывается, что на первомъ планѣ въ ихъ дѣятельности должно стоять неукоснительное взиманіе налоговъ и платежей, за которое они отвѣчаютъ своими средствами.

Попробуемъ уяснить себѣ хозяйственные рессурсы имперіи Юстиніана, а тѣмъ самымъ придвинуться къ опредѣленію матеріальныхъ условій, среди которыхъ находилось населеніе государства. Къ сожалѣнію, источники наши не даютъ достаточнаго матеріала для полнаго и точнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Несомнѣнно, однако, что главныя свои матеріальныя средства правительство получало изъ стараго поземельнаго налога, а потому финансовыя его заботы и должны были сосредоточиваться на совершенствованіи системы земельнаго обложенія и способовъ практическаго ея осуществленія.

Податная система въ основахъ своихъ установлена была при Діоклетіанѣ. Къ тому времени уже исчезло старое правовое различіе между римскимъ народомъ и подданными провинціалами, и Діоклетіанъ довершилъ уравненіе Италіи съ прочими областями, распространивъ поземельную подать и на Италію. За основаніе, при раскладкѣ поземельной подати, онъ принялъ условную мѣру земли, которая носила названіе jugum или caput (отсюда и названіе подати: jugatio, capitatio). Что представлялъ собой этотъ jugum, фиктивную ли величину или реальную, т.-е. просто подлежащій обложенію земельный капиталъ въ 1000 солидовъ, или же опредѣленной мѣры земельный участокъ, остается не совсѣмъ яснымъ, хотя этимъ вопросомъ усиленно занимались изслѣдователи. Савиньи настаивалъ на идеальности jugum или caput, ссылаясь на просьбу Аполлинарія Сидонія къ имп. Маіоріану: Capita tu mihi tolle tria, т.-е. «вычеркни за мной три jug'a». Очевидно, онъ проситъ не объ отнятіи у него трехъ земельныхъ участковъ, и jugum не пространство земли съ опредѣленными границами и одинаковой цѣны, а только опредѣленная податная цѣнность земли, пропорціонально которому облагались податью дѣйствительные земельные участки.

Но другіе ученые, опираясь на данныя о римской податной системѣ, оказавшіяся въ недавно найденномъ сборникѣ законовъ, такъ наз. Сирійскомъ законникѣ, относимомъ къ началу VI вѣка, старались поколебать взглядъ Савиньи, который, между прочимъ, поддерживалъ и Моммсенъ. Здѣсь говорится, что Діоклетіанъ произвелъ переизмѣреніе земель въ имперіи и распредѣлилъ ихъ по разрядамъ. Единицей для

поземельной подати установленъ былъ jugum, въ который входило то большее, то меньшее количество югеровъ, т.-е. четвертей десятинъ, смотря по качеству земли. Получились слѣдующіе разряды: a) 5 югеровъ виноградника считаются за 1 jugum, b) пахотной земли высшаго качества въ jugum 20 югер., c) средняго—40 югеровъ, d) низшаго—60 югеровъ, e) масличныхъ плантацій лучшаго качества 225 рутъ считаются за 1 югумъ, худшаго—450 рутъ, f) пастбищная земля стоитъ внѣ этого измѣренія и облагается особой податью—синтеліей.

Отсюда нѣмецкій юристъ Марквардтъ и В. Г. Васильевскій извлекали основанія считать jugum за единицу измѣренія полей и земель. Однако, болѣе пріемлемыми кажутся толкованія этого мѣста Брунсомъ, издателемъ Сирійскаго законника. Конечно, jugum не образуется изъ реальнаго сложенія югеровъ, но подать опредѣляется по juga, т.-е. каждый jugum облагается одинаковой суммой. Какое же количество югеровъ входило въ податную сумму, идущую съ jugum, это зависѣло отъ качествъ земли. Напримѣръ, имѣющій 10 югеровъ пахотной земли I разряда платитъ половину суммы, считаемой съ jugum. Но думать, что 10 югеровъ соединялись съ другими 10 для составленія jugum, произвольно, да это было бы и неосуществимо въ жизни при перемѣшанности и пестротѣ земельныхъ владѣній различныхъ собственниковъ.

Изъ измѣренія земель и описанія ихъ произошелъ кадастръ. Ревизіи его, т.-е. пересмотры писцовыхъ книгъ для измѣненій въ нормахъ обложенія въ имперіи производились черезъ каждыя 15 лѣтъ. Этотъ періодъ назывался индиктіономъ, по которымъ велось и времяисчисленіе. Пошло это еще съ 312 г., который и считался 1-мъ годомъ перваго индиктіона.

Въ началѣ такого періода императорскіе цензиторы отправлялись по городскимъ округамъ, изъ которыхъ составлялись провинціи. На рыночныхъ площадяхъ городовъ они собирали всѣхъ землевладѣльцевъ даннаго округа, которые и должны были давать подробныя и точныя показанія о размѣрахъ своей земли, о ея характерѣ, ея доходности, о числѣ обрабатывающихъ ее рабовъ и съемщиковъ, о числѣ головъ рабочаго скота, находящагося въ имѣніи. Сами цензиторы осмотра земель и хозяйствъ не производили и для провѣрки показаній обращались къ сосѣдямъ, а иногда и къ рабамъ, которыхъ заставляли дѣлать признанія подъ пыткой. Весь этотъ добытый такимъ способомъ переписной матеріалъ, передавался затѣмъ въ распоряженіе другихъ чиновниковъ, regaequatores. Они сводили его для цѣлой области и затѣмъ дѣлили область на «коны», capita (каждый цѣнностью въ 1000 солидовъ), и такимъ образомъ опредѣляли для каждаго землевладѣльца его цензъ,

т.-е. число коновъ, за которые онъ долженъ былъ платить подать. Очень характерно въ этой податной организаціи то, что она представляетъ собой своеобразное сочетаніе собственно поземельной подати съ податью поголовной. Вѣдь при опредѣленіи числа приходящихся на каждый городской округъ capita, принимали во вниманіе не одну обрабатываемую землю, но и рабочія руки, ее обрабатывающія, а также и рабочій скотъ. Caput, податная единица—это не только та или иная земля въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ и качествахъ, но и воздѣлывающій ее человѣкъ, будь то арендаторъ, рабочій или рабъ, а также и извѣстное число воловъ, муловъ,ословъ и т. д. Каждому земледѣльцу приходилось платить сразу за нѣсколько «коновъ». Это понятно, потому что казна дорожила не самой землей, а трудомъ, дѣлавшимъ ее доходной. Вѣдь къ этому времени населеніе имперіи значительно убыло, ощущался недостатокъ именно въ рабочихъ рукахъ, которыя стали цѣннѣе самой земли.

Результаты этихъ переписей гравировались на мѣдныхъ доскахъ и выставлялись для всеобщаго свѣдѣнія въ городахъ, на главныхъ площадяхъ. Кромѣ того, каждому плательщику выдавалась копія съ его столбца, сдѣланная на полотнѣ; съ нею въ рукахъ онъ могъ жаловаться, если находилъ, что въ общей росписи допущены были какія-нибудь неправильности. Для пріема этихъ петицій, каждую провинцію объѣзжалъ еще особый чиновникъ, «податной инспекторъ».

Но всѣ эти финансовые агенты и ревизоры, собственно, выполняли тѣ общія предначертанія, которыя дѣлались въ центральномъ управленіи, въ бюро префекта преторія. Тамъ передъ началомъ индикта опредѣлялась заранѣе мѣра взноса, подлежащаго уплатѣ съ каждой области; она подписывалась императорами, и оповѣщалась по провинціямъ посредствомъ объявленій. Задачей цензиторовъ и прочихъ являлось провести перепись въ соотвѣтствіи съ этой смѣтой, т.-е., главнымъ образомъ, не допустить пониженія смѣтной суммы.

Но, конечно, важнѣйшимъ моментомъ во всѣхъ этихъ операціяхъ было само взиманіе аннонъ и трибутовъ, составлявшихся изъ зернового хлѣба, масла, мяса и всего, что могло потомъ превратиться въ матеріалъ для содержанія армій и чиновничества. Сдача податей натурой происходила въ три срока, съ промежутками въ 4 мѣсяца, денежная же плата требовалась только къ концу года. Въ роли экзакторовъ выступали обыкновенно декуріоны, иногда вмѣстѣ съ apparitores намѣстника. Въ императорскихъ указахъ предписывалось не чинить обиды плательщикамъ, чтобы солдаты—apparitores—привлекались только въ крайнихъ случаяхъ, чтобы плательщикамъ предоставлялась аутопрагія въ уплатѣ податей, чтобы не прибѣгали къ заключенію и истязаніямъ.

Но эти запрещенія показываютъ, что какъ разъ дѣло сбора налоговъ отличалось именно этими жестокостями и насиліями казенныхъ агентовъ. Иначе и быть не могло, такъ какъ правительство, одной рукой выводившее эти фразы благоволенія къ «подданнымъ», другой рукой строго настрого наказывало своимъ ревизорамъ и сборщикамъ не давать никому никакой потачки. И хорошими, демократичными словами оно только сваливало съ себя упреки въ вымогательствѣ и прижимкахъ, со стороны населенія, перерваливало ихъ на второстепенные свои органы. Государство принуждено было поступать такъ, потому, что оно существовало, главнымъ образомъ, на эту подать и на эти анноны. Чѣмъ дальше, тѣмъ напряженнѣе правительство и заботится объ исправности принятой податной системы.

Юстиніанъ особенно строго и ревниво слѣдилъ за правильностью ревизій. Въ новеллѣ 42 онъ объявляетъ: «Заботясь о пользѣ нашихъ подданныхъ, издаемъ сей законъ, чтобы въ іюлѣ или августѣ (т.-е. концѣ) каждаго индиктіона составляемы были детальныя росписи податныхъ взносовъ на предстоящій индиктъ. Въ этихъ росписяхъ должно быть означено количество подати съ каждаго jugum, сколько деньгами, сколько натурой. Кромѣ того, должна быть указана расцѣнка мѣстныхъ продуктовъ по мѣстнымъ цѣнамъ и рыночной стоимости. Эти окладные листы передъ началомъ новаго индиктіона переслать начальникамъ провинцій, чтобы они выставили ихъ для общаго свѣдѣнія въ теченіе сентября и октября, въ соотвѣтствующихъ городахъ. Желающему получить копію, префектъ немедленно выдаетъ таковую. Если плательщики до этого объявленія внесутъ въ казну платежи по статьямъ, не вошедшимъ въ списокъ окладовъ, то зачесть эти взносы въ уплату податей за текущій индиктъ, дабы никто не терпѣлъ ущерба. За просрочки и замедленія чиновники будутъ подвергаемы большимъ штрафамъ. Сборщики казенныхъ податей обязаны выдавать квитанціи въ полученіи взносовъ съ подробнымъ обозначеніемъ, а если не сдѣлаютъ этого, то будутъ высѣчены и заплатятъ штрафъ въ 10 литровъ золота (тысячи три руб.).

Помимо общихъ распоряженій объ исправности писцовыхъ книгъ и строгой отвѣтственности чиновниковъ за добросовѣстное примѣненіе податной системы, законодательство Юстиніана рѣшается на цѣлый рядъ новыхъ мѣропріятій съ цѣлью, если не повысить податную сумму, то хотя бы не дать ей упасть, заполнить хотя бы часть недоимокъ. Особенно характерна въ этомъ отношеніи, такъ называемая ἐπιβολή, надбавка, нѣчто въ родѣ круговой поруки состоятельныхъ владѣльцевъ—плательщиковъ за неимущихъ. Впервые ἐπιβολή введена была до Юстиніана. Судя по вновь открытымъ папирусамъ, надбавка разви-

лась изъ принудительной аренды казенной земли, слѣды которой можно найти еще въ Птолемеевскомъ Египтѣ. Юстиніанъ только окончательно упорядочилъ этотъ новый платежъ. Вотъ его распоряженія: «Если окажется надобность произвести надбавку какого-либо участка на участки, состоящіе въ одномъ цензовомъ столбцѣ или сообща платящіе тягло, то повелѣваемъ требовать казенную подать съ того, кто принялъ надбавку, и съ того времени, какъ ему этотъ участокъ былъ переданъ. Для этого необходимо письменное распоряженіе губернатора. Если окажется, что владѣлецъ какого-либо участка не въ состояніи платить подати, а потому необходимо переложить на другихъ лежащія на участкѣ повинности, то немедленно передать его тѣмъ, кто имѣетъ участки одноцензовые, или однотягловые, и съ работающими на немъ земледѣльцами, и съ имуществомъ, запасами, скотомъ и инвентаремъ. А если бы не оказалось такого колона, который принялъ бы на себя надбавку, то начальникъ области, составивъ подробную опись этого владѣнія, долженъ передать его чиновникамъ податнымъ или полицейскимъ, до тѣхъ поръ, пока не найдется лицо, обязанное по закону принять на себя это владѣніе».

Вслѣдствіе невзгодъ и тревогъ, запустѣвали деревни, города, области, земли лежали впустѣ, и доходъ казны уменьшался. Чтобы побороть эту бѣду, привязать къ платящей землѣ собственниковъ, на которыхъ опиралось благополучіе имперіи, правительство сочло необходимымъ присоединить къ обрабатываемымъ землямъ безплодныя и покинутыя, и посредствомъ круговой поруки заставить платить и съ нихъ тѣхъ лицъ, которыя владѣли землей въ предѣлахъ той же хозяйственной единицы или того же податного округа. Прокопій называетъ ἐπιβολή чумой, внезапно схватывающей ничего не ожидавшихъ владѣльцевъ и обрекающей ихъ на голодную смерть. Но и помимо этой «надбавки», префекты Юстиніана, особенно Іоаннъ изъ Каппадокіи, умѣли съ особеннымъ фокусомъ выбирать поземельную подать, такъ что получался значительный излишекъ сверхъ росписи. Этотъ излишекъ, достигавшій по исчисленію Прокопія 3000 ф. золота въ годъ, «словно падалъ съ неба», а потому носилъ названіе ἀερικόν.

На всѣхъ, не обладавшихъ имуществомъ, падалъ личный налогъ, платившійся тоже деньгами. Несравненно тяжелѣе для населенія были натуральныя повинности, которыя установились въ имперіи тоже со времени Діоклетіана, когда обозначился поворотъ отъ народно-хозяйственныхъ формъ къ болѣе простымъ, натуральнымъ. Тогда стали платить жалованье войску натурой. Солдатамъ и офицерамъ выдавали необходимое для нихъ и ихъ семей содержаніе извѣстными количествами продуктовъ. На такое же вознагражденіе перевели скоро и большинство

гражданскихъ чиновниковъ. Эти, несомнѣнно, огромныя средства приходилось извлекать изъ провинцій. Помимо этого, въ силѣ былъ и старинный обычай снабжать столицу, державный народъ хлѣбомъ изъ плодородныхъ областей. Такія анноны помимо своей тяжести оказывались невыносимыми для населенія въ виду тѣхъ притѣсненій, которыми обставленъ былъ ихъ платежъ. Прежде всего, установленіе размѣровъ ихъ и взысканіе часто поручалось военнымъ чиновникамъ, произвольно устанавливавшимъ цѣну на хлѣбъ и принуждавшимъ подданныхъ на свой счетъ перевозить зерно въ военные центры и въ гавани для доставленія въ столицу. А затѣмъ открывалась широкая возможность для всякаго рода спекуляцій. Если количество доставленнаго хлѣба превышало потребности столицы, префектъ, стоявшій во главѣ финансоваго дѣла, могъ заставить жителей провинціи купить обратно зерно, залежавшееся въ императорскихъ житницахъ. Наоборотъ, если снабженіе столицы оказывалось недостаточнымъ, чиновники во избѣжаніе голоднаго бунта, совершенно лишали провинціи жизненныхъ припасовъ.

Сохранялись въ силѣ и другія натуральныя повинности населенія экстреннаго характера, которыми, становившееся домашнимъ, государственное хозяйство опутало и сдавило подданныхъ. Послѣдніе обязаны были безпрекословно и безвозмездно выполнять разнообразныя требованія казны, хотя бы это нарушало ихъ законнѣйшіе интересы и разстраивало ихъ хозяйственное благосостояніе. Поставка и заготовка матеріаловъ для казенныхъ построекъ, подводная и постойная повинность, ремонтъ мостовъ, проложеніе дорогъ, поимка преступниковъ, все это, давая просторъ своеволію чиновниковъ, совершенно истощало и обезсиливало населеніе.

Не забудемъ далѣе многочисленныхъ косвенныхъ налоговъ, таможенныхъ сборовъ, патентныхъ и др., монопольной организаціи разнаго рода промысловъ, а также хлѣбной торговли въ столицѣ, взятой правительствомъ въ свои руки. Получается весьма убѣдительная картина— увѣренное въ себѣ, разсчитывающее въ крупныхъ масштабахъ, правительство судорожно напрягаетъ исчезающую энергію и упадавшую работоспособность отказывающагося служить имперіи общества. Такая политика, несомнѣнно, приводила къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Въ извѣстной мѣрѣ правъ Прокопій въ своихъ упрекахъ Юстиніану за безжалостное разореніе подданныхъ въ изысканіи новыхъ источниковъ дохода казны, за допущеніе всякаго рода злоупотребленій своихъ агентовъ въ погонѣ за деньгами. Но только въ извѣстной мѣрѣ, такъ какъ самъ Прокопій стоитъ еще на той точкѣ зрѣнія, что и Юстиніанъ, и правительство: онъ тоже не хочетъ считаться съ тѣми глубокими измѣ-

неніями въ общественной и культурной жизни имперіи, при которыхъ задачи и замашки крупной политики становились немыслимыми. И безусловно неправъ Прокопій тамъ, гдѣ онъ ставитъ въ вину Юстиніану его, можетъ быть, и не всегда удачныя попытки сокращенія государственныхъ расходовъ: отмѣна общественной почты, уменьшеніе военнаго бюджета, уничтоженіе безполезнаго консульства, сокращеніе даровыхъ раздачъ населенію большихъ городовъ, уменьшеніе состава народныхъ полковъ, все это, конечно, разрушало былой блескъ и величіе, дорогіе такому стародуму, какъ Прокопій, но въ этихъ мѣрахъ Юстиніана чувствуется нѣкоторое пониманіе тяжелаго положенія вещей въ жившемъ не по средствамъ государствѣ.

Прокопій вообще судитъ чрезвычайно прямолинейно, для него дѣло обстоитъ очень просто: Юстиніанъ въ демонической жадности къ деньгамъ и дикомъ стремленіи къ захвату всѣхъ богатствъ подданныхъ, главнымъ образомъ, сенаторской знати, разорялъ государство, грабилъ населеніе и области, и для этихъ цѣлей подбиралъ себѣ министровъ и сотрудниковъ, самыхъ беззастѣнчивыхъ негодяевъ, которымъ за ихъ услуги предоставлялъ безъ всякаго удержа наживаться и насильничать. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ Іоаннъ изъ Каппадокіи, державшійся префектомъ преторія, т.-е. главой финансоваго дѣла до 541 г. Прокопій называетъ его извергомъ изъ изверговъ, хотя и не можетъ отказать ему въ даровитости, которую онъ, однако, направлялъ исключительно на привлеченіе денегъ въ казну и въ свою собственную пользу, безстыдно жертвуя для того и честью и жизнью людей, разоряя цѣлые города. Онъ устроилъ въ преторіи особыя камеры для пытокъ, откуда несчастные выходили или ограбленными, или мертвыми. Онъ не стѣснялся спекулировать на всемъ: на продажѣ хлѣба, на поставкахъ въ войска, и этого сановнаго вора презирали всѣ, кромѣ императора, дорожившаго его изобрѣтательностью и прощавшаго ему всѣ скандальныя выходки. Послѣ него выдвигается новый финансовый геній, сиріецъ, Петръ Варсимъ, въ молодости бывшій простымъ мѣнялой. Ему Юстиніанъ былъ обязанъ организаціей прикидки—ἐπιβολή, посредствомъ которой пытались выйти изъ затрудненій, созданныхъ послѣдствіями чумной эпидеміи въ цѣломъ рядѣ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Варсимъ для увеличенія доходовъ казны снова повернулъ на торный путь торговли административными постами. Предприниматели вносили въ казну впередъ сумму налога, причитавшагося съ извѣстной провинціи, и затѣмъ безъ всякаго надзора выбирали съ нея свои расходы. Особенно раздражительно разсказываетъ Прокопій объ операціяхъ Петра съ казеннымъ хлѣбомъ. Негодное зерно онъ сбывалъ въ азіатскіе города по высокимъ цѣнамъ, а хорошее продавалъ по двойной цѣнѣ противъ оцѣнки.

Служащимъ всѣхъ вѣдомствъ онъ не выплачивалъ жалованья, и въ результатѣ противъ него накопилось такое негодованіе, что Юстиніанъ во избѣжаніе бунта, вынужденъ былъ его перевести на другую должность министра государственныхъ имуществъ (Комита императорскихъ щедротъ). Здѣсь онъ тоже успѣлъ оказать важную услугу правительству установленіемъ монополіи торговли шелкомъ и выпускомъ фальшивой монеты.

Если всмотрѣться въ эти обвиненія, то окажется, что все это, несомнѣнно, объясненія и обобщенія изворотливой и напряженной дѣятельности ловкихъ финансистовъ, какія могли дѣлаться въ мало освѣдомленной и больно чувствовавшей правительственную руку публикѣ. Въ народѣ такіе дѣльцы, какъ Іоаннъ или Петръ, и не могли не казаться жестокими, безпощадными и, конечно, нечистыми на руку деспотами. А для Прокопія они были непріятны еще и тѣмъ, что вышли изъ общественныхъ низовъ. То же самое въ Тайной исторіи сообщается и о прочихъ видныхъ дѣятеляхъ царствованія Юстиніана: квесторъ Требоніанъ и его преемникъ Константинъ продавали за деньги рѣшенія и законы, губернаторы жадностью, наглостью и развратомъ губили провинціи. Разсказы о вымогательствахъ и воровствѣ агентовъ Юстиніана разсыпаны и въ сочиненіяхъ другихъ современныхъ писателей: Іоанна Лида, Агаѳія. Все это говоритъ о томъ безотрадномъ впечатлѣніи, какое оставила судорожно спасавшаяся отъ краха финансовая политика Юстиніана, въ тогдашнемъ обществѣ, плохо различавшемъ государственные интересы отъ частныхъ. Несомнѣнно, что въ этихъ разсказахъ есть и правда: были и дурные, и вороватые чиновники, было и со стороны императора извѣстное попустительство злоупотребленій, такъ какъ при затруднительныхъ условіяхъ приходилось привлекать для спасенія казны не высоконравственныхъ, а оборотистыхъ и находчивыхъ людей. Но главное зло слѣдуетъ искать не въ Юстиніанѣ и его ближайшемъ окруженіи, не въ этихъ немногихъ руководителяхъ государственной жизни, а въ болѣе многочисленныхъ низшихъ кадрахъ чиновниковъ и агентовъ, которыхъ могло дать опустившееся, одичавшее общество, а главнѣйшее—въ этомъ самомъ обществѣ, измученномъ, бѣднѣвшемъ, терявшемъ органическія связи съ государствомъ, разбивавшемся на замкнутыя мѣстныя группы.

Остается для полноты изображенія сказать объ остаткахъ когда-то процвѣтавшаго въ имперіи мѣстнаго самоуправленія, того муниципальнаго строя, который не подвергался оффиціальной отмѣнѣ и въ V вѣкѣ продолжалъ влачить свое почти призрачное существованіе. Мы въ своемъ мѣстѣ указывали на то, какъ съ упадкомъ куріи все возрастало правительственное вмѣшательство въ распоряженіе городскими дѣлами

и хозяйствомъ. Въ civitates главную роль играютъ правительственные агенты, особые чиновники, командируемые изъ центральныхъ вѣдомствъ, ведутъ контроль, ревизуютъ отчеты, заботы о городскомъ благоустройствѣ, главное дѣло самоуправленія перелагается на общую администрацію провинціи. Эти тенденціи въ V в. напрягаются, становятся ясными и неуклонными. Еще при императорѣ Анастасіи, по свидѣтельству Іоанна Лида, скриніарій діойкеса Востока, Маринъ вошелъ къ императору съ предложеніемъ поручить ему дѣло распредѣленія налоговъ по всему государству, обѣщая повышеніе доходовъ. Раньше этимъ дѣломъ по городамъ завѣдывали куріи. Взявъ, съ согласія императора, управленіе податями въ свои руки, Маринъ уничтожилъ куріи по всѣмъ civitates, продавая народъ всякому, предложившему болѣе другихъ, т.-е. примѣнилъ здѣсь систему откуповъ. Вмѣсто же декуріоновъ, онъ ввелъ виндиковъ, которые распоряжались «не лучше непріятелей». Объ этой реформѣ, отнимавшей сборъ податей отъ курій и поручавшей его виндикамъ, разсказываетъ и другой историкъ, Евагрій: онъ говоритъ, что это повело лишь къ уменьшенію казеннаго дохода и упадку городовъ. Трудно опредѣлить, кто были эти виндики, казенные ли чиновники, покупавшіе свою должность, внося обычный suffragium, или частныя лица, откупщики податей, вродѣ арендаторовъ городскихъ земель. Какъ бы то ни было, передача сборовъ въ постороннія руки должна была отразиться на состояніи городскихъ финансовъ. Юстиніанъ, стремившійся къ повышенію поступленій, не особенно благосклонно относился къ виндикамъ, что видно изъ цѣлаго ряда новеллъ. Но онъ не вернулся къ куріальнымъ сборамъ, а предпочелъ возложить это дѣло на мѣстную администрацію.

Что касается усиленія контроля надъ городскимъ хозяйствомъ, вмѣшательства правительства въ завѣдываніе городскими средствами, предназначенными для городского благоустройства, то здѣсь Юстиніанъ пытался опереться на ту мѣстную силу, которая ему казалась надежной, на церковную организацію. Въ своемъ указѣ о городскомъ благоустройствѣ отъ 530 г., онъ возлагаетъ контроль надъ общественными работами на мѣстныхъ епископовъ съ комиссіями «лучшихъ людей». Компетенція ихъ простиралась на завѣдываніе анноной, водопроводами, общественными банями, на содержаніе и починку гаваней, городскихъ стѣнъ, общественныхъ зданій, мостовъ и дорогъ. Все это должно было производится на счетъ особыхъ суммъ, сбиравшихся съ городовъ, ранѣе считавшихся собственными средствами города, но теперь разсматривавшихся уже, какъ казенныя деньги, отпускавшіяся на содержаніе городовъ. Это очень важная перемѣна: правительство какъ бы не хочетъ болѣе признавать за городами собственныхъ капиталовъ, и го-

родскія кассы теперь слились съ казенной, что не могло не повести за собой обѣднѣнія городовъ. Но перемѣна эта, выразившаяся въ исчезновеніи и послѣднихъ проявленій мѣстнаго самоуправленія, городской самостоятельности, на была неожиданностью: законодательство Юстиніана только подвело здѣсь итоги, поставило заключительную точку къ тому, что давно уже стало фактомъ. Муниципальный строй внутри эллинистическо-централизованной и бюрократизированной имперіи и съ самаго начала носилъ черты мертворожденности. Дальнѣйшія условія соціальнаго и политическаго развитія имперіи оказывались все менѣе подходящей почвой для оживленія этого устройства. Обыкновенно винятъ императорское правительство за то, что оно изсушило эти полные энергичной дѣятельности организмы, превратило ихъ въ свои фискальные органы, поработило и закрѣпостило ихъ. Не будетъ ли правильнѣе перенести вину на само общество, которое по своимъ хозяйственно-культурнымъ рессурсамъ оказывалось не въ состояніи ни поддерживать сознательно и охотно великое государство, ни выдѣлить достаточныхъ элементовъ, которые бы тоже сознательно и безкорыстно взяли на себя роль руководящаго слоя. Правительство, поскольку оно было таковымъ, невольно и неизбѣжно, просто по инстинкту самосохраненія, должно было въ извѣстный моментъ двинуться по пути закрѣпощенія и насилія.

Примѣняя послѣднія замѣчанія къ разсмотрѣннымъ нами сторонамъ правительственной дѣятельности Юстиніана, приходится сознаться, что въ ней мы ни въ чемъ не замѣчаемъ какого-либо крутого, рѣшительнаго поворота прежняго курса. Старые мотивы звучатъ, можетъ быть, напряженнѣе, настойчивѣе, но это, думается, не даетъ права и основанія усматривать здѣсь какой-то крупный переломъ въ исторіи имперіи, выявлять царствованіе Юстиніана въ «яркую эпоху», въ своего рода критическій моментъ, являющійся концомъ ли стараго, или началомъ новаго процесса—безразлично. Правленіе это какъ бы должно утратить въ нашихъ глазахъ то величіе, необыкновенность, въ ореолѣ которыхъ оно обычно представляется. Въ плоскости соціальнаго изученія оно не предъявляетъ матеріала для такого выдѣленія его въ особую «эпоху». И аргументы или иллюстраціи величія Юстиніана расположены въ иныхъ плоскостяхъ: созданіе Corpus juris, сооруженіе Святой Софіи, оказавшіеся эфемерными и полупризрачными военные успѣхи,—все это факты, стоящіе особнякомъ и не входящіе въ качествѣ вліятельныхъ слагаемыхъ въ общую движущуюся сумму соціальной жизни имперіи VI вѣка. Здѣсь развиваются старыя феодализирующія теченія, и представлявшее собой тускнѣвшую и расползавшуюся государственность, императорское правительство, оказываясь въ положеніи все болѣе безпомощномъ и затруднительномъ, судорожнѣе, неистовѣе

напрягаетъ въ борьбѣ съ этими теченіями старыя средства и пріемы объединенія, въ концѣ-концовъ все-таки безплодные и неудачные.

Развѣ не характерны въ этомъ смыслѣ признанія его самого. Въ 552 г. Юстиніанъ заявляетъ въ новеллѣ: «никогда имперія не испытывала такой нужды въ деньгахъ, какъ въ настоящее время». Въ 559 г. мы узнаемъ изъ другой новеллы, что казна остается безнадежно пустой, такъ какъ агенты не могли добиться уплаты налоговъ съ бѣднѣющихъ провинцій. Императоръ до самаго конца продолжаетъ жаловаться на негодный составъ администраціи, на тѣ же самыя ея продажность, своеволіе, насилія, съ которыми онъ пытался бороться цѣлые десятки лѣтъ. Въ самомъ Константинополѣ въ 556 г. вспыхиваетъ голодный бунтъ, а въ 562 г. водопроводный, такъ какъ не хватило питьевой воды, и такъ до самаго конца все растетъ народное неудовольствіе, и Юстиніанъ сходитъ въ могилу, разбитый, разочарованный, среди заговоровъ и столичныхъ мятежей.

Также мраченъ былъ конецъ крупной и блестящей вначалѣ внѣшней политики Юстиніана. Присоединенныя къ имперіи западныя области Африки и Италіи были совсѣмъ разорены. На востокѣ Юстиніанъ принужденъ былъ признать себя и своихъ преемниковъ данниками персидскаго царя, обязавшись въ продолженіе 50 лѣтъ выплачивать ему значительныя суммы денегъ. На сѣверѣ оборона отъ варваровъ, гунновъ и славянъ, также оказалась непосильной, и дикія банды хозяйничали здѣсь, по свидѣтельству Прокопія, превращая области имперіи въ скиѳскую пустыню. Зависѣло это отъ того, что и военная сила имперіи пришла въ полный упадокъ. Винить въ этомъ опять-таки Юстиніана было бы несправедливо, такъ какъ мы здѣсь наблюдаемъ медленно накапливавшіеся результаты предшествовавшаго развитія. Старая организація римской арміи первыхъ принцепсовъ къ VI уже вѣку измѣнилась до неузнаваемости. Дѣленіе ея на пограничную и дѣйствующую, проникновеніе въ ея составъ варварскихъ элементовъ, установленіе наслѣдственности военнаго званія—все это превращало военную силу въ сословіе военныхъ людей. Оно не было замкнутымъ, такъ какъ оно пополнялось обязательными для землевладѣльцевъ рекрутскими наборами. Въ концѣ IV вѣка, въ придунайскихъ странахъ водворяются готы; они входятъ, какъ спеціально военные кадры, въ составъ населенія имперіи. Подъ ихъ вліяніемъ армія варваризуется, и продолжавшія существовать старыя войска съ дѣленіемъ на полки сближаются съ варварскими ополченіями и по порядкамъ, и по характеру. Основа военной силы имперіи состояла въ V вѣкѣ уже не изъ традиціонныхъ легіоновъ, а изъ дружинъ со своими вождями, державшимися самостоятельно и мало подчинявшимися главнокомандующему. Ко времени Юстиніана порывается и личная связь императора съ арміей. Кодексъ Юсти-

ніана называетъ три разряда военныхъ людей: солдаты, составляющіе полки подъ начальствомъ военныхъ магистровъ, 11 схолъ, т.-е. дворцовыхъ полковъ и федераты подъ командой оптіоновъ, т.-е. особыхъ офицеровъ, являвшихся посредниками между военной массой и правительствомъ. Все это, однако, не опредѣленныя въ своемъ составѣ военныя части, а только кадры, размѣщенные по городскимъ округамъ и не представлявшіе постоянно готовыхъ къ бою строевыхъ частей. Стирается и различіе между дѣйствующими и пограничными войсками. Всѣ солдаты имѣютъ земельную собственность по мѣсту жительства и являются, прежде всего, землевладѣльцами-поссессорами городского округа, только занесенными въ военные списки. И въ военномъ отношеніи надежнѣе были федераты, т.-е. приживавшіеся въ областяхъ имперіи остатки впущенныхъ варваровъ: готовъ, гунновъ, аланъ. Старыя традиціи поддерживали военный духъ въ этой средѣ. Обыкновенно предпріимчивый человѣкъ на свой счетъ группировалъ федератовъ въ особую дружину, которая присягала на вѣрность ему и имперіи: это и были оптіоны, получастные, полуоффиціальные начальники, хозяева своихъ дружинъ—οἰκίαι—домовъ. Такимъ крупнымъ держателемъ дружинъ, кондотьеромъ, былъ, между прочимъ, и Велисарій. Поручивъ ему веденіе войны въ Италіи, Юстиніанъ не далъ ему ни войска, ни денегъ, и Велисарій самъ набиралъ военныя силы во Ѳракіи. Такими частными предпринимателями были и прочіе генералы Юстиніана. Выходило, что имперія и не имѣла почти настоящаго государственнаго войска; она орудовала посредствомъ частныхъ организацій. И генералы, совершавшіе завоеванія, не были должностными лицами; они были связаны съ императоромъ лично посредствомъ договора вѣрности, скрѣпленнаго клятвой: такимъ только вассаломъ Юстиніана былъ и Велисарій, присягавшій, что не будетъ добиваться царскаго вѣнца и злоумышлять противъ императора. Понятно, что при такомъ составѣ военныхъ силъ имперіи должны были установиться и особые военные нравы, объ ужасахъ которыхъ такъ ярко разсказываетъ Прокопій. Люди шли на войну только въ надеждѣ на добычу и наживу. И походы кончались дикими грабежами и опустошеніями. Вождямъ не было основаній особенно сдерживать эти дикія банды. Въ результатѣ отъ завоеваній имперія мало выигрывала, такъ какъ получала совершенно разоренныя и безнадежно опустошенныя земли. Такъ было въ Африкѣ, такъ было и въ Италіи. Но для насъ въ данномъ случаѣ важно обратить вниманіе на то военное разложеніе имперіи, которое уже опредѣленно проявляется при Юстиніанѣ. Императоръ пересталъ быть верховнымъ вождемъ имперской арміи, имперія не имѣетъ своихъ военныхъ силъ. Она ведетъ борьбу и защищается посредствомъ организацій, устроенныхъ на чисто феодальныхъ началахъ.

IX. Разложеніе имперіи при преемникахъ Юстиніана (VI—VII вв.).

Въ предшествующемъ изученіи мы далеко не исчерпали всѣхъ сторонъ и явленій царствованія Юстиніана, но такая полнота и не входитъ въ нашу задачу. Я пытался намѣтить внутри этого момента въ жизни имперіи только тѣ, обычно остающіеся слабо обозначенными процессы, которые вмѣстѣ и въ своемъ взаимодѣйствіи позволяютъ говорить объ успѣхахъ феодализаціи и въ сохранившейся Восточной имперіи. Эта имперія VI в. предстала передъ нами тѣми сторонами соціальной и политической жизни, которыя роднятъ и сближаютъ ее съ любымъ изъ варварскихъ королевствъ романо-германскаго запада.

Правда, во главѣ имперіи, руководя всей ея жизнью, стоитъ императоръ, преемникъ Діоклетіана и Константина, еще напряженнѣе самодержавный, еще болѣе удаленный ввысь развитіемъ эллино-христіанскихъ теорій богоустановленности и боговдохновенности власти. Въ законодательствѣ Юстиніана мы застаемъ уже вполнѣ сложившимся и увѣренно выраженнымъ этотъ не признающій никакихъ сдержекъ, никакихъ ограниченій, абсолютизмъ сына Божія, равноапостольнаго басилевса-царя. Свѣтское и духовное верховенство находится въ его рукахъ, нераздѣльно: онъ объединялъ въ себѣ всѣ отрасли власти законодательной, исполнительной и судебной, командовалъ арміей или назначалъ командировъ, облагалъ подданныхъ податями, жаловалъ чины, раздавалъ высшія должности по своему усмотрѣнію, отправлялъ высшее правосудіе, руководилъ церковной жизнью, созывалъ соборы и предсѣдательствовалъ на нихъ, являлся властнымъ истолкователемъ догматовъ вѣры, назначалъ патріарховъ, какъ своихъ должностныхъ лицъ. Пожалуй, эта священная сторона власти даже являлась преобладающей, начиная съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Юстиніана и при его преемникахъ, что особенно явственно выражалось во внѣшности,

въ церемоніалѣ, этикетѣ, пріемовъ и выходовъ, всей обстановкѣ императорскаго двора.

Раннимъ утромъ часовъ съ 7—8 начиналась эта любопытная жизнь въ большомъ императорскомъ дворцѣ, огромномъ и торжественномъ, какъ храмъ. По изстаринной римской традиціи, подобно тому, какъ еще крупный баринъ временъ республики ежедневно принималъ привѣтствія и поздравленія своихъ кліентовъ, и въ VI в. и позднѣе, императоръ продолжалъ устраивать каждый день пріемъ сановниковъ, приближенныхъ, духовенства и всѣхъ тѣхъ, кого онъ считалъ лично близкимъ себѣ. Поэтому еще до восхода солнца около дворца и въ его переднихъ собиралась масса разнаго народа, добивавшагося аудіенціи. Все это обставлено было опредѣленными формальностями, подчинено строгимъ правиламъ, о которыхъ мы узнаемъ по сочиненію императора Константина Багрянороднаго, De cerimoniis. (См. соч. проф. Бѣляева—Byzantina, т. II. Спб. 1891—93 г.)

Большимъ императорскимъ дворцомъ завѣдывалъ особый сановникъ папій, въ рукахъ котораго находились ключи отъ всѣхъ наружныхъ и внутреннихъ дверей дворца. Отъ него зависѣлъ пропускъ во внутреніе покои, и онъ получалъ немалые доходы съ являвшихся, особенно съ вновь произведенныхъ въ придворные чины. А передъ первымъ Спасомъ онъ съ святымъ крестомъ изъ дворцовой ризницы ходилъ по дворцовымъ зданіямъ и по городу, т.-е. по домамъ особо богатыхъ и видныхъ сановниковъ (какъ теперь священники по приходу), получая со всѣхъ вознагражденіе. У папія былъ помощникъ дейтеросъ, второй хранитель царскихъ троновъ и мебели и царскаго гардероба. Они были евнухами, но принадлежали къ высшему разряду придворныхъ чиновъ. Отъ нихъ зависѣли многочисленные дворцовые служители: діайтаріи, вродѣ камеръ-лакеевъ, дѣлившіеся на 6 смѣнъ, дежурившихъ по недѣлѣ каждая, но зато уже и днемъ, и ночью, а за ними ламповщики, истопники, часовщики, полотеры.

Сановная и чиновная публика собиралась на близъ расположенномъ гиппордомѣ, ожидая, когда появится папій и раскроетъ дворцовые входы: это означало, что отошла ранняя заутреня. Отпирались всѣ двери, а въ то же время дежурные спальники шли въ царскую ризницу, и взявъ тамъ широкую тунику, такъ называемый скарамангіонъ, разстилали ее на скамьѣ передъ серебряными вратами, ведшими во внутреніе аппартаменты. Между тѣмъ, ожидавшіе аудіенціи располагались по различнымъ заламъ. Часовъ въ 7 утра старшій діайтарій подходилъ къ серебрянымъ вратамъ и троекратно стучалъ по нимъ. Раскрывались двери и спальники вносили скарамангій, туда, въ закрытую комнату, гдѣ находился императоръ. Облекшись въ него, онъ слѣдовалъ

въ Золотую Палату и, пройдя къ восточной нишѣ, становился передъ иконою Спасителя на краткую молитву. Окончивъ ее, царь садился на золотое кресло, стоявшее направо отъ главнаго трона, и, обратившись къ папію, провозглашалъ: «логоѳета!». Папій выходилъ въ Лаузіакъ и приказывалъ особому чиновнику, называвшемуся адмиссіоналіемъ, бѣжать за логоѳетомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и путей сообщенія. Адмиссіоналій выполнялъ порученіе и вводилъ логоѳета, передавая его съ рукъ на руки папію, который провожалъ его въ Золотую Палату. Здѣсь логоѳетъ истово продѣлывалъ церемонію поклоненія царю, падалъ ницъ, и по знаку царя докладывалъ о важнѣйшихъ событіяхъ. Затѣмъ онъ съ высочайшаго разрѣшенія вводилъ сюда лицъ, получившихъ какое-либо новое назначеніе. Каждый изъ этихъ чиновниковъ, вступая въ залу, опускался на колѣни и утыкался лицомъ въ полъ. Царь приказывалъ ему приблизиться и тотъ, подойдя къ нему, прикладывался губами къ царской ногѣ. Послѣ этого онъ благоговѣйно выслушивалъ царское благословеніе и наставленіе въ разъ навсегда установленныхъ выраженіяхъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа производитъ тебя мое отъ Бога величество въ такую-то должность». Затѣмъ шли новыя вереницы представляемыхъ императору. Часамъ къ 9 пріемъ заканчивался. Императоръ обращался къ папію съ возгласомъ: «Ступай и сотвори отпустъ». Папій бралъ ключи и торжественно позванивая ими, какъ дьяконъ кадиломъ, чтобы всѣ слышали, проходилъ по всему дворцу и отпускалъ собравшихся. Дворецъ запирался до 3-яго часа, а вечеромъ происходилъ новый пріемъ.

По воскресеньямъ пріемы, бывавшіе между утреней и обѣдней, отличались большей торжественностью. Императоръ облекался въ праздничныя ризы, т.-е. поверхъ скарамангія надѣвалъ плащъ съ золотой каймой и возсѣдалъ на бархатномъ креслѣ, стоявшемъ налѣво отъ трона. Сановники являлись въ парадныхъ мундирахъ, красныхъ плащахъ, и послѣ пріема стояли литургію, а затѣмъ дежурный атриклинъ (стольникъ), громко вызывалъ тѣхъ изъ нихъ, кого императоръ удостаивалъ пригласить къ своей трапезѣ.

Особенно торжественно обставленъ былъ пріемъ иностранныхъ пословъ въ такъ называемой Магнаврской Палатѣ. По всѣмъ заламъ развѣшивали паникадила, собранныя изъ храмовъ и монастырей; стѣны убирались шелковыми матеріями и драгоцѣнностями. Прибывшаго посла долго держали передъ завѣсой, за которой помѣщался царь съ придворными. Наконецъ, занавѣсъ раздвигался и иностранца должно было ослѣпить сплошное золотое царство: на высокомъ золотомъ тронѣ сидѣлъ золотой царь, по бокамъ два золотыхъ льва, ворочавшихъ головами и хвостами. Кругомъ неподвижная золотая свита. Лишь только

иноземецъ по этикету преклонялъ колѣна, какъ раздавались рѣзкіе звуки фанфаръ и тронъ, вмѣстѣ съ царемъ, возносился ввысь, къ потолку. Тамъ царь внезапно «преображался», незамѣтно смѣнялъ свои ризы на другія, еще болѣе блистающія. Это была одна изъ театральныхъ сценъ, представлявшихся въ императорскомъ дворцѣ для показанія божественной высоты власти и особы царя. Такой же восточно-лубочной фееричностью отличались только великіе выходы царя въ храмъ св. Софіи, полагавшіеся въ Свѣтлое Воскресенье, Троицынъ день, Преображеніе, Рождество Христово и Крещеніе. Уже наканунѣ церемоніймейстеръ входилъ съ докладомъ къ препозиту (министру двора) о наступленіи большого праздника. Препозитъ на обычномъ пріемѣ передавалъ докладъ царю, испрашивая высочайшее согласіе на торжественный выходъ. И затѣмъ дѣлались распоряженія о томъ, чтобы всѣ начальствующія лица и весь синклитъ были готовы и своевременно были бы на своихъ мѣстахъ.

На утро еще до разсвѣта всѣ они сходились въ Большой Дворецъ и здѣсь, размѣщенные по его комнатамъ и коридорамъ, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать царь, ожидали безмолвные и напряженные высочайшаго выхода.

Въ это время въ Золотой палатѣ шли приготовленія для облаченія царя. Веститоры (придворные одѣвальщики) отправлялись въ храмъ св. Ѳеодора, гдѣ хранились праздничныя императорскія одежды и несли оттуда длинные плоскіе ящики съ костюмами и сундуки съ драгоцѣнностями въ особую комнату дворца, осьмиугольную, Октагонъ. Здѣсь они оставляли то, что царь долженъ былъ надѣть для начала шествія, а остальное держали въ рукахъ, чтобы по первому призыву помощника папія, подать ту или другую вещь. За ними располагалась команда царскихъ оруженосцевъ, державшихъ парадное вооруженіе царя: мечи, копья, щиты, съ которыми они потомъ и двигались въ процессіи.

Часу въ 8-мъ царь, какъ обыкновенно, появлялся въ Золотой Палатѣ въ своемъ скарамангіи и совершалъ обычную молитву. Препозитъ дѣлалъ возгласъ о подачѣ царю обшитаго золотомъ плаща. Надѣвъ его, царь со свитой проходилъ въ Триконхъ къ высшимъ сановникамъ и отряду гвардіи. Съ ними двигался дальше во дворецъ Дафны, держа въ рукахъ возженныя свѣчи и заходя въ дворцовыя часовни и церкви, проходилъ черезъ Августеонъ въ Октагонъ. Здѣсь въ близъ расположенномъ храмѣ св. Стефана онъ поклонялся кресту императора Константина. Во дворцѣ Дафны онъ ожидалъ отъ патріарха извѣщенія о ходѣ службы въ св. Софіи: полагалось, чтобы императоръ явился къ обѣднѣ передъ малымъ выходомъ. Здѣсь пока и происходило облаченіе царя:

спальники снимали съ него плащъ и скарамангій, и надѣвали на него дьяконскій стихарь, или лучше на архіерейскій саккосъ, надѣваемый черезъ голову.

Появлялся посланный отъ патріарха. Царь выходилъ снова въ «осьмиугольную». Препозитъ возглашалъ: «веститоры», и они тотчасъ же подавали царю накидку, вродѣ священнической ризы, а препозитъ воздѣвалъ на его голову діадему.

Въ полномъ облаченіи, похожій на икону, императоръ со всей свитой слѣдовалъ въ портикъ, носившій названіе Золотой Руки. Здѣсь онъ совершалъ омовеніе рукъ и затѣмъ садился на высокое кресло. Начинался, такъ сказать, высочайшій смотръ главныхъ сановниковъ. По знаку царя препозитъ становился передъ нимъ и, обернувши руку въ край плаща, подавалъ сигналъ придверникамъ, остіаріямъ съ золотыми булавами, приступить къ призыву высшихъ чиновъ, ожидавшихъ въ сосѣдней залѣ. По порядку, длинной вереницей шествовали всѣ эти магистры, анѳипаты, патрикіи и т. д., и воздавъ поклоненіе государю, становились по мѣстамъ, справа и слѣва отъ царя, гдѣ до того были размѣщены только придворные служащіе, и все это съ соблюденіемъ старшинства, ранговъ, въ строгомъ порядкѣ и полномъ безмолвіи. Выходилъ снова на середину препозитъ и возглашалъ: «Повелите». Также нараспѣвъ всѣ чины хоромъ произносили: «на многія счастливыя лѣта да продлитъ Господь благочестивѣйшее твое царство». Правильными рядами направлялись чины затѣмъ въ слѣдующую залу и останавливались тамъ, встрѣчая снова императора. Здѣсь присоединялись къ нимъ друнгаріи, главный адмиралъ и оруженосцы. Императоръ всходилъ на помостъ, а всѣ присутствующіе падали передъ нимъ ничкомъ. Снова «повелите» и снова «многолѣтіе».

Дальше шли въ Консисторій, гдѣ ожидали царя члены этого совѣта, царскій синклитъ. Здѣсь новое колѣнопреклоненіе и еще разъ пѣніе «многія лѣта». Шествіе направлялось въ Триклиніумъ Кандидатовъ, гдѣ ожидало духовенство съ крестомъ и иконами. Царь прикладывался къ кресту. Потомъ—палата экскувитовъ съ представителями войсковыхъ частей и придворной пѣвческой капеллой. Раздавалось пѣніе соотвѣтствующихъ празднику тропарей и кондаковъ, и по окончаніи его императоръ переходилъ въ Лихны, темную залу подъ куполомъ, гдѣ и днемъ горѣли свѣчи и лампады. Народу, собравшемуся въ Трибуналѣ, хорошо было видно царя, останавливавшагося на высокомъ порогѣ въ дверяхъ. Этотъ народъ размѣщался по своимъ демамъ, т.-е. цирковымъ партіямъ, а дальше стоялъ эпархъ, градоначальникъ съ полицеймейстерами и приставами, и еще дальше представители торговыхъ и ремесленныхъ корпорацій.

И пѣвчіе, и народъ на разные лады и въ различныхъ сочетаніяхъ безконечное количество разъ воспѣвали многолѣтіе. И наконецъ, послѣ цѣлаго ряда новыхъ остановокъ, поклоненій, славословій, крестный ходъ достигалъ св. Софіи. Здѣсь въ притворѣ встрѣчалъ царя патріархъ съ крестомъ въ рукахъ, и все духовенство: архидіаконъ съ евангеліемъ, діаконы со свѣчами и кадилами Царь какъ разъ вступалъ въ церемонію малаго выхода. Онъ прикладывался къ евангелію и кресту, привѣтствовалъ патріарха, который кадилъ ему, лобызался съ нимъ и, взявъ его за правую руку, входилъ къ царскимъ вратамъ. Здѣсь патріархъ читалъ входную молитву, а царь со свѣчами въ рукахъ троекратно поклонялся, какъ это было изображено и надъ царскими дверьми. Затѣмъ шла обѣдня, въ которой императоръ наравнѣ съ патріархомъ принималъ активное участіе. И все это съ манерными поклоненіями, жеманными хожденіями, размѣренно-чинными движеніями.

Приведеннаго мною, вѣроятно, болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о характерѣ императорской власти въ VI—VII вѣкахъ. Власть усиленно, даже излишне закутывается въ священные покровы, словно пытаясь показать свою сверхъестественную силу и доказать, что она необходима для подданныхъ, что она дѣйствуетъ не отъ себя, не сама по себѣ, а по всевышней волѣ, непререкаемой для всѣхъ.

Эту святительскую сущность императорской власти ближайшіе преемники Юстиніана стараются подчеркнуть, твердо формулировать и обосновать, что проходитъ даже въ законодательство. Въ большемъ законодательномъ сборникѣ, изданномъ, какъ думаютъ, въ началѣ VIII в., при императорѣ Львѣ III, и представляющемъ переработку Юстиніановыхъ законовъ, законъ и опредѣляется, какъ откровеніе Божіе, сообщаемое людямъ устами царя. Долгъ царя—поддерживать и доводить до исполненія все, что изложено въ св. Писаніи, рѣшеніяхъ вселенскихъ соборовъ и римскомъ правѣ. Но главное, это, чтобы царь имѣлъ правильные богословскіе взгляды. Поэтому въ Эклогѣ всѣ законы аргументируются ссылками на священное писаніе. Во всемъ видно стремленіе императоровъ представить себя только выполнителями воли Всевышняго, и въ Тронной залѣ, рядомъ съ царскимъ престоломъ, стоялъ другой пустой престолъ Царя Истиннаго.

Всѣ эти черты, однако, не только не убѣждаютъ насъ въ дѣйствительной силѣ и вліятельности царской власти въ имперіи VI—VII вв., но производятъ какъ разъ обратное впечатлѣніе. Правительствующимъ кругамъ, императорамъ, и въ VI вѣкѣ продолжаетъ казаться, что они руководятъ жизнью великаго, единаго государства: они не щадятъ силъ и средствъ на возсоединеніе тѣхъ земель, которыя оторвались отъ

имперіи, они держатъ грандіозный дворъ «всемірнаго владыки», они издаютъ свои законы и повелѣнія для необъятной имперіи, они увѣренно и усиленно выступаютъ, какъ Богомъ поставленные, намѣстники Его на землѣ. Но такая восточно-самодержавная, христіанско-пастырская внѣшность верховной власти не мѣшаетъ ей становиться все безпомощнѣе, все менѣе авторитетной и нужной въ жизни имперіи. Обнаруживается все большее несоотвѣтствіе между ней и состояніемъ общества, которое уже устраивалось и жило соотвѣтственно своему сузившемуся политическому кругозору, растущей наклонности къ разобщенію и хозяйственному истощенію. Въ той средѣ отмиранія и замыканія, какую представляла собой имперія къ VI вѣку, объединяющая, вселенско-претенціозная власть государей становится анахронизмомъ, дисгармоничной надстройкой надъ общимъ укладомъ жизни, утратившей съ нимъ органическія связи. Отсюда и тотъ хаосъ, который царитъ въ постановкѣ ея и замѣщеніи. Отсюда и заполненіе ея функціями, которыя ничего не имѣютъ общаго съ правительственнымъ дѣломъ.

Характерно, что всѣ ближайшіе преемники Юстиніана: Юстинъ II, Тиберій, Маврикій, Фока, смѣнявшіеся на престолѣ за вторую половину VI и начала VII в., не пользовались популярностью. Современные источники изображаютъ ихъ, какъ проходныя, случайныя фигуры, правленіе которыхъ не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ жизни имперіи. Эти современники смутно чувствуютъ, что зависѣлъ такой, скажемъ, «упадокъ» отъ общаго состоянія общества, что въ немъ развиваются нѣкоторые деморализующіе и диссоціирующіе процессы, но они не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило вокругъ нихъ. Замѣчательно въ этомъ смыслѣ признаніе автора Житія св. Димитрія Солунскаго: «Кто не знаетъ, какую тучу пыли поднялъ діаволъ при Маврикіи, убивъ любовь и поселивъ взаимную вражду на всемъ Востокѣ, и въ Киликіи, и въ Азіи, и въ Палестинѣ, и до такой степени взволновавъ всѣ сосѣднія области даже до самаго царствующаго города, что демы (т.-е. клубы или партіи) не только не удовлетворялись тѣмъ, что упивались на площадяхъ кровью соплеменниковъ, но и нападали взаимно на жилища другъ друга и безжалостно убивали тѣхъ, кого въ нихъ находили живыми, сбрасывали на землю женщинъ и дѣтей, стариковъ... и подобно грубымъ варварамъ, грабили своихъ односельчанъ и знакомыхъ, и родственниковъ и сожигали ихъ жилища». Но для насъ, конечно, вполнѣ ясна эта туча дьявольской пыли, это распыленіе и общества, и государства. Среди него теряла свой авторитетъ и императорская власть. Долгое царствованіе Юстиніана внесло разгромъ въ старую римскую аристократію, но оно не сумѣло обойтись безъ аристократической опоры вообще: на смѣну прежней сенаторской знати сложилась новая са-

новная, дворцовая аристократія, группа вліятельныхъ фамилій, которая еще при Юстиніанѣ приняла довольно независимое положеніе. Эта среда и выдвигаетъ во взаимной борьбѣ преемниковъ Юстиніана, которымъ поневолѣ приходилось дѣйствовать въ угоду этимъ кругамъ. Городской префектъ, назначенный Юстиніаномъ, заявилъ, по свидѣтельству Кедрина, императору: «Я обѣщалъ Вашему Величеству въ извѣстный срокъ не оставить ни одного угнетеннаго человѣка въ городѣ... Но если ты даешь пріютъ и покровительство могучимъ обидчикамъ и угощаешь ихъ, мнѣ придется потерпѣть неудачу». Вѣрность подданныхъ приходилось покупать щедростью и уступчивостью. Преемникъ Юстина, Тиберій, укрѣплялъ свое положеніе тѣмъ, что отпустивъ четвертую часть податей по имперіи, землевладѣльцамъ и колонамъ простилъ налогъ за цѣлый годъ и зачеркнулъ всѣ прежнія недоимки, выдавалъ войскамъ огромныя августаліи, азіатской арміи сразу послалъ для раздачи 800 ф. золота. Въ одинъ годъ Тиберій истратилъ 7.200 ф. золота, кромѣ серебра и шелка. Историкъ Ѳеофилактъ замѣчаетъ, что Тиберій предпочиталъ, чтобы его подданные дѣлили съ нимъ императорскую власть, чѣмъ, чтобы они были его подвластными.

На ряду съ этимъ потускнѣніемъ и распыленіемъ центральной правительственной власти, мы замѣчаемъ въ томъ же VI в. и другое теченіе, которое нельзя не отнести къ категоріи феодализаціи. Связи, скрѣплявшія провинціи съ центромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ провинціи между собой, замѣтно ослабѣваютъ и даже порываются. Начало этого процесса мы уже констатировали въ царствованіе Юстиніана. Отъ Юстина II сохранился характерный законъ, въ которомъ онъ явно капитулируетъ передъ сепаратистскими тенденціями областей. Здѣсь разрѣшается избирать намѣстника епископу и землевладѣльцамъ данной провинціи, при чемъ такой правитель облекался не только судебною и административной, но и военной властью.

Если всмотрѣться въ состояніе имперіи при ближайшихъ же преемникахъ Юстиніана, даже въ послѣдніе годы царствованія самого Юстиніана, легко убѣдиться въ ея уже безповоротной нецѣльности. Особенно любопытны и характерны въ этомъ смыслѣ отношенія въ имперіи—Италіи, присоединеніе которой и обладаніе которой естественно стояло передъ императорами въ качествѣ особо важной задачи. Съ неимовѣрными усиліями полуостровъ былъ завоеванъ генералами Юстиніана. Остготы были выброшены отсюда послѣ 20-лѣтнихъ упорныхъ военныхъ дѣйствій, опиравшихся на національныя и имперскія чувства стараго итальянскаго населенія. Но вся страна была разорена и долгая борьба оставила непоправимые слѣды. Кампанія заглохла, частныя и церковныя земли запустѣли. Города и самый Римъ были

разгромлены, и внутри прежней столицы міра стали сѣять хлѣбъ. Изъ общаго числа жителей Италіи погибла чуть не половина. У правительства, однако, уже не хватало средствъ для того, чтобы возстановить благосостояніе присоединенной области, не хватало умѣнья связать ее съ государствомъ органически. То управленіе, которымъ Италія вводилась въ составъ имперіи, ясно показываетъ эту безпомощность. Италія устроена была, какъ экзархатъ, герцогство, т.-е. въ достаточной степени предоставленная самой себѣ, связанная только вассальными узами съ центральной властью, страна. Экзархъ, резидировавшій въ Равеннѣ, съ одной стороны, не обладалъ силами, чтобы стать руководящимъ центромъ для населенія, съ другой—императорское правительство, дозволивъ ему соединить въ своихъ рукахъ и военную, и гражданскую власть, выпускало его изъ-подъ своего воздѣйствія. Уже при Маврикіи экзархъ чувствуетъ себя и ведетъ себя, какъ почти самостоятельный владѣтельный князь, вмѣшиваясь даже въ церковныя дѣла, но въ то же самое время онъ настолько безпомощенъ, что безъ всякаго сопротивленія допускаетъ занять всю середину полуострова германско-сарматской ордѣ лангобардовъ, спустившихся съ альпійскихъ горъ. Но и уцѣлѣвшія въ рукахъ римскихъ чиновниковъ области ежегодно наводнялись толпами варваровъ, громившихъ все попадавшееся на пути и уводившихъ жителей въ рабство. Правительство уже ближайшихъ преемниковъ Юстиніана, Юстина II, Тиверія не находитъ возможнымъ серьезно заняться дѣлами Италіи. Римское населеніе Италіи, разочаровавшееся скоро въ имперской администраціи, утратило всякую надежду на помощь отъ имперіи, и увидѣло себя предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ. Но политической организаціи оно не имѣло. Необходимость самозащиты противъ лангобардовъ заставляла искать какой-либо общественной силы, которая могла стать національнымъ объединяющимъ центромъ. Такимъ центромъ въ Италіи сдѣлалось не имперское управленіе, о которомъ одинъ современникъ говоритъ, что «даже враги, губящіе насъ, кажутся намъ болѣе милостивыми, чѣмъ чины государства съ ихъ коварствомъ, грабежами и обманами», а сдѣлалась церковь, которая и вообще въ имперіи играла активную общественную роль, а въ Италіи, благодаря извѣстному сцѣпленію условій, пріобрѣла особенный вѣсъ и значеніе въ обществѣ. Въ борьбѣ туземнаго населенія съ варварами-аріанами духовенство являлось его вождемъ. Сильное и гордое своимъ ископнымъ, твердымъ православіемъ, римское духовенство стало и единственнымъ хранителемъ просвѣщенія въ странѣ. Еще въ періодъ Западной имперіи здѣсь сказалась явственная тенденція централизаціи въ устройствѣ церковной власти и управленія. Въ одномъ изъ эдиктовъ Валентиніана III мы уже читаемъ указаніе, что

«такъ какъ заслуга св Петра, перваго между епископами, достоинство города Рима и воля святого собора подтвердила первенство апостольскаго престола, то ничего нельзя предпринимать безъ воли этого престола». Эдиктъ требовалъ, чтобы непокорный епископъ былъ приводимъ на судъ папы свѣтскими властями. Опираясь на такую власть, папа Левъ Великій поддерживалъ обаяніе римскаго епископа, папы въ областяхъ, уже занятыхъ германцами, диктовалъ свои взгляды греческимъ церквамъ. Въ спорахъ съ императоромъ Анастасіемъ, папы Геласій и Симмахъ уже развиваютъ зародыши ученія о превосходствѣ духовной власти. Эпоха готскихъ войнъ и возсоединенія съ имперіей принесла значительныя перемѣны въ положеніе римскихъ епископовъ. Правительство Юстиніана наложило на нихъ свою тяжелую руку. Придворныя интриги отражаются и здѣсь. Въ угоду императрицѣ Феодорѣ, по указу народа былъ арестованъ Велисаріемъ папа Сильверій На папскомъ престолѣ появляются недостойныя лица, ставленники изъ Константинополя Но населеніе явно не на сторонѣ государственной власти Оно не скрываетъ своей радости, когда папа одерживаетъ въ восточной столицѣ догматическія побѣды, оно выражаетъ свое сочувствіе, когда папъ постигаютъ невзгоды. Незамѣтно скрѣпляется тѣсный союзъ между народомъ и римскимъ епископомъ. Послѣдніе постоянно совершаютъ поѣздки въ Константинополь, чтобы хлопотать о нуждахъ римлянъ, о необходимости защиты ихъ противъ лангобардовъ. И среди тяжелыхъ условій папа все опредѣленнѣе вставалъ въ Италіи какъ бы національнымъ вождемъ Особенно знаменательной въ этомъ отношеніи была всеобъемлющая дѣятельность одного изъ крупнѣйшихъ носителей папской тіары—Григорія Великаго. Не буду разсказывать біографіи этого великаго человѣка, который по своей натурѣ склоненъ былъ къ подвигу отреченія отъ міра и созерцательной, отшельнической жизни, но силой обстоятельствъ вброшенъ былъ въ самую гущу жизни Будучи избранъ въ папы по всенародному желанію, онъ энергично взялся за дѣла, а эти дѣла въ самомъ Римѣ были ужасны: стихійныя бѣды, наводненія, неурожаи, болѣзни и постоянные набѣги лангобардовъ—все это требовало немедленнаго вмѣшательства. Папа Григорій видѣлъ въ помощи разоренному и угнетенному невзгодами населенію прямую обязанность церкви. Отъ правительства ждать было нечего. Первымъ дѣломъ папы было приведеніе въ порядокъ церковныхъ имуществъ Римская церковь была самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ полуострова (это было предпослѣднее десятилѣтіе VI в.). Ея владѣнія были разбросаны и по островамъ, и въ Кампаніи, и въ Африкѣ, и въ южной Галліи, Далмаціи, и у подножія Альпъ Отдѣльныя имѣнія, fundi, объединялись въ цѣлыя земельныя массы, а нѣсколько массъ составляли патримоній (напри-

мѣръ, patr. Siciliae, Viae Appiae). Эти огромныя земельныя богатства сошлись въ обладаніи церкви различными путями, главнымъ образомъ, перешли изъ рукъ сенаторскихъ фамилій. Въ тревожныя времена магнаты эмигрировали на востокъ и отдавали свои земли или продавали за безцѣнокъ ихъ римской и другимъ церквамъ. На этихъ земляхъ хозяйство велось или посредствомъ такъ называемаго эмфитевсиса, т.-е вѣчной аренды за опредѣленный денежный взносъ, или же на собственный рискъ, на себя, т.-е. посредствомъ крѣпостной рабочей силы, колоновъ. Лишенные права передвиженія, колоны, помимо различнаго рода повинностей, обязаны были въ пользу церкви податью, каноном, который платился натурой, хлѣбомъ на сумму денегъ, установленную разъ навсегда. Для взноса ея колоны соединялись въ группы, такъ называемыя кондомы, и сдавали хлѣбъ особому агенту, который бралъ на откупъ сборъ податей. Онъ носитъ старинное названіе conductor, что прежде обозначало генеральнаго арендатора крупнаго имѣнія. Всѣ эти отношенія подверглись рѣшительному пересмотру со стороны Григорія Великаго. Управленіе патримоніями св. Петра было организовано въ образцовую систему. Во главѣ каждаго патримонія были поставлены зависящіе прямо отъ папы управляющіе—ректоры и дефенсоры, обыкновенно изъ низшихъ клириковъ, діаконовъ и нотаріевъ. За ними наблюдали постоянные ревизоры, респонсалы. Особая коллегія регіонаріевъ разбирала и разрѣшала всѣ недоразумѣнія, происходившія между управляющими и надзирателями. Но приводя, съ помощью этихъ разбросанныхъ повсюду и покорныхъ ему приказчиковъ, въ порядокъ церковное хозяйство, Григорій мастерски сумѣлъ вдвинуть этихъ своихъ агентовъ и въ церковную администрацію, дѣлая ихъ проводниками его власти. Будучи какъ бы намѣстниками папы въ предѣлахъ его владѣній, эти дефенсоры обязаны были сообщать папѣ и обо всѣхъ церковныхъ дѣлахъ области, гдѣ они находились. Они слѣдили за выполненіемъ каноническихъ постановленій епископами, руководили выборами ихъ и приводили въ исполненіе тѣ кары, которыя налагалъ на нихъ папа. Они сдѣлались мѣстными орудіями церковной дисциплины, являлись посредниками между духовенствомъ и населеніемъ и получили даже право созывать помѣстные соборы.

Устраивая хозяйство своихъ патримоніевъ, накапливая значительныя матеріальныя средства, централизуя церковное управленіе, Григорій въ то же время не забываетъ другой своей великой задачи—поднять, ободрить и сплотить населеніе Италіи. Онъ развивалъ кипучую благотворительность: онъ охотно приходилъ на помощь разореннымъ сенаторамъ и землевладѣльцамъ, но неустанно стоялъ и на стражѣ интересовъ крѣпостной и иной мелкоты, ютившейся на церковныхъ земляхъ. Освобожде-

ніе колоновъ, конечно, не входило въ его планы: этого онъ не могъ сдѣлать, но оградить ихъ отъ притѣсненій всякаго рода агентовъ, облегчить ихъ тяжелую жизнь онъ могъ, и заботливо провѣрялъ дѣйствія управляющихъ, возвращалъ захваченные излишки, предоставилъ имъ право завѣщанія и наслѣдованія, открывалъ имъ доступъ въ низшіе ряды церковной администраціи. Но замѣчательно то, что и все остальное населеніе было захвачено въ кругъ папской защиты и покровительства. Григорій властно вмѣшивается въ отношенія чиновниковъ и подданныхъ, будь то даже самъ экзархъ. Онъ беретъ на себя и защиту народа отъ лангобардовъ, но у него были свои особые планы примиренія съ варварами путемъ постепенной христіанизаціи ихъ. Въ этомъ отношеніи много было достигнуто посредствомъ послушныхъ папѣ епископовъ и монаховъ. И при нашествіяхъ лангобардскихъ дружинъ, когда опасность угрожала самому Риму, Григорій принималъ всѣ мѣры для военной обороны, снаряжалъ ополченія, руководилъ передвиженіями войскъ. Но все-таки для него было ясно, что оружіемъ трудно одолѣть варваровъ: онъ чувствовалъ, что и населеніе жаждетъ мира. Ему удавалось переговорами и деньгами предотвращать кровавыя столкновенія. Но каждый разъ въ своихъ примирительныхъ попыткахъ онъ встрѣчался съ противодѣйствіемъ экзарха, оффиціальнаго носителя военной власти въ Италіи. Патрикій Романъ, занимавшій эту должность, считалъ дѣйствія римскаго епископа вторженіемъ въ непринадлежащую ему область и жаловался на Григорія въ Константинополь. Въ 595 г. папа получилъ отъ императора Маврикія строгій и рѣзкій выговоръ за вмѣшательство въ политическія дѣла. Григорій отвѣтилъ на него замѣчательнымъ посланіемъ (замѣчательнымъ, какъ въ исторіи имперіи, такъ и въ исторіи папства).

«Ваше царское благочестіе,—пишетъ онъ императору,—стараясь по милосердію своему оправдать меня въ взводимыхъ на меня обвиненіяхъ, обошлось со мной очень немилосердно; въ своихъ повелѣніяхъ оно именуетъ меня очень вѣжливо «простецомъ», обманутымъ герцогомъ Аріульфомъ. Это, конечно, только литературная форма для названія глупцомъ, каковымъ и самъ себя признаю, поскольку продолжаю терпѣть то, что приходится терпѣть на моемъ мѣстѣ отъ дикости лангобардовъ. А въ томъ, что Аріульфъ самъ высказалъ мнѣ готовность присоединиться къ имперіи, мнѣ не вѣрятъ и упрекаютъ, что я далъ себя провести. Если бы несчастія моей страны не возрастали съ каждымъ днемъ, я ни слова бы не сказалъ на это. Но пока мнѣ не вѣрятъ, Италія все болѣе попадаетъ подъ иго варваровъ, силы которыхъ растутъ. Поэтому я и заявляю всемилостивѣйшему императору, что онъ воленъ считать меня самымъ дурнымъ человѣкомъ, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ

о пользѣ государства и погибающей Италіи. онъ не долженъ слушать перваго попавшагося. И пусть земной государь осторожнѣе относится къ священникамъ, которыхъ само св. Писаніе называетъ божественными и ангелами Когда блаженной памяти царю Константину предъявлены были жалобы на епископовъ, онъ сжегъ ихъ и сказалъ: «вы поставлены Богомъ, идите и сами разбирайте ваши дѣла, ибо мы недостойны суда божественныхъ». Это я не о себѣ говорю, а о прочихъ священникахъ. Я же грѣшникъ, и думаю, что на Страшномъ Судѣ меня помилуютъ только за тѣ страданія, которыя я испытываю здѣсь Во всякомъ случаѣ я болѣе полагаюсь на милосердіе грядущаго Іисуса, чѣмъ на правосудіе вашего благочестія»

И несмотря на столкновенія съ императоромъ на явно враждебное отношеніе къ нему экзарха Романа, наконецъ, на успѣхи лангобардскаго конунга Агилульфа, которые и завершились трактатомъ 598 г., миръ былъ заключенъ на три года; онъ былъ непадеженъ, и это, конечно, понималъ и самъ папа. Но важно то положеніе, которое тѣмъ самымъ занималъ римскій епископъ въ странѣ. Онъ, наперекоръ императору и его представителямъ, являлся создателемъ безопасности и отдыха для Италіи: онъ становился той нужной, упорядочивающей властью для ея населенія, какой не могло и не хотѣло стать центральное правительство. И самъ Агилульфъ требовалъ на договорномъ актѣ прежде всего подписи Григорія, а не императорскаго намѣстника.

Приведенныхъ фактовъ достаточно, думается, чтобы убѣдиться въ рѣшительномъ обособленіи отъ имперіи такой важной области, какъ Италія, къ VII в. Это обособленіе вылилось въ своеобразныя формы, поскольку въ этой странѣ помимо имперской власти, оказалась своя крупная сила, сумѣвшая перетянуть симпатіи и довѣріе населенія къ себѣ. Нѣсколько иначе тотъ же процессъ развивался въ другой странѣ, входившей въ составъ имперіи, въ Африкѣ. Будучи отвоевана отъ вандаловъ войсками Юстиніана, она стала на первое время предметомъ особаго благоволенія и заботливости этого императора Во главѣ африканскаго управленія былъ поставленъ префектъ преторія, какъ то было въ восточной и иллирійской префектурахъ. Назначенный на эту должность Архелай получилъ въ свое распоряженіе законодательство, администрацію, судъ и финансы Весь сложный механизмъ имперскаго управленія съ оффиціями, скриніями, схолами и когортами, былъ перенесенъ въ Африку, которая дѣлилась на области, управляемыя президами. Они находились подъ контролемъ префекта и держали въ своихъ провинціяхъ тоже громадное число различныхъ чиновниковъ. Чиновничье нашествіе, конечно, для населенія Африки было страшнѣе и горше всякихъ вандаловъ. Тщетно Юстиніанъ и здѣсь, какъ и въ другихъ

случаяхъ, увѣщеваетъ, наставляетъ, грозитъ, его агенты чувствуютъ себя полными хозяевами въ странѣ, и выбиваются изъ-подъ вліянія центра. Позднѣе Юстиніанъ дѣлаетъ попытку соединить военную и гражданскую власть въ Африкѣ, въ связи съ организаціей военныхъ силъ и защиты въ этой области. Но широкіе замыслы и сооруженія этого императора не дали желанныхъ результатовъ Укрѣпленія, построенныя на скорую руку, не представляли достаточной обороны Находившагося въ Африкѣ войска не было достаточно, чтобы пользоваться этими крѣпостными и оборонительными линіями. Дисциплина въ войскѣ упала, а тутъ въ 543 г нахлынула чума. Поэтому вспыхнувшее въ 544 г. возстаніе туземныхъ племенъ, окончилось разгромомъ имперскихъ ополченій и взятіемъ Карѳагена. Потомъ это возстаніе было усмирено, въ Африкѣ наступаетъ какъ будто спокойствіе, продолжавшееся и при преемникахъ Юстиніана, Юстинѣ II и Тиверіи. Но среди спокойствія и проростало то обособленіе Африки, которое обусловливалось и несочувствіемъ мѣстнаго населенія требовательному государству, и отдаленностью отъ центральной власти, и своеволіемъ чиновничества и военщины. Носители высшей военной власти пріобрѣтали все болѣе силы и самостоятельности. Императоръ Маврикій, считаясь съ такимъ положеніемъ вещей, принужденъ былъ создать въ Африкѣ новую должность экзарха, соединявшаго уже накрѣпко въ своихъ рукахъ, какъ военное, такъ и гражданское управленіе Точно даже нельзя хронологически фиксировать эту важную перемѣну: не было опредѣленнаго указа императора на этотъ счетъ. Но это и особенно любопытно: военный начальникъ области постепенно и незамѣтно дѣлался уже настолько автономенъ, если можно такъ выразиться, что походилъ даже и въ глазахъ императорскаго правительства на своего рода владѣтельную особу, распоряжавшуюся въ странѣ и организующую ея защиту на свой рискъ, въ значительной степени, и на собственныя средства. Чиновникъ, уполномоченный правительства превращался въ герцога, экзарха, военнаго властителя страны. Характерно то, что и здѣсь, въ Африкѣ, отдѣлившейся къ VII в. отъ имперіи, начинается подъемъ общественной роли церкви. Населеніе подъ жестокимъ гнетомъ распустившейся администраціи перестаетъ сочувствовать государству, которое его только разоряетъ. У него меркнетъ сознаніе принадлежности къ великому политическому цѣлому. И люди привязываются къ церкви, которая все-таки обезпечиваетъ имъ нѣкоторую защиту; подъ покровъ церкви бѣгутъ отъ притѣсненій всякаго рода властей, и она невольно беретъ на себя роль контролирующей силы Но африканская церковь не достигла того значенія, какое пріобрѣло папство, по крайней мѣрѣ, не успѣла стать руководительницей обособленія страны отъ имперіи, потому что и поло-

женіе ея было не такъ благопріятно: у нея не было странъ и обществъ, въ которыхъ она могла подготовить себѣ легко надежную опору, какъ это сдѣлала римская церковь среди западно-европейскихъ германо-романскихъ государствъ. Къ тому же не за горами было и арабско-мусульманское завоеваніе. Въ Африкѣ обособленіе выразилось, главнымъ образомъ, въ усиленіи власти военнаго командира, экзарха, функціонировавшаго въ странѣ въ концѣ-концовъ уже какъ государь.

Но и въ остальномъ своемъ составѣ имперія VI в. не была цѣльной. Старыя сепаратистическія тенденціи, явственно проступавшія еще въ IV—V в., съ теченіемъ времени не только не замирали, но, наоборотъ, все рѣзче проявлялись и въ странахъ, составлявшихъ собственно Восточную имперію. На крайнемъ востокѣ, въ Азіи преобладавшее сиро-семитическое населеніе обособленно держалось отъ греческихъ элементовъ. Рознь выражалась въ томъ, что сирійцы, равно какъ и большинство населенія Египта, держалось монофизитства (признанія одной божественной природы Христа), а позднѣе моноѳелитства. На этой почвѣ вырастало отчужденное, прямо враждебное отношеніе къ православному государству. При неослабѣвавшемъ и послѣ Юстиніана натискѣ Персидской державы на имперію, такая отчужденность восточныхъ областей становилась особенно рискованной. Монофизитская Сирія и Египетъ легко переходили подъ верховенство менѣе требовательнаго персидскаго правительства. Далѣе, важный форпостъ имперіи на востокѣ, Арменія, несмотря на реорганизацію, произведенную Юстиніаномъ, оставалась въ сущности попрежнему феодальной страной. Нахарары—феодалы, мелкіе владѣтельные князья не утратили своего положенія и вліянія въ странѣ, и имперія имѣла дѣло непосредственно съ ними. Это была чисто-вассальная связь: армянскіе князья, въ общемъ предоставленные самимъ себѣ, должны были ставить конныя ополченія на защиту имперіи. Находясь между двухъ огней (часть Арменіи входила въ составъ Персидской державы), армянскіе князья поневолѣ вмѣшивались въ непрекращавшіяся столкновенія имперіи и Персіи, иногда даже и сами ихъ вызывали. Имперіи этотъ, такъ называемый, Понтійскій діойкесъ, ничего не давалъ, кромѣ безпокойствъ, такъ какъ мятежи и возстанія здѣсь вспыхивали то и дѣло. И задачей правительства въ этихъ областяхъ было не превращеніе ихъ въ настоящую, правильно функціонирующую административную единицу, а обезпеченіе вѣрности себѣ армянскихъ феодаловъ и извѣстной боеспособности страны.

Тѣ же задачи предоставленія областямъ государства организоваться въ самооборонящіеся военно-административные округа со слабымъ притяженіемъ къ центру, къ VII в. замѣтно руководятъ правительствомъ.

и на сѣверѣ, въ черноморскихъ и придунайскихъ странахъ, гдѣ усиливается напоръ аварскихъ и славянскихъ ордъ. О размѣрахъ и значеніи этого славянскаго переселенія въ имперіи мы будемъ еще говорить подробнѣе нѣсколько позднѣе, потому что это одинъ изъ самыхъ спорныхъ и запутанныхъ вопросовъ въ исторіи Византійской имперіи. Сейчасъ для насъ важно только отмѣтить, что во всѣхъ своихъ частяхъ имперія VI—VII вв. оказывается нецѣлостной.

Изъ провинцій, органически слабо связанныхъ и раньше, плохо срасталось единое государство. И если Юстиніану еще мерещится идея цѣльной, великой имперіи, правда, въ весьма смутныхъ очертаніяхъ, то уже политическое сознаніе его ближайшихъ преемниковъ, я бы сказалъ, феодализируется. Продолжая считать себя намѣстниками Божіими и ангелами Господними, императоры не хуже какихъ-нибудь темныхъ Меровинговъ разсматриваютъ имперію, какъ свое личное достояніе, которымъ можно распорядиться, какъ семейнымъ добромъ. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно завѣщаніе императора Маврикія, которое онъ составилъ въ 597 г. Это типично-феодальный раздѣлъ имперіи. Старшему сыну Ѳеодосію, съ титуломъ императора, выдѣлялись Константинополь и восточныя области, второму, Тиверію—Италія съ Римомъ и острова, младшимъ Петру, Павлу, Юстину и Юстиніану также отписывались извѣстные комплексы земель, долженствовавшіе образовать отдѣльныя самостоятельныя королевства. Если въ этомъ, правда, неосуществившемся завѣщаніи ясно замѣтно помутненіе государственной идеи, то, съ другой стороны, обнаруживается и механичность сцѣпленія частей имперіи, такъ сказать, дѣлимость ея на самостоятельные политическіе міры.

X. Организація ѳемъ.

Тенденціи разъединенія и политическаго измельчанія, бывшія выраженіемъ и развитіемъ давно начавшихъ дѣйствовать въ Римской имперіи феодализирующихъ процессовъ, въ VI—VII вв принимали нѣсколько чрезвычайныя, своеобразныя формы. Были условія, то задерживавшія ихъ, то придававшія имъ косое направленіе. Я разумѣю тѣ тяжелые внѣшніе удары и опасности, которымъ подвергалась имперія въ это время буквально со всѣхъ сторонъ. Вѣдь именно ей выпало на долю пережить и такъ или иначе отстояться отъ перекрещивавшихся грозъ и бурь перезаселенія странъ, окружавшихъ Средиземное море, такого грандіознаго перебора силъ, какого не помнитъ эта часть свѣта ни раньше, ни позднѣе. Въ этомъ хаосѣ и правительствующія группы, и населеніе размыкавшихся провинцій инстинктивно должны были чувствовать и потребность сплоченія. Столѣтіемъ позднѣе въ аналогичномъ положеніи оказалось франкское королевство, гдѣ полному торжеству диссоціирующихъ теченій воспрепятствовалъ тоже подъемъ инстинкта самосохраненія подъ угрозой надвигавшихся съ востока саксовъ и напиравшихъ съ юга—арабовъ. Успѣхи уже прочнаго феодальнаго дробленія территоріи франкскаго государства пріостанавливаются, и разошедшіяся владѣнія сплачиваются въ единый военно-оборонительный союзъ, принявшій формы великой Каролингской имперіи. Но эта имперія при своихъ мировыхъ внѣшности и претензіяхъ, въ сущности не была настоящимъ государствомъ, потому что выстроилась на общественномъ строѣ, въ которомъ аристократизмъ и партикуляризація достигли уже несокрушимыхъ успѣховъ. Она не была простымъ союзомъ подданныхъ, подчиненныхъ государю, а являлась сцѣпленіемъ не нуждавшихся собственно другъ въ другѣ, готовыхъ для отдѣльнаго политическаго существованія мировъ, только признававшихъ надъ собой верховную волю общаго вождя II въ самомъ характерѣ имперскаго управленія сказывались безусловно феодальные пріемы, особенно явственные въ

военномъ устройствѣ. Воинская служба «территоріализируется» и складывается въ систему королевскихъ бенефиціевъ, владѣльцы которыхъ обязаны были выставлять по требованію государства вооруженные отряды, а затѣмъ къ этой повинности привлечены были и всѣ обладатели извѣстной площади земли. Устанавливается понятіе, что воиномъ человѣкъ становится не въ силу подданства, а въ силу владѣнія землей.

Я нарочно остановился на указаніи феодальной подпочвы Каролингской монархіи, такъ какъ эта аналогія, мнѣ кажется, поможетъ выяснить кое-что новое въ порядкахъ Восточной имперіи VI—VII вв.

Въ жестокой борьбѣ по всѣмъ концамъ въ этотъ періодъ имперія понесла цѣлый рядъ крупныхъ утратъ. На западѣ изъ войнъ съ лангобардами, она вышла обладательницей только двухъ береговыхъ полосъ—Рима и Неаполя на одной сторонѣ, Равенны—на другой. Сѣверная и западная части Балканскаго полуострова залиты были славянами. Но особенно чувствительны были потери на востокѣ и югѣ. Еще въ началѣ VII в. могло казаться, что именно здѣсь достигнуты крупные и прочные успѣхи. Не прекращавшіяся почти въ теченіе ряда столѣтій войны съ извѣчнымъ врагомъ имперіи, Персіей, завершились блестящимъ «священнымъ» походомъ императора Ираклія. Уже ослабѣвшая тогда персидская держава была надежно оттиснута изъ захваченныхъ ею областей: Сиріи, Палестины, Египта и почти всей Арменіи. Но всего черезъ нѣсколько лѣтъ передъ имперіей въ этихъ странахъ всталъ новый страшный врагъ, быстро окрѣпшая и развернувшаяся имперія арабовъ-мусульманъ. Монофизитскія Сирія и Египетъ, тяготившіяся подчиненіемъ имперіи и слабо притянутыя къ ней, не высказывали сопротивленія и даже охотно признали надъ собой власть арабовъ, облегчившихъ податное бремя. Потомъ арабы завоевали и Африку. Нѣсколько разъ ихъ армія вторгалась въ Малую Азію, ихъ флотъ по Эгейскому морю подступалъ къ стѣнамъ самого Константинополя.

Въ общемъ за этотъ роковой періодъ имперія сократилась по крайней мѣрѣ на $^2/_3$ своихъ прежнихъ владѣній. Она лишилась самаго важнаго хлѣбнаго рынка—Александріи, самой важной для торговли области, Сиріи. Надъ ней нависла грозная арабская опасность, которая держала имперію въ судорожномъ напряженіи. Но нужно удивляться, что она все-таки уцѣлѣла хотя бы въ такихъ сжавшихся предѣлахъ, какъ Эгейское море и области, расположенныя кругомъ его. Обыкновенно утверждаютъ, что, сжавшись, она стала цѣльнѣе и устойчивѣе, что она превратилась въ чисто-греческую, въ Византію, и тѣмъ самымъ возродила свою жизнеспособность. Въ доказательство такой чудесной метаморфозы ссылаются лишь на то, что въ законахъ, въ канцеляріяхъ, и на судѣ въ это время греческій языкъ вытѣсняетъ латинскій, что

старый титулъ императора и августа замѣняется басилевсомъ и аутократоромъ. Стараться опровергать это утвержденіе я не буду. Поскольку аргументъ замѣны латинскаго языка греческимъ именно въ предѣлахъ этого времени является ошибочнымъ и отпадаетъ, приведенное мнѣніе остается бездоказательнымъ, а между тѣмъ onus probandi, несомнѣнно, лежитъ на той сторонѣ. Мы лучше убѣдимся въ призрачности метаморфозы, если попытаемся разъяснить себѣ, гдѣ имперія нашла силы отстоять свое существованіе и какими средствами она сумѣла приспособиться къ отпору и сопротивленію. Естественно, что начиная съ исхода VI в. здѣсь въ качествѣ вопроса самой первостепенной важности становится все напряженнѣе дѣло военной организаціи; правительство должно было неослабно устраивать оборону государства во всѣхъ его частяхъ, поддерживать боевую готовность сразу на всѣхъ, такъ сказать, фронтахъ. А между тѣмъ военное дѣло въ имперіи и составляло въ VII в., пожалуй, самое слабое ея мѣсто. Процессъ разложенія старой арміи, начавшійся еще съ III—IV вв., развивался неуклонно. Уже при императорѣ Анастасіи борьба съ исаврами и Персіей велась не посредствомъ старыхъ полковъ съ историческими именами и подъ командой магистровъ и дуксовъ, какъ они перечислены еще въ Notitia dignitatum V в., а посредствомъ дружинъ со своими вождями. Старыя большія арміи, состоявшія изъ легіоновъ, пополнявшихся изъ подрастающихъ поколѣній наслѣдственнаго военнаго сословія, такъ называемыхъ ветерановъ и рекрутовъ съ землевладѣльцевъ, утрачиваютъ свое значеніе. Прежде они распадались на дѣйствующія части и пограничныя. Первые стояли на зимовкахъ въ городахъ, вторые сидѣли на землѣ, предоставленной имъ отъ государства въ собственность съ обязательствомъ наслѣдственной службы на мѣстѣ. Ко времени Юстиніана это дѣленіе стирается. Всѣ солдаты имѣютъ свои земельныя имущества на мѣстѣ своего жительства и принадлежатъ такимъ образомъ къ классу поссессоровъ. Составъ полковъ, числившихся въ спискахъ канцеляріи главнокомандующаго, магистра арміи, сталъ выражать собой не военную часть, готовую по приказу выступить на войну въ боевомъ снаряженіи, а людей военнаго званія, которые составляли часть землевладѣльческаго населенія данной области. Эти измѣненія происходили не безъ вліянія водворенія въ имперіи такъ называемыхъ федератовъ. Только вначалѣ эти варварскія дружины составляли инородное тѣло въ нѣдрахъ имперіи. Потомъ, когда они, готы и другіе, обжились на отведенныхъ имъ мѣстахъ, то, не подлежа никакимъ налогамъ и повинностямъ, кромѣ военной службы, они тоже превратились въ своего рода военное сословіе. Больше всего ихъ жило въ областяхъ ѳракійской діойкесы, оттого Юстиніанъ и считалъ ѳракійское населеніе самымъ крѣпкимъ и боеспособ-

нымъ. Естественнымъ развитіемъ было далѣе сліяніе туземнаго военнаго сословія съ прежними федератами, поскольку уже при Юстиніанѣ организація и содержаніе армій для походовъ переходитъ въ руки крупныхъ военныхъ предпринимателей-генераловъ, вродѣ Велизарія. При такой организаціи военнаго дѣла, которая Юстиніана соблазняла своей дешевизной и отсутствіемъ хлопотъ, несомнѣнно, однако, связь императора, какъ главы государства, съ войскомъ порывалась. Ея мѣсто заступала связь его съ военнымъ предпринимателемъ—вождемъ, но это уже связь вѣрности, связь вассальная; генералъ приносилъ присягу, что не измѣнитъ императору и не будетъ домогаться царскаго вѣнца. Такая замѣна организованной военной силы дружинами спеціалистовъ-генераловъ и варварскими ополченіями, конечно, была дѣломъ рискованнымъ, но уже Юстиніанъ не чувствовалъ этой опасности и все съ большей рѣшительностью предоставлялъ своимъ генераламъ на ихъ рискъ все веденіе военнаго дѣла въ крупныхъ областяхъ. Такимъ образомъ, военныя силы начинаютъ распредѣляться по частямъ имперіи. Для этого правительство, отступая отъ діоклетіано-константиновской системы областного управленія, съ его полнымъ раздѣленіемъ гражданской и военной власти, проводило ихъ сліяніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Намѣстникъ, губернаторъ области, являлся и командиромъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ ней. Особенно рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ направленіи является образованіе уже извѣстныхъ намъ двухъ большихъ экзархатовъ—Италіи и Африки. Въ военномъ смыслѣ это было созданіемъ двухъ большихъ штабовъ. Въ VII в., тѣ же мѣропріятія постепенно распространяются и на Востокѣ, будучи вызываемы осложненіемъ борьбы съ славянами на сѣверѣ и съ персами, а потомъ арабами на югѣ. Здѣсь тоже крупныя военныя силы приходилось облекать исключительной властью. Въ результатѣ получается распаденіе имперскихъ войскъ на 7 большихъ отдѣловъ. Сказать съ точностью, въ какой послѣдовательности эта реорганизація распространялась по областямъ имперіи, конечно, мы не въ состояніи. Но мы располагаемъ все-таки нѣсколькими хорошо засвидѣтельствованными данными. Въ 622 г. при выступленіи въ первый персидскій походъ, Ираклій отъ Никомидіи направился въ ѳемы и здѣсь производилъ маневры съ новобранцами. Это тѣ мѣстности, которыя нѣсколько позднѣе извѣстны подъ названіемъ ѳемы Опсикія, служившей охраной столицы и центральной области. Очевидно, первый опытъ ѳемной организаціи и былъ сдѣланъ въ ближайшихъ къ столицѣ районахъ на азіатской сторонѣ. Однако, большое значеніе вскорѣ пріобрѣтаютъ другія ѳемы: Анатолійская, начало которой заложено было еще при императорѣ Маврикіи. Стратигу или дуку Анатолики подчинены были въ военно-администра-

тивномъ отношеніи провинціи Азія, Лидія, части Каріи, Фригіи, Ликаоніи, Писидіи и Исавріи. Въ VII в. эта ѳема считается самой главной; ея стратигъ въ санѣ патрикія занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ по табели о рангахъ. Другая ѳема, тоже заложенная еще до Ираклія—Арменская, организованная подъ давленіемъ постоянныхъ юго-восточныхъ опасностей. Что касается европейскихъ провинцій, то здѣсь прежде всего организовалась въ ѳему Ѳракія, выдѣленная изъ западной части Анатолики въ VII в., въ виду усиленія на Балканскомъ сѣверѣ болгаръ, объединяющихся въ цѣлое ханство или коганатъ.

Позднѣе выдѣляются и организуются еще нѣсколько ѳемъ: Букелларійская, вырѣзанная изъ восточныхъ областей Опсикійской ѳемы (главный г. Ангора), Оптиматская, образованная изъ области Халкидона и треугольника, заключеннаго между Букелларіями и Опсикіей, Морская ѳема, распадающаяся потомъ на двѣ.

Если прибавить Exercitus Italiae, Exercitus Africae, то получится дѣленіе имперіи въ военномъ отношеніи на рядъ крупныхъ штабовъ или армій, которое засвидѣтельствовано уже въ письмѣ императора Юстиніана II къ папѣ отъ 687 г. по поводу VI Вселенскаго Собора.

Но устройство ѳемъ было первоначально чисто военной организаціей, рядомъ съ которой продолжало дѣйствовать старое областное управленіе. По крайней мѣрѣ, до самаго конца VII в. насъ убѣждаютъ въ этомъ акты VI и V—VI Вселенскихъ Соборовъ. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Гельцеръ, пытались приписать опредѣленно императору Льву III Исавру реформу ѳемной организаціи. Будто бы онъ, рѣшительно принявшись за упрощеніе тяжкаго и отжившаго свой вѣкъ діоклетіановскаго административнаго аппарата, провелъ отмѣну гражданской администраціи, передавъ ея функціи военнымъ властямъ. Такимъ образомъ, военные округа закрыли старыя областныя дѣленія и превратились въ настоящія, новыя провинціи. Что такое крупное измѣненіе назрѣваетъ въ VIII в., въ этомъ можно не сомнѣваться. Но у насъ нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ на какія бы то ни было преобразованія, предпринятыя въ этой области Львомъ III или другимъ императоромъ. Поэтому правильнѣе, кажется, думать, что замѣна гражданскаго управленія военнымъ и превращеніе ѳемъ-штабовъ въ своего рода губерніи, были не результатомъ единой общей реформы, а проходили путемъ частичныхъ передѣлокъ и приспособленій, иногда, можетъ быть, даже и помимо указаній центральной власти.

Во всякомъ случаѣ, подъ ѳемой въ VIII в. разумѣется уже не только военный корпусъ, стоявшій въ извѣстной области, но и самая область, управленіе которой сосредоточено въ рукахъ командира военнаго корпуса—стратига.

Въ этой ѳемной организаціи многіе изслѣдователи склонны усматривать оригинальную черту такъ называемаго «византинизма», которая, говорятъ они, не можетъ быть объяснена ни заимствованіемъ изъ греко-римской системы учрежденій, ни изъ западно-европейскаго быта. Этимъ перерожденіемъ въ византійскую, имперія будто бы спаслась отъ неминуемой гибели, перейдя отъ системы защиты наемными отрядами къ націонализаціи военныхъ силъ.

Чтобы убѣдиться въ искусственности такого толкованія, необходимо ближе всмотрѣться въ ѳемную реальность, представить себѣ существенныя черты устройства и назначенія ѳемъ.

Вѣдь ясно прежде всего, что на первомъ планѣ здѣсь стояло удовлетвореніе военныхъ нуждъ, опытъ наилучшаго использованія живыхъ силъ населенія для государственныхъ цѣлей. Государство обращалось къ личному содѣйствію подданныхъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и поддержанія порядка, оно предоставляло населенію самостоятельно устраивать дѣло обороны, хотя и выдвигало это военное дѣло въ качествѣ главнаго требованія по отношенію къ подданнымъ. Значитъ, это былъ все-таки выходъ изъ затрудненій, въ которыхъ оказалось правительство, какъ о томъ свидѣтельствуетъ въ своемъ трудѣ о ѳемахъ и Константинъ Багрянородный. У него же мы находимъ и прекрасное описаніе того, какъ въ военномъ отношеніи устроена была ѳема. Онъ беретъ за образецъ Анатолійскую ѳему, заявляя, что по ней можно судить и объ остальныхъ.

Во главѣ стоитъ с т р а т и г ъ, которому подчинены турмархъ, мерархъ, комитъ штаба, хартуларій, доместикъ, друнгарій и комиты бандъ и т. д., всего 12 чиновниковъ. Это сообщеніе въ общихъ чертахъ совпадаетъ и со свидѣтельствомъ арабскаго географа Хордадбеха VIII в., хотя у послѣдняго кое-что и искажено, просто, вѣроятно, по слабой освѣдомленности.

Стоящій во главѣ ѳемы с т р а т и г ъ обыкновенно, стоитъ въ высшемъ рангѣ патрикія, и отъ него зависитъ назначеніе всѣхъ подвѣдомственныхъ чиновъ (турмархи и мерархи, командиры отдѣльныхъ военныхъ частей или турмъ, расположенныхъ по городамъ ѳемы и дѣлившихся далѣе на банды или друнги). Что касается числа военныхъ людей, входившихъ въ турму, то здѣсь мы сталкиваемся съ разницами у Константина Багрянороднаго и Хордадбеха. Первый опредѣляетъ составъ турмы въ 900 человѣкъ, а второй—въ 5000. Просто отдать предпочтеніе Константину все-таки рискованно, и лучше всего не настаивать на точности числовыхъ данныхъ въ приложеніи къ ѳемамъ, тагмамъ и ихъ подраздѣленіямъ.

При стратигѣ состоитъ, въ качествѣ начальника штаба военнаго округа, κόμης τῆς κοστης. Въ походѣ на его обязанности лежитъ провіантская часть. Списками военныхъ чиновъ завѣдуетъ хартуларій ѳе-

мы, такъ сказать, начальникъ θемной канцеляріи. Далѣе идутъ друнгаріи и комиты бандъ, своего рода батальонные и ротные командиры, подчиненные турмарху, генералу дивизіи.

Наконецъ, протоканкелларій и протомандаторъ, т.-е. θемный нотаріусъ и чиновникъ особыхъ порученій при стратигѣ, главнокомандующемъ войскъ округа.

Но въ томъ-то и дѣло, что θема была не только военнымъ корпусомъ, а и административно-военнымъ округомъ съ населеніемъ, расположеннымъ въ городахъ и деревняхъ данной θемы.

Является вопросъ, насколько въ θемѣ раздѣлены военный и гражданскій элементы, т.-е. зависѣло или нѣтъ отъ стратига гражданское управленіе θемы, замѣнившей собою старыя административныя дѣленія—провинціи. Въ научной литературѣ (Zachariae, Ѳ. Успенскій), мы находимъ преобладающимъ мнѣніе, что гражданское управленіе стояло въ сторонѣ отъ стратига, что глава его—протонотарій θемы, завѣдовавшій доставкой продовольствія, поставомъ лошадей и вообще интендантской частью, не подчиненъ вѣдомству стратига. Въ такомъ же независимомъ положеніи оказываются стоявшіе во главѣ администраціи, суда и финансовъ хартуларій и преторъ θемы.

Неясно, однако, какія основанія приводятъ названныхъ ученыхъ къ такому странному выводу. Ссылка на лѣтопись Ѳеофана ничего не доказываетъ. Въ ней говорится о томъ, что императоръ Никифоръ (802—811), подавивъ мятежъ въ анатолійской θемѣ, провозгласившей императоромъ стратига θемы Вардана, всѣхъ архонтовъ и ктиторовъ θемы полонилъ, а воинамъ отказалъ въ выдачѣ жалованья. Почему здѣсь слѣдуетъ видѣть различеніе двухъ элементовъ въ θемѣ: землевладѣльцевъ и военныхъ, остается непонятнымъ. Съ одной стороны, Ѳеофанъ выражается по обыкновенію туманно и неточно: почему онъ поставилъ вмѣстѣ архонтовъ и ктиторовъ? Съ другой—не очевидно ли, что эти ктиторы и являются главнымъ матеріаломъ для образованія военныхъ частей. Правильнѣе предположить, что θема, какъ военная организація сливалась съ θемой, какъ гражданскимъ округомъ. И тотъ глава гражданскаго управленія, котораго называютъ протонотаріемъ, конечно, стоялъ подъ рукой стратига, тѣмъ болѣе, что и функціи его чисто военнаго свойства.

Вообще θема должна разсматриваться не какъ военный корпусъ, поставленный въ извѣстную область, а какъ самая эта область, организованная для несенія военной службы ея населеніемъ. И населеніе посредствомъ земельнаго надѣленія было привлечено къ усиленной военной повинности.

Вотъ, напр., одно мѣсто изъ сочиненія императора Константина Порфирогенета—«о Церемоніяхъ»: «Протоспаѳарій Панкрати подрядил-

ся отправиться въ Анатолійскую ѳему и произвести перепись въ Платаніатскомъ округѣ для того, чтобы навербовать тамъ 500 хорошихъ стрѣлковъ и бравыхъ кавалеристовъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ. При этомъ, если солдаты окажутся владѣющими полнымъ земельнымъ надѣломъ, то они обязаны снарядиться и вооружиться на свой счетъ. Если же надѣлъ недостаточенъ, то слѣдуетъ выдать имъ лошадей съ конскихъ подставъ или же взять ихъ съ другого разряда обязанныхъ ратниковъ той же ѳемы». Изъ этого текста выясняется, что сущность ѳемной организаціи заключалась не столько въ военныхъ отрядахъ, стоявшихъ въ области, сколько въ особомъ устройствѣ населенія селъ и городовъ, призваннаго къ отбыванію воинской повинности. Устройство это касалось, главнымъ образомъ, хозяйственной жизни населенія, порядковъ землевладѣнія. Ѳема, въ концѣ концовъ— гражданскій округъ, земля котораго и жители обращены въ военно-податное состояніе. Изъ приведеннаго отрывка о порученіи Панкрати видно, что отбываніе воинской повинности поставлено было въ зависимость отъ величины земельнаго владѣнія, записаннаго за семьями. Жители округа, служили съ землей и въ такомъ разрядѣ войска, какому соотвѣтствовали земельные участки, находившіеся въ ихъ владѣніи. Соотвѣтственно этому, группа населенія, подводимая подъ военно-податное состояніе, надѣлялась такимъ количествомъ государственной земли, которое обезпечивало бы ему пропитаніе и доставляло достаточный доходъ на время службы государству. Здѣсь мы видимъ собственно развитіе и широкое распространеніе практики, давно уже установившейся въ имперіи, организаціи военной службы по системѣ пожалованія небольшихъ помѣстныхъ надѣловъ. На пустующіе земельные районы призывались то охотники, то военноплѣнные. Или даже на занятыхъ мѣстахъ крестьянское населеніе облагалось воинской повинностью, которая была наслѣдственной, и сынъ становился послѣ отца обязаннымъ владѣльцемъ военнаго участка. Широкое проведеніе ѳемнаго строя, оказавшагося спасительнымъ выходомъ среди тяжелой борьбы съ арабами и сѣверными врагами, зависѣло отъ особыхъ условій. Увеличеніе населенія въ имперіи, на которое, главнымъ образомъ, повліялъ притокъ славянъ и армянъ, заставляло правительство озабочиваться отводомъ для него земель, оставшихся незанятыми или опустѣвшими послѣ вражескихъ погромовъ. Такая колонизація, несомнѣнно, входила и въ интересы правительства, которое обыкновенно предоставляло поселенцамъ, обязывавшимся наслѣдственной службой, значительныя льготы.

Мы располагаемъ извѣстіями о двухъ такихъ крупныхъ испомѣщеніяхъ славянскихъ «ордъ» въ областяхъ Малой Азіи въ VII—VIII вв.

1) У Ѳеофана подъ 687 г. (царствованіе императора Юстиніана II), что императоръ, послѣ побѣдоноснаго похода въ Македонію, принудилъ

массу славянъ переселиться въ Малую Азію, въ область Опсикія. Черезъ 4 года правительство потребовало отъ поселенныхъ обязательной военной службы и притомъ такъ, чтобы изъ нихъ былъ набранъ полкъ въ 30.000 человѣкъ. Но это войско подчинено было одному изъ славянскихъ старѣйшинъ, Невулу. Очевидно, военная служба была условіемъ пользованія славянами землей. Вѣроятно, что поселенческихъ дворовъ было больше 30.000. Вождь ополченія, однако, потомъ измѣнилъ императору и передался на сторону арабовъ, и вышло повелѣніе перебить и всѣхъ оставшихся славянъ.

2) У Θеофана подъ 754 г. (Константинъ V), славяне, вслѣдствіе смутъ, въ огромномъ количествѣ просили принять ихъ въ подданство имперіи. Правительство принимаетъ и помѣщаетъ 200.000 славянъ на р. Артанѣ, въ Виѳаніи, т.-е. въ той же области Опсикія. Условія ихъ поселенія были тѣ же, что и въ 687.

Эта система «военно-землевладѣльческихъ поселеній», получающая полное развитіе только въ X в., была тѣсно связана съ организаціей ѳемъ. Въ своемъ взаимодѣйствіи они приводили къ образованію въ имперіи цѣлаго военно-землевладѣльческаго сословія; всѣ, кто владѣлъ земельнымъ участкомъ не ниже опредѣленнаго нормальнаго размѣра, служили лично въ различныхъ военныхъ частяхъ и рангахъ. Владѣвшіе землей ниже нормальнаго размѣра, складывались по нѣскольку вмѣстѣ и на общій счетъ снаряжали одного солдата изъ своей среды. Въ составъ этой военной половины свободнаго населенія имперіи входила не только землевладѣльческая мелкота, т.-е. крестьянство, но и магнатскія семьи, дома динатовъ, которые въ данномъ случаѣ напоминаютъ западныхъ феодальныхъ бароновъ.

Вообще изученіе исторіи ѳемнаго устройства въ VII—VIII вв. все болѣе вскрываетъ черты сходства его съ военно-административной организаціей Каролингской монархіи и склоняетъ видѣть въ немъ не попытку національзаціи военныхъ силъ имперіи, а приспособленіе къ тѣмъ успѣхамъ феодализаціи ея, которые явственно сказывались къ этому времени. И на ряду съ связью военной повинности и владѣнія землей, здѣсь большое значеніе приходится приписывать и другому моменту—усиленію власти начальниковъ ѳемъ, стратиговъ, поскольку отношенія ихъ къ центральной власти носятъ болѣе вассальный, чѣмъ государственный характеръ. Но все-таки военная масса набиралась, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ или поселенцевъ на положеніи крестьянъ. Для государства было очень важно, чтобы этотъ классъ людей не разорялся и не уменьшался въ количествѣ. Поэтому правительство, начиная съ VII в., не переставало сосредоточивать свое вниманіе на устройствѣ крестьянъ.

XI. Крестьянство въ имперіи XI—XIII вв. Вопросъ о славянской иммиграціи.

Переходимъ къ изученію жизни крестьянства и крестьянскаго землевладѣнія въ имперіи VI и послѣдующихъ вѣковъ. Несмотря на капитальную важность, поскольку положеніе земледѣльческаго класса является центральнымъ, опредѣляющимъ моментомъ въ соціально-политической жизни имперіи, вопросъ этотъ остается и до сихъ поръ слабо изслѣдованнымъ, да въ значительной степени и фальшиво освѣщеннымъ, особенно въ работахъ нашихъ византологовъ, главнымъ образомъ, имъ и занимавшихся. Главнѣйшимъ недоразумѣніемъ является здѣсь та пропасть, которая получается между двумя состояніями, какъ полагаютъ, совершенно противоположнаго характера; между крѣпостными колонатными отношеніями поздней Римской имперіи IV—V вв. и византійскимъ свободно-общиннымъ крестьянствомъ. Обыкновенно дѣло представляется такъ: въ имперіи IV—V вв. крестьяне были колонами, крѣпостными, не имѣвшими права уходить съ разъ занятыхъ ими участковъ, обязанными оброкомъ и барщиной на господъ и подчиненными ихъ суду и управленію. Въ имперіи VII—VIII вв. большинство крестьянъ оказывается свободнымъ, владѣетъ землей и управляется самостоятельно въ своихъ сельскихъ мірахъ, на началахъ общинности. Чтобы объяснить назрѣваніе такого крупнаго измѣненія, въ середину, въ качествѣ поворотныхъ факторовъ въ исторіи земледѣльческаго населенія помѣщаютъ, съ одной стороны, реформаціонную дѣятельность императоровъ-иконоборцевъ (которые будто бы особымъ Земледѣльческимъ закономъ, какъ увидимъ, невѣрно приписаннымъ имъ, перестраивали крестьянскій бытъ на новыхъ началахъ). Съ другой стороны, вдвигаютъ славянское вліяніе, настаиваютъ на обновляющемъ значеніи поселенія славянъ въ предѣлахъ имперіи. Разсуждаютъ, что славяне, не знавшіе еще крѣпостного права, основывали свои села съ своими распорядками, т.-е. съ общин-

нымъ владѣніемъ землей. Оба указанныхъ момента выдвинуты искусственно и получили неправильную оцѣнку.

Что касается Крестьянскаго Закона, то помимо того, что въ немъ нѣтъ данныхъ для заключенія объ общинномъ бытѣ, онъ не является плодомъ законодательной дѣятельности императора Льва III, и вообще памятникомъ оффиціальнаго происхожденія. Значеніе славянскихъ поселеній въ имперіи, даже если принять, что они были очень значительны, какъ мы сейчасъ убѣдимся, безусловно преувеличено. Этотъ «вопросъ» о славянской иммиграціи въ имперіи и до сихъ поръ еще остается не окончательно разрѣшеннымъ. Впервые онъ поставленъ былъ проф. Ландсгутскаго лицея Яковомъ Фалльмерайеромъ, когда въ 1830 г. европейскими державами было признано независимое греческое государство и въ увлеченіи борьбой европейская интеллигенція въ грекахъ видѣла сыновъ древней Эллады. Фалльмерайеръ заявилъ (1) Исторія Морей, 2) Fragmente aus dem Orient), что въ этомъ населеніи нѣтъ ни капли эллинской крови, что всеевропейскій порывъ— пустой призракъ, что древне-греческій элементъ давно истлѣлъ, смѣнившись чуждыми, славянскимъ и албанскимъ. Возставъ противъ гегелевскаго презрѣнія къ славянамъ, какъ народу не всемірно-историческому, онъ и создалъ теорію объ истребленіи греческой національности. Этотъ процессъ этнографическаго перерожденія Греціи Фалльмерайеръ начинаетъ съ походовъ Аттилы, которые показали сѣвернымъ варварамъ дорогу въ Грецію. Въ концѣ V в., начинаются нашествія болгаръ, говорившихъ на славянскомъ языкѣ. Все VI столѣтіе наполнено славянскими нападеніями. Появленіе аваровъ въ Европѣ было очень важно для Греціи, такъ какъ они привели съ собой славянъ. «Съ этого времени надъ всей древней Элладой виситъ кровавая туча, и когда она разсѣялась, населеніе страны оказалось совершенно измѣнившимся и въ обычаяхъ, и въ языкѣ, и въ религіи». Главнымъ основаніемъ, на которомъ строитъ Фалльмерайеръ всю теорію, является свидѣтельство историка конца VI в., Евагрія. «Авары, дважды прошедши до такъ называемой Длинной Стѣны, завладѣли Сингидономъ (нын. Бѣлградъ) и Анхіаломъ, захватили и поработили всю Элладу (τὴν Ἑλλάδα πᾶσαν) и другіе города и крѣпости, все предавая гибели и огню, такъ какъ имперскія войска были отведены на востокъ».

Это событіе, въ которомъ Фалльмерайеръ слышитъ «плачъ умирающихъ эллиновъ», онъ относитъ къ 589 г. Тогда именно Пелопоннисъ, исключая небольшихъ прибрежныхъ кусковъ, и былъ занятъ и покоренъ сѣверными народами. Что съ аварами были и славяне, Фалльмерайеръ доказываетъ указаніями источниковъ о союзѣ этихъ народовъ и сообщеніями Прокопія и Менандра объ опустошеніяхъ славянами Балкан-

скаго полуострова въ VI в. Отъ этой бури уцѣлѣло только нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ, въ Беотіи, Локридѣ, Θессаліи, Македоніи и Пелопоннисѣ (особенно въ восточной части полуострова), долина Аргоса, Тайгетскія горы, Акрокоринѳъ Патрасъ; все остальное занято было пришлыми дикарями, которые даже «не были подданными имперіи», и греки въ эти страны не смѣли показаться. Уничтоженіе грековъ аварами и славянами было докончено въ жестокое правленіе Фоки. При Ираклiи авары осаждали самый Константинополь, но зато походы ихъ къ югу отъ Дуная прекратились въ VII в. Чума, занесенная въ 746 г. въ Пелопоннисъ изъ Италіи, была окончательнымъ ударомъ: остатки грековъ погибли, и новые потоки славянъ безпрепятственно проникли черезъ Псѳэмъ, заполняя всю страну. Къ году смерти Константина Копронима (775), опустошенная страна прочно заполнилась деревнями и поселками славянъ.

Теорія Фалльмерайера встрѣтила возраженія. Изъ нихъ отмѣтимъ Цинкейзена (Ист. Греціи). Признавая возможными первыя славянскія поселенія на греческой почвѣ къ концу VI в., хотя и для этого источники недостаточны, онъ упрекаетъ Фалльмерайера въ произвольномъ ихъ толкованіи. Напримѣръ, Евагрій въ приведенномъ мѣстѣ разумѣлъ походы хана Баяна и его союзниковъ-славянъ въ первые годы Маврикія, а слово Ἑλλὰς употреблено въ смыслѣ европейско-византійскаго государства. Изъ послѣдующихъ Курціусъ и Финлей, вводя нѣкоторыя ограниченія въ рѣзкую теорію Фалльмерайера въ общемъ стояли на его точкѣ зрѣнія. Курціусъ даже вѣритъ въ независимое, недоступное для греческихъ христіанъ аварское государство въ Греціи съ 589 по 807 г. Окончательно ославянился Балканскій полуостровъ къ концу VIII вѣка.

Новое освѣщеніе вопросъ получилъ только у Карла Гопфа (Исторія Греціи съ начала Среднихъ вѣковъ, 1876 г.).

Въ извѣстномъ отрывкѣ изъ Евагрія Гопфъ видитъ небрежное описаніе сирійца, плохо знавшаго географію. «Вся Греція»—просто недоразумѣніе, такъ какъ славянскіе набѣги въ то время не шли дальше Ѳракіи. Далѣе, разобравъ показанія источниковъ о вторженіяхъ аваровъ, славянъ, болгаръ, до конца VII в., Гопфъ заключаетъ, что они касались почти исключительно сѣверныхъ провинцій, и даже свидѣтельства Менандра и Іоанна Эфесскаго ничего не доказываютъ, кромѣ того, что на сѣверѣ появились славянскія поселенія. Въ VII в., они шли на югъ до Воницы въ Эпирѣ и Велестино въ Θессаліи. Ни о средней Греціи, ни о Пелопоннисѣ нигдѣ не сказано, что ихъ заняли славяне. Значительнѣйшая славянская колонія была около Солуня, куда не разъ и ходили византійскія войска. Такимъ образомъ Гопфъ упрямо отказы-

вается вѣрить указаніямъ источниковъ. Разборъ дальнѣйшихъ показаній до IX в. убѣждаетъ Гопфа въ томъ, что въ ту эпоху Греція была еще достаточно сильна и войскомъ, и флотомъ, и даже послѣ эпидеміи 746 г. греческое населеніе было значительно. Житіе св. Виллибальда съ указаніемъ (723—728 гг.) на городъ Монофазію въ Славянской землѣ (in Slaviniса terra), обнаруживаетъ полное географическое невѣжество составительницы и не можетъ идти въ разсчетъ. Далѣе Гопфъ разбираетъ Монемвасійскую хронику, которой пользовался и Фалльмерайеръ. Ея содержаніе: авары, гунно-болгарскій народъ, передвинулись съ Кавказа къ Дунаю и просили Юстиніана принять ихъ. Ихъ поселили въ Мизіи въ городѣ Доростолѣ (Дристрѣ), но они начали грабежи во Ѳракіи, Македоніи, подступали къ столицѣ. Юстиніанъ принужденъ былъ откупаться отъ нихъ ежегодно крупною данью. При Маврикіи (567 г.) каганъ нарушилъ перемиріе и покорилъ Ѳессалію, Элладу, Аттику, Эвбею и Пелопоннисъ. Уничтоживъ населеніе, авары сами поселились тамъ. Оставшіеся греки выселились по разнымъ мѣстамъ (напр., въ Италію). Между прочимъ, лаконяне отплыли въ Сицилію, въ мѣст. Демену. А остальные, найдя недоступный морской берегъ, построили здѣсь городъ Монемвасію и жили, имѣя собственнаго епископа. Прочіе же жители со своими стадами жили въ окрестныхъ скалахъ у границъ Чаконіи (называясь чаконцами вмѣсто лаконцевъ). Такимъ образомъ, авары, овладѣвъ Пелопоннисомъ, жили въ немъ 218 лѣтъ, не повинуясь никому, отъ 488 до 805 г. Только восточная часть Пелопонниса отъ Коринѳа до Малеи была свободна отъ славянъ, сюда и назначался императоромъ пелопоннисскій стратигъ. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Склиръ, разбилъ славянъ, окончательно уничтожилъ ихъ и далъ возможность прежнему населенію возвратиться на родину. Узнавъ объ этомъ, императоръ Никифоръ распорядился о возстановленіи городовъ и церквей.

Гопфъ и упрекаетъ Фалльмерайера въ томъ, что тотъ, воспользовавшись этимъ мѣстомъ, опустилъ извѣстіе объ искорененіи славянъ Склиромъ. Но не это важно. Весь сборникъ, въ который входитъ и Монемвасійская хроника, не болѣе, какъ компиляція начала XVI столѣтія, притомъ безграмотная и сумбурная. Однимъ словомъ, Гопфъ допускаетъ, что славянскія поселенія въ Греціи существовали только съ 750 г. до осады Патры въ 805 году.

Наконецъ, Гопфъ разбираетъ «аѳинскіе отрывки» и раскрываетъ, что эти отрывки Питтакиса заимствованы изъ книги, принадлежащей ему же: это не болѣе, какъ поддѣлка XIX в., совершенная «ученымъ» грекомъ Питтакисомъ для Фалльмерайера.

Такимъ образомъ, Гопфъ разрушаетъ вполнѣ теорію «фрагментиста»,

которая говорила объ уничтоженіи греческаго племени въ Греціи въ VI в. Славянскаго элемента въ Пелопоннисѣ онъ не отрицаетъ, но ограничиваетъ хронологически, выдвигая 746 годъ: въ этомъ году славяне, дѣйствительно, заняли многія, особенно открытыя мѣстности Греціи, вдали отъ укрѣпленныхъ греческихъ городовъ, основывая деревни и поселки, получавшіе имя или разрушенной старой крѣпости, или новое славянское. Съ неудачнымъ нападеніемъ на Патры окончилось владычество славянъ въ Элидѣ: свободные славяне сдѣлались крѣпостными ромеевъ, данниками греческой церкви. Въ другихъ частяхъ Пелопонниса они еще долго сохраняли свою самостоятельность и религію. Славянскій элементъ въ Греціи уже спустя нѣсколько поколѣній былъ совершенно смытъ греческимъ; только имена селеній и случайно попадающіеся славянскіе типы напоминаютъ о примѣси славянской крови, которая только у чаконцевъ до сихъ поръ сохранилась во всей чистотѣ. Такимъ образомъ, славянскія поселенія въ Греціи не имѣли своимъ результатомъ ни панславизаціи, ни полнаго уничтоженія эллинизма.

Одновременно съ трудомъ Гопфа выступилъ съ возраженіями противъ Фалльмерайера греческій ученый Папарригопуло въ III т. Исторіи греческаго народа. Онъ доказываетъ, что въ VI в., къ югу отъ Дуная не было ни одного большого славянскаго поселенія. Что позднѣе славянскіе поселки были многочисленны по всѣмъ областямъ, отрицать нельзя, но славяне никогда не покоряли стараго населенія, а, наоборотъ, сами въ немъ распустились настолько, что не оставили среди грековъ никакихъ слѣдовъ, кромѣ нѣкоторыхъ географическихъ названій.

На сторонѣ Гопфа оказался и знаменитый филологъ Миклошичъ, который поставилъ вопросъ, возможно ли на основаніи новогреческаго языка утверждать славянское происхожденіе современныхъ грековъ. Его кропотливыя разслѣдованія убѣдили его, что ни въ склоненіи, ни въ спряженіи, ни въ синтаксисѣ, ни въ словообразованіи нельзя усмотрѣть слѣдовъ славянскаго вліянія, что всѣ заимствованія новогреческаго языка изъ славянскаго сводятся къ нѣсколькимъ корнямъ. Но среди послѣдующихъ ученыхъ, касавшихся этого вопроса, слышались и опроверженія выводовъ Гопфа. Рамбо, Герцбергъ полагаютъ, что нельзя искать какого-нибудь опредѣленнаго событія, единаго нашествія, въ результатѣ котораго, можно сказать, Греція сразу стала славянской страной: славянская иммиграція происходила медленно и незамѣтно. Другіе, какъ Дриновъ, Иречекъ, настаиваютъ на томъ, что на основаніи данныхъ Евагрія и Іоанна Эфесскаго, нельзя отрицать большого нашествія аваровъ-славянъ на Грецію уже въ концѣ VI в., сопровождав-

шагося прочнымъ заселеніемъ славянами цѣлаго ряда мѣстностей въ Пелопоннисѣ, именно въ Элидѣ и Аркадіи.

Значительность славянскаго заселенія Греціи, идущаго неуклонно черезъ VII—VIII вв., выдвинута была съ новой силой русскими византинистами, Васильевскимъ и Ѳ. Успенскимъ, поддержанными такой крупной знаменитостью, какъ нѣмецкій изслѣдователь греко-римскаго права Цахаріе фонъ-Лингенталь. Здѣсь вопросъ ставился уже шире, въ предѣлахъ вліянія славянскаго элемента не только на Грецію, но и на все «византійское» государство, и рѣшался въ томъ смыслѣ, что исконное начало славянства — община, общинность — воздѣйствовало на соціальный строй византійской имперіи, что славянскіе элементы сыграли важную, перестраивающую роль въ эволюціи византійскаго общества.

Разбираясь въ этомъ вѣковомъ спорѣ, пересматривая вновь и вновь тѣ данныя источниковъ, на которыя ссылаются обѣ враждующія стороны, нельзя не придти къ убѣжденію, что правда, какъ это почти всегда бываетъ, лежитъ посединѣ.

Я остановлюсь на главнѣйшихъ свидѣтельствахъ, но попрошу все время помнить, что 1) рѣчь идетъ не о тѣхъ, почти ежегодныхъ, однообразныхъ вторженіяхъ сѣверно-варварскихъ ордъ въ предѣлы имперіи, которыя могли имѣть значеніе только для придунайскихъ областей, и 2), что рѣчь идетъ лишь о времени отъ VI до половины VIII в., такъ какъ я вовсе не собираюсь доказывать отсутствія славянской иммиграціи вообще.

Первое большое вторженіе славянъ въ Грецію произошло въ 577 г., въ царствованіе Юстиніана II. О немъ свидѣтельствуетъ современный церковный писатель Іоаннъ Эфесскій, монофизитъ, писавшій на сиріискомъ языкѣ. «Славяне,—говоритъ онъ,—прошли всю Грецію, Ѳессалію и Ѳракію, опустошая страну, овладѣвая городами и крѣпостями, обращая населеніе въ рабство, они сдѣлались господами всей страны и жили въ ней безъ страха, какъ въ своей собственной. Цѣлыхъ четыре года они буйствовали здѣсь, поскольку императоръ былъ занятъ войной съ персами. Славяне доходили въ своихъ нападеніяхъ до самой константинопольской стѣны. И понынѣ (т.-е. до 584) г.) они здѣсь пребываютъ безъ всякаго страха; они разбогатѣли, захватили много золота, серебра, скота, оружія и научились хорошо сражаться».

Объ этомъ же нашествіи славянъ повѣствуетъ историкъ Менандръ, разсказывая о погромахъ и опустошеніяхъ во Ѳракіи и Греціи. Изъ другихъ современныхъ писаній мы узнаемъ, что производившая въ 60—70-хъ гг. VI вѣка свои вторженія орда была не чисто славянской, а смѣшанной, и преобладающимъ элементомъ въ ней были авары.

Очевидно, сами историки плохо разбирались въ этнографіи этого варварскаго сброда. И если новѣйшіе изслѣдователи предлагаютъ считать аварскія нашествія за славянскія, то ничто не мѣшаетъ въ этой путаницѣ поступать и совершенно обратно. По крайней мѣрѣ, нападенія въ царствованіе Маврикія, и самое крупное изъ нихъ 587 г., о которомъ сообщаетъ извѣстное мѣсто Евагрія (основной аргументъ Фалльмерайера), больше основаній считать аварскими. Такъ называемая Монемвасійская хроника, заключающая между прочимъ и разсказъ о вторженіи 587 г., говоритъ, что въ этомъ году аварскій каганъ разгромилъ всю Ѳессалію, всю Грецію, Эпиръ, Аттику и Эвбею, а другая часть его орды опустошила Пелопоннисъ и бродила здѣсь, заставляя населеніе въ ужасѣ разбѣгаться.

Если даже принять, что въ составъ аварскихъ полчищъ входили и славянскія группы, то можно говорить лишь о томъ, что въ VI в. Греція была знакома со славянами. Если какія-нибудь частицы орды и осѣли здѣсь, то едва ли на нихъ можно смотрѣть, какъ на «первыя поселенія» славянъ. Славяне и авары вторгались явно не за тѣмъ, чтобы захватить новыя пространства земли: они были еще въ томъ первобытно-текучемъ состояніи, когда набѣги совершаются стихійно, когда неясной цѣлью ихъ остается почти звѣриное разрушеніе и грабежъ. Вторгавшіяся массы ведутъ себя, по свидѣтельствамъ источниковъ, такъ, что о какомъ-либо заселеніи ими беззащитныхъ областей, не можетъ быть и рѣчи. Они остаются и здѣсь тѣми же бродячими дикими толпами, кидающимися хищно во всѣ стороны, для того, чтобы добыть средства къ существованію. А иныхъ способовъ этого они еще не знаютъ. Въ такомъ случаѣ, если-бы они своими эксцессами разогнали все населеніе Греціи, мы все-таки не въ правѣ были бы назвать ихъ **новымъ ея населеніемъ**.

Первая половина VII в.—время напряженной самообороны имперіи противъ восточныхъ враговъ, отмѣчена въ источникахъ усиленіемъ славянско-аварскаго натиска. Императоръ Ираклій думаетъ о перенесеніи столицы изъ Константинополя въ Карѳагенъ. Современникъ его, Исидоръ, епископъ севильскій, записалъ въ своей Хроникѣ: «въ пятый годъ правленія Гераклія, славяне отняли у римлянъ Грецію, персы—Сирію и другія провинціи», а другой современникъ, Ѳома Пресвитеръ, повѣствуетъ о нападеніи въ 623 г. славянъ на Критъ и другіе острова. Но свидѣтельство Исидора мало надежно по дальности разстоянія: въ Испаніи могли и не такіе ужасы разсказывать о Греціи. Морскіе же походы славянъ (если то были славяне), конечно, предполагаютъ, что у нападавшихъ были лодки, но едва ли можно утверждать, что это былъ настоящій, созданный ими военный флотъ,

а еще менѣе то, что Греція въ началѣ VII вѣка была уже густо заселена славянами, переходившими на морскую ногу.

Въ дальнѣйшемъ, т.-е. относительно второй половины VII и начала VIII в., источники совершенно молчатъ о славянскихъ вторженіяхъ въ Грецію. Между тѣмъ, многіе изслѣдователи настаиваютъ на томъ, что въ это время и происходила постепенная, но и неуклонная колонизація славянами Греціи, включая сюда и Пелопоннисъ. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было фактическихъ аргументовъ, они ссылаются на Breviarium Никифора и Хронику Θеофана, въ которыхъ есть сообщеніе о томъ, что въ 727 г., въ царствованіе Льва III, Ἑλλαδικοί, подняли возстаніе противъ иконоборческихъ эдиктовъ этого императора. Во главѣ возстанія стали турмархи Агалліанъ и Стефанъ. Былъ провозглашенъ въ качествѣ анти-императора какой-то Косма. Корабли мятежниковъ подступали къ столицѣ, но здѣсь ихъ постигла неудача: императорскія войска сожгли флотъ и захватили главарей движенія.

Сторонники славянской иммиграціи указываютъ здѣсь на новый терминъ для обозначенія жителей Греціи: они названы не ἕλληνες, а Ἑλλαδικοί, признакъ того, что сами «византійцы» признавали происшедшую перемѣну въ населеніи греческаго полуострова. Думается, однако, что это не болѣе, какъ печальное недоразумѣніе. Англійскій византинистъ Бьюрю въ своей статьѣ о Helladikoi, показалъ, что въ VIII в. такъ назывались жители θемы Эллады, составлявшей часть Греціи. Пелопоннисъ не входилъ, напримѣръ, въ нее. Такимъ образомъ, это слово, подобно ἀρμενιακοί, ἀνατολικοί, имѣетъ административное, а не національное значеніе. Подданные имперіи назывались въ VIII в. вообще не эллинами, а римлянами, а эллинами называли тогда язычниковъ въ противоположность христіанамъ. А затѣмъ уже прямо идетъ знаменитая фраза сочиненія Константина Багрянороднаго: «Ἐσθλαβώθη», ославянился весь Пелопоннисъ, и сдѣлался варварской страной, когда чума распространилась по лицу земли». Онъ говоритъ это о половинѣ VIII в., когда въ царствованіе Константина V страшная эпидемія, занесенная изъ Сициліи, охватила Грецію и цѣлый рядъ острововъ, проникла въ столицу, и правительство Константина V въ борьбѣ съ убылью населенія переводило въ Константинополь жителей изъ различныхъ провинцій. Въ этомъ знаменитомъ сообщеніи, на которое, какъ на неотразимый аргументъ, ссылаются сторонники ославяненія Греціи, много неяснаго. Начать съ того, что странно самое положеніе фразы въ контекстѣ. Авторъ неожиданно заговорилъ о славянахъ, и притомъ не совсѣмъ вразумительно связалъ чуму съ превращеніемъ Пелопонниса въ славянскую страну. Въ латинскомъ пере-

водѣ боннскаго изданія этого сочиненія, ἐσθλαβώθη, переведено in servitutem redacta. Я думаю, что такъ понимать выраженіе Константина правильнѣе, потому что и само по себѣ оно нигдѣ въ такомъ значеніи въ греческой литературѣ больше не встрѣчается, и затѣмъ едва ли славянское заселеніе, если его и допустить, могло повести къ образованію спеціальнаго глагола съ понятіемъ «ославянивать».

Вѣдь тотъ же Константинъ Багрянородный въ другомъ сочиненіи De administrando Imperio повѣствуетъ о буйствахъ, погромахъ славянскихъ бандъ въ Пелопоннисѣ, усилившихся въ первые годы IX столѣтія. Бродившія и вновь вливавшіяся сюда ихъ толпы, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ императора Никифора, и поддержанныя арабами, сначала опустошали селенія и открытыя мѣста, а затѣмъ подступали къ крѣпости Патрамъ. Началась длительная осада этого города. Пришедшій на помощь коринѳскій стратигъ разбилъ славянъ, и всѣ они съ семьями, имуществомъ были захвачены и посвящены храму св. Андрея, покровителя города: славянъ обязали вырабатывать средства для содержанія всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ округа, собственно митрополіи, крѣпостными которой они были записаны. Такимъ образомъ, всѣ славяне Пелопонниса чрезвычайно легко стянуты были въ тѣсную группу крѣпостныхъ одной епископіи. Зная такой простой исходъ славянскихъ ужасовъ въ Греціи, зная о сравнительной слабости славянъ здѣсь, Константинъ Багрянородный и въ знаменитой фразѣ не могъ утверждать полнаго ославяненія южной Греціи: онъ говорилъ лишь о томъ, что страна опустилась и одичала послѣ чумы.

Мы пересмотрѣли основныя данныя источниковъ, на которыхъ строится теорія ославяненія центральныхъ областей имперіи за VII—VIII в.

Думается, что ихъ матеріала далеко недостаточно, чтобы стоять за рѣшительное возобладаніе здѣсь славянскихъ элементовъ надъ старинными, туземными. Славянъ, если полагаться только на эти извѣстія, оказывается слишкомъ мало, чтобы они сдѣлались здѣсь господствующей этнографической силой. Но если даже принять въ разсчетъ соображеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что хронисты и современные писатели, вниманіе которыхъ было отвлечено къ столицѣ, къ борьбѣ съ Азіей, не находили нужнымъ, да и не могли особенно слѣдить за наплывомъ славянъ, постепеннымъ, незамѣтнымъ и мирнымъ, т.-е. признать, что славянъ въ дѣйствительности въ VII в. было много больше въ Греціи, то все это не можетъ спасти всей теоріи.

Начиная съ первыхъ нашествій VI в., вплоть до погромовъ и опустошеній VIII-го, славяне или авары дѣйствуютъ въ мѣстностяхъ, подвергшихся ихъ вторженію, такъ, что о заселеніи ими этихъ зе-

мель не можетъ быть и рѣчи, а еще менѣе, конечно, о принесеніи ими сюда какихъ бы то ни было своихъ порядковъ и укладовъ. Передъ нами сплошь проходятъ стихійно-безсознательныя круженія и толканія нерасчлененныхъ, хаотическихъ массъ, еще недоразвившихся до осѣдлости и хозяйственности. Части этихъ метавшихся и кружившихся ордъ могли, конечно, увязать въ греческихъ областяхъ. Но вліять на измѣненіе всего соціальнаго строя имперіи, войти одной изъ главныхъ составныхъ частей въ общественный ея организмъ, эти банды не могли, по крайней мѣрѣ, до IX в. Они способны были опустошать, разрушать, разгонять, распугивать, доставлять государству хлопоты и безпокойства, но и только. Но утверждать, что славяне въ VII—VIII в. освѣтили и оживили имперію принесеннымъ съ собой свободно-общиннымъ бытомъ, это грубѣйшее заблужденіе, которое слѣдуетъ навсегда забыть и не потому только, что ни о какихъ опредѣленныхъ общественныхъ порядкахъ славянскихъ ордъ въ VII—VIII вв. говорить пельзя, но и потому, что самый «общинный строй», какъ и его соціологическій соперникъ, родовой строй, ирреальны.

Переходимъ къ болѣе внимательному изученію второй основной линіи въ обычномъ построеніи судебъ крестьянства въ имперіи VII—VIII в. Это, какъ я уже говорилъ, преобразовательная дѣятельность императоровъ-иконоборцевъ, главнымъ образомъ, Льва III, выразившаяся въ изданіи такъ называемаго Крестьянскаго Закона. Общепринятое толкованіе этого памятника таково: въ виду значительнаго прилива свободныхъ земледѣльцевъ, связаннаго съ славянской колонизаціей, понадобилось урегулировать отношенія между членами крестьянской общины, созданной славянами, и съ той цѣлью въ половинѣ VIII в. былъ изданъ Крестьянскій Законъ или Уставъ. Въ немъ, какъ выросшемъ подъ вліяніемъ славянства, говорятъ, рѣчь идетъ исключительно о независимыхъ крестьянахъ, обладающихъ правомъ свободнаго перехода и устраивающихся въ формахъ свободныхъ общинъ. О крѣпостныхъ въ немъ нѣтъ и помину. Познакомимся ближе съ этимъ любопытнымъ документомъ, единственнымъ, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ новеллъ, посвященныхъ крестьянскимъ отношеніямъ.

XII. Такъ называемый „Земледѣльческій Законъ“.

Земледѣльческій Уставъ извѣстенъ намъ въ цѣломъ рядѣ списковъ и редакцій, но всегда стоитъ не отдѣльно, а въ качествѣ прибавленія къ какому-либо другому памятнику. Между прочимъ, мы застаемъ его въ приложеніи къ такъ называемой Эклогѣ, законодательному сборнику, носящему заглавіе: «Выборка законовъ вкратцѣ, учиненная Львомъ и Константиномъ, мудрыми и благочестивыми царями изъ институтовъ, дигестъ, кодекса и новеллъ Великаго Юстиніана съ исправленіемъ въ смыслѣ большаго человѣколюбія». Этотъ сборникъ обыкновенно приписываютъ императорамъ Льву III и Константину V, первымъ «иконоборцамъ», хотя основанія поступать такимъ образомъ остаются весьма шаткими. Несмотря, однако, на это, несмотря и на то, что Крестьянскій Уставъ не разъ появляется съ заголовкомъ: «Земледѣльческій законъ Юстиніана или по Юстиніану», новѣйшіе изслѣдователи его, начиная съ нѣмецкаго юриста Цахаріе фонъ-Лингенталя, настойчиво доказываютъ, что передъ нами результатъ законодательной дѣятельности перваго иконоборческаго правительства. Они рѣшительно возстаютъ противъ стараго взгляда на Земледѣльческій Уставъ, какъ на частную компилляцію какого-нибудь правовѣда VIII—IX в. Главнымъ образомъ, они ссылаются при этомъ на повелѣвающій способъ выраженія въ немъ, указывающій на оффиціальное происхожденіе, а затѣмъ на несомнѣнное будто бы внутреннее и внѣшнее родство Устава съ Эклогой. Но помимо того, что этого слишкомъ мало для доказательства, въ глаза сразу бросаются тѣ крупныя различія между двумя памятниками, которыя дѣлаютъ ихъ очень далекими и чуждыми другъ другу. Эклога—настоящій оффиціальный судебникъ съ заглавіемъ, введеніемъ, дѣленіемъ на титулы, съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Крестьянскій Законъ имѣетъ содержаніе спеціальное и въ то же время

его нельзя назвать единымъ уставомъ для сельскаго населенія: это соединеніе нѣсколькихъ группъ статей изъ области быта только свободныхъ крестьянъ: ни о другихъ разрядахъ крестьянъ, ни о другихъ общественныхъ классахъ въ законѣ нѣтъ и рѣчи. Содержаніе его очень скудное, и законодатель не могъ бы ограничиться только такимъ случайнымъ подборомъ отдѣльныхъ правонарушеній, желая опредѣлить уставы крестьянской жизни. Позднѣе, вѣкѣ въ IX, Законъ обыкновенно помѣщали, какъ своего рода дополненіе къ Эклогѣ; были даже попытки редакторовъ-юристовъ размѣстить статьи Закона по соотвѣтствующимъ титуламъ Эклоги. И этимъ объясняются совпаденія въ содержаніи обоихъ памятниковъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что они не однороднаго происхожденія, и одинаковость повелительнаго выраженія ничего не означаетъ. Крестьянскій Законъ болѣе всего похожъ на компиляцію, составленную изъ матеріала, накопившагося въ обычаѣ и практикѣ, и дополненій изъ Юстиніанова права. Характеръ его варварскій и наивно-эмпирическій, что заставляетъ относить его къ эпохѣ наибольшаго упадка образованности въ имперіи, т.-е. скорѣе всего къ VII в. Говорятъ, что Крестьянскій Законъ вводитъ новое право, регулируетъ общинные порядки, которые принесены были славянской иммиграціей, а это и было дѣломъ императоровъ-иконоборцевъ. Чтобы убѣдиться въ неосновательности этихъ заключеній, слѣдуетъ обратиться къ изученію содержанія таинственнаго Крестьянскаго Закона.

Руководящими въ данномъ случаѣ и до сихъ поръ господствующими являются тѣ объясненія Крестьянскаго Закона, которыя далъ въ «Исторіи греко-римскаго права» Цахаріе фонъ-Лингенталь. Онъ видитъ въ Законѣ сельскій полицейскій уставъ, то опирающійся на Юстиніаново право, то устанавливающій совершенно новыя правовыя положенія. Памятникъ, хотя и знаетъ рабовъ, но не упоминаетъ о прикрѣпленіи къ землѣ, ни о барщинѣ, молчитъ и о патронатѣ, и о зависимости крестьянскихъ общинъ. Отсюда Цахаріе заключаетъ, что отмѣна всѣхъ этихъ стѣсненій свободы крестьянъ является характернымъ моментомъ законодательства исаврійскихъ императоровъ. Легко, однако, сообразить, что умолчаніе Закона о зависимомъ крестьянствѣ еще не доказываетъ, что такового въ имперіи VII—VIII вв. и не существовало: просто памятникъ не относится къ крѣпостнымъ. Но даже, если это было бы и не такъ, то гдѣ слѣды крупныхъ законодательныхъ реформъ, крутой перестройки крестьянскаго быта и отношеній, и почему эта ломка нисколько не отразилась въ самомъ Законѣ, составленномъ въ то же время. Ссылаясь на терминъ μερίς, т.-е. надѣлъ, участокъ земли, попадающійся въ Законѣ, Цахаріе предполагаетъ, что это—результатъ произведеннаго крестьянскаго раздѣла, до котораго поселяне жи-

вутъ въ полной общинности. Это общинное владѣніе, его образованіе онъ объясняетъ сильнымъ передвиженіемъ населенія въ VII в. благодаря вторженію варварскихъ, особенно славянскихъ массъ и правительственной колонизаціи: повсемѣстные случаи общаго занятія цѣлыми селами новыхъ земель повели къ укрѣпленію взгляда, что эти группы крестьянъ, поселившихся вмѣстѣ, являются совмѣстными собственниками заселенной территоріи.

Эти взгляды, высказанные Цахаріе, получили дальнѣйшее развитіе въ статьѣ знаменитаго русскаго византиниста В. Васильевскаго. Устанавливая, что Земледѣльческій Законъ изданъ или современно съ Эклогой, или немного позже и долженъ считаться памятникомъ иконоборческаго законодательства, онъ соглашается съ Цахаріе, что передъ нами «земское полицейское уложеніе». Въ своемъ главномъ содержаніи Уставъ повторяетъ опредѣленія Юстиніанова права, но наряду съ этимъ выставляетъ такія положенія, которыя могутъ быть считаемы созданіемъ новаго и своеобразнаго крестьянскаго права. Первое, что бросается въ глаза при изученіи данныхъ, находящихся въ Земледѣльческомъ Законѣ, это совершенное отсутствіе всякихъ указаній на колонатъ, или, другими словами, на крѣпостное право, господствовавшее въ Римской имперіи до Юстиніана. Ничего не говорится здѣсь и о патронатѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. «Существуютъ,—говоритъ Васильевскій,—конечно, крестьяне, обрабатывающіе не свои участки, а земли крупныхъ владѣльцевъ, но все показываетъ, что они не крѣпки землѣ и обладаютъ правомъ свободнаго перехода. Если сбѣжитъ съ своего участка крестьянинъ, то ему угрожаетъ не насильственное возвращеніе на прежнее мѣсто, а иныя невзгоды. Васильевскій пытается все-таки обнаружить въ Крестьянскомъ Законѣ статьи, касающіяся землевладѣльцевъ, работающихъ на чужой, помѣщичьей землѣ. Онъ останавливается на положеніяхъ Закона: если крестьянинъ, снявшій для обработки участокъ земли у владѣльца, броситъ его, то обязывается только вознаградить господина за убытокъ. Если крестьянинъ безъ вѣдома собственника распашетъ (на его землѣ) участокъ, то хозяинъ можетъ просто согнать его безъ всякаго вознагражденія. Васильевскій увѣренъ, что въ этихъ и аналогичныхъ статьяхъ рѣчь идетъ о крупномъ собственникѣ-некрестьянинѣ, такъ какъ послѣдній названъ κύριος—господинъ, хозяинъ. Но дѣло въ томъ, что такъ же называется въ Законѣ и крестьянинъ-владѣлецъ, и нѣтъ основаній въ приведенныхъ статьяхъ вводить новое толкованіе этого термина. Вообще ясно, что помѣщикъ, землевладѣлецъ не-крестьянинъ, отсутствуетъ въ Уставѣ, такъ какъ тогда необходимо было бы ожидать упоминанія и о монастыряхъ, которые тогда были самыми крупными землевладѣльцами.

Второй характерной чертой Крестьянскаго Закона Васильевскій считаетъ также неопровержимыя указанія на общинное устройство и общинное владѣніе землей, какъ принадлежность быта свободныхъ земледѣльцевъ. «Вся земля,—заявляетъ онъ,—исключая усадебной и находящейся подъ садами, разсматривается, какъ собственность цѣлой общины. Члены ея въ отношеніи пользованія суть какъ бы члены товарищества». И на вопросъ, откуда же появились въ византійскомъ государствѣ и обществѣ такія совершенно новыя начала, какъ свобода крестьянскаго перехода и общиннаго землевладѣнія, онъ отвѣчаетъ такъ: ясно, что оба эти принципа находятся между собою во внутренней связи. Съ первой половины VII в. цѣлыя массы славянскихъ народностей вступаютъ въ предѣлы имперіи и занимаютъ здѣсь опустошенныя области; цѣлыя толпы изгнанныхъ туземцевъ должны были искать себѣ убѣжища въ другихъ областяхъ. Здѣсь лежитъ начало свободы крестьянскихъ переходовъ; здѣсь же кроется и источникъ новыхъ воззрѣній на способы владѣнія землею. Еще въ X вѣкѣ славянскія поселенія около Солуня сохраняли общинную организацію. Именно для новаго славянскаго населенія имперіи и назначался тотъ уставъ, который болѣе соотвѣтствовалъ его быту и привычкамъ, чѣмъ традиціи строгаго римскаго права о личной собственности.

Относительно этихъ соображеній Васильевскаго можно сказать, что онъ слишкомъ поверхностно осмотрѣлъ памятникъ. Въ немъ вовсе нѣтъ такой рѣшительной фиксаціи общиннаго землевладѣнія. Не только усадебная и огородная, но и пахотная земля, даже рощи, судя по статьѣ о самовластной расчисткѣ чужой рощи, находятся въ личной собственности крестьянъ, безъ всякихъ сроковъ и ограниченій. Если же на ряду съ этимъ налицо и нераздѣленные выгоны и угодья, налицо нѣкоторыя черты и отношенія общиннаго характера, то такое явленіе, какъ мы увидимъ, совершенно естественно и понятно и въ римскомъ колонатномъ бытѣ и строѣ. И для объясненія его не слѣдуетъ ссылаться на проблематическую общинность славянъ: это не признаки первобытной общины, а результатъ такъ называемаго вторичнаго, производнаго образованія общинныхъ связей и отношеній.

Прочитавъ Крестьянскій Законъ, убѣждаешься прежде всего, что его нельзя счесть ни гражданскимъ, ни уголовнымъ, ни полицейскимъ цѣлымъ уложеніемъ: это нѣкоторый подборъ статей безъ всякаго единства: тутъ идетъ рѣчь и о правахъ договаривающихся сторонъ, о случаяхъ нарушенія правъ собственности на землю съ возмѣщеніемъ убытковъ въ качествѣ наказанія и т. д., но основныхъ положеній гражданскаго права, ученія о собственности нѣтъ и въ поминѣ. Руководиться такимъ уставомъ безъ помощи иныхъ судебниковъ не могли бы ни об-

щество, ни отдѣльные люди. Дальше идетъ рядъ уголовныхъ постановленій, но здѣсь поразительная неполнота: какъ разъ пропущены главнѣйшіе случаи уголовной отвѣтственности, напримѣръ, убійство, прелюбодѣяніе. Явно, что Законъ и въ этой области—только собраніе дополнительныхъ статей къ какому-либо изъ кодексовъ. Похоже на то, что общей связью и назначеніемъ его было огражденіе личной крестьянской собственности въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ правительственными уложеніями, въ родѣ Кодекса или Эклоги. Эта земельная собственность называется въ Законѣ много разъ и очень опредѣленно. Обычное обозначеніе собственника κύριος, идетъ ли рѣчь объ обладаніи землей, животными или рабами. Собственность разумѣется недвижимая и движимая, при чемъ и та и другая считается принадлежащей отдѣльному лицу. Отъ недвижимой собственности даннаго крестьянина отличается собственность другого лица, сосѣда, чужая недвижимость: пашня, виноградникъ, роща, домъ.

Но рядомъ съ индивидуальной собственностью крестьянъ Законъ признаетъ существованіе территорій, оставшихся общей собственностью села, данной группы крестьянъ. Поскольку общинное землевладѣніе форма исключительная, и не можетъ существовать вмѣстѣ съ личнымъ владѣніемъ, изслѣдователи съ Цахаріе во главѣ и предполагали, что или полное господство общинности предшествовало содержанію Крестьянскаго закона, или личная собственность, признаваемая имъ, не есть собственность, а владѣніе, подлежащее передѣлу. Главныя мѣста въ Законѣ, относящіяся сюда, ст. 32 о деревѣ, выращенномъ на нераздѣленномъ мѣстѣ, ст. 78 о мельницѣ, построенной на такой же землѣ, и ст. 8 о раздѣлѣ.

Ст. 32 гласитъ: «Если какой-нибудь крестьянинъ посадитъ дерево на нераздѣленномъ мѣстѣ, а затѣмъ послѣдуетъ раздѣлъ и мѣсто это отойдетъ другому крестьянину, то дерево остается за посадившимъ его». Ясно, что подъ нераздѣленнымъ мѣстомъ разумѣется не вся территорія села, а только ея часть, могущая находиться въ собственности нѣсколькихъ или даже одного крестьянина, и раздѣлъ предполагается не общій, а частичный, т.-е. заимка крестьянами еще не взятой пока подъ культуру земли. Не то, что такимъ раздѣломъ будетъ только введена личная собственность, на мѣсто общинной: она только и раньше существовала и считалась возможной, и теперь распространится и на вновь занимаемую подъ обработку землю.

Ст. 78: «Если кто изъ жителей мѣстности высмотритъ на общей землѣ мѣсто, удобное для построенія мельницы и построитъ ее, то все мѣстное общество можетъ заявить свои претензіи на мѣсто, какъ общее, и возмѣстивъ расходы по постройкѣ, можетъ сообща владѣть устроенной

мельницей». Здѣсь, конечно, обращаютъ на себя вниманіе обозначенія: мѣстное общество—κοινότης τον Χιορίον, и общая земля—κοινός τόπος. Κοινότης пытались переводить словомъ община, но это неправильно и филологически (община—κοινὸν) и юридически: въ законодательствѣ κοινότης не значитъ община. Думается, что контекстъ допускаетъ лишь одно толкованіе этихъ терминовъ, въ смыслѣ сельскаго общества, села, какъ собственника территоріи, еще не поступившей въ частную собственность отдѣльныхъ хозяевъ.

Ст. 8: «Если совершится раздѣлъ, и кто-нибудь будетъ обиженъ въ участкѣ, таковой въ правѣ считать раздѣлъ ничтожнымъ». Цахаріе усматриваетъ здѣсь доказательство возможности передѣловъ земли, принадлежащей всей общинѣ. Но развѣ допустимо, чтобы не при основаніи поселка, а много позднѣе, крестьяне, κύριοι, хозяева своихъ нивъ и садовъ, давно уже сидящіе на своихъ хозяйствахъ, могли быть сброшены съ мѣстъ по требованію какого-то недовольнаго своимъ участкомъ человѣка. Несомнѣнно, что здѣсь идетъ рѣчь о совмѣстной заимкѣ крестьянами села, части невоздѣланной и неподѣленной территоріи и о раздѣлѣ ея между хозяевами на соотвѣтственныя доли, и только. Усматривать здѣсь признаки не только періодическаго передѣла, но вообще какого-либо дѣлежа земли, на основаніи измѣнившихся условій—явная натяжка.

Исходя изъ анализа этихъ статей, изслѣдователь Земледѣльческаго Устава, Б. Панченко (Крестьянская собственность въ Византіи) приходитъ къ заключенію, что въ Крестьянскомъ Законѣ нѣтъ мѣстъ, которыя бы указывали для аграрныхъ отношеній иныхъ основаній, кромѣ личной крестьянской собственности. Существованіе нераздѣленныхъ пространствъ, считающихся коллективной, но не нераздѣльной собственностью всѣхъ сельчанъ вмѣстѣ, не противорѣчитъ такому положенію. Статьи, подавшія поводъ къ долгимъ спорамъ, разъясняются очень просто, и тѣмъ самымъ ломаются послѣднія основанія для гипотезированія славянской земельной общины по Крестьянскому Закону. Мы вскорѣ увидимъ, что въ выводахъ г. Панченко есть односторонность.

Пока же, знакомясь съ содержаніемъ Устава, посмотримъ, на какія категоріи недвижимости распространялась личная собственность крестьянъ и каковы ея реальныя проявленія. Оказывается, что Законъ не проводитъ никакого различія между правами собственности на разные разряды недвижимости: пашни, виноградники, сады находятся въ одинаковомъ положеніи. Огражденію личныхъ правъ на пахотную землю посвящено около $^1/_3$ всего состава статей: однѣ стоятъ на стражѣ собственности, другіе опредѣляютъ доходы при пользованіяхъ по соглашенію. Первыя статьи Закона касаются сосѣдской собственности.

«Если крестьянинъ, обрабатывая свое собственное поле, нарушитъ межу сосѣда, или сосѣдній участокъ, то онъ теряетъ всѣ плоды своего труда и всѣ затраты, безъ вознагражденія за то, что распахалъ и засѣялъ». Тоже постановляется и въ слѣдующей статьѣ, о крестьянинѣ, распахавшемъ и засѣявшемъ чужую землю безъ вѣдома ея собственника. Думали, что подъ послѣднимъ слѣдуетъ разумѣть посторонняго селу крупнаго землевладѣльца. Но едва ли это правильно: въ Законѣ нигдѣ не заходитъ рѣчи о властеляхъ и ихъ собственности. Далѣе идутъ статьи о мѣнѣ земельными участками между двумя крестьянами на время посѣва и на неопредѣленный срокъ, при чемъ устанавливается полная свобода крестьянъ распоряжаться своими пашнями, такъ что никто не можетъ вмѣшиваться въ такой договоръ. Въ общемъ всѣ эти статьи о пахотныхъ поляхъ и ихъ доходахъ не сходятъ съ почвы личной собственности. Если она выражена и не всесторонне: нѣтъ положеній о наслѣдованіи и отчужденіи, то это зависитъ отъ характера и назначенія самаго памятника. Но на своихъ поляхъ крестьяне предстаютъ полными хозяевами, не допускающими ничьего вмѣшательства: они судятся изъ-за нихъ, отдаютъ въ срочную и вѣчную аренду, уступаютъ ихъ за долги въ пользованіе и сохраняютъ права собственника даже въ случаѣ ухода изъ села на продолжительное время. «Если крестьянинъ окажется не въ состояніи обрабатывать свое поле и уйдетъ съ него, пусть пользуются этимъ заброшеннымъ участкомъ тѣ, съ кого требуютъ за него подати (очевидно, по системѣ ἐπινολή), при чемъ, однако, ушедшій, возвратившись, не смѣетъ требовать съ нихъ возмѣщенія какихъ бы то ни было убытковъ». «Если же крестьянинъ сбѣжитъ съ своей земли, то казенныя подати съ его участка пусть ежегодно выплачиваютъ тѣ, кто пользуется этой землей. Но если онъ самъ будетъ и ушедши исправно платить подати, то пользующіеся его землей платятъ въ качествѣ штрафа двойную подать». Такимъ образомъ, крестьянинъ воленъ покинуть свой участокъ и уйти изъ деревни, потому что онъ не крѣпостной, но его односельчане страдаютъ отъ ухода, такъ какъ они обязаны вносить подати за ушедшаго. Но основаніе этого не въ общинномъ землевладѣніи, а въ особаго рода податной системѣ, принятой въ имперіи: оттого если покинувшій землю продолжаетъ аккуратно платить свою подать, никто изъ сельчанъ не въ правѣ располагать его землей, хотя бы она лежала впустѣ и не приносила никакого дохода. Право собственности ушедшаго крестьянина охраняется и еще статьей 21: «Если крестьянинъ построитъ избу или насадитъ виноградникъ, на заброшенной чужой землѣ, а потомъ вернется ея хозяинъ, послѣдній не смѣетъ сломать домъ и вырвать съ корнемъ виноградъ, но долженъ довольствоваться другимъ участкомъ по выбору,

предоставленному занявшимъ его землю. Если же этотъ занявшій откажется вознаградить его въ другомъ мѣстѣ, то вернувшійся воленъ разрушить и домъ, и виноградникъ».

Любопытны регулируемыя Закономъ арендныя отношенія, возникавшія между крестьянами на почвѣ пользованія собственностью. Оказывается, что крестьяне-собственники могли по тѣмъ или инымъ побужденіямъ отдавать свою землю въ пользованіе съемщикамъ; при этомъ Крестьянскій Законъ знаетъ съемщиковъ-мортитовъ, десятинниковъ и половниковъ. Первые отдавали собственнику $^1/_{10}$ урожая, вторые работали исполу. О первыхъ только одно постановленіе: «часть мортита—девять сноповъ, собственника—1 снопъ; кто иначе подѣлитъ, тотъ да будетъ проклятъ Богомъ». О половникахъ: «Если крестьянинъ возьмется обрабатывать землю исполу и когда придетъ время, не вспашетъ ее, но побросаетъ сѣмена по поверхности земли, онъ не получаетъ ничего изъ урожая, потому что обманулъ и поглумился надъ владѣльцемъ земли. Если крестьянинъ подрядится исполу обрабатывать виноградникъ другого крестьянина, который не въ состояніи управиться собственными силами, и не подстрижетъ его, какъ слѣдуетъ, изъ урожая ничего не получитъ. Если кто, взявъ исполу землю ушедшаго крестьянина, затѣмъ пойдетъ на попятный и не станетъ обрабатывать ея, долженъ отдать двойное количество жатвы. Но если онъ отступится до наступленія страдной поры и заявитъ владѣльцу о томъ, но владѣлецъ не обратитъ на то вниманія, земля останется не обработанной уже по его небрежности, половникъ за то не отвѣчаетъ». Предполагается возможность случаевъ, когда крестьянинъ не въ состояніи былъ, по маломочности, самъ обработать свою землю, или этой земли у него было слишкомъ много, чтобы управиться одному или со случайно малымъ семействомъ. Тогда онъ приглашалъ кого-нибудь изъ сосѣдей и предлагалъ ему взять землю исполу. Также поступали и крестьяне, которымъ приходилось уйти изъ деревни на долгій срокъ. Но рядомъ съ этимъ Законъ знаетъ и съемку земли на болѣе льготныхъ условіяхъ, именно, за десятый снопъ. Можно задать себѣ вопросъ, почему же крестьяне соглашались отдавать $^1/_2$ урожая, когда другіе съ нихъ требовали всего $^1/_{10}$ часть. Старались отвѣтить на этотъ вопросъ изслѣдователи: Васильевскій, Павловъ предполагаютъ, что между мортитой и половничествомъ существовала коренная разница, что подъ мортитами разумѣются арендаторы земли у крупныхъ помѣщиковъ, особенно у монастырей, у которыхъ были обширныя поля, но не хватало рабочихъ рукъ, такъ что имъ приходилось довольствоваться и десятымъ снопомъ. При этомъ, можетъ быть, мортиты обрабатывали землю своимъ рабочимъ скотомъ, своими орудіями и засѣвали землю своимъ зер-

номъ, а половники прилагали только трудъ, но не капиталъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Крестьянскій Законъ не имѣетъ въ виду условій обработки земель не крестьянскихъ: и мортитъ и половникъ съемщики у своихъ же крестьянъ-собственниковъ. Почему возникали столь различныя условія аренды, сказать довольно трудно, но вѣдь и на Западѣ десятина и половничество существовали рядомъ, при чемъ на земляхъ съ дорогой культурой преобладала болѣе выгодная для земледѣльца форма пользованія, на пашняхъ же, шампаръ, половничество. Можетъ быть, и здѣсь все дѣло зависѣло отъ различія сельско-хозяйственныхъ культуръ, требовавшихъ затратъ различнаго размѣра, какъ на то указываетъ новѣйшій англійскій изслѣдователь Закона Эшбернеръ (W. Ashburner, The Farmers Larv, въ The Journal of hell. studies, 1912 m. 32).

Что касается той части сельской земли, которая оставалась еще неподѣленной, не захваченной подъ обработку, значитъ—пространствъ, остающихся подъ пастбищемъ и лѣсныхъ угодій, то Крестьянскій Законъ не говоритъ о нихъ непосредственно, и по существу ни одной статьи не посвящено имъ спеціально. Это понятно: Законъ вѣдь, прежде всего и главнымъ образомъ, направленъ на охрану крестьянской собственности. Случайныя указанія на общія пастбища находятся въ постановленіяхъ относительно отвѣтственности пастуховъ, о пропажѣ и увѣчьѣ скота. Но любопытно, что и здѣсь нѣтъ упоминанія о лугахъ, нѣтъ даже слова, которое могло бы означать лугъ. Это означаетъ, что памятникъ созданъ для условій южнаго, греческаго хозяйства, гдѣ луговъ почти не было. И мысль о славянскомъ, сѣверномъ происхожденіи Закона, должна отойти еще дальше. Всматриваясь въ эти статьи Закона, мы замѣчаемъ, что стадо, главнымъ образомъ, состояло изъ воловъ, упоминаются еще ослы и мелкій скотъ, да внѣ общаго стада, свиньи, овцы и собаки. Характерно отсутствіе лошади, свидѣтельствующее снова, что памятникъ происходитъ изъ тѣхъ странъ греческаго востока, гдѣ коней въ сельскомъ хозяйствѣ не было. Лошади были только военнымъ животнымъ. И законъ не могъ относиться къ этнографическимъ элементамъ, продвигавшимся съ лошаднаго сѣвера.

Не останавливаясь дальше на разъясненіи остальныхъ рядовъ постановленій Крестьянскаго Закона, которыя для насъ не имѣютъ сейчасъ непосредственнаго значенія, спросимъ, какіе же выводы о положеніи крестьянъ и крестьянской собственности позволяетъ сдѣлать изученіе этого любопытнаго памятника. Прежде всего, Законъ не даетъ свѣдѣній о всей массѣ земледѣльческаго населенія имперіи VII—VIII в., онъ имѣетъ въ виду только одну изъ категорій крестьянства, жившаго и работавшаго самостоятельно на земляхъ, раньше считавшихся ничьими,

государственными. Крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ крупныхъ помѣщиковъ, монастырей, потомки старыхъ колоновъ и адскриптиціевъ, такъ называемые паройки, не интересуютъ составителя Закона. Это и понятно: уставы, установленіе извѣстныхъ порядковъ требовались и были возможны только въ средѣ самостоятельно устраивавшихся земледѣльцевъ. Положеніе и условія жизни паройковъ опредѣлялись и зависѣли попрежнему отъ воли крупнаго, автономнаго хозяина. Свободное же крестьянство, крестьяне-собственники Земледѣльческаго Закона, устраивающіеся на началахъ личной собственности, съ личной и непосредственной отвѣтственностью хозяевъ передъ требованіями государственнаго податного обложенія, не могутъ представляться въ чертахъ новыхъ и чуждыхъ старинным, давно налаженнымъ порядкамъ. Нѣтъ никакой необходимости объяснять этотъ складъ жизни, какъ результатъ какой-то крупной реформы, проведенной въ виду наплыва иноземнаго населенія. Даже если принимать, что тѣ категоріи крестьянства, которыя имѣетъ въ виду Земледѣльческій Законъ, были весьма значительны въ имперіи VII—VIII вв., то и въ такомъ случаѣ едва ли могутъ возникать какія-либо недоумѣнія. Новѣйшія изслѣдованія о происхожденіи и развитіи колонатныхъ отношеній въ Римской имперіи, изъ которыхъ слѣдуетъ, прежде всего назвать работы русскихъ ученыхъ: Ростовцева и Виноградова (главы въ его «Средневѣковомъ помѣстьѣ въ Англіи»), съ большой убѣдительностью вскрыли совершенно новыя стороны и моменты въ этомъ процессѣ, и въ результатѣ весь вопросъ о колонатѣ и закрѣпощеніи земледѣльческаго населенія получилъ совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, разрѣшеніе. Ростовцевъ безповоротно доказалъ, что самаго вопроса о сложеніи колоната въ имперіи быть не можетъ, поскольку имперія никогда не знала единаго, о б щ е - и м п е р с к а г о колоната, что вопросъ разбивается на цѣлый рядъ вопросовъ объ аграрной эволюціи отдѣльныхъ частей Римской имперіи въ до-римскій и римскій періоды. Въ качествѣ матеріала для подведенія подъ общую рубрику колоната, имперія IV—V в. получила не однообразно закрѣпощенную, земледѣльческую массу, а весьма разнохарактерныя группы сельскаго рабочаго населенія, различныя и по своему соціальному положенію, и по хозяйственнымъ обычаямъ и нормамъ. Виноградовъ чрезвычайно удачно выдвинулъ въ этомъ процессѣ ту роль, которую колонатъ игралъ въ качествѣ меліоративнаго учрежденія, поддерживавшаго и улучшавшаго сельскохозяйственную культуру имперіи. Онъ указываетъ, что свободныхъ земледѣльцевъ нельзя было привлекать и держать на земляхъ магнатовъ путемъ только одной грубой силы: приходилось предоставлять имъ извѣстныя матеріальныя выгоды, да и патронатъ, который накрывалъ ихъ, былъ для нихъ въ без-

покойныя и тревожныя времена скорѣе благодѣяніемъ, чѣмъ бременемъ. Положеніе вещей въ имперіи IV—V вв. было именно благопріятнымъ для мелкихъ фермеровъ и крестьянъ, и наоборотъ, очень неудобнымъ для установленія правъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Привлекать крестьянъ, привязывать ихъ къ землѣ можно было не штрафами и запрещеніями, а низкими оброками, самостоятельностью въ введеніи хозяйства, подмогами и особымъ покровительствомъ закона. И крестьяне, какъ это видно изъ надписей, прекрасно чувствуютъ свою силу и умѣютъ отстаивать свои права и обычаи, въ случаяхъ злоупотребленій и притѣсненій со стороны ли землевладѣльцевъ или кондукторовъ и прокураторовъ на императорскихъ домэнахъ. Эти явленія не ограничивались той или другой мѣстностью, а замѣчаются по всѣмъ концамъ имперіи. При этомъ насъ поражаетъ еще одна любопытная черта: колонатъ все шире регулируется не частнымъ соглашеніемъ помѣщика съ арендаторомъ, а нормами мѣстныхъ и наслѣдственныхъ обычаевъ, которыя для всѣхъ колоновъ даннаго имѣнія были одинаковы. На этой почвѣ въ сальтусахъ складываются организаціи, завѣдовавшія мѣстными дѣлами и находящіяся въ рукахъ поселянъ и даже регулировавшія экономическія отношенія, но что важнѣе всего, по принципамъ системы общинныхъ полей. Сосѣдскія связи, сотрудничество, пользованіе лугами и лѣсомъ, общіе интересы въ отстаиваніи обычныхъ нормъ, все это въ результатѣ сплачивало сельскія ассоціаціи, приводило къ общиннымъ отношеніямъ. Слѣды такой организаціи крестьянъ и притомъ довольно рано замѣчаются въ различныхъ областяхъ имперіи изъ надписей. Встрѣчаются даже намеки на нѣчто въ родѣ республики фермеровъ и рабочихъ, входящей въ соглашеніе съ сосѣднимъ городомъ, чтобы вести дѣло въ императорскомъ судѣ. Такимъ образомъ, еще въ позднѣй Римской имперіи, среди великаго экономическаго и соціальнаго кризиса, съ которымъ все безсильнѣе оказывалось бороться государство, на ряду съ развитіемъ политическаго патроната, направленнаго въ пользу знати, идетъ и ростъ хозяйственнаго самоуправленія въ интересахъ простого народа. Крупнымъ землевладѣльцамъ становилось все труднѣе властвовать надъ своими крестьянами, какъ самой имперіи надъ крупными землевладѣльцами. Въ обоихъ случаяхъ одинаково только обладаніе юридически-установленными правами и полномочіями и средствами принужденія, приносило все менѣе пользы, разъ мѣстныя организаціи не выказывали достаточной жизненной энергіи, парализуя возможность осуществлять права и власть. Имѣнія, земли могли оживиться, зацвѣсти не отъ напряженія господскаго контроля и кулака, а отъ наплыва рабочаго населенія, отъ предоставленія ему возможности и желанія поднять свою энергію. Землевладѣльцы

все болѣе склоняются, главнымъ образомъ, разсчитывать только на качество труда рабочихъ. На этой почвѣ возникаютъ и новыя комбинаціи въ формахъ владѣнія, въ частности—эмфитевсисъ, утверждающійся сначала на императорскихъ домэнахъ, а потомъ распространяющійся и во владѣніяхъ частныхъ лицъ. Это римская форма вѣчнонаслѣдственной аренды, получившая особенное развитіе въ эпоху имперіи, когда въ рукахъ городскихъ общинъ, церквей и самого государства скопилось множество свободныхъ земель, не находившихъ воздѣлывателей на условіяхъ обыкновенной аренды. Чтобы привлечь поселенцевъ на пустующія земли, пришли къ мысли обезпечивать имъ прочность обладанія землей путемъ предоставленія ея въ неотъемлемое пожизненное или наслѣдственное владѣніе, подъ условіемъ уплаты постояннаго оброка. Въ собственномъ смыслѣ слова эмфитевсисъ развивается въ восточной имперіи. Юридическая конструкція его опредѣлена въ указѣ императора Зенона, признававшаго его за особый видъ вещнаго права, отличный какъ отъ аренды (conductio), такъ и отъ отчужденія въ собственность (alienatio). Окончательную же формулировку эмфитевсисъ получаетъ при Юстиніанѣ. Къ тому же способу заселенія земель обращаются здѣсь и крупные частные собственники, а вмѣстѣ съ тѣмъ по мѣрѣ распространенія эмфитевсисъ измѣняетъ свое первоначальное назначеніе, улучшеніе пустующихъ земель: онъ начинаетъ примѣняться и къ культурнымъ землямъ, вытѣсняя краткосрочную аренду. Существо отношеній по эмфитевсису состояло въ томъ, что обладатель этого права (эмфитевтъ) получалъ на свой вѣкъ или наслѣдственно право пользованія и распоряженія земельнымъ участкомъ, почти столь же широкое, какъ и право собственности: хозяйственная эксплоатація участка, улучшенія въ немъ, продажа, дареніе, залогъ, завѣщаніе принадлежало ему лишь съ небольшими ограниченіями. Обязанности эмфитевта состояли въ уплатѣ неизмѣннаго оброка, канона, и несенія всѣхъ налоговъ и повинностей, падавшихъ на участокъ. Словомъ, это предоставленіе земель подъ обработку на условіяхъ наслѣдственнаго и весьма льготнаго держанія, переходившаго фактически зачастую въ право владѣнія. Слѣдствіемъ такой системы меліораціи было усиленіе класса мелкихъ собственниковъ. Въ деревню все рѣшительнѣе отливаетъ «плебейское» населеніе изъ городовъ, гдѣ все нестерпимѣе давили казна и администрація, и пополняетъ собой ряды «викановъ», сельчанъ, владѣющихъ мелкими участками, на подобіе собственниковъ (quasi domini). Всѣ приведенныя наблюденія и соображенія показываютъ, что въ положеніи земледѣльческаго населенія, начиная съ V вѣка и дальше, съ одной стороны, должны были усиливаться именно элементы и тенденціи свободы, а съ другой — расширяться

и налаживаться общинныя учрежденія, независимо отъ этнографическихъ причинъ, а просто, въ значительной мѣрѣ, вслѣдствіе необходимости для помѣщиковъ организовать свои владѣнія не по принципу абсолютной власти управляющихъ, а по принципу самоуправляющихся общинъ, платящихъ оброкъ владѣльцу. Нечего говорить о томъ, что и въ степени свободы крестьянъ, и формахъ общинности существовало много различныхъ градацій, связывающихъ оба края тамъ и здѣсь. Это понятно само собой, и слѣдовательно, едва ли остаются основанія подчеркивать противоположность между адскриптиціями (низшей категоріей зависимаго крестьянства), и почти совсѣмъ свободными «quasi domini», между поселеніями отдѣльныхъ колоновъ, паройковъ и общинной организаціей крестьянства, если не подтверждаемой съ очевидностью Крестьянскимъ Закономъ, то отчетливо засвидѣтельствованной другими и болѣе ранними памятниками. По крайней мѣрѣ, еще Кодексъ Ѳеодосія упоминаетъ о vici, обозначаемыхъ въ законодательствѣ Юстиніана метрокоміями, комитурами, громадами, т.-е. о сельскихъ волостяхъ независимыхъ крестьянъ, круговой порукой отвѣчающимъ передъ правительствомъ за исправный платежъ податей и хозяйничающихъ отчасти на началахъ общинности. Такія большія, въ значительной степени, автономныя деревни можно найти и раньше. Въ Хронографіи Ѳеофана они упоминаются еще для царствованія Константина Великаго. Съ другой стороны, мы очень рано застаемъ въ Римской имперіи крестьянское землевладѣніе на общинныхъ основаніяхъ, которое легко приспособлялось къ римскимъ законамъ, такъ какъ для римской юриспруденціи это была извѣстная форма совладѣнія. Изъ египетскихъ папирусовъ, собранныхъ Митгейсомъ и Вилькеномъ, мы знаемъ, напримѣръ, что еще въ 140 г. какіе-то деревенскіе старосты сдаютъ въ аренду общее пастбище, въ 202 г. нѣсколько деревень сообща покупаютъ землю, въ 305 г. упоминается общая собственность деревни и т. д. Прикрѣпленіе въ такихъ громадахъ, соотвѣтствіе которымъ мы находимъ на Западѣ въ кондомахъ папы Григорія Великаго, было чисто административной мѣрой: оно не связывало хозяйственной самостоятельности крестьянъ, сидѣвшихъ на своихъ участкахъ, quasi domini, κύριοι, по выраженію Νόμος γεωργικὸς. Льготы, автономность, соціальное достоинство земледѣльцевъ въ VI—VII в. должны были расти и повышаться въ виду разоренія и запустѣнія цѣлаго ряда странъ въ усилившихся военныхъ тревогахъ, тѣмъ болѣе, что правительство имѣло въ виду возложить на нихъ несеніе главной повинности—воинской.

Въ результатѣ становится понятнымъ происхожденіе и назначеніе таинственнаго Крестьянскаго Закона безъ принятія недоказуемой сла-

вянской иммиграціи и безъ предположенія вызванной ею крупной реформы, перестраивавшей крестьянскую жизнь на новыхъ общинныхъ началахъ. А въ то же время исчезаетъ надобность держаться и той «общинобоязни», въ Земледѣльческомъ Уставѣ, на которой настаиваетъ упоминавшійся мною Б. Панченко. Одинъ изъ критиковъ его изслѣдованія (П. Мутафчіевъ, Сельское землевладѣніе въ Византіи, 1910 г.), вполнѣ справедливо отмѣтилъ, что Панченко долженъ былъ признать существованіе «нераздѣленной территоріи, находящейся въ коллективномъ обладаніи или распоряженіи «села», но какъ разъ отсюда онъ хочетъ вывести отсутствіе общинныхъ распорядковъ въ Земледѣльческомъ Уставѣ. Конечно, заключеніе должно получиться обратное. Точно такъ же Панченко упускаетъ изъ вида, что неподѣленная земля должна считаться принадлежащей всей группѣ крестьянъ, и такимъ образомъ ни для одного изъ нихъ она не оказывается чужой. Его толкованіе ст. 78 въ смыслѣ огражденія интересовъ предпринимателя, строящаго мельницу на чужой землѣ, не совсѣмъ правильно. Тѣмъ болѣе, что за этой статьей (о постройкѣ мельницы на общей землѣ), слѣдуетъ другая: «Если же на подѣленной на отдѣльные участки землѣ, кто-либо найдетъ возможнымъ у себя, на своемъ участкѣ выстроить мельницу, то крестьяне не смѣютъ заявлять никакихъ претензій на эту мельницу». Является вопросъ, зачѣмъ понадобилась такая странная статья, и какъ крестьяне могли заявлять такія нелѣпыя претензіи. Мутафчіевъ полагаетъ, что за всѣмъ селомъ остается право собственности и на подѣленную землю и что каждому крестьянину данъ его участокъ не въ собственность, а только во владѣніе. Съ этими соображеніями болгарскаго ученаго нельзя, однако, согласиться. Вѣдь если такъ, то зачѣмъ данной статьей стремятся лишить «общину» возможности осуществлять это верховное право ея. А между тѣмъ все становится ясно, если признать, что въ Земледѣльческомъ Уставѣ мы наблюдаемъ не первоначальную общину, а образованіе на почвѣ индивидуальнаго права, въ виду указанныхъ выше условій, общинныхъ отношеній. Дѣло не въ собственности, а въ порядкахъ распоряженія и хозяйственнаго пользованія, которые развивались въ такомъ коллективномъ, общинномъ направленіи еще со временъ старой Римской имперіи. Итакъ, бояться общинности въ Законѣ нѣтъ никакихъ основаній: она понятна и необходима здѣсь помимо всякихъ гипотезъ о славянской иммиграціи и иконоборческой крестьянской реформѣ.

Послѣдній вопросъ, что же такое самъ Земледѣльческій Уставъ? Если организація крупныхъ экзимированныхъ вотчинъ выражалась въ особыхъ leges saltus и forma perpetua, вотчинныхъ уставахъ и таксахъ, то тѣ связи и отношенія между жителями деревень, которыя

существовали помимо воли помѣщика и приказовъ его управляющихъ, тѣ сельскія ассоціаціи, которыя, какъ мы видѣли, въ территоріяхъ сальтусовъ налаживали своими силами отношенія между сочленами, нуждались въ установленіи извѣстныхъ нормъ, въ своемъ законѣ или уставѣ. Νόμος γειοργικὸς, надо думать, и является или однимъ изъ такихъ уставовъ, можетъ быть, самымъ типичнымъ и широко-принятымъ, или же сводкой положеній, собранныхъ изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ сельскихъ «законовъ».

Въ такомъ случаѣ все, раньше загадочное и лишнее въ Крестьянскомъ Законѣ, все, требовавшее построенія необоснованныхъ гипотезъ или же заставлявшее изслѣдователей прибѣгать къ замысловатымъ отводамъ, становится естественнымъ и понятнымъ. Понятна и узость, и неполнота положеній объ имущественныхъ отношеніяхъ, поскольку законъ нормируетъ взаимоотношенія лишь quasi-собственниковъ, естественны были бы и слѣды общинныхъ распорядковъ, развивавшихся еще на старой римской почвѣ, ясны причины отсутствія разговоровъ, даже намековъ о зависимости крестьянъ, о тѣхъ или иныхъ повинностяхъ ихъ и обязанностяхъ въ пользу государства или помѣщика. Все это не могло входить въ сельскій уставъ, находя себѣ мѣсто или въ lex saltus, или же въ государственныхъ законахъ. И въ уголовной части понятно, почему пропущены главныя преступленія, какъ убійство и др. Ихъ карало государство. Здѣсь налицо только тѣ правонарушенія, которыя не выходили изъ тѣсныхъ рамокъ сельскихъ интересовъ.

Но давая такое толкованіе Крестьянскому Закону и тѣмъ крестьянскимъ отношеніямъ, которыя захвачены въ немъ, я вовсе не имѣю въ виду отрицать въ имперіи VII—VIII в. существованія иныхъ категорій и разрядовъ земледѣльческаго населенія. Къ сожалѣнію, однако, этотъ періодъ исторіи крестьянства остается пока мало доступнымъ для изученія, въ виду полнѣйшаго отсутствія источниковъ. Императорское законодательство послѣ Юстиніана молчитъ о крестьянахъ, историки и анналисты ими не интересуются. Акты же и документы, главнымъ образомъ, монастырскіе, въ которыхъ заключены свѣдѣнія о крестьянахъ, условіяхъ ихъ существованія, ихъ землевладѣнія, относятся почти исключительно къ болѣе позднимъ эпохамъ, къ XII—XIV вѣкамъ. Эти данныя актовъ, выросшихъ въ значительно измѣнившейся соціальной средѣ, въ измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, представляютъ въ общемъ уклады и формы, далекія и чуждыя тѣмъ, которыя были зафиксированы въ Кодексѣ Юстиніана. Въ паройкахъ, крѣпостныхъ крестьянахъ, документахъ XI—XII ст. очень трудно узнать даже отдаленныхъ потомковъ колоновъ и адскриптиціевъ, состояніе которыхъ нормируется въ законодательствѣ VI в. Но въ концѣ концовъ

все-таки связь между ними прощупывается и обнаруживается, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится возможнымъ намѣтить хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ путь отъ колоната къ паройкіи, проходящій черезъ VII—VIII столѣтія. Нѣсколько забѣгая впередъ, воспользуемся данными одного изъ монастырскихъ архивовъ, пожалуй, наиболѣе богатаго въ отношеніи актовъ крестьянскаго землевладѣнія. Это архивъ монастыря Дѣвы Маріи Лемвіотиссы около г. Смирны. Матеріалъ кодекса Лемвіотиссы относится къ XIII в., когда поземельныя отношенія въ имперіи уже окончательно установились. И прежде всего изъ его пересмотра мы убѣждаемся въ полномъ отсутствіи общины съ общиннымъ землевладѣніемъ, какъ свободной, такъ и зависимой. Не видимъ мы здѣсь и безземельныхъ крестьянъ, массы, сидящей на земляхъ крупныхъ собственниковъ. Крестьяне, какъ свободные, казенные, такъ и зависимые, частновладѣльческіе и монастырскіе, предстаютъ собственниковъ. Вотъ, напримѣръ, пожалованное монастырю село Бари: оно заселено домохозяевами, сидѣвшими на родовыхъ своихъ участкахъ, оно состоитъ изъ дворовъ съ землей, такъ называемыхъ стасей паройковъ, наслѣдственно принадлежавшихъ послѣднимъ и переходившихъ въ непосредственное владѣніе вотчинника-монастыря, только въ случаѣ выморочности. Но когда одинъ изъ такихъ паройковъ попытался продать свой участокъ на сторону, какому-то служилому человѣку, то возникло судебное дѣло и судья разъяснилъ, что паройкамъ «не дозволяется дѣлать, что хотятъ». Однако, основаніемъ ограниченія свободы распоряженія является здѣсь не отрицаніе права собственности за паройками, но фискальные интересы, требованіе, чтобы земля не выходила изъ тяглаго состоянія. Продажа при условіи сохраненія тягла не запрещалась. Такимъ образомъ ясно здѣсь не личное, вытекавшее изъ соціальнаго положенія паройковъ, а податное, тяглое крѣпостничество. Права личной и наслѣдственной собственности за монастырскими паройками не отрицались. Въ актахъ мы встрѣчаемъ паройковъ, которые не временно, а постоянно жили не на своей родинѣ, а въ сосѣднемъ городѣ; съ нихъ лишь требовалось неукоснительное несеніе «службы», т.-е. тягла, пожалованнаго монастырю. Если же паройки перебѣгали въ вотчины крупныхъ владѣльцевъ или на казенныя земли и не хотѣли нести повинности, то монастырь находилъ въ правительствѣ защиту. Тягло паройковъ—это поземельная подать, не поголовная и не равномѣрная, но сообразная съ цѣнностью стаси. Ни пожалованіе земли монастырю въ вотчину, ни служилому человѣку въ такъ называемую проноію или пронію, т.-е. въ качествѣ бенефиція, не колебало собственности паройковъ, наслѣдственной или пріобрѣтенной. И сущность пожалованія заклю-

чались въ уступкѣ казной тягла паройковъ (τέλος), съ второстепенными повинностями. Собственность паройковъ ограничена была лишь требованіемъ, чтобы отчужденіе ея не выводило землю изъ тяглаго состоянія и чтобы выморочныя земли по праву предпочтенія (προτίμησις) переходили къ сеньеру. Но нигдѣ въ актахъ нельзя найти указаній на то, чтобы паройки состояли въ чьемъ-либо частномъ владѣніи: они являются правоспособной и самостоятельной стороной на судѣ въ дѣлахъ изъ-за права собственности. Изъ документовъ другихъ монастырей, относящихся тоже къ XII—XIV вв., правда, довольно смутно, можно догадываться о различныхъ категоріяхъ крѣпостного крестьянства. На ряду съ паройками, владѣльцами родовыхъ, наслѣдственныхъ недвижимостей называются προνσκαθέμεθοι, присельники, т.-е., очевидно, въ противоположность паройкамъ-старожильцамъ, крестьяне, посаженные и приписанные недавно. Крупнымъ вотчинникамъ, свѣтскимъ и церковнымъ спеціальными императорскими распоряженіями разрѣшалось принимать къ себѣ и селить у себя пришлыхъ, безземельныхъ людей, но только подъ условіемъ, что они «не знакомы казнѣ», т.-е. не записаны въ опредѣленномъ мѣстѣ подъ тягло. Вотчинники охотно пользовались этимъ разрѣшеніемъ для оживленія пустующихъ земель, но условія приселенія могли быть различны. Приходившіе то получали наслѣдственные участки земли, то работали на господской землѣ въ качествѣ мортитовъ-десятинниковъ, то садились арендаторами съ опредѣленной арендной платой. Въ размѣрахъ владѣнія и пользованія землей также существовала градація, соотвѣтственно съ матеріальными рессурсами принимаемыхъ. Документы различаютъ присельниковъ-паройковъ: зевгаратныхъ, воидатныхъ, актимоновъ и апоровъ. Трудно съ увѣренностью сказать, откуда произошли эти названія и что они въ точности обозначаютъ. По нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ можно догадываться, что здѣсь имѣются въ виду не различія въ величинѣ земельныхъ надѣловъ, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, а разницы въ записанномъ за крестьянами рабочемъ скотѣ, за который и сообразно съ которымъ они платили подати. За зевгаратами считалась пара воловъ, за воидатами—одинъ волъ, за актимонами только мелкій скотъ, ослы и овцы. Апоры, повидимому, неимущіе, маломочные, работавшіе съ господской подмогой и инвентаремъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросы о размѣрахъ платежей и повинностей различныхъ категорій крестьянства, о величинѣ ихъ земельныхъ владѣній, замѣтимъ еще только, что степень обладанія землей единственно опредѣляетъ соціальное положеніе крестьянина. При отсутствіи наслѣдственной стаси, при поселеніи безземельныхъ пришлыхъ людей, крѣпостничество уже измѣняетъ свою сущность; здѣсь оно перестаетъ быть территоріальной зависимостью, и превращается въ личный союзъ.

Такъ въ общихъ чертахъ представляется положеніе крѣпостного крестьянства во всѣхъ областяхъ имперіи, въ позднѣйшія времена. Обыкновенно оно объясняется, какъ результатъ, такъ сказать, вторичнаго закрѣпощенія сельскаго населенія имперіи, которое въ VII—VIII вв. ставшее славянскимъ и устроенное общинами свободныхъ крестьянъ-владѣльцевъ, затѣмъ съ IX в. не устояло противъ закрѣпостительнаго натиска, усилившагося крупнаго землевладѣнія «властелей», несмотря на энергичную поддержку законодательства со стороны цѣлаго ряда императоровъ, такъ называемой македонской династіи.

Что обозначала собой вспыхивающая съ большимъ ожесточеніемъ въ X в. борьба императорскаго правительства съ вновь образовавшимся въ имперіи крупнымъ землевладѣльческимъ магнатствомъ, властельствомъ, мы еще увидимъ. Теперь мнѣ хотѣлось только напомнить общепринятыя построенія судебъ «византійскаго» крестьянства. Властели, какъ утверждаютъ изслѣдователи, къ X в. успѣли въ достаточной степени разорить крестьянскія хозяйства, затянуть многихъ крестьянъ въ неоплатные долги, перетянуть къ себѣ массы крестьянскихъ участковъ. Въ результатѣ община разбивалась, общинныя отношенія разстраивались. Нарушалось равновѣсіе въ нѣдрахъ самой общины, въ которой тоже появился классъ кулаковъ-богатѣевъ. Кромѣ того, и въ отношеніи правительства къ крестьянству послѣ безуспѣшныхъ попытокъ македонскихъ императоровъ, замѣчается въ XI в. крутой поворотъ. Онъ переходитъ рѣшительно къ системѣ, такъ называемой проной (πρόνοια), т.-е. надѣленія служилыхъ людей населенными землями (ср. зап. beneficium, др. рус. помѣстье). Эта система, развившаяся при Комнинахъ, будто бы окончательно привела къ тому, что свободная община стала постепенно обращаться въ помѣщичье владѣніе; свсбодное крестьянское владѣніе землей—въ зависимое отъ мѣстнаго проніара. Въ документахъ XIII—XIV вв. такимъ образомъ мы и наблюдаемъ, по утвержденію изслѣдователей, «полный процессъ разложенія общины, большинство населенія которой находится въ зависимости или отъ монастырей, или отъ свѣтскаго владѣльца, съ именемъ проніара». Что въ этомъ построеніи не все благополучно, явствуетъ съ перваго же взгляда. Прежде всего искусственно сгущены краски приниженности и закрѣпощенности паройковъ: документы и описи XIII—XIV в., если ихъ читать безъ предвзятой мысли, не даютъ для этого никакихъ основаній. Зависимость крестьянъ на земляхъ, пожалованныхъ ли въ вотчину монастырю, или въ проноію служилому человѣку, поскольку паройки-старожилы сохраняютъ свои родовыя владѣнія, выражается и въ эти столѣтія въ далеко не напряжено крѣпостническихъ формахъ. Если образованіе присельничества, главнымъ образомъ, составившаго крѣпостную массу населенія владѣльческихъ земель, и знаме-

новало собой наклонъ книзу, то не такой все-таки, чтобы можно было говорить о «порабощеніи». Это—одно, а другое то, что при всемъ стараніи въ опубликованномъ доселѣ матеріалѣ актовъ и документовъ, нельзя разыскать ни слѣдовъ, ни пережитковъ, ни воспоминаній якобы разгромленной и разстроенной общины. Весьма многія грамоты, говоря объ угодьяхъ села или имѣнія, называютъ и нераздѣленныя территоріи извѣстной группы крестьянъ, но отсюда, до общиннаго землевладѣнія, до правъ сельскаго союза на всю землю и на участки парой-ковъ-хозяевъ, конечно, очень далеко, какъ въ томъ мы убѣдились еще при разборѣ Земледѣльческаго Закона. Такимъ образомъ, въ многовѣковомъ процессѣ развитія крестьянства имперіи съ VI до XI в., мы не въ правѣ предполагать какихъ-нибудь крупныхъ поворотныхъ пунктовъ, привхожденія новыхъ значительно измѣняющихъ естественное теченіе факторовъ. И самымъ естественнымъ кажется разглядѣть въ паройкахъ XII—XIII вв., отдаленныхъ, но все-таки прямыхъ потомковъ старинныхъ coloni liberi и адскриптиціевъ Юстиніанова Кодекса.

Это старое прикрѣпленіе къ землѣ всего сельскаго населенія имперіи, проведенное въ IV—V вв. со стороны правительства посредствомъ широкаго примѣненія ученія о «родинѣ» или «мѣстѣ приписки» (origo), вызвано было, какъ помнимъ, тѣмъ, что имперіи не удался принятый ею отъ эллинизма планъ созданія на государственной землѣ зависимаго только отъ государства класса государственныхъ крестьянъ, чтобы ихъ силами сдѣлать болѣе интенсивной и культурной обработку земли и увеличить площадь обрабатываемой земли. Аристократически выстроенное государство не сумѣло отказаться при этомъ отъ сотрудничества крупнаго капитала и отъ посредничества его между прямыми плательщиками натуральныхъ податей и собою. Вмѣсто смутно мерещившейся эмансипаціи земледѣльческаго класса, получалось подчиненіе его крупнымъ владѣльцамъ и генеральнымъ арендаторамъ казенныхъ и императорскихъ земель. Вмѣсто расширенія культурной площади, необходимаго для все осложнявшихся задачъ управленія и обороны государства, получилось запустѣніе и обезлюденіе значительныхъ областей. Правительство и хватается за цѣлый рядъ мѣръ, тоже примѣнявшихся раньше эллинистическимъ Востокомъ. Здѣсь и впускъ варварскихъ элементовъ на территорію государства, который, однако, въ эволюціи колоната не сыгралъ видной роли. Здѣсь и мѣры насилія и принужденія, прямое навязываніе обработки пустырей и прикрѣпленіе всѣхъ классовъ населенія за исключеніемъ знати къ ихъ мѣсту и дѣлу. Все сельское населеніе римскаго государства во всѣхъ своихъ горизонтальныхъ группировкахъ и вертикальныхъ разрѣзахъ объявлялось приписаннымъ къ опредѣленнымъ пунктамъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ, признанной за тяглую. Но создавая этотъ прикрѣпленный къ земельному тяглу, но

юридически свободный классъ, правительство оказывалось не въ состояніи точно и однообразно зафиксировать его правового положенія, выработать строгую систему гражданскихъ отношеній новаго класса. Законодательная нивеллировка, какъ мы застаемъ ее въ Юстиніановскомъ Кодексѣ, была только внѣшней. Теряя авторитетъ, центральная государственная власть принуждена была предоставить это дѣло установленія нормъ частнымъ силамъ самого общества. Имперія VI и послѣдующихъ столѣтій и характеризуется великой хаотичностью дѣйствительныхъ отношеній между крупными землевладѣльцами, захватившими и политическую власть, и крестьянствомъ, попадавшимъ въ извѣстную отъ нихъ зависимость. Въ этомъ колебаніи, однако, въ общемъ, преобладали, какъ я уже не разъ отмѣчалъ, тенденціи не порабощенія и приниженія земледѣльческаго класса, а наоборотъ, свободы и хозяйственнаго ихъ подъема. Центральное правительство, представлявшее собой по инерціи то единое, великое государство, которое въ дѣйствительности «внутренне» уже перестало существовать, вмѣшивалось со своей регулирующей рукой въ эти отношенія только въ тѣхъ экстренныхъ случаяхъ, когда особенно обострялась и напрягалась потребность самообороны. Затруднительное международное положеніе имперіи поддерживало въ общественномъ сознаніи мысль о принадлежности къ единому государству. Традиціонная руководящая сила, императорская власть долго еще продолжаетъ считать необходимымъ и возможнымъ предъявлять свои требованія къ населенію, уже разомкнувшемуся на болѣе мелкіе и узкіе круги и готовому въ нихъ къ самостоятельному политическому существованію. Государство, выражавшееся только въ дѣлѣ внѣшней обороны, напоминало о себѣ и давало себя чувствовать, когда «феодализація» отнимала у него средства этой обороны, лишала людей и перетягивала доходы въ частныя руки. Въ лицѣ правительства оно заявляло о себѣ, производя попытки вырвать изъ той или иной категоріи конкуррирующихъ съ нимъ рукъ подданныхъ и платежи. Но въ этихъ послѣдовательно поднимавшихся антифеодальныхъ реакціяхъ, какъ бы «приливахъ государственности», едва ли возможно разглядѣть демократическіе мотивы. Почти безсознательные, стихійные, они были проявленіемъ инстинкта самосохраненія. Одной изъ такихъ вспышекъ была знакомая уже намъ борьба Юстиніана со «столбовой» сенаторской знатью. Какъ помнимъ, она не привела къ побѣдѣ государства надъ феодальнымъ расчлененіемъ: имперія не могла уже обойтись безъ посреднической роли крупнаго автономнаго землевладѣнія; оно осталось, передвинутое въ болѣе вѣрныя и «чистыя руки», какъ думалось Юстиніану.

XIII. Монастырское землевладѣніе и вопросъ объ экскуссіи.

Предшествующія соображенія переводятъ наше вниманіе на изученіе крупнаго монастырскаго землевладѣнія, являющагося центральнымъ и, я бы сказалъ, всенаправляющимъ фактомъ исторіи имперіи въ VII—VIII в. Это какъ разъ время, когда монастырское землевладѣніе достигло наибольшаго развитія и даже преобладанія въ имперіи. В. Г. Васильевскій въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ статей по соціальной исторіи Византіи, утверждаетъ, что передъ началомъ такъ называемаго иконоборчества, къ VIII в. восточная церковь не уступала размѣрами своихъ территоріальныхъ богатствъ церкви западной, т.-е. по крайней мѣрѣ $^1/_3$ поземельныхъ имуществъ принадлежала церквамъ и монастырямъ. Установить сколько-нибудь точныя цифры этихъ богатствъ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ, такъ какъ документальныя данныя для этого періода не сохранились. Дарственные акты въ пользу монастырей, хрисовуллы императоровъ, разысканные до сихъ поръ, не восходятъ ранѣе конца X в.; то же приходится сказать и о писцовыхъ книгахъ. Такимъ образомъ, мы обречены здѣсь поневолѣ на общія только соображенія. Правда, по соображеніямъ церковныхъ историковъ и лѣтописцевъ того времени, можно составить довольно ясное представленіе о лихорадочномъ монастырскомъ строительствѣ, можно насчитать десятки, сотни храмовъ и монастырей, создававшихся и обогащавшихся императорами, начиная съ Юстиніана, а за ними и частными лицами, сановниками и знатными дамами и т. д. Въ этомъ, несомнѣнно, выражалась и та напряженность, повышенность религіознаго сознанія, которая была характерна для всѣхъ слоевъ общества имперіи. Но наряду съ благочестіемъ, дѣйствовали и иные мотивы. Въ тревожномъ VII в., въ сгущавшейся атмосферѣ дворцовыхъ переворотовъ, случайные носители короны, ихъ родственники и близкіе спѣшили испомѣстить

доставшіяся имъ богатства въ монастыри, предусмотрительно заготовляли для себя надежное убѣжище на случай катастрофы. Обладатели крупныхъ состояній въ формѣ и подъ надежнымъ покровомъ монастыря обезпечивали себя и свое благополучіе отъ посягновеній правительства. Многіе землевладѣльцы прямо обращали свои имѣнія въ монастыри. Далѣе, припомнимъ законы Юстиніана о монастырской собственности, которыми руководились и при его преемникахъ, примемъ въ разсчетъ и естественно разыгрывавшееся соперничество между благочестивыми «создателями монастырей» (званіе, которое считалось особенно почетнымъ), все это условія, которыя благопріятствовали быстрому росту монастырскихъ богатствъ, превращенію монастырей въ обладателей колоссальныхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Но главное, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это особенности монастырскаго землевладѣнія и положенія монастырей, какъ земельныхъ собственниковъ, въ государствѣ. Я уже указывалъ раньше, что, поскольку крупныя монастырскія вотчины создавались изъ земель, принадлежавшихъ императору или сенаторской знати, онѣ сохраняли тѣ привилегіи и ту автономность, которыя были свойственны этому экзимированному землевладѣнію. Но есть основанія утверждать, что «изъятость» имѣній, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ, съ самаго начала или съ очень раннихъ поръ приняла особо выпуклыя и своеобразныя формы, сближающія ее съ западно-европейскимъ иммунитетомъ.

Что такое иммунитетъ, въ чемъ сущность этого общественнаго института, за которымъ признаютъ очень крупное значеніе въ исторіи политическаго развитія западно-европейскихъ странъ въ средніе вѣка? Французскіе изслѣдователи феодальнаго строя, Фюстель-де-Куланжъ и его школа въ основу иммунитетной привилегіи кладутъ запрещеніе агентамъ государственной власти вступать на территорію иммунитета для выполненія тамъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій, связанныхъ съ ихъ должностью. Такимъ образомъ, иммунитетъ разсматривается не какъ предоставленіе пожалованному лицу, а чаще церковному учрежденію, верховныхъ правъ, а изъятіе изъ-подъ доступа представителей правительства (absque introiti judicum), которые лишались права во владѣніяхъ иммуниста устраивать судебныя собранія, собирать судебные штрафы и подати, пользоваться постоемъ и содержаніемъ, чинить законное принужденіе относительно всѣхъ живущихъ на данной землѣ, требовать какихъ-либо поборовъ. Къ этому присоединялась уступка въ пользу иммуниста всѣхъ доходовъ, которые казна могла бы извлекать съ его земель. Но въ такомъ составѣ независимости въ судебномъ и административномъ отношеніи и судебныхъ и податныхъ привилегіяхъ, иммунитетъ предстаетъ уже въ позднія времена, когда онъ окончательно сложился. Въ

своемъ происхожденіи и въ раннемъ періодѣ своего развитія, онъ былъ навѣрное, уже и проще. Нѣмецкіе изслѣдователи: Вайцъ, Бруннеръ, Шредеръ и старались показать, что первоначально иммунитетныя изъятія состояли въ освобожденіи отъ податей и повинностей, и лишь впослѣдствіи къ нимъ присоединилась судебная независимость иммунитетной территоріи, развивавшаяся особо, не на почвѣ королевскихъ пожалованій, какъ думаютъ нѣкоторые. Насъ, собственно, въ данный моментъ не можетъ интересовать вопросъ о западно-европейскомъ иммунитетѣ во всей его сложности и запутанности, и я коснулся его лишь постольку, поскольку аналогичное явленіе, замѣченное и въ Византійской имперіи и носящее тамъ названіе экскуссіи, нѣкоторые изслѣдователи склонны были разсматривать, какъ «подражаніе западному образцу». Наиболѣе рѣшительно высказываетъ такой взглядъ русскій византинистъ Н. Суворовъ. «Въ Византійской имперіи,— говоритъ онъ (см. Виз. Врем. XII),—съ XI в. появляются иммунитеты и иммунитетныя грамоты въ пользу опредѣленныхъ лицъ и учрежденій съ тѣмъ же подробнымъ перечисленіемъ отдѣльныхъ тягостей, отъ которыхъ освобождаются иммунисты, и съ тѣмъ же воспрещеніемъ органамъ императорскаго правительства вторгаться въ предѣлы иммунитетнаго округа, какія наблюдаются на Западѣ съ VII в.». Поскольку Суворовъ категорически отказывается установить историческую связь между этими позднѣйшими византійскими иммунитетами и иммунитетами римскаго права, онъ утверждаетъ, что если германскій иммунитетъ имѣлъ и римскіе корни, то въ Византію онъ могъ перейти только во франкскомъ образѣ. Эти соображенія русскаго византиниста и заставляютъ насъ нѣсколько остановиться на вопросѣ о происхожденіи иммунитета и о связяхъ римскаго и средневѣковаго иммунитета. Здѣсь преобладающимъ является построеніе Фюстель-де-Куланжа, который, сравнивъ римскій иммунитетъ съ меровингскимъ, пришелъ къ выводу о безусловномъ ихъ несходствѣ и къ отрицанію преемственной связи между ними. Римскій иммунитетъ былъ по преимуществу коллективнымъ, т.-е. какъ правило, распространялся на цѣлые разряды или группы гражданъ и предоставлялся имъ въ силу закона, а не являлся актомъ милости со стороны верховной власти. Иммунитетъ давался дворцовымъ чиновникамъ, извѣстнымъ категоріямъ свободныхъ профессій, позднѣе клирикамъ. Это было главнымъ образомъ освобожденіе отъ несенія муниципальныхъ повинностей, отправленія почетныхъ, но требующихъ расходовъ, должностей (honores), уплаты муниципальныхъ налоговъ (munera), иногда отъ постоя солдатъ, отъ уплаты прибавокъ къ основному государственному налогу. Такимъ образомъ, иммунитетъ, по мнѣнію Фюстель-де-Куланжа, былъ въ своемъ существѣ чуждъ сред-

невѣковому, исключительно индивидуальному и заключавшемуся въ изятіи иммуниста изъ-подъ дѣйствія областного начальства. Обыкновенно, стараясь поколебать построеніе Куланжа, указываютъ на цѣлый рядъ фактовъ, которые противорѣчатъ ему: указываютъ на то, что римскій иммунитетъ давалъ иногда освобожденіе отъ уплаты и государственнаго поземельнаго налога, напримѣръ, при испомѣщеніи ветерановъ на земельныхъ участкахъ, указываютъ, что привилегіи давались и отдѣльнымъ провинціаламъ за особыя услуги. Думается, что эти указанія не существенны и не они могутъ поколебать выводы французскаго историка. Мнѣ представляется, что онъ, соблазненный одинаковостью названій, терминовъ, упустилъ изъ вида, что словомъ иммунитетъ (immunitas) обозначались льготы и изъятія совершенно различнаго порядка въ Римской имперіи и въ германскихъ королевствахъ. Тамъ это было снисхожденіемъ требовательной власти къ сравнительно слабымъ общественнымъ элементамъ; здѣсь симптомомъ потускнѣнія идеи государственности, неизбѣжной уступкой со стороны опрощенной власти наиболѣе сильнымъ и стойкимъ элементамъ общества. Сравнивать эти два круга отношеній, только случайно накрытыхъ одинаковымъ названіемъ, возможно только по недоразумѣнію. Предшественниковъ или аналогичныя средневѣковому иммунитету явленія въ Римской имперіи приходится разыскивать въ другихъ мѣстахъ. Если между ними было бы неосторожнымъ, можетъ быть, устанавливать преемственную связь, то признать въ нихъ однообразное выраженіе роста феодализирующихъ теченій представляется неизбѣжнымъ. Посредствомъ или въ видѣ иммунитетовъ, чѣмъ бы они ни были въ своемъ началѣ, шло раздробленіе государства, переставшаго быть сплоченнымъ политическимъ цѣлымъ, и расхожденіе державныхъ функцій и правъ по частнымъ сильнымъ рукамъ. Въ Римской имперіи эти процессы ярче всего развивались въ сферѣ крупнаго автономнаго землевладѣнія императорскаго и частно-магнатскаго. Экзимированность этихъ вотчинъ, превращеніе собственника, земельнаго магната въ настоящаго владѣтельнаго князя, игнорировавшаго интересы требованія государственной власти, вотъ явленія, однохарактерныя съ позднѣйшими иммунитетами. Пусть послѣдніе на средневѣковомъ Западѣ выросли совершенно самостоятельно, безъ всякой преемственной связи съ римскими порядками: намъ важно подчеркнуть возможность происхожденія «византійской» экскуссіи, иммунитета, помимо заимствованія съ Запада.

Обыкновенно думаютъ, что византійская экскуссія довольно поздняго происхожденія. Хрисовуллы, «золотыя грамоты» императоровъ, содержащія въ себѣ пожалованія, главнымъ образомъ, церквамъ и монастырямъ, судебно-административной независимости и податныхъ изъя-

тій, поскольку мы обладаемъ ими, относятся, главнымъ образомъ, къ XII—XIII вв. Самые ранніе, въ небольшомъ количествѣ, идутъ отъ XI в. Значитъ ли это, что такихъ пожалованій до XI в. не существовало? Полагаю, что нѣтъ; еще болѣе ранніе хрисовуллы могли просто не дойти до насъ. Вѣдь вообще документальный матеріалъ по исторіи имперіи до XI в. пропалъ почти безслѣдно. Но возможно и другое предположеніе: хрисовуллы, жаловавшіе экскуссіи, могли вести свое начало и съ XI в., но сама экскуссія, выражавшаяся какими-либо иными способами, какъ общественное установленіе, должна была быть налицо и раньше. Если судить по извѣстнымъ намъ хрисовулламъ XI—XII вв., то получается впечатлѣніе, что они увѣренно и съ большой доточностью ведутъ рѣчь объ отношеніяхъ и порядкахъ, давно и во всѣхъ подробностяхъ налаженныхъ, хорошо извѣстныхъ и ставшихъ нормой. Видно, что это далеко не первые опыты экскуссіи. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемся даже съ очень характерной огульностью: въ нихъ кратко говорится, что пожалованный (обыкновенно, монастырь) долженъ пользоваться льготами сообразно съ сущностью экскуссіи. Послѣдняя, настолько опредѣлившееся и общеизвѣстное учрежденіе, что подробное поясненіе и истолкованіе ея содержанія кажется лишнимъ. По этимъ соображеніямъ я и рѣшаюсь настаивать, что экскуссія, изъятость, экзимированность крупныхъ монастырскихъ вотчинъ была широко распространена въ имперіи не только X—XI в., но и VIII, VII вв., что она и была существеннѣйшей чертой этого типа землевладѣнія, всегда, начиная съ царствованія Юстиніана. Содержаніе ея въ своихъ деталяхъ, конечно, не оставалось неизмѣннымъ на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, да эти детали, отдѣльныя льготы и изъятія не были, какъ и въ западныхъ иммунитетахъ, разъ навсегда и для всѣхъ одинаково фиксированы: онѣ разнообразятся даже и въ рамкахъ одного и того же момента. Но самая сущность уступки или пожалованія, какъ независѣвшая отъ воли жаловавшаго императора, а являвшаяся необходимымъ выраженіемъ извѣстнаго соціальнаго уклада, должна была сохранять все одно и то же значеніе, поскольку не шли на убыль феодализирующія теченія.

Поэтому, считая небезполезнымъ ознакомить васъ съ содержаніемъ экскуссіи, на которой построилось и достигло огромной силы крупное экзимированное монастырское землевладѣніе, на которой выросли въ имперіи монастыри—«княжества» VII—VIII вв., я безъ колебанія воспользуюсь данными позднѣйшихъ хрисовулловъ.

На первомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ здѣсь опредѣленно выраженное запрещеніе представителямъ государственной власти вступать во владѣнія лица для выполненія тамъ обычныхъ своихъ функцій. «Наше

царское величество постановляетъ, чтобы отнынѣ и во всѣ послѣдующія времена никакой судья не входилъ въ монастырь ради какого-либо судебнаго дѣла, не предъявлялъ бы свидѣтельствъ своего начальства относительно монастыря и всѣхъ, кто въ немъ и подъ его покровомъ»; или: «Симъ хрисовулломъ опредѣляется, чтобы въ жилища паройковъ монастыря не вступали ни практоры этой ѳемы, ни кто-либо иной изъ чиновниковъ, по должности ли, или по особому порученію». Въ нѣкоторыхъ хрисовуллахъ тѣ же запрещенія высказываются съ большей опредѣленностью. Такъ, въ грамотѣ, данной Мануиломъ Комниномъ въ 1158 г. всѣмъ монастырямъ столицы и ея окрестностей, мы читаемъ: «Такъ желаетъ мое царское величество, чтобы вся недвижимость этихъ монастырей считалась всѣми практорами и др. чиновниками, какъ бы изъятой изъ-подъ ихъ власти и вѣдѣнія. И подобно тому, какъ практоры въ чужихъ ѳемахъ не могутъ осуществлять какого-либо права и вообще дѣлать что-либо по своему, такъ и на монастырскихъ земляхъ эти практоры пусть какъ бы не считаются практорами».

Въ цѣломъ рядѣ хрисовулловъ (главнымъ образомъ XI в.), находится опредѣленно формулированная послѣдняя часть, начинающаяся словами: «посему мы и гарантируемъ всѣхъ въ монастырѣ отъ вмѣшательства всякаго рода носителей власти...». Далѣе идетъ длинный перечень должностныхъ лицъ, которые не должны дѣлать нарушенія привилегій, предоставляемыхъ грамотой. Здѣсь упоминаются лица, производившія сборы въ пользу казны или завѣдовавшія кругомъ дѣлъ, связаннымъ съ натуральными повинностями. Среди нихъ мы видимъ чиновъ центральнаго управленія: сакелларія, логоѳета общихъ дѣлъ, военнаго логоѳета; чиновъ придворнаго вѣдомства и областного управленія, а также чиновниковъ, наѣзжавшихъ въ области съ какимъ-нибудь временнымъ порученіемъ. Есть, однако, хрисовуллы, дарующіе экскуссіи, но минующіе это воспрещеніе доступа должностнымъ лицамъ. Это не значитъ, что пожалованный не освобождался отъ полнаго или частичнаго подчиненія мѣстнымъ органамъ государственной власти. Просто составители царскихъ хрисовулловъ часто не находили нужнымъ съ точностью выписывать всѣ составныя части экскуссіи, которая въ своей сущности была хорошо извѣстнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ учрежденіемъ. Вспомнимъ, что тѣ же особенности свойственны иммунитетнымъ дипломамъ времени Каролинговъ. Иногда хрисовуллъ заключалъ въ себѣ и совсѣмъ общее указаніе, что «пожалованный долженъ пользоваться льготами вообще сообразно съ существомъ экскуссіи».

Теперь посмотримъ, какія льготы въ отношеніи платежей и повинностей представляли хрисовуллы съ пожалованіемъ экскуссіи. Здѣсь

тоже наблюдается большая пестрота и разнообразіе: въ однѣхъ грамотахъ названо большее количество повинностей, въ другихъ меньшее. Но зато во всѣхъ непремѣнно стоитъ освобожденіе отъ повинностей натуральныхъ, въ особенности, связанныхъ съ пріемомъ агентовъ правительственной власти. Чтобы имѣть представленіе съ тѣми рядами платежей и тяготъ, отъ которыхъ государство отказывалось по отношенію къ экскуссированному монастырю, вооружимся терпѣніемъ просмотрѣть перечень ихъ въ одномъ изъ хрисовулловъ XI в. Въ немъ пожалованный монастырь освобождается: «отъ постоя чиновниковъ, служащихъ въ тагмахъ и θемахъ, римскихъ, вспомогательныхъ и наемныхъ войскахъ, отъ взносовъ взамѣнъ постоя ихъ, отъ прокорма судей, стратиговъ, сборщиковъ, испомѣщенія сановниковъ, отъ дачи подарковъ, поставки продовольствія въ крѣпости, отъ принудительной продажи муловъ,ословъ, полуословъ, лошадей, воловъ, рабочихъ и стадныхъ оленей, собакъ охотничьихъ и сторожевыхъ, гусей, утокъ, куропатокъ, павлиновъ, журавлей, лебедей, фазановъ, птицъ дикихъ и ручныхъ, и яицъ отъ нихъ, отъ доставки продуктовъ, добытыхъ покупкой, отъ дачи арендной платы, подати съ жилищъ и усадебъ, подушной подати (ἀερικόν), подворнаго налога, торговыхъ пошлинъ, почтоваго сбора, принудительной продажи хлѣба по пониженной цѣнѣ (συνιωνή), постройки укрѣпленій, починки дорогъ, мостовъ, налога на паройковъ, доставки желѣза и гвоздей для ковки лошадей, выдачи сѣна, предоставленія обычнаго продовольствія судьямъ, практорамъ, дукамъ, катепанамъ, сборщикамъ, протокентархамъ, нарочнымъ, курьерамъ, свитскимъ и всѣмъ царскимъ служащимъ, отправляющимся по какой бы то ни было надобности, снаряженія матросовъ, стрѣлковъ, всадниковъ, копейщиковъ, и другихъ воиновъ, рубки и доставки всякаго лѣса или перевозки иного рода, постройки всякихъ судовъ, пиленія досокъ... и т. д., и т. д., и отъ всякаго иного отягощенія и ущерба».

Этотъ безконечный перечень, съ одной стороны, показываетъ намъ, отъ какой массы доходовъ и поступленій, отъ сколькихъ необходимыхъ для себя категорій работъ приходилось отказываться государству въ пользу монастырей, а съ другой, рисуетъ во всей широтѣ и сложности эти крупные хозяйственные организмы, настоящія владѣтельныя княжества внутри имперіи.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на самыя условія пожалованія экскуссіи. Подобно западному иммунитету, она предоставлялась обыкновенно по просьбѣ желавшаго ее получить («Наше царское величество во вниманіе къ прошенію монастырской братіи, соизволило сей хрисовуллъ—и т. д.»), и со стороны императора являлось актомъ милости и благоволенія (χάρις), но тоже обыкновенно давалась она на вѣчныя

времена. Правда, въ дѣйствительности, экскуссія часто нарушалась, такъ какъ имперскіе чиновники ухитрялись пробираться съ своими хищными и цѣпкими руками и въ эти заповѣдные круги—и хрисовуллы приходилось издавать вновь, повторять по нѣскольку разъ. Такъ, напримѣръ, монастырь Дѣвы Маріи Лемвіотиссы за 56 лѣтъ (1228—1284) получилъ цѣлыхъ 5 хрисовулловъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ были даны по случаю распространенія экскуссіи на его новыя владѣнія но и въ этихъ грамотахъ подтверждаются прежнія привилегіи монастыря.

Императорскія грамоты обыкновенно точно указываютъ, на кого распространяются экскуссіонныя льготы. Подъ покровъ экскуссіи въ пожалованномъ ею монастырѣ попадали не только монахи и церковные люди, но и крестьяне-паройки, живущіе въ монастырскихъ владѣніяхъ, которые часто и перечисляются въ хрисовуллѣ. Податные чиновники тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы на этихъ земляхъ не появлялось новыхъ присельниковъ: платежи съ нихъ должны были поступать въ казну. Въ видѣ особой милости давалось монастырю право селить у себя чужихъ и неизвѣстныхъ казнѣ людей. Тогда на этихъ новыхъ поселенцевъ распространялись ранѣе данныя монастырю льготы и изъятія.

Что касается другой основной привилегіи, связанной съ иммунитетомъ, права владѣльца льготнаго диплома производить судъ въ своихъ владѣніяхъ, то на основаніи до сихъ поръ изученнаго матеріала хрисовулловъ, трудно рѣшить, всегда ли экскуссія включала въ себя и судебныя права. Въ однихъ, особенно позднѣйшихъ, есть предоставленіе монастырю самому судить своихъ паройковъ, взимать съ нихъ подати и управлять ими. Въ другихъ—эта привилегія не упоминается, и изъ побочныхъ документовъ выясняется, что монастыри, обладавшіе экскуссіей, не пользовались, однако, судебно-административной автономіей. Такъ, напримѣръ, монастырь Лемвіотиссы въ своихъ тяжбахъ съ посторонними лицами является отвѣтственнымъ передъ судомъ Смирнскаго митрополита, дука Θракійской θемы и военнаго судьи.

Я остановился на обзорѣ объема и содержанія экскуссіи по императорскимъ хрисовулламъ, пожалованнымъ монастырямъ, будучи убѣжденъ, что это особое положеніе монастырей, ихъ экзимированность не были новостью, входившей въ жизнь имперіи, не ранѣе X в., вмѣстѣ съ появленіемъ хрисовулловъ. Экскуссія, какъ можно съ увѣренностью утверждать, была всегда существенной и характерной особенностью крупнаго монастырскаго землевладѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ оно выдвигается въ роли преобладающаго въ имперіи. Мысль о перенесеніи экскуссіи съ германскаго запада, конечно, приходится оставить, какъ слишкомъ очевидно наивную. Въ исторіи имперіи, начиная съ

VI в., безъ особаго труда и вполнѣ явственно намѣчаются условія, изъ которыхъ складывалось особо-привилегированное, антигосударственное положеніе большихъ и богатыхъ монастырей. Первыя основанія его заложены были очень рано, еще тѣми привилегіями, которыя были установлены для христіанскаго духовенства Константиномъ Великимъ и его преемниками. Онѣ заключались въ томъ, что клирики были освобождены отъ несенія городскихъ и государственныхъ должностей, отъ уплаты государственной подати, отъ ямской и постойной повинностей. Другая линія этихъ основаній исходитъ изъ того обстоятельства, что первые крупные монастыри, дававшіе впослѣдствіи, такъ сказать, тонъ и рядамъ менѣе значительныхъ, были по преимуществу императорскими (Μοναστήρα βασιλικά), т.-е. созданными императорами, начиная съ Юстиніана, на императорскихъ или казенныхъ имѣніяхъ, сальтусахъ, или на таковыхъ же, перетянутыхъ изъ рукъ сенаторской знати.

Для ясности дѣла слѣдуетъ принять во вниманіе, что монастыри Восточной имперіи, подчинены были далеко не одинаковымъ правиламъ; различно было и ихъ юридическое положеніе. Въ общемъ можно распредѣлить ихъ на двѣ категоріи: съ одной стороны, монастыри «свободные и аутодеспотическіе», съ другой—зависящіе отъ кого-либо или принадлежащіе кому-нибудь. Но собственно говоря, это дѣленіе ничего не говоритъ о различіяхъ въ порядкахъ монастырей. Каждый монастырь въ дѣйствительности подчиненъ былъ своимъ особымъ правиламъ, опредѣленнымъ въ актѣ основанія, согласно волѣ основателя. Но слѣдуетъ замѣтить, что большинство актовъ весьма схожи другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, если въ теоріи каждый аутодеспотическій монастырь и является такъ сказать уникомъ, на практикѣ всѣ они въ общемъ управляются тождественными уставами. Въ «зависимыхъ» монастыряхъ различія выступаютъ рѣзче въ зависимости отъ того, подъ чьей властью находится монастырь.

Аутодеспотическіе монастыри (или «свободные»), это тѣ, которые не подчинены ничьей частной власти и управляются самостоятельно. (Аутодеспотія даруется монастырю актомъ основанія, типикомъ.) Это различеніе мы замѣчаемъ еще въ нѣкоторыхъ новеллахъ Юстиніана. Въ новеллѣ 7-й императоръ запрещаетъ продавать кому бы то ни было, мѣнять и дарить монастырь, въ которомъ совершаются св. таинства (таинства совершались не вездѣ, а только тамъ, гдѣ были храмы). Ясно, что монастырь могъ принадлежать и частному человѣку. А въ новеллѣ 120-й, устанавливающей условія и сроки эмфитевзиса на церковныхъ земляхъ, противополагаются благочестивыя учрежденія, самоуправляющіяся, такимъ, которыми управляетъ мѣстный епископъ.

Конечно, и аутодеспотическіе монастыри были подчинены надзору мѣстнаго епископа въ сферѣ каноническихъ правилъ, но въ управленіе монастыря епископъ не смѣлъ вмѣшиваться. Конечно, епископъ водружалъ свой крестъ на такомъ монастырѣ, но это было исключительно внѣшнимъ знакомъ его канонической юрисдикціи, поскольку безъ укрѣпленія креста нельзя было основать монастырь.

Со стороны епископовъ постоянно должна была проявляться и проявлялась тенденція накрыть своей рукой управленіе свободныхъ монастырей. Жалобы игуменовъ императору или патріарху на вмѣшательство ихъ и злоупотребленія были весьма часты. Въ отвѣтъ на нихъ императоры и объявляли свои хрисовуллы, а патріархи писали свои рѣшенія, въ охрану монастырей отъ властной руки епископовъ. Тѣ же стремленія проявляли и императорскіе чиновники, да и не одни они, а и просто сильные люди, иногда даже жители села въ своей совокупности.

Самыми знаменитыми изъ аутодеспотическихъ монастырей были Аѳонскіе, первое упоминаніе о которыхъ мы имѣемъ отъ 842 г., т.-е. съ года возстановленія иконопочитанія. Но слѣдуетъ думать, что они существовали и пользовались экзимированностью и много раньше.

Слѣдующей категоріей монастырей были такъ называемые императорскіе Въ Новеллѣ императора Алексія Комнина (правда, опять-таки, относящейся къ позднему времени), устанавливается различіе между автодеспотическими и императорскими монастырями. Но въ общемъ большинство текстовъ смѣшиваетъ эти два вида.

Императорскій монастырь это такой, который основанъ самимъ императоромъ на императорскомъ доменѣ и которому самъ императоръ пожаловалъ землю и необходимыя матеріальныя средства. Такихъ монастырей было не мало, такъ какъ императоры, такимъ образомъ, считали выгоднымъ эксплоатировать свои имѣнія въ формѣ монастырей-сальтусовъ. Сюда же можно отнести и монастыри, основанные на земляхъ фиска или же основанные на частныхъ земляхъ, потомъ отошедшихъ въ казну посредствомъ конфискаціи, что въ имперіи среди постоянныхъ политическихъ переворотовъ и революцій, должно было практиковаться очень часто.

Императоръ считался полнымъ собственникомъ такихъ монастырей, свободно распоряжался доходами, получаемыми съ нихъ и только въ каноническомъ отношеніи за патріархомъ признавались нѣкоторыя права надзора и указаній чисто церковнаго характера.

Но дѣло въ томъ, что не разъ мы находимъ въ документахъ монастыри, которые въ одно и то же время называются и императорскими и аутодеспотическими. Здѣсь есть какое-то противорѣчіе:

если императорскій монастырь полная собственность императора, то какъ можетъ онъ быть и автодеспотическимъ, т.-е. пользоваться полной свободой въ управленіи своими имуществами и въ распоряженіи своими доходами? .

Нужно думать, что цѣлый рядъ монастырей, обозначенныхъ какъ императорскіе, не были, на самомъ дѣлѣ, собственностью императора и управлялись свободно. По крайней мѣрѣ, лѣтописецъ Ѳеофанъ обвиняетъ императора Никифора (одного изъ иконоборческихъ императоровъ) въ томъ, что онъ обязалъ колоновъ императорскихъ монастырей платить καπνικόν, т.-е. подушный налогъ. Ясно, конечно, что это обложеніе касалось крестьянъ не только императорскихъ, но и всякаго рода монастырей, но Ѳеофанъ говоритъ только о первыхъ. Значитъ, многіе изъ императорскихъ монастырей не были полной собственностью императора: иначе мѣра Никифора останется совершенно непонятной: какимъ образомъ хозяинъ не могъ распорядиться своимъ добромъ такъ, какъ ему было угодно.

Монастыри дорожили своей принадлежностью къ разряду императорскихъ: они усиленно добивались хрисовулловъ, устанавливавшихъ ихъ въ этомъ рангѣ; они пріобрѣтали тѣмъ высокаго и могучаго покровителя и выбивались изъ-подъ власти и надзора и епископовъ и мѣстной администраціи. Поэтому становится понятнымъ, какъ многіе изъ автодеспотическихъ монастырей, не могшихъ среди тревогъ и опасностей охранить свою автономность, предпочитали передаться подъ высокую руку императора, чтобы гарантировать себѣ невмѣшательство со стороны различныхъ враждебныхъ силъ.

Далѣе шли патріаршіе монастыри, т.-е. такіе, которые были поставлены подъ непосредственный авторитетъ патріарха. Прежде всего это монастыри, основанные и устроенные самимъ патріархомъ (разумѣется, конечно, патріархомъ Константинополя), значительные доходы котораго позволяли ему создавать много монастырей. Это была полная собственность патріарха, которой онъ распоряжался, какъ ему было угодно и выгодно.

Но не эти монастыри составляли главнѣйшую массу носившихъ названіе патріаршихъ. Существеннѣе здѣсь были тѣ, которые стали таковыми въ силу права ставропигія. Право это заключалось въ водруженіи деревяннаго патріаршаго креста позади алтаря монастырской церкви съ надписью о годѣ и днѣ церемоніи. Патріархи могли осуществлять это право во всѣхъ областяхъ имперіи. Посредствомъ постановки такого патріаршаго креста церкви и монастыри изымались изъ-подъ юрисдикціи мѣстнаго епископа и подчинялись непосредственно юрисдикціи патріарха. Понятно, почему многіе основатели монасты-

рей стремились поставить ихъ прямо подъ патріаршій ставропигій. Патріархъ далеко и не въ состояніи постоянно и неуклонно заниматься дѣлами даннаго монастыря. Напротивъ, епископъ находится подъ бокомъ и, конечно, склоненъ напрягать свое вмѣшательство во внутреннюю жизнь монастыря. Перевести монастырь подъ патріаршій крестъ, значило обезпечить ему значительную долю свободы и самостоятельности.

Патріархъ, разумѣется, обладалъ относительно этой второй категоріи своихъ монастырей далеко не тѣми же правами, что относительно первой: здѣсь онъ не собственникъ. Но все-таки онъ и здѣсь пользуется значительными доходами, которые ускользали изъ рукъ мѣстныхъ епископовъ. Эта тенденція высвободить монастыри изъ-подъ воздѣйствія ближайшей ординарной власти замѣчается въ VII—VIII и дальнѣйшихъ вѣкахъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Здѣсь старались перетянуть ихъ подъ верховенство Святого Престола, т.-е. папства. На востокѣ въ этомъ направленіи дѣйствовали константинопольскіе патріархи, которые не только охотно жаловали свой ставропигій вновь созидавшимся монастырямъ, но врывались съ своимъ крестомъ въ ранѣе основанные, подъ епископскимъ ставропигіемъ монастыри. Между патріархатомъ и епископатомъ на этой почвѣ должна была начаться очень рано жестокая конкуренція и даже яростная вражда, которая не разъ обострялась и особенно сильно произошло это въ VIII в., давъ одну изъ основныхъ линій такъ называемаго иконоборчества.

Подобно императору и патріарху, и митрополиты могли основывать монастыри, снабжая ихъ матеріальными рессурсами митрополіи. Такимъ образомъ, существовали особые митрополичьи монастыри. Въ ихъ число слѣдуетъ включить и тѣ, въ которыхъ митрополитъ водружалъ свой ставропигій помимо мѣстнаго епископа, входившаго въ составъ данной митрополіи. Несомнѣнно, епископы противились такому вытаскиванію монастырей изъ-подъ своей юрисдикціи и распоряженія, подобно тому, какъ они это дѣлали по отношенію и къ патріарху, и здѣсь иногда находили въ послѣднемъ своего союзника, поскольку излишнее усиленіе митрополичьей власти не всегда входило въ интересы патріархата.

Наконецъ, были и епископскіе монастыри, т.-е. прежде всего основанные и снабженные всѣмъ необходимымъ со стороны самихъ епископовъ. Послѣдніе охотно создавали такія организаціи, какъ доходныя и выгодныя. Затѣмъ слѣдуетъ помнить, что каждый монастырь, если его положеніе не оговорено было особо, зависѣлъ отъ епископа, въ діоцезѣ котораго онъ находился. Но если въ теоріи это было такъ, то въ дѣйствительности, оказывалось столько исключеній и изъятій, что въ

концѣ-концовъ почти исчезало самое правило. Особенно настойчива была узурпація со стороны патріарховъ, грозившая превратить самые діоцезы въ звукъ пустой и сдѣлать функціи епископовъ почти почетными. Тѣмъ болѣе, что сами монастыри, зависѣвшіе отъ епископовъ, искали способовъ вырваться изъ-подъ этой близкой юрисдикціи, добиться той или иной степени аутодеспотіи. И императорамъ, и патріархамъ, постоянно приходилось вмѣшиваться въ этого рода конфликты и эмансипировать монастыри отъ ординарной церковной и государственной власти своими хрисовуллами и декретами.

Я не буду говорить о монастыряхъ, состоявшихъ при благочестивыхъ учрежденіяхъ, наконецъ, бывшихъ собственностью частныхъ лицъ. Указаннаго о различныхъ рангахъ монастырей достаточно, думается, чтобы живо представить себѣ происхожденіе изъятости, экзимированности ихъ высшихъ разрядовъ: аутодеспотическихъ, императорскихъ и патріаршихъ.

Если взять категорію императорскихъ монастырей, то они изъяты были изъ-подъ власти и юрисдикціи патріарха константинопольскаго они стояли подъ непосредственнымъ верховенствомъ и покровительствомъ императора и вслѣдствіе этого не несли ординарныхъ повинностей и не подчинены были ординарнымъ властямъ, а въ сферѣ своего церковнаго управленія были независимы отъ мѣстной епархіальной власти, т.-е. столкновенія между монашествующими вѣдалъ и разбиралъ самъ монастырь; естественнымъ расширеніемъ ея было то, что и всѣ жившіе на монастырскихъ владѣніяхъ люди, т.-е. главнымъ образомъ, записанные за такимъ монастыремъ паройки, крестьяне подлежали его юрисдикціи. Я склоненъ думать, что, если та же автономность въ значительной степени распространилась и на неимперскіе, патріаршіе монастыри, такъ называемые ставропигіальные, то здѣсь мы наблюдаемъ явленіе производнаго ранга, и въ своей сущности и началѣ «изъятость» крупныхъ монастырей и ихъ владѣній вытекаетъ изъ экзимированности императорскихъ вотчинъ, предоставленныхъ со всѣми своими особенностями и правами, въ «болѣе вѣрныя и чистыя руки». Но эти «чистыя руки и святыя души» и сами по себѣ облечены были привилегіями, какъ особо почтенная и признававшаяся чрезвычайно важной для блага государства корпорація или общественная группа. Въ своемъ сплетеніи и взаимодѣйствіи эти два ряда условій и создавали то исключительное положеніе монастырей въ имперіи VI—VII вв., какого не могли занять прежніе носители крупнаго землевладѣнія, свѣтскіе магнаты и потенты. Экскуссію, какъ она предстаетъ въ хрисовуллахъ, нѣтъ основаній отрывать отъ старинной «аутодеспотіи» монастырей-княжествъ: это, несомнѣнно, различныя фазы или моменты одного и того же про-

цесса. Но между данными моментами залегли и значительныя измѣненія въ общемъ соціально-политическомъ укладѣ имперіи и нѣсколько разъ загоравшаяся борьба правительства, государства съ этими успѣхами диссоціаціи. Побѣда оставалась не на сторонѣ государства, но задерживался, прерывался и полный разливъ феодальныхъ силъ. Появленіе хрисовулловъ знаменовало собой уже значительное суженіе и убыль монастырской привилегированности. Прежняя нерасчлененная и хаотическая экзимированность сжалась до отчетливо ограниченной и канцелярски расчерченной, дипломированной экскуссіи. Читая аккуратно перечисленныя льготы и изъятія въ грамотахъ XI—XII в., живо чувствуешь, что золотой вѣкъ монастырской «самодержавности» остался далеко позади: его надо искать въ VII—VIII вѣкахъ, когда имперіи, дѣйствительно, грозило превратиться въ слабое, разсыпчатое сцѣпленіе княжествъ-монастырей. Это былъ, дѣйствительно, критическій моментъ въ существованіи государства. Тяжелое военное положеніе отражалось и на прочихъ сторонахъ жизни. VII столѣтіе было временемъ глубокаго паденія образованности и одичанія, какъ на Западѣ, такъ и въ имперіи. Я напомню тѣ явленія, на которыя обыкновенно ссылаются для изображенія этого умственнаго и нравственнаго упадка и растерянности VII в. Плохо воспринятое простонародными массами христіанство легко оттягивалось въ старое, еще не совсѣмъ погасшее язычество: христіанскія вѣрованія перевивались языческими повѣрьями обычаями. Въ болѣе высокихъ общественныхъ слояхъ также замѣчалось повышенное религіозное сознаніе, нервная напряженность вѣры, исканіе сверхъестественной защиты, матеріализація религіозныхъ представленій и пріятіе чуда. Монашество, монастыри при такомъ поворотѣ общественнаго сознанія и настроенія, пріобрѣтали необыкновенное значеніе. Монахи, ведшіе, какъ это выразилъ еще Юстиніанъ, почтенную жизнь, приводившую въ непосредственное соприкосновеніе съ Богомъ, смывающую съ человѣка всю его скверну, полезную для всего общества въ силу святости ихъ и молитвъ, возносимыхъ къ Богу, становились руководящимъ соціальнымъ элементомъ. Монастыри, съ ихъ строгими уставами, съ кажущимся удаленіемъ отъ мірскихъ тревогъ и опасностей, влекли къ себѣ и въ себя, и все болѣе значительныя массы людей, и все новыя матеріальныя средства и деньги, и земли, и сооруженія. При такомъ общественномъ укладѣ еще болѣе возрастали силы и стойкость малыхъ организмовъ, проросшихъ внутри оскудѣвшаго и расползшагося великаго государства, еще выпуклѣе подчеркивалась удѣленность и обособленность въ государствѣ своеобразныхъ феодальныхъ міровъ, монастырей-княжествъ. Они были могучи и какъ крупнѣйшіе землевладѣльцы особо привилегированнаго

типа, но слѣдуетъ обратить вниманіе и на другой источникъ или другое условіе ихъ необычайной стойкости и мощи, наперекоръ и въ ущербъ государству. Среди политическихъ смутъ, соціальнаго хаоса, хозяйственнаго оскудѣнія и культурнаго огрубѣнія, характеризующихъ жизнь имперіи въ VI—VII вв., монастыри стояли, какъ неприступныя крѣпости съ своими укладами и порядками. Только здѣсь были элементы благоустроенія, организованности, общительности и сотрудничества: только здѣсь въ складѣ и движеніи жизни была цѣлесообразность и сознательность; только здѣсь, наконецъ, было общее подчиненіе опредѣленному закону и власти.

XIV. Организація монастырства и особенности монастырскаго феодализма.

Мы должны теперь попытаться ясно представить себѣ, въ какомъ смыслѣ и въ какой степени монастыри, достигшіе въ VII в. значительной «аутодеспотіи», а въ то же время весьма многочисленные въ имперіи, были силой, разстраивавшей и разбивавшей государство. Другими словами, въ какомъ смыслѣ монастыри-сеньоріи были носителями феодальнаго расчлененія въ имперіи, заступая здѣсь мѣсто герцогствъ и графствъ Западной Европы. И въ данномъ случаѣ приходится, прежде всего выдвинуть ту мысль, что сепаратистическая сила монастырей была внушительнѣе таковой же западно-европейскихъ сеньорій, что послѣднія строились и росли, какъ чисто-феодализированные организмы со всѣми характерными особенностями феодальныхъ тѣлъ, какъ феодальныя государства въ миніатюрѣ: разница была только въ масштабахъ. Напротивъ, монастыри въ Восточной имперіи конструировались элементами анти-феодальными. Въ этомъ была ихъ непреоборимая сила и необыкновенная живучесть внутри феодализированной имперіи. Въ этомъ своеобразіе восточно-европейскаго, «византійскаго», феодализма. Процессъ тотъ же: большое соціально-политическое тѣло утрачиваетъ жизнеспособность, оно разлагается и размыкается на малые, живучіе, доступные для понизившагося политическаго сознанія, организмы. Но въ различныхъ культурно-этническихъ районахъ эти малые организмы—свои: оттого между, напримѣръ, даже итальянскимъ и нѣмецкимъ, англійскимъ и испанскимъ феодализмомъ и замѣчается такая разница, что приходится говорить словно бы о совсѣмъ различныхъ стадіяхъ соціальнаго развитія.

Въ Восточной имперіи феодализація, съ ея основными теченіями налицо. Уже въ VII в. единой имперіи въ д ѣ й с т в и т е л ь н о с т и не существуетъ. Но за то тѣ «удѣльности», которыя выдвигаются на первое,

самое опасное для «государства» мѣсто, помимо отпаденій, расхожденій областей, этнографическихъ отчужденій, которыя при такихъ условіяхъ начинаютъ играть особенно буйно, тѣ типичныя ячейки, которыми разсаживается и приспособляется растерявшееся и помутнѣвшее общество, здѣсь, на Востокѣ, все время стремились избавиться и освободиться отъ слабостей и недостатковъ, свойственныхъ феодализированной организаціи.

Съ этой цѣлью, въ качествѣ матеріала для изученія, мы привлечемъ главнымъ образомъ творенія Ѳеодора Студита, величайшаго монастырскаго организатора, реалиста и практика по своему міросозерцанію, государственника и общественника въ своихъ монастырскихъ концепціяхъ. При этомъ я хочу подчеркнуть, что мы въ немъ имѣемъ дѣло не съ оригинальнымъ реформаторомъ и изобрѣтателемъ. Ѳеодоръ лишь наиболѣе выпукло и дѣловито формулировалъ и распредѣлилъ тенденціи и интересы, характеризующіе извѣстные общественные круги имперіи VIII и даже VII в. Все это не неожиданныя новшества, не геніальныя откровенія, а доточно-упорядочивающія обобщенія и совѣты настоящаго дѣльца, прямо и сознательно идущаго къ опредѣленной цѣли, отлично знающаго, что должно получиться въ результатѣ. Таковъ Ѳеодоръ во всѣхъ своихъ писаніяхъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ: трезвый, упрямый, прямолинейный и вѣрящій въ спасительность своего дѣла, не гнущійся акривистъ, а не икономистъ, т.-е. не оппортюнистъ. Фигура этого горячаго защитника точнаго и общеобязательнаго соблюденія евангельскихъ завѣтовъ, какъ онъ ихъ понималъ, и церковныхъ каноновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ внутренней свободы церкви, дѣйствій іерархіи, внѣшней независимости церкви отъ государства, пройдетъ передъ нами въ изложеніи исторіи иконоборческаго движенія. Здѣсь мы беремъ другую область, окончательную и совершенную формулировку организаціи монастырскаго общежительнаго строя. Одинъ изъ біографовъ Ѳеодора говоритъ, что, преподобный особливо пріятенъ и полезенъ для ведущихъ иноческую жизнь. Современники и близкія къ его времени поколѣнія чувствовали великое общественное значеніе въ этомъ «монашествующихъ богодухновенномъ удобреніи», «второмъ Василіи».

Самъ Ѳеодоръ въ «Великомъ Оглашеніи», воздавая похвалу своимъ ученикамъ, студійскимъ монахамъ, восклицаетъ: «Радуйтесь, небесные жители, изгнанники на землѣ, обитатели вышняго Іерусалима, наслѣдники царства небеснаго, не имѣющіе жребія и доли въ земныхъ сладостяхъ. Радуйся, благое и богособранное братство, единодушное, единосердечное, отцелюбивое и братолюбивое Собраніе, ангельскій на землѣ полкъ, возстановители древняго житія святыхъ Отцовъ нашихъ. Радуйтесь, работники Божіи, трудолюбцы и мужи апостольскіе, которые и день и ночь

работаютъ своими руками, дабы не отяготить другихъ, и которые этимъ удовлетворяютъ не только свои нужды, но и своихъ слабѣйшихъ братьевъ, а также и постороннихъ нуждающихся людей. Радуйся, несокрушимый строй, богосоединенный ликъ, котораго не сокрушили ни царская угроза, ни страхъ передъ властями, ни даже уже готовая смерть. Радуйтесь, радующіеся другъ за друга и усвояющіе каждый себѣ отличіе своего брата, въ коихъ нѣтъ зависти, ни соперничества, ни недоброжелательства, а вмѣсто этого миръ, любовь и согласіе...». Изображая тѣ значительные успѣхи, какихъ достигла въ нравственномъ совершенствованіи руководимая имъ Студійская киновія, Ѳеодоръ намѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, нѣсколько гиперболически, тотъ идеалъ монашескаго общежитія, которымъ онъ вдохновлялся. Если для каждаго члена такого братства такимъ идеаломъ было спасеніе и приготовленіе въ себѣ совершеннаго человѣка, премірнаго монаха-ангела, то для общины въ ея цѣломъ предполагается здѣсь не только устроеніе «небеснаго гражданства», путемъ «распятія для міра», «полученіе нетлѣннаго путемъ оставленія тлѣннаго», но и побѣда надъ этимъ «міромъ», устроеніе «несокрушимаго строя», принесеніе на землю мира, любви и согласія.

Насколько мнѣ извѣстно, монастырскіе «уставы» не изучались и не изслѣдовались съ той точки зрѣнія, съ какой я намѣтилъ къ нимъ подойти. Въ нихъ выраженъ одинъ изъ способовъ приноровленія людей, общества къ тому, что мы называемъ успѣхами феодализаціи. Монашество, монастырство, одна изъ формъ, въ которыхъ отливались попытки самоорганизаціи людей при помутнѣніи идеи государственности и растущей неспособности разлагающагося государства обезпечить обществу внутренній миръ и охрану безопасности И можетъ быть, именно эту форму слѣдуетъ признать наиболѣе яркой и рѣшительной, идущей много дальше, чѣмъ установленіе частно-патронатныхъ союзовъ. Въ отрѣшеніи отъ міра и всѣхъ земныхъ привязанностей звучитъ протестъ противъ главной, самой грозной мірской силы—государства, которое препятствуетъ дѣлу спасенія и посвященія себя на служеніе Богу, которое не позволяетъ человѣку идти «царскимъ путемъ». Тѣ добродѣтели, которыя чужды государству, неосуществимы, немыслимы въ его суетѣ и борьбѣ: смиреніе, непрочность, безстрастіе, кротость, прямодушіе, любовь, миръ, терпѣніе, онѣ и являются основными моментами монашества, какъ отказа отъ мірской жизни. Облекшись ими, монахи и становятся сынами Божіими, сынами совершенства и славы. Но это, такъ сказать, пассивная, аскетическая часть ухода изъ «царства міра сего». Но на ряду съ ней развивалась и укрѣплялась и другая—активная, воинствующая съ нимъ. Не только устроеніе «небеснаго граждан-

ства». путемъ распятія для міра, полученіе нетлѣннаго путемъ оставленія тлѣннаго, но и побѣда надъ «этимъ міромъ», «устроеніе несокрушимаго строя», въ противовѣсъ государству, какъ выражался Ѳеодоръ Студитъ, пришесеніе на землю мира, любви и согласія, которыхъ не въ состояніи оказывалось взращивать «царство міра сего», но которыя предназначены закрыть собой и царскія угрозы и удары властей земныхъ, и страхъ смерти. Организація такого «ангельскаго на землѣ воинства», явно враждебнаго къ земному строительству людей. къ ихъ общественной и политической организаціи, къ людскимъ формамъ собственности и хозяйствованія, проводится въ особой категоріи подвижничества, въ киновіи или монашескомъ общежитіи Съ теченіемъ времени устроеніе въ формахъ общежительнаго монастырства все болѣе возвышалось надъ иночествомъ въ формѣ анахоретства и отшельничества. Къ той эпохѣ, которую мы изучаемъ, къ VIII—IX вв., это превосходство сдѣлалось общепризнаннымъ. Киновія по типу каппадокійской киновіи Василія Великаго, вотъ идеалъ монастыря, въ которомъ, по признанію Ѳеодора Студита, дѣйствительно, можно выполнить монашескіе обѣты и проявить все разнообразіе добродѣтелей. Въ киновіи въ полнотѣ и осуществляется послушаніе или отсѣченіе своей воли, которое составляетъ основу монашества. Ѳеодоръ Студитъ характеризуетъ общежитіе, какъ собраніе и объединеніе во имя Господа Нашего Іисуса Христа, мужей изъ различныхъ мѣстностей, чужихъ другъ другу, съ различными характерами и различнаго возраста, устроенное и упорядоченное въ одно тѣло, которое, хотя и имѣетъ много душъ, много сердецъ, много умовъ, пребываетъ, однако, въ единомысліи и единодушіи для исполненія воли Божіей. Его не можетъ разрушить и убить не только какой-либо обыкновенный человѣкъ, но и мірская власть, вельможи и цари, ни даже самъ начальникъ демоновъ. По своему устройству киновія есть одно изъ такихъ великихъ чудесъ и дивныхъ дѣлъ, какъ изгнаніе бѣса, или исцѣленіе слѣпого, или воскресеніе мертвыхъ. Въ киновіи всѣ равны и единомысленны: здѣсь и правитель отлагаетъ свое господство, и богатый отвергаетъ свое богатство, какъ соръ, и бѣдный забываетъ о своей бѣдности, и сирота избавляется отъ своего сиротства, и даже царь, слагая свою порфиру, причисляется къ братству, которое есть равночестное тѣло Христово.

«Конечно,—говоритъ Ѳеодоръ,—велико служеніе Богу въ горахъ, на столпѣ, въ затворѣ..., но создатель неизреченныхъ благъ самъ избралъ законъ и заповѣдь послушанія. И нѣтъ ничего выше и прекраснѣе общежитія, этого единомыслія въ благочестіи, сплошной духовной радости, новаго рая, въ которомъ обитаютъ только братья, сыны свѣта, царское священство, у котораго общественный строй небесный,

а не земной, жизнь не во плоти, а сверхъ плоти, дѣло не гибнущее, преходящее и тлѣнное, но духовное, спасительное и вѣчное»...

Раскрывая (въ такихъ выраженіяхъ) основную идею Киновіи, Ѳеодоръ Студитъ явственно подчеркиваетъ воинствующій ея характеръ, назначеніе ея—побѣдить земное, преходящее, ненадежное строительство, выдвигаетъ въ ней элементы, противоположные соціально-экономическимъ и политическимъ отношеніямъ, которыя господствуютъ въ земномъ государствѣ. Въ политическомъ отношеніи киновія—организація напряженнаго деспотическаго монархизма, какого не знали никогда даже и Римская имперія, и восточныя царства. Власть монарха-игумена, руководителя и осуществителя основного замысла и всепоглащающей задачи киновіи, послушанія, безпредѣльна, непререкаема. Она простирается въ самые тайники душъ и тѣлъ подвластныхъ, она не знаетъ границъ, не знаетъ пощады и уступокъ. Такая постановка власти является прямо противоположной той, какая оказывается въ феодальномъ строѣ съ ея расплывчатой уступчивостью, короткой вліятельностью, черезполосной договорностью и зависимостью отъ матеріальной силы.

Въ хозяйственномъ и общественномъ отношеніи киновія явно соціалистична. Въ своемъ идеалѣ, какъ онъ рисовался, по крайней мѣрѣ, Ѳеодору Студиту, это солидно обоснованная коммуна, съ надежно поставленнымъ и убѣдительно внушеннымъ сознаніемъ безусловнаго равенства, и безвозвратнымъ уничтоженіемъ всѣхъ поводовъ къ раздѣленіямъ и спорамъ изъ-за собственности и прочихъ благъ. «У насъ все это изгнано и господствуетъ общая собственность, или лучше—полное отсутствіе всякой собственности и обладаніе всѣмъ съ любовью и расположеніемъ ко всѣмъ». Въ этомъ смыслѣ правъ былъ Ѳеодоръ, называя общежитіе «дивнымъ чудомъ» и «новымъ раемъ». Здѣсь найденъ былъ совершенно неожиданный, казавшійся сверхчеловѣческимъ, способъ потушить ту дикую и яростную борьбу за существованіе и всякаго рода блага, которая кипѣла въ феодальномъ, огрубѣвшемъ «міру». Здѣсь не нужны уже ни клятвы, и договоры, ни борьба и компромиссы, здѣсь нѣтъ мѣста соперничеству, зависти, злобѣ, насилію, на которыя такъ много растрачивалось и труда и энергіи въ гущѣ феодальной жизни. Ѳеодоръ и предлагаетъ своей братіи представить, какой даръ непзреченной милости Божіей къ людямъ, равной по своему значенію съ нашимъ бытіемъ, и возстановленіемъ падшаго человѣчества, имѣютъ они въ монашествѣ. «Вспомнимъ,—говоритъ Ѳеодоръ,—наше прошлое, когда мы, по невѣжеству своему, бродили какъ во тьмѣ, или въ бурномъ морѣ, метались въ нашихъ дѣлахъ, вспомнимъ, откуда вызвалъ насъ всеблагій Господь, изъ какихъ страстей. Онъ взялъ насъ оттуда,

поставилъ на ноги и указалъ намъ истинный путь... Мы ушли оттуда, какъ бы изъ египетскаго рабства, и отсюда, какъ съ вершины горы взираемъ на остальныхъ людей, словно они живутъ въ какой-то глубочайшей долинѣ, какъ они тамъ набрасываются и какъ низвергаютъ другъ друга, совершенно напрасно трудясь для тлѣнныхъ и преходящихъ вещей, проявляя въ этомъ огромныя и упорныя усилія». «Великъ и преміренъ монашескій образъ: онъ стоитъ выше всѣхъ мірскихъ званій, какъ небесное гражданство», но «монахи являются свѣтомъ для мірянъ, назначены осолять міръ отъ нравственной порчи путемъ своей совершенной жизни». Ѳеодоръ Студитъ никогда не забываетъ подчеркнуть именно эту активную, боевую сторону аскетизма, поскольку она, очевидно, являлась существеннымъ моментомъ всей аскетической концепціи.

Прежде всего самое вступленіе въ монахи разсматривается здѣсь, какъ великій подвигъ, къ которому долго готовятся, проходя черезъ цѣлый искусъ. Ѳеодоръ, подобно своимъ предшественникамъ, смотритъ на постриженіе, какъ на одно изъ таинствъ, и приравнивалъ его къ крещенію. Постригаемый облекается въ новаго человѣка и пріемлетъ духа силы противъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Отсюда дальнѣйшіе выводы: 1) иноческая схима едина, 2) отрекаться отъ иночества и возвращаться къ мірской жизни нельзя: это грѣхъ, тьма и безуміе. Лучше примкнуть къ ереси и потомъ раскаяться, чѣмъ отвергнуть схиму.

Общежитіе такихъ, принявшихъ иноческій чинъ, киновійная жизнь строилась на цѣломъ рядѣ обѣтовъ, которые принималъ на себя киноватъ. Каждое изъ этихъ требованій любопытно раскрывается Ѳеодоромъ въ цѣломъ рядѣ дисциплинарныхъ правилъ и реальныхъ установленій въ самомъ укладѣ студійской киновіи. Здѣсь проходитъ передъ нами и отреченіе отъ міра, и цѣломудріе, и умѣренность, и трудъ, и молитва, но самыми главными являются два момента: послушаніе и братская общность во всемъ, прямо антагонирующіе съ двумя наиболѣе существенными основами земной людской жизни. Ѳеодоръ беретъ за образецъ іерусалимскую христіанскую общину временъ апостоловъ и заповѣдуетъ, что въ монастырѣ у всѣхъ должны быть одна воля, одно хотѣніе, одинъ путь... Одна жизнь, общее духовное и тѣлесное достояніе, все нераздѣльно, общее и ничего своего, отдѣльно собственнаго. Этимъ устанавливается общность монастырскаго имущества и полная нестяжательность каждаго. Иноку не дозволяется пріобрѣтать поля, виноградники, животныхъ, рабовъ. Только настоятель можетъ собирать большія суммы на содержаніе братіи и помощь нуждающимся. Для себя же лично ни рядовой монахъ, ни игуменъ не въ правѣ сберегать и одного сребренника: для удовлетворенія нуждъ ка-

ждаго заботится самъ монастырь. Кто истинно отрекся отъ міра, тотъ долженъ хранить совершенную нестяжательность. Самыя слова. «мое—твое» въ отношеніи къ какимъ бы то ни было предметамъ пользованія должны быть изгнаны изъ общежитія, какъ вносящія раздѣленіе. Все, что инокъ держитъ въ келіи, будь то самая обыкновенная и ничтожная вещь, игла, трость для письма, кусочекъ пищи, онъ можетъ держать лишь съ благословенія и разрѣшенія начальника-игумена. На ряду съ этимъ, братіи предписывается жить между собой въ мирѣ, согласіи, любви, единодушіи и единомысліи; кротко обращаться со всѣми, уступать при столкновеніяхъ, прощать и сносить обиды. Здѣсь всѣ должны заботиться другъ о другѣ, ободрять и помогать другъ другу, служа на общую пользу своими дарованіями. Все, что нарушаетъ этотъ союзъ и что вноситъ раздѣленіе въ киновію, должно быть удалено, таковы: зависть, вражда и соперничество, ненависть, гнѣвъ, злословіе и клевета, споры и брань, драки и своеволіе, партійности и заговоры, стремленіе къ первенству, надменность, чванство своими достоинствами или родовитостью. Ѳеодоръ не одобрялъ даже стремленія нѣкоторыхъ изъ братій къ исключительнымъ подвигамъ, такъ какъ это уязвляетъ другихъ, вытекаетъ изъ гордости, вызываетъ зависть и нарушаетъ единодушную гармонію.

Что касается обѣта послушанія, то онъ обязывалъ монаха прежде всего повиноваться игумену, какъ самому Іисусу Христу, и другимъ монастырскимъ властямъ. Онъ долженъ неуклонно, по первому требованію, исполнять ихъ приказанія, не отказываться подъ какими-либо предлогами отъ назначаемыхъ работъ и служеній, во всемъ слѣдовать установленному монастырскому порядку; и все это дѣлать искренне, безъ всякаго прекословія или ропота, безъ критики и разсужденія. «Истинный послушникъ повинуется даже сухой палкѣ, поставленной настоятелемъ, а тѣмъ болѣе человѣку и брату». Для него нѣтъ предѣловъ послушанія. Онъ повинуется такъ, какъ рабъ господину, какъ животное пастуху, какъ желѣзо кузнецу. Онъ не останавливается и передъ тѣмъ, что ему непосильно, что угрожаетъ опасностью для жизни и что кажется невозможнымъ. Въ немъ не остается мѣста собственнымъ желаніямъ и собственной волѣ. Такимъ образомъ, послушаніе, будучи, съ одной стороны, повиновеніемъ власти, съ другой стороны, выясняется какъ умерщвленіе, отсѣченіе въ себѣ личныхъ желаній и воли. Этотъ моментъ считается очень важнымъ въ общежитіи, такъ какъ имъ обезпечиваются миръ, единодушіе и цѣлость установленнаго строя. Наоборотъ, ослушаніе и своевольство вносятъ раздоры и разстройство. Поэтому послушаніе является первымъ и главнѣйшимъ требованіемъ въ киновіи.

Посредствомъ выполненія этихъ обѣтовъ и создавался тотъ прямой, царскій путь, которымъ шествуя, не озираясь по сторонамъ, монахи становятся сынами Божіими, сынами совершенства и славы. Но успѣшное совершеніе этого пути возможно, по Ѳеодору Студиту, только въ киновіи. Отшельничество ли, или такъ называемый идіоритмъ— своежитіе, гдѣ господствуетъ собственная воля, собственная власть во всемъ, кажутся ему измѣной Богу, искаженіемъ идеи монашества: тамъ, какъ хромые шатаются, носясь туда и сюда, тамъ соблазны и паденія, тамъ своевластіе, а за нимъ и тщеславіе, и сребролюбіе, и привязанность къ мірской средѣ. Въ киновіи нѣтъ этихъ опасностей, такъ какъ здѣсь все построено на безусловно проведенномъ принципѣ послушанія или отсѣченія своей воли. При этомъ административная организація киновіи, какъ ее начертываетъ Ѳеодоръ Студитъ, но какъ въ своихъ основахъ она уже вырабатывалась и налаживалась и до него, поражаетъ своей прочностью, жизненностью и приноровленностью. Это было прекрасно оборудованное политическое тѣло, правильно работавшее съ цѣлыми рядами монастырскихъ оффицій и должностной іерархіей.

Вся полнота власти, все распоряженіе послушаніемъ сосредоточено въ одномъ лицѣ, игумена, отца, пастыря, учителя и главы монастыря. Двухъ властей здѣсь быть не можетъ. «Гдѣ двѣ власти, тамъ многоначаліе, тамъ мятежи, а мятежи причина гибели. Единъ Господь и законоположникъ, едина держава, едина властъ. По образцу его устроено всякое управленіе и власть, и прежде всего въ церквахъ». Поэтому, никто изъ братіи не смѣетъ вмѣшиваться въ распоряженія игумена, ибо онъ обязанъ отчетомъ не братіи, а одному Богу. Всѣ должны довѣрять ему и безусловно повиноваться. Игуменъ во всемъ законъ для братіи. Опредѣляя его положеніе относительно должностныхъ лицъ монастыря и братіи, Ѳеодоръ Студитъ писалъ: «мы находимся какъ бы на плывущемъ по морю суднѣ, есть у насъ кормчій и матросы. Мои и ваши обязанности распредѣляются такъ: мнѣ слѣдуетъ управлять рулемъ, бодрствовать, поднявъ очи къ небу и взирая на звѣзду праведности, направлять судно... Вы, какъ стоящіе у корабельныхъ снастей, должны мнѣ повиноваться, гдѣ отпускать и гдѣ напрягать ихъ, дабы довести грузъ нашихъ душъ до пристани спасенія».

Къ игумену восходятъ всѣ отрасли монастырскаго управленія и хозяйства. Онъ назначаетъ и смѣщаетъ должностныхъ лицъ; ему отдаютъ они отчетъ въ своей службѣ. Онъ надзираетъ за ними, принимаетъ и разбираетъ жалобы на нихъ. Но больше и ближе всего онъ высшій руководитель иноковъ въ ихъ духовныхъ дѣлахъ, отецъ, учитель и воспитатель. Ему исповѣдуютъ они свои грѣхи и помыслы, ему сообщаютъ объ ихъ поведеніи должностныя лица. Онъ «смотритъ своими

внѣшними и внутренними очами, слушаетъ въ четыре уха». Всѣхъ и каждаго онъ обязанъ учить, вразумлять, обличать, одобрять какъ общими оглашеніями, такъ и частными бесѣдами, погрѣшившихъ исправлять епитиміями и всѣхъ направлять на путь спасенія.

Въ тѣхъ порядкахъ, какіе Ѳеодоръ устанавливалъ въ своемъ Студійскомъ монастырѣ, онъ опирался на предшествовавшіе киновные опыты и устроенія: онъ сводилъ воедино старыя частичныя попытки и въ результатѣ получилась своеобразная и стройная система, которую любопытно сравнить съ устройствомъ средневѣковой феодальной сеньоріи, чтобы убѣдиться въ безусловномъ превосходствѣ монастыря надъ ней и въ смыслѣ государственности, и въ смыслѣ внутренней крѣпости и жизнеспособности. Для этого стоитъ просто перечислить отчетливо распредѣленные ряды монастырскихъ должностныхъ лицъ. Спеціально богослужебная часть была представлена пресвитерами съ протопресвитеромъ во главѣ, діаконами и протодіакономъ, чтецами и пѣвцами, затѣмъ кононархомъ, созывавшимъ къ молитвѣ посредствомъ била, назначавшимъ очередныхъ чтецовъ, разучивавшимъ съ пѣвцами гласы и пѣснопѣнія, наблюдавшимъ за порядкомъ при богослуженіи, скевофилаксомъ-ризничимъ, завѣдовавшимъ церковнымъ инвентаремъ, лампадникомъ, обязаннымъ зажигать, оправлять и чистить лампады и паникадила и т. д.

Все монастырское хозяйство было въ вѣдѣніи икономa, подъ началомъ котораго находились прочія лица, вѣдавшія отдѣльныя отрасли хозяйства. Это: помощникъ икономо, казначей, келарь съ помощниками, завѣдовавшіе кладовой съѣстныхъ припасовъ и выдачей ихъ на кухню, въ пекарню, и съ подчиненными келарю хлѣбопекомъ, поваромъ и трапезничимъ. Далѣе шли: житничій, завѣдовавшій хлѣбнымъ амбаромъ, овощникъ, подваломъ съ овощами и плодами, виночерпій, протовестіарій (во главѣ портныхъ) и старшій сапожникъ—управлявшіе складами одежды и обуви, выдачей ея и работами въ своихъ мастерскихъ.

Фронтисты-разсыльные, назначавшіеся для выходовъ по дѣламъ хозяйства, напримѣръ, покупкѣ, продажѣ и доставкѣ монастырскихъ припасовъ.

Проты—старшіе въ различныхъ спеціальностяхъ, начальствовавшіе надъ служебными братьями по принадлежности: старшій зевгитъ, т.-е. пахарь, протокенуръ, т.-е. садовникъ, старшій рыболовъ, старшій плотникъ (тектонархъ), старшій ткачъ, кожевникъ, старшій каллиграфъ.

Монастырская больница состояла въ завѣдованіи старшаго носокома, который смотрѣлъ за порядкомъ въ ней, принималъ больныхъ, давалъ врачебную помощь. Библіотека лежала на отвѣтственности библіофилака; онъ былъ обязанъ содержать книги въ сохранности и по-

рядкѣ, выдавать и принимать выданныя. Монастырская гостиница, пріемъ странниковъ и уходъ за ними были на попеченіи ксенодоха. Въ канцеляріи и архивѣ работали хартуларіи, нотаріи и писаря.

Дисциплинарный надзоръ вѣдали и названныя должностныя лица въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ служебнымъ братьямъ. Спеціально же для дисциплинарнаго надзора и руководительства монахами стояли особыя лица: епистимонархи, слѣдившіе за поведеніемъ братій, разбиравшіе и судившіе ихъ проступки, наставлявшіе, вразумлявшіе и наказывавшіе виновныхъ; епитириты, которые, будучи какъ бы очами игумена, днемъ и ночью надзирали за монахами, чтобы не укрывались по тайнымъ мѣстамъ для бесѣдъ, смѣха и безстыдства, не составляли запрещенныхъ сборищъ, не безчинствовали. О виновныхъ, не налагая взысканій сами, они доносили епистимонархамъ, а тѣ игумену. Были еще въ монастырѣ дидаскалы и пайдевты, учителя и воспитатели, которые руководили или дѣтьми, воспитывавшимися въ монастырѣ, или проходившими искусъ передъ постриженіемъ иноками; таксіархи, которые поддерживали благочиніе и внѣшній порядокъ въ братскихъ собраніяхъ, наблюдая, чтобы всѣ занимали назначенныя мѣста, сохраняли благопристойность въ одеждѣ, не производили шума и безпорядка; они же вели списокъ всѣмъ членамъ братства съ показаніемъ ихъ степеней; объ умершихъ сообщали протодіакону, для внесенія въ диптихи; бѣжавшихъ изъ монастыря старались разыскать и возвратить. Назовемъ, наконецъ, еще будильниковъ, которые съ ударомъ била ходили по кельямъ, будили монаховъ къ ночному и утреннему богослуженію и во время него, обходили ряды братій и будили задремавшихъ, и привратника остіарія: онъ находился при монастырскихъ вратахъ, пропускалъ входящихъ и выходящихъ съ разрѣшенія игумена, опрашивалъ посѣтителей и посредничалъ въ ихъ переговорахъ съ иноками.

Приведеннаго матеріала, думается, достаточно для того, чтобы картина получилась весьма внушительная и убѣдительная.

Конечно, все это только идеалы, конечно, монастырская дѣйствительность оказывалась зачастую во многомъ далека отъ этой строгости и подвижничества. И вражда, и зависть, и распущенность, и паразитство широко и властно переливались въ жизни монастырей, потому что чрезвычайно пестрые элементы входили въ составъ братій при повышенномъ тяготѣніи къ монашеству въ VII—VIII вв. Но это нисколько не ослабляетъ общаго впечатлѣнія. Монастыри являлись именно въ силу своего внутренняго устроенія наиболѣе мощными и жизнеспособными организмами въ феодализированномъ обществѣ и государствѣ, тѣми убѣжищами для угнетенныхъ и растерянныхъ, слабыхъ элементовъ,

тѣми притягательными центрами для тянувшихъ къ обособленію сильныхъ элементовъ общества, въ формѣ и посредствомъ которыхъ развивалась феодализація и распаденіе большого государства на малые политическіе міры. Въ этомъ смыслѣ всасывавшіе все болѣе колоссальныя богатства, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, все шире и глубже укрѣплявшіеся въ своей экзимированности, все болѣе отнимавшіе у государства служащихъ и трудящихся людей, все болѣе стойкими становившіеся «внутренне», монастыри-княжества являлись страшнымъ врагомъ единой имперіи, прямо грозили ея существованію. И особенно напряженно и чувствительно встала эта опасность именно въ VII в., когда прокатилась первая волна арабскихъ завоеваній. Какъ разъ объ «отчизны» монашества: Египетъ и Палестина, ранѣе всего и очень быстро захлестнуты были этой мусульманской волной. Множество монастырей, сосредоточившихся въ этихъ странахъ, было разгромлено и уничтожено. Несмотря на свою, въ общемъ, большую вѣротерпимость, мусульманство отнеслось чрезвычайно сурово именно къ монастырямъ. Прежнее тихое и мирное житіе стало въ этихъ, захваченныхъ арабами областяхъ имперіи безусловно невозможно. Искавшія его значительныя массы устремляются во внутреннія области имперіи, и здѣсь, въ эгейскомъ кругѣ странъ, какъ разъ въ второй половинѣ VII вѣка, старые монастыри переполняются и въ необыкновенномъ количествѣ возникаютъ новые центры монашества. Между прочимъ въ это время выростаетъ и самый, пожалуй, знаменитый впослѣдствіи изъ монастырей имперіи, Аѳонъ. Монастыри грозили сплошь покрыть сократившуюся значительно имперію, какъ разъ въ тотъ критическій моментъ, когда она особенно нуждалась въ военныхъ силахъ и денежныхъ средствахъ, когда арабская опасность съ особой напряженностью выдвинула вопросъ о самостоятельномъ существованіи имперіи и должна была пробудить въ сознаніи правительствующихъ группъ угасавшую мысль о цѣльности государства. Это государство въ лицѣ стоявшихъ во главѣ его императоровъ неминуемо обречено было на столкновеніе съ монастырскимъ феодализмомъ. Борьба вспыхиваетъ въ началѣ VIII вѣка, но она приняла своеобразныя очертанія такъ называемаго «иконоборчества», даже, лучше сказать, закрылась этой религіозной распрей, которая тоже подготовлялась давно въ имперіи, сплелась съ ней и своей ожесточенностью заслонила ее.

XV. Иконоборчество VIII—IX в. Обзоръ источниковъ.

Религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ «иконоборчества», которое, начавшись въ имперіи въ первой половинѣ VIII вѣка, протянулось до середины IX вѣка, и до сихъ поръ остается еще мало разслѣдованнымъ. Далеко недостаточно разъяснены даже самые основные вопросы его исторіи: и вопросъ о происхожденіи иконоборчества, и вопросъ о составѣ, характерѣ и значеніи его. И здѣсь царитъ полная разноголосица въ ученой литературѣ. Одни изслѣдователи считаютъ иконоборчество крупнымъ прогрессивнымъ движеніемъ, цѣлой революціей, соціально-политической и религіозной въ одно и то же время, движеніемъ, исходившимъ изъ живучихъ античныхъ эллинистическихъ началъ. Другіе, наоборотъ, видятъ въ такой реакціи Востока поворотъ назадъ, варваризацію, нахлынувшую на имперію вмѣстѣ съ императорами, выходцами изъ Азіи—исаврами: Львомъ III, Константиномъ V, Львами IV и V и Ѳеофиломъ, которые и подняли гоненіе противъ православія, внѣшнимъ образомъ, противъ почитанія иконъ. Такимъ образомъ, возстановленіе православія и иконопочитанія трактуется ими, какъ побѣда европейскихъ, болѣе культурныхъ элементовъ. Были попытки связать иконоборчество съ торжествомъ и натискомъ мусульманства, наконецъ, вывести его изъ той или иной христіанской ереси, то изъ корней павликіанства, христіанскаго ученія, пропитавшагося персидскими религіозными идеями, то изъ остатковъ монофизитства, то изъ іудаистическаго сектантства. Такая пестрота въ освѣщеніи и разъясненіи иконоборческаго движенія, съ одной стороны, зависитъ отъ обнаруживающейся все явственнѣе большой сложности этого процесса, отдѣльные моменты и линіи котораго намѣчены правильно въ различныхъ изслѣдованіяхъ, а, съ другой стороны, отъ сравнительной скудости, а главное, отъ односторонняго состава источниковъ, въ которыхъ заключены свѣдѣнія по исторіи иконоборчества.

Они идутъ почти исключительно изъ партіи противниковъ реформы, т.-е. со стороны иконопочитанія. Естественно поэтому, что здѣсь господствуетъ тенденціозный подборъ и изображеніе фактовъ, не только затемняющіе истинный ихъ ходъ и значеніе, но часто прямо искажающіе ихъ. Основная задача этихъ писаній—показать значительность нечестиваго гоненія на иконы, показать еретичность и безбожіе правительства, оказавшагося на враждебной сторонѣ. Произведенія же, вышедшія изъ иконоборческой партіи или благопріятствовавшія ей, до насъ, къ сожалѣнію, не дошли, поскольку восторжествовавшее въ IX в. православіе или иконодульство безпощадно уничтожило все, что могло быть связано съ побѣжденнымъ иконоборчествомъ.

Главнымъ историческимъ источникомъ этого движенія обычно считается Хронографія Ѳеофана Исповѣдника. Составлена она была между 810—815 гг., т.-е почти черезъ 100 лѣтъ послѣ первыхъ выступленій иконоборческаго правительства Льва III. Авторъ былъ убѣжденный иконодулъ, и, несомнѣнно, главной задачей его труда было показаніе всей скверны иконоборчества. При своей святости, Ѳеофанъ былъ плохимъ историкомъ и мало просвѣщеннымъ человѣкомъ. Каковы были намѣренія его и какъ мало возможно полагаться на его показанія, показываетъ то обстоятельство, что императоръ Левъ V, снова поднявшій утихшее было гоненіе на монашество и иконопочитаніе, повелѣлъ Ѳеофану прекратить свой трудъ, а затѣмъ, какъ передаютъ, возбудилъ противъ него преслѣдованіе, и Ѳеофанъ былъ сосланъ въ Самоѳракію, гдѣ и умеръ въ 817 году. Ѳеофанъ, по крайней мѣрѣ, въ исторіи ранняго иконоборчества, т.-е. царствованій Льва III и Константина V, не современникъ событій, а воспринимавшій ихъ отъ «отцовъ», которые успѣли сложить опредѣленную схему и перспективу. Очутившись въ рядахъ поднимавшейся иконодульской монастырской реакціи, онъ, если и имѣлъ какія-либо собственныя непосредственныя впечатлѣнія отъ дѣтскихъ и молодыхъ своихъ годовъ, не считалъ нужнымъ воспользоваться въ своихъ писаніяхъ этимъ матеріаломъ. Хотя цѣлью исторической работы онъ и ставитъ «установленіе правды», но эту правду и Ѳеофанъ и другіе средневѣковые историки понимали весьма своеобразно, совсѣмъ не такъ, какъ понимаемъ мы. Для нихъ высшей правдой было то, что утвердилось въ сознаніи лицъ и круговъ, для нихъ авторитетныхъ. Это была правда «во славу Божію», и предъ ней поникало все: и личныя наблюденія и переживанія, и документальныя данныя. И особенно связаны были въ такомъ смыслѣ повѣствователи въ описаніи и изображеніи событій недавнихъ, еще не успѣвшихъ остынуть и оторваться отъ настоящаго.

Какъ будто болѣе пріемлемымъ представляется Бревіарій, или

Краткая Исторія патріарха Константинопольскаго Никифора, составлявшаяся приблизительно въ одно время съ Хронографіей Θеофана. Правда, здѣсь изложеніе, доведенное до 769 года, кратче, чѣмъ у Θеофана, и самые предѣлы захвачены уже: это исторія Константинополя, тогда какъ Θеофанъ претендуетъ дать разсказъ о судьбахъ вообще всего Востока. Но несмотря на близость изображеній и терминологіи этихъ двухъ историковъ, есть основанія думать, что, напримѣръ, Никифоръ помимо Θеофана, или правильнѣе, основного его источника, пользовался еще какими-то источниками, можетъ быть, уцѣлѣвшими оффиціальными документами, оставшимися недоступными для Θеофана. Никифоръ болѣе сдержанъ по отношенію къ иконоборцамъ, не позволяетъ себѣ заносить въ свой трудъ тѣхъ явныхъ несообразностей и вульгарныхъ версій, которыя стоятъ у Θеофана. Но несомнѣнно, что и здѣсь въ основѣ лежитъ не надежно переданный историческій матеріалъ, а тотъ общепринятый въ иконодульскихъ кругахъ взглядъ на иконоборчество, который создавался и устанавливался къ началу IX в.

Дальнѣйшіе продолжатели Θеофана: Георгій Монахъ (вторая половина IX в.), Левъ Грамматикъ (X в.) и др., еще менѣе заслуживаютъ довѣрія: они пересказываютъ тѣхъ же Θеофана и патріарха Никифора, но уже въ риторическомъ и декламаціонномъ стилѣ, уснащая повѣствованіе анекдотами, заимствованными изъ чрезвычайно разросшейся въ IX в. агіографической литературы, такъ называемыхъ «житій святыхъ» и мученичествъ.

Эти житія (Βίοι) на ряду съ актами (Μαρτύρια), составляющія особую отрасль церковной письменности, являются своеобразнымъ историческимъ источникомъ. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ православія, восторжествовавшая церковная партія—монашество энергично принимается за составленіе этихъ литературныхъ произведеній, задачей которыхъ было создать и прославить цѣлые кадры героевъ православія, мучениковъ и страдальцевъ за него. Въ Константинополѣ создается даже особая школа, гдѣ преподавались агіографическіе пріемы и шаблоны, основанные на классической схемѣ, на образцахъ классическихъ біографовъ и писателей. Цѣль работы—исключительно литературно-историческая. И историческій элементъ въ житіяхъ святыхъ весьма скуденъ: и спрятанъ, и часто искаженъ, потому что главное—это было соблюденіе всѣхъ литературныхъ приличій, всѣхъ подобающихъ позъ и гримасъ смиренномудрія, благоувѣтливости, елейной трогательности. Всѣ житія составлены по одной программѣ. Всѣ они начинаются съ жеманнаго предисловія о томъ, что авторъ собственно и недостоинъ писать о такомъ-то великомъ мученикѣ и чудотворцѣ, но что онъ не можетъ не выполнить порученія какого-либо святого отца. Потомъ идетъ раз-

сказъ о родителяхъ и родинѣ святого съ неизмѣннымъ восхваленіемъ страны по климату, обилію рѣкъ, пастбищъ, благорастворенности, съ разъясненіемъ имени святого, указаніемъ на богатство и знатность родителей, далѣе описаніе дѣтства святого, который непремѣнно не любитъ играть, бѣжитъ отъ удовольствій и веселья, а вырастая, уклоняется отъ брака, ведетъ строгій образъ жизни и становится монахомъ. Затѣмъ описываются его подвиги по защитѣ православія, мученія, которыя онъ потерпѣлъ отъ ярости иконоборцевъ, предсмертное завѣщаніе, кончина и, наконецъ, чудеса, изложить полностью которыя обыкновенно не хватаетъ словъ и недостаетъ времени. Заканчивается всегда обращеніемъ автора къ святому, въ родѣ: «Вотъ тебѣ, отче святый, отъ многаго малое...». При этомъ святой сравнивается съ библейскими героями, Моисеемъ, Иліей, Іоанномъ Предтечей. Послѣдняя фраза—это молитвенныя просьбы его о помощи «благочестивымъ царямъ».

Перечитывая эти житія, мы, конечно, замѣтимъ и значительныя расхожденія между ними и по полнотѣ, и по содержанію: въ однихъ голая схема, безцвѣтный, мало конкретный шаблонъ, въ другихъ—какъ будто интересный и цѣнный подборъ фактовъ, ряды яркихъ эпизодовъ, какъ будто схваченныхъ прямо изъ жизни. Наиболѣе цѣнными считались житія: св. Стефана Новаго, написанное Стефаномъ же, діакономъ Великой Церкви (въ 807 г., какъ думаютъ), житіе св. Никиты, игумена Мидикійскаго, написанное монахомъ Θеостириктомъ, и св. Андрея «въ Крисѣ», составленное, кажется, во второй половинѣ IX в. Особенно выдвигали первое, въ которомъ усматривали правдивый и содержательный разсказъ изъ эпохи ранняго иконоборчества (царствованіе Константина V). Но при ближайшемъ знакомствѣ съ этими писаніями выясняется, что ихъ яркость и конкретность обусловлены не достоинствами того фактическаго матеріала, который былъ въ распоряженіи автора, а сравнительно большей даровитостью и нарративнымъ мастерствомъ его, а также силой его фантазіи. Даже въ считавшемся наилучшимъ и самымъ историчнымъ, Житіи св. Стефана Новаго, съ первыхъ же страницъ убѣждаешься въ томъ, что въ основѣ мастерски и ярко раскрашенныхъ разсказовъ очень мало дѣйствительности. Да авторъ и не дорожитъ достовѣрностью, для него важно повитійствовать, поучить и умилить читателей чудесами.

Болѣе цѣнныя, казалось бы, для уясненія смысла и сущности иконоборчества данныя возможно почерпнуть изъ богословскихъ сочиненій участниковъ самой борьбы, которыхъ до насъ дошло достаточное количество, начиная съ трехъ знаменитыхъ рѣчей объ иконахъ Іоанна Дамаскина и писаній константинопольскаго патріарха Германа. Іоаннъ первый выступилъ противъ иконоборческаго правитель-

ства, выступилъ въ роли теологическаго защитника почитанія иконъ. Собственно, Іоаннъ былъ для имперіи иностранцемъ: онъ былъ градоначальникомъ Дамаска и первымъ министромъ халифа. Оттуда онъ и заявилъ себя врагомъ тѣхъ церковныхъ мѣропріятій, на которыя рѣшился императоръ Левъ III и въ которыхъ онъ имѣлъ значительный успѣхъ. Іоаннъ Дамаскинъ не могъ молчать, какъ онъ самъ говоритъ, узнавъ, что церковь отступаетъ отъ старыхъ священныхъ завѣтовъ, онъ и старается опровергнуть точку зрѣнія императора, доказать, что имъ допущена чуть не ересь. При этомъ, однако, онъ издали не могъ разобраться въ сложности и мотивахъ того движенія, которое было начато Львомъ III; онъ выхватилъ изъ него одну только линію, которая едва ли была главной, преслѣдованіе иконопочитанія, и вооружился противъ него исключительно и спеціально. Такимъ образомъ, въ его писаніяхъ дѣло является суженнымъ и искаженнымъ. И какъ историческимъ источникомъ, этими рѣчами мы воспользоваться можемъ лишь съ большими оговорками и осторожностями.

Еще менѣе плодотворнымъ представляется пользованіе послѣдующими богословскими опроверженіями иконоборчества, возьмемъ ли Antirrheticі патр. Никифора, или писанія Ѳеодора Студита; все это составлялось въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ Іоанна Дамаскина, опирается на доводы и ссылки, собранные имъ, и не выходитъ изъ круга матеріала, очерченнаго имъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, выступленія правительства Льва III съ самаго начала и въ своей основной сущности были направлены противъ монастырей, занявшихъ въ имперіи къ VIII в. ненормальное положеніе. Оно и не носило въ своей основѣ религіознаго характера. Но гонимому монашеству, носителямъ монастырскаго феодализма было именно чрезвычайно выгодно перетянуть дѣло на богословскую почву, попытаться въ дѣятельности правительства обнаружить богоотступничество и ересь, чтобы дискредитировать его, подорвать къ нему довѣріе со стороны массы общества. Такимъ образомъ здѣсь всегда искусно замаскирована суть дѣла, и ее приходится разыскивать съ большимъ трудомъ. Наконецъ, въ рукахъ изучающаго оказывается какъ будто бы источникъ документальнаго характера, это протоколы засѣданій Собора 787 (называющагося 7-мъ вселенскимъ), на которомъ впервые подверглось осужденію преобладавшее до тѣхъ поръ иконоборческое движеніе. Казалось бы, здѣсь долженъ быть заключенъ богатый матеріалъ данныхъ по осуждаемому иконоборчеству, еще свѣжихъ, не остывшихъ и возбуждавшихъ страсти. На первый взглядъ, это такъ и есть: какъ будто бы просто и наивно въ протоколы включены и всѣ постановленія предшествовавшаго иконоборческаго Собора, бывшаго въ 753 г. при Константинѣ V. Они опровер-

гаются отцами 7-го Собора, и въ концѣ предаются анаѳемѣ. Какъ будто мы попадаемъ въ заповѣдную область, какъ будто получаемъ документъ иконоборческаго происхожденія. На повѣрку выходитъ, однако, что довѣряться отцамъ 7-го Собора очень опасно: это очень хитрые люди, говорящіе не прямо, а экивоками, прячущіе то, что ихъ можетъ скомпрометировать, и изъ ὅρος'а Собора 753 года. выбравшіе только то, что имъ было не опасно, опять-таки ту «якобы ересь» отрицанія иконъ, которую легче всего опровергать.

Итакъ, необходимо признать, что разслѣдованіе движенія, которому пріурочено названіе иконоборчества, оказывается въ очень невыгодныхъ условіяхъ.

Непосредственно представляющій его матеріалъ отличается и скудостью, и односторонней искаженностью. Нѣтъ ли, однако, матеріала, приходящаго со стороны, косвенно освѣщающаго интересующій насъ моментъ? Какъ будто, да. Вѣдь тѣ два императора, которые считаются иниціаторами иконоборческаго движенія, Левъ III и Константинъ V, обыкновенно разсматриваются и какъ создатели пресловутой Эклоги съ ея дополненіемъ «Земледѣльческимъ Уставомъ». Религіозная реформація, пересмотръ права, освобожденіе крестьянъ—все это вмѣстѣ сплетается въ весьма внушительную картину «эпохи великихъ реформъ». Иконоборчество, какъ бы пристраивается, въ качествѣ одного изъ тѣхъ всеобъемлющихъ преобразованій исаврійскихъ императоровъ, принципы которыхъ провозглашены были въ Эклогѣ. Послѣдняя, такимъ образомъ, представляется немаловажнымъ источникомъ для уясненія смысла иконоборчества. Въ ученой литературѣ такое построеніе «иконоборчества», какъ эпохи великихъ реформъ, выдвинуто было весьма авторитетными изслѣдователями: Цахаріе фонъ-Лингенталь, первый изслѣдователь Эклоги, а за нимъ Папарригопуло и Васильевскій признали огромное значеніе за этимъ законодательнымъ памятникомъ, и ихъ мнѣніе и до сихъ поръ остается непоколебленнымъ въ своей основѣ. Не считаться съ нимъ нельзя. Но разбираясь въ немъ, легко подмѣтить одну любопытную черту, которая подкапывается подъ это легко и изящно выведенное построеніе. Послѣ-юстиніановская эпоха, т.-е. конецъ VI и VII вв., апріорно считалась временемъ упадка имперіи, ея варваризаціи и «византинизаціи». Считалась потому, что въ распоряженіи историковъ было очень мало данныхъ для изученія этого періода: онъ былъ глухимъ, мертвымъ пятномъ. И позднѣе констатировавшіяся измѣненія въ соціально-политическомъ строѣ имперіи, неизбѣжно назрѣвавшія на протяженіи болѣе, чѣмъ столѣтія, оказывалось, некуда было пріурочить. Начало VIII в., время, правда, довольно значительныхъ движеній и столкновеній въ различныхъ сторонахъ жизни имперіи, пред-

ставлялось наиболѣе подходящимъ и соблазнительнымъ мѣстомъ, куда можно было подсунуть эти quasi-реформы.

Но это одна сторона дѣла. Другая же заключается въ томъ, что самая Эклога, въ которой, какъ полагаютъ, выразилось прямо или косвенно реформаторство исаврійскаго правительства, которая, говорятъ, получаетъ первостепенное значеніе не только въ спеціальной исторіи римскаго права, но и въ общей исторіи человѣчества, несомнѣнно является произведеніемъ того «иконоборческаго» правительства, которому она усиленно приписывается. Этотъ давнишній вопросъ о «Львѣ и Константинѣ» едва ли можно считать и теперь безповоротно и убѣдительно разрѣшеннымъ и исчерпаннымъ. Историкъ иконоборческаго движенія не можетъ миновать этихъ вопросовъ, поскольку они образуютъ собой значительный фонъ, налагающій свои оттѣнки и освѣщенія на смыслъ и происхожденіе самаго такъ называемаго иконоборчества. Послѣднее вырисовывается однимъ изъ моментовъ «широкой и смѣлой революціи», поднятой будто бы Львомъ III и Константиномъ V. Предпринимающій пересмотръ ходячихъ мнѣній и конструкцій въ этой области поневолѣ сталкивается на первыхъ же шагахъ съ ставшей уже шаблономъ «эпохой великихъ реформъ», и борьбу съ иконами, какъ бы она ни выяснялась передъ нимъ, считаетъ однимъ изъ смѣлыхъ начинаній революціоннаго исаврійскаго правительства.

Но предпосылки, какъ видимъ, не вполнѣ благополучны.

Сдвигъ имперіи послѣ неудачи юстиніановской реставраціонно-романистической попытки въ сторону эллинства, эллинизма, а вслѣдъ за тѣмъ возникновеніе «прогрессивныхъ» стремленій иконоборческой эпохи рисуется все-таки чѣмъ-то неожиданнымъ и мало вразумительнымъ.

Папарригопуло, наиболѣе рѣшительный представитель разбираемой схемы, ратуетъ противъ того принятаго взгляда, что Левъ III и его преемники были только иконокластами, какъ будто задача, которую они себѣ поставили, ограничивалась уничтоженіемъ иконъ. Правда, такъ очень долго думали и въ продолженіе «среднихъ вѣковъ», и въ новѣйшія времена, потому что «всѣ законы, всѣ реформы, всѣ литературныя произведенія», къ ней благосклонныя, были усердно истребляемы, когда она послѣ болѣе чѣмъ столѣтней борьбы потерпѣла неудачу. Удержавъ за собой поле брани, лѣтописатели противоположной партіи не скупились на всякаго рода клеветы противъ своихъ прежнихъ соперниковъ и хранили глубокое молчаніе о наиболѣе благородныхъ ихъ дѣяніяхъ; они знали, что та сторона реформы, которая бросалась въ глаза и оскорбляла привычки и мелкіе интересы большинства, наиболѣе будетъ пригодна къ тому, чтобы уронить реформу въ общественномъ мнѣніи».

Здѣсь, конечно, есть доля правды. Конечно, иконопочитательные побѣдители не могли прославлять и подчеркивать свѣтлыя стороны въ дѣятельности правительства враждебнаго направленія. Но еще очень большой вопросъ, обладали ли они такой политической зрѣлостью и публицистическимъ мастерствомъ, чтобы скрыть тѣ безусловно крупныя мѣропріятія и преобразованія, которыя неразрывно были связаны съ именами ихъ противниковъ. Здѣсь выдвигается очень употребительный доводъ a silentio, но о рискованности его не стоитъ долго распространяться. Враги должны были спрятать, а стало быть, они спрятали, и то, что они спрятали, должно было быть значительно и велико, такое разсужденіе, конечно, мало насъ можетъ убѣдить въ чемъ-нибудь.

«Драгоцѣнное открытіе» Цахаріе фонъ-Лингенталя въ 50-хъ годахъ, «обнародованіе текста гражданскаго кодекса реформаціи», Эклоги, раскрыло намъ истинный характеръ эпохи, такъ несправедливо не признававшейся въ продолженіе вѣковъ, «раскрыло сущность революціи соціальной, политической и религіозной», такъ утверждаетъ Васильевскій.

«Духъ иконоборческой реформаціи особенно ясно обнаруживается въ законодательной области,—продолжаетъ Васильевскій,—два кодекса были обнародованы при Львѣ III: уставъ крестьянскій и уложеніе гражданское, такъ называемая Эклога. Тотъ и другой содержатъ очень смѣлыя нововведенія». Таково обычное и до сихъ поръ болѣе или менѣе твердо стоящее мнѣніе. Не касаясь пока содержанія этихъ двухъ китовъ иконоборческой реформаціи, мы должны обратить вниманіе на ихъ, такъ сказать, внѣшность. Если относительно перваго акта увѣренность въ принадлежности его первымъ иконоборцамъ, теперь въ значительной степени и поколеблена основательными соображеніями Б. Панченко, то Эклога до сихъ поръ остается связанной съ первыми исаврійскими императорами: Львомъ III и Константиномъ V. Первый, кто установилъ эту связь, былъ еще Бинеръ въ своихъ Beitrage sur Revision des Justinianischen Kodex. Эта гипотеза была обоснована черезъ 4 года Цахаріе фонъ-Лингенталемъ (въ предисловіи къ изданію Прохирона). Главнымъ аргументомъ такого утвержденія являлось самое заглавіе памятника.

Но въ различныхъ рукописяхъ, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, относящихся, однако, уже къ X—XI в. (Флорентійскій, Валлиселланскій), кончая позднѣйшими XIV—XV вв. (Раулинсоновскій, Синодальный), мы застаемъ такія колебанія въ хронологическихъ датахъ, главнымъ образомъ въ обозначеніи года изданія, которыя внушаютъ основательныя сомнѣнія и относительно точности прочихъ указаній. Мы знаемъ, какъ на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій переписывавшіеся

документы мѣняли не только хронологическія даты, но и имена, даже части своего содержанія. Въ данномъ случаѣ поэтому даже постоянство и непоколебимость именъ императоровъ Льва и Константина не можетъ быть принято съ полнымъ довѣріемъ. У насъ слишкомъ мало списковъ Эклоги, слишкомъ далеки они отъ того времени, къ которому относятъ составленіе ея (по крайней мѣрѣ, три столѣтія), чтобы придавать больше значенія одинаковостямъ въ нихъ, чѣмъ расхожденіямъ. За триста лѣтъ могли создаться и укрѣпиться у переписчиковъ искаженія, ставшія шаблонными. И нѣтъ основаній не только выбирать въ качествѣ правильнаго одинъ изъ колеблющихся годовъ: 6247, 6248, 6347, 6447, 6547, отъ созданія міра, какой изъ нихъ подходитъ къ указанному XI-му индикту и какой совпадаетъ съ правительственной комбинаціей Льва и Константина, но и вообще пытаться хронологически фиксировать эту писанную и переписанную Эклогу. Тѣмъ болѣе, что и настойчиво предлагаемое изслѣдователями пріуроченіе ея къ Льву III обходится не совсѣмъ гладко и благополучно: ни 6247, ни 6248 годъ не попадаютъ безъ натяжки въ девятый индиктъ, который по греческому лѣтосчисленію начался съ 1 сентября 740 г. и шелъ по сентябрь 741 года, т.-е. года смерти Льва III. Естественнѣе предположить, что обозначенія и даты, которыя мы имѣемъ въ заглавіяхъ позднихъ списковъ Эклоги, уже результатъ догадокъ, исправленій и приспособленій переписчиковъ, становившихся втупикъ передъ искаженіями, допущенными ихъ предшественниками; естественно предположить, что вся эта соблазнительная, но не безгрѣшная комбинація цифръ и именъ—только случайность. И лучше всего, конечно, при современномъ состояніи вопроса и при наличномъ матеріалѣ рукописей отложить рѣшеніе его до болѣе благопріятныхъ условій, отказаться такъ увѣренно строить «иконоборческую реформацію», на основаніи Эклоги.

Я даже не придаю далѣе особое значеніе тому характерному обстоятельству, на которое указывали и раньше, а именно, на то, что въ Эклогѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ иконоборческихъ тенденцій, никакихъ постановленій противъ иконопочитателей, никакихъ непріязненныхъ упоминаній о евреяхъ, а, наоборотъ, застаемъ угрозу смертной казнью за манихейство и монтанизмъ, что въ Эклогѣ незамѣтно признаковъ большей, чѣмъ прежде, терпимости къ иновѣрцамъ и еретикамъ. Все это вмѣстѣ, конечно, должно приводить въ нѣкоторое недоумѣніе: правительство первыхъ иконоборцевъ-реформаторовъ не могло обойти этихъ вопросовъ въ своемъ законодательствѣ. Но, можетъ быть, эти линіи были вытравлены изъ Эклоги позднѣе, какъ и многое другое, исходившее изъ иконоборчества. Между тѣмъ, въ ней

мы застаемъ совсѣмъ непонятное для Льва и Константина, заботливое и благоволительное отношеніе къ монастырямъ и монашеству. Оскорбленіе цѣломудрія монахинь приравнивается къ осквернению церкви Божіей. Не забыты и матеріальные, земные интересы монастырей, которымъ разрѣшается отдавать свои недвижимыя имущества въ безсрочную аренду свѣтскимъ людямъ.

Пусть эти несовпаденія и противорѣчія останутся въ тѣни. Пусть, если это такъ соблазнительно, Эклога, вѣроятнѣе всего, составлена была въ правленіе Льва III и Константина V: все-таки въ этомъ памятникѣ никакъ нельзя усмотрѣть выраженія крупной и широкой реформы въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно ее понимаемъ. Содержаніе ея очень утло, назначеніе ея весьма спеціально. «Зная, что законоположенія, изданныя прежними царями,—заявляютъ составители въ предисловіи,—содержатся въ многихъ книгахъ, и что заключающійся въ нихъ разумъ для однихъ трудно постижимъ, а для другихъ, особенно же обитающихъ внѣ сего богохранимаго города, и совершенно недоступенъ, мы созвали славнѣйшихъ нашихъ патрикіевъ, славнѣйшаго квестора и славнѣйшихъ гипатовъ (консуловъ) и прочихъ, имѣющихъ страхъ Божій, и повелѣли собрать всѣ ихъ книги къ намъ и, разсмотрѣвъ всѣ съ усерднымъ вниманіемъ, мы сочли подобающимъ, чтобы въ этой книгѣ, частью сообразно съ тѣмъ, что содержится въ тѣхъ книгахъ благоприличнаго, частью сообразно съ вновь санкціонированнымъ нами, были болѣе ясно и кратко изложены приговоры по дѣламъ, чаще всего встрѣчающимся, и различнымъ сдѣлкамъ, а также наказанія, соотвѣтствующія винамъ ради удобозримаго познанія силы таковыхъ божественныхъ законовъ, ради хорошаго разрѣшенія дѣлъ, ради справедливаго наказанія проступковъ etc.».

Значитъ, цѣль, которую ставятъ себѣ составители Эклоги, заключалась только въ томъ, чтобы вывести юриспруденцію изъ того печальнаго положенія, которое создалось на почвѣ развитія разъясненій и толкованій Юстиніанова права, и расхожденій, нестроты въ нихъ, приводившихъ къ значительной путаницѣ, тѣмъ болѣе, конечно, что жизнь и ея движеніе, какъ и всегда, мчались быстрѣе права. Послѣднее во многихъ частяхъ и положеніяхъ постепенно приходилось прилаживать къ новымъ запросамъ, но прилаживали неравномѣрно и неодинаково. Судъ въ имперіи раздробился, разошелся. Можетъ быть, и нуженъ былъ новый кодексъ, но составители ограничились болѣе скромной задачей: выработать краткое новое руководство для судей въ предѣлахъ тѣхъ казусовъ, которые чаще всего встрѣчались въ судебной практикѣ. Въ нѣкоторыхъ моментахъ непремѣнно должна была получиться разница съ правомъ, зафиксированнымъ при Юстиніанѣ, но эта разница была

констатированіемъ жизненныхъ измѣненій за столѣтіе слишкомъ, а вовсе не преобразованіями, предпринятыми правительствомъ въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, политическомъ строѣ, государственныхъ учрежденіяхъ, военномъ, финансовомъ устройствѣ. Если и возможно въ чемъ-либо видѣть нѣчто, похожее на реформу, то это въ намѣреніи *какъ будто* сдѣлать судъ для всѣхъ доступнымъ и безвозмезднымъ, что съ обычной для имперіи витіеватостью выражается въ концѣ предисловія въ Эклогѣ:

«Тѣхъ, которые поставлены исполнять законъ, мы убѣждаемъ и вмѣстѣ заклинаемъ воздерживаться отъ всякихъ человѣческихъ страстей, но отъ здраваго помысла выносить рѣшенія, не презирать нищаго, не бояться обличить могучаго, поступающаго несправедливо... Сіе да разумѣютъ и сообразно съ этимъ пусть поступаютъ тѣ, кои приставлены нашимъ благочестіемъ судить тяжбы и которымъ вручены правильныя мѣрила благочестивыхъ нашихъ законовъ... Съ этимъ мы надѣемся возстановить древнее правосудіе въ государствѣ... Такъ какъ Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: «Не судите на лица, но праведный судъ судите», то справедливо воздерживаться отъ всякаго взиманія поборовъ. Всячески стараясь покончить злое стяжаніе, мы рѣшили давать жалованье изъ нашей священной казны славнѣйшему квестору и писцамъ, или секретарямъ и всѣмъ служащимъ по дѣламъ судебнымъ съ тѣмъ, чтобы они уже не брали ни съ кого, кто судится у нихъ»...

Но эти намѣренія слишкомъ часто повторялись съ давнихъ поръ въ имперіи, слишкомъ оказывались только хорошими словами, чтобы ихъ можно было счесть «реформой», двинутой составителями Эклоги (кто бы они ни были), и чтобы можно было подумать, что она была осуществлена хотя бы на короткій срокъ. По крайней мѣрѣ, при македонскихъ императорахъ мы застаемъ эти гонимыя спортулы, подъ цѣлой вереницей обозначеній: синеѳій, эфодій, парамиѳій, эктагіатикъ...

Въ восемнадцати же титулахъ Эклоги рѣшительно нельзя найти ни одного положенія, къ которому приложимо было бы названіе «реформы». Судите сами: первые 3 титула говорятъ о помолвкѣ, бракѣ и приданомъ, 4-й—о дареніи при жизни и на случай смерти, 5 и 6—о завѣщаніяхъ, наслѣдованіи по закону и отказахъ, 7—объ опекѣ, 8—объ отпущеніи на волю; 9—13—о куплѣ-продажѣ, о мѣнѣ, о депозитѣ, о срочныхъ и безсрочныхъ эмфитевзисахъ, объ арендѣ, 14, 15—о свидѣтеляхъ и соглашеніяхъ, 16—о peculium castrense, 17—объ уголовныхъ наказаніяхъ, 18—о раздѣлѣ добычи.

Я сужу здѣсь только, какъ историкъ, но не какъ юристъ. Послѣдніе считаютъ съ Эклоги начало новаго «періода» въ исторіи греко-

римскаго права, протягивая его до вступленія на престолъ македонской династіи, когда будто бы совершается снова поворотъ къ юстиніановскому праву. Но я не могу усмотрѣть въ Эклогѣ такихъ рѣшительныхъ, принципіальныхъ уклоненій отъ юстиніановскихъ правовыхъ нормъ. Вообще содержаніе Эклоги слишкомъ узко и убого для того, чтобы на немъ обосновывать построеніе эллинистическаго ренессанса, внутри котораго проходила и религіозная реформація—иконоборчество. Эклога не можетъ служить источникомъ по исторіи этого движенія.

XVI. Вопросъ объ отношеніи къ иконамъ въ восточной имперіи.

При той постановкѣ вопроса, какую я пытался обосновать, приходится прежде всего заняться разъясненіемъ того, почему естественное и неуклонно подготовлявшееся въ теченіе VII в. столкновеніе между императорскимъ правительствомъ и феодально-монастырскимъ обособленіемъ приняло въ VIII в. формы борьбы изъ-за иконъ, почему именно этотъ вопросъ зажегъ страсти и напрягъ ожесточеніе.

Оказывается, что онъ (т.-е. вопросъ объ отношеніи къ иконамъ) былъ далеко не новымъ, сразу во всей своей напряженности поднявшимся въ VIII в.,—онъ существовалъ давно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по своей сущности рѣшительно отличался отъ другихъ религіозныхъ вопросовъ, вызывавшихъ несогласія и столкновенія въ имперіи. Это не былъ споръ о метафизическихъ сущностяхъ, о природѣ Божества, о взаимоотношеніи естества Іисуса Христа и т. д., т.-е. внутренній церковный споръ, въ которомъ активную роль могла играть только духовная интеллигенція. То было расхожденіе въ области культовой внѣшности, т.-е. религіозныхъ привычекъ, традицій, вошедшихъ въ плоть и кровь, такъ сказать, манеръ христіанскаго общества, которое неминуемо должно было захватить и взбудоражить широкіе соціальные круги, все населеніе имперіи, сдѣлать борьбу соціальной.

Еще съ V вѣка, если не раньше, въ христіанскихъ представленіяхъ, обрядахъ можно замѣтить явственно присутствіе грубыхъ мотивовъ и чертъ, затемнявшихъ и искажавшихъ исконныя воззрѣнія христіанства. Такая варваризація или профанація его была неизбѣжна при трудности и малодоступности для глубокаго пониманія основныхъ вопросовъ вѣроученія и при слабомъ распространеніи образованія въ массахъ. Однимъ изъ такихъ чуждыхъ наростовъ на христіанствѣ была та «матеріализація» вѣрованій, которая исходила изъ живучести старыхъ язы-

ческихъ понятій. Выражалась она въ наивно-преувеличенномъ почитаніи святыхъ: въ нихъ видѣли не только ходатаевъ передъ Богомъ, но и необыкновенныхъ людей, всесильныя и незримо руководящія жизнью существа. Образы ихъ сливались и перепутывались съ незабытыми еще образами старинныхъ мѣстныхъ и племенныхъ героевъ-покровителей. И поклоненіе имъ принимало неподобающій характеръ. Выражалось оно и въ уродливомъ отношеніи къ изображеніямъ Бога и святыхъ, къ иконамъ и различнымъ принадлежностямъ церковнаго обихода. Трепетно-наивная вѣра подсказывала видѣть въ нихъ какъ бы одушевленные предметы, тоже существа, обладающія таинственными и чудесными силами. Канонической формулировки иконопочитанія установлено не было, и благодаря этому, читаемъ мы въ одномъ источникѣ, правда, относящемся къ позднѣйшему времени (VIII в.), «многіе духовные и міряне отверглись апостольскихъ преданій и отеческихъ постановленій, сдѣлались виновниками мерзкихъ новшествъ; поставили иконы съ возженными предъ ними свѣчами и лампадами, и стали оказывать имъ такое-же поклоненіе, какъ честному и животворящему кресту: пѣніемъ псалмовъ и молитвами просили отъ иконъ помощи, многіе возлагали на эти иконы полотенца и дѣлали изъ иконъ воспріемниковъ своихъ дѣтей при святомъ крещеніи. Желая принять монашескій чинъ, не отдавали свои постриженные волосы духовнымъ лицамъ, какъ это полагается, а засовывали въ иконы. Были даже священники, которые соскабливали съ иконъ краски, клали ихъ въ чашу со св. дарами и этой смѣсью причащали желающихъ. Нѣкоторые, презрѣвъ храмы Божіи, устраивали въ своихъ домахъ иконостасы и алтари и сами совершали священныя таинства, и многое другое допускали, что противно истинной вѣрѣ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія же теченія были широко распространены въ областяхъ имперіи и раньше. Но что важно отмѣтить, они засвидѣтельствованы въ источникахъ какъ относительно восточныхъ, такъ и западныхъ областей, и именно, что касается успѣннаго, почитанія иконъ, есть основанія предполагать, что возникло и укоренилось оно на Западѣ, переливаясь оттуда на Востокъ. По крайней мѣрѣ, первыя попытки обоснованія его исходили оттуда, и между прочимъ знаменитое посланіе папы Григорія Великаго, на которое потомъ ссылались, какъ на классическую апологію иконопочитанія. «Искони дозволено изображать жизнь святыхъ въ храмахъ, и это дозволеніе имѣетъ великій смыслъ. И слѣдуетъ похвальнымъ считать защиту почитанія иконъ, если только икона является не цѣлью поклоненія, а только средствомъ поклоненія тому, кто изображенъ на ней. Св. Писаніе предназначено для тѣхъ, кто умѣетъ читать, а иконы для тѣхъ, кто читать не умѣетъ. Взирая на образъ, не умѣющій читать все-таки имѣетъ

передъ глазами примѣръ, которому онъ научается подражать. Иконы— это книги для неграмотныхъ». Но и для грамотныхъ онѣ нужны: онѣ образами разъясняютъ и дополняютъ идеи Писанія. Таковы соображенія, высказывавшіяся еще въ VI в. руководителями западнаго христіанства и церкви. Они станутъ для насъ вполнѣ понятными, если мы вспомнимъ ту огромную разницу въ условіяхъ развитія, въ задачахъ и средствахъ, которую мы уже отмѣчали между западнымъ и восточнымъ христіанствомъ и церковью. На Западѣ, начиная съ VI в., именно церкви съ ея организаціей пришлось выступить въ роли защитницы и населенія, и культуры противъ нахлынувшаго варварства. Руководителямъ ея, духовенству, епископамъ, некогда было увлекаться тонкими и сложными вопросами о догматахъ, какъ это было на Востокѣ. Западные епископы, даже римскіе папы, въ просвѣщенности и богословской премудрости скоро отстали отъ восточныхъ, даже больше, они зачастую раздѣляли народные предразсудки, въ которыхъ сохранились старинныя вѣрованія. Но можетъ быть, это опрощеніе и вульгаризація христіанства и оказались залогомъ широкаго торжества его среди новаго, варварскаго населенія западно-европейскихъ странъ. При крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ, все болѣе убѣждаясь въ призрачности связей съ имперіей, будучи предоставлена исключительно собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ лонгобардской и вообще варваро-германской агрессивностью, западная церковь съ папствомъ во главѣ уже въ VI в. выдвигаетъ, какъ главное оружіе въ борьбѣ съ варварствомъ, возможно широкую христіанизацію. Миссіонерство, пріобщеніе къ римской церкви странъ, занятыхъ германскими королевствами, становятся основной, всепоглощающей задачей папства. Эта программа является вполнѣ опредѣлившейся и съ значительными успѣхами двинутой къ осуществленію уже въ дѣятельности папы Григорія Великаго. И въ томъ цитированномъ мною письмѣ, которое было адресовано на имя Марсельскаго епископа Серена, заставившаго вынести иконы изъ храмовъ въ своей епархіи, явственно звучитъ мотивъ религіозной уступчивости, гибкости, снисхожденія къ «малымъ и слабымъ», я бы сказалъ даже, податливости западнаго христіанства во имя пріемлемости его все болѣе широкими племенными и соціальными кругами. Восточная церковь оказывалась въ совершенно иныхъ этническихъ и культурныхъ условіяхъ, которыя устраняли съ самаго начала задачи расширенія своихъ предѣловъ и земного приспособленія и устроенія. Заботы и энергія ея направились въ сторону внутренняго строительства, разработки и углубленія христіанской догмы, тѣмъ болѣе, что христіанство здѣсь, на эллинистическомъ Востокѣ, въ отличіе отъ романо-германскаго Запада, выходило въ значительной степени изъ предшествующихъ религіозно-

философскихъ исканій и построеній Оно и вылилось преимущественно въ систему религіознаго вѣдѣнія. Естественно, что восточное христіанство и строившія его силы и не нуждались сами по себѣ въ популяризаціонныхъ и пропагаціонныхъ средствахъ, однимъ изъ которыхъ первоначально было и иконопочитаніе. Напротивъ, приходя въ соприкосновеніе въ не-европейскихъ странахъ съ персидскими, іудаистическими религіозными идеями и ученіями, оно въ своихъ крайнихъ теченіяхъ, какъ павликіанство, манихейство, монофизитство, становилось враждебнымъ конкретизаціи и антропоморфизму, въ частности, не пріемлющимъ и иконопочитанія, какъ «идолопоклонства» и нечестиваго очеловѣченія божественности. Я склоненъ думать, что поклоненіе иконамъ, поскольку мы застаемъ его распространеніе и утвержденіе и въ Восточной имперіи, въ VI в., а можетъ быть, и ранѣе, было въ своемъ началѣ просто внѣшнимъ заимствованіемъ съ Запада, стоявшаго тогда еще въ живомъ религіозномъ общеніи съ Константинополемъ. Такое усвоеніе римской церковной внѣшности ограничилось однако только столицей и центральной частью имперіи, и въ то же время поклоненіе иконамъ получило здѣсь значеніе и характеръ совершенно иные, чѣмъ на Западѣ. Легко убѣдиться въ этомъ даже изъ простого сравненія самихъ иконъ, католическихъ и восточно-православныхъ. Тамъ ясныя и грубыя «книги для безграмотныхъ», «общедоступныя таблицы для нагляднаго обученія», здѣсь произведенія искусства, художественныя рѣдкости, обладаніе которыми вызывало и тщеславіе и соперничество. Вмѣсто демократическаго западнаго мы замѣчаемъ здѣсь именно аристократическое отношеніе къ иконамъ. Мозаика, миніатюры, эмаль, золотыя и серебряныя ризы, драгоцѣнные камни и т. д., все это было привлечено и использовано въ приготовленіи иконъ, какъ художественныхъ раритетовъ и предметовъ религіозной роскоши, и церковнаго благолѣпія. Конкуренція изъ-за иконъ заставляла идти дальше въ изобрѣтательности: и золотыя, и слоновой кости иконы все-таки были произведеніями обыкновенныхъ рукъ человѣческихъ, хотя бы и очень искусными. Стали появляться, конечно, главнымъ образомъ, въ Константинополѣ, считавшіяся «нерукотворенными» иконы, т.-е. созданныя не кистью художника, а непосредственнымъ отображеніемъ оригинала черезъ прикосновеніе, или въ другихъ случаяхъ приписывавшіяся кисти, но зато самого евангелиста Луки. Главнымъ образомъ, конечно, это были изображенія Христа и Богородицы, а самымъ знаменитымъ, самымъ почитаемымъ былъ тотъ «нерукотворенный образъ Іисуса Христа», который, по сообщенію такъ называемаго евангелія отъ Луки, былъ чудеснымъ образомъ подаренъ самимъ Спасителемъ Эдесскому авгарю. Вокругъ этой иконы сложилась цѣлая исторія. Еще въ рукахъ перваго

своего обладателя, авгаря, она явила много чудесъ. Чтобы лучше сохранить этотъ чудесный драгоцѣнный убрусъ, его вложили въ каменную раму, и въ такомъ видѣ онъ будто бы помѣщенъ былъ надъ городскими воротами Эдессы. Но потомъ, чтобы спасти отъ нечестія одного изъ потомковъ уже авгаря, задѣлали въ стѣну въ скрытой нишѣ вмѣстѣ съ возженной лампадой. Прошли вѣка, и жители Эдессы обрѣли вновь нерукотворенный образъ, и лампада передъ нимъ оказалась горящей. И снова около него стали совершаться чудеса, слава о которыхъ гремѣла по всему Востоку. Но все-таки драгоцѣннѣйшій образъ находился не въ Константинополѣ. Несмотря на усилія и хлопоты правительства и духовенства, его не удавалось перенести въ столицу. Какъ бы въ возмѣщеніе этого, эдесскій образъ «открылъ» новый свой чудесный даръ, воспроизводиться тоже нерукотвореннымъ образомъ, отражаться въ копіяхъ только черезъ приложеніе къ нему чистаго полотна. И копіи эти, таинственнымъ образомъ созданныя, также обладали силой творить чудеса.

Чудотворность рядомъ съ нерукотворностью и самоявленностью, можно считать другой силой иконъ, которая легла въ основу ихъ почитанія въ имперіи, въ отличіе отъ Запада, гдѣ этотъ моментъ выраженъ былъ сравнительно очень слабо. Она была тѣсно связана съ нерукотворностью и какъ бы изъ нея вытекала. Таинственно созданные лики Христа, Богородицы, святыхъ какъ бы сохраняли въ себѣ ихъ дуновеніе, частицу ихъ существа, власть надъ злыми духами, мистическую силу защищать людей и спасать ихъ отъ невзгодъ. Икона проникала во всѣ стороны жизни, распространялась, какъ предметъ первой необходимости, во всѣхъ соціальныхъ слояхъ. Не только въ храмахъ, но и въ частныхъ домахъ, въ кладовыхъ и спальняхъ, лавкахъ, на одеждахъ, чашахъ, оружіи—всюду видны были священныя изображенія. Ихъ брали съ собой въ путешествія, ихъ поднимали въ ипподромѣ въ дни скачекъ, ихъ несли передъ войскомъ, въ сраженіяхъ, ими побѣждали враговъ, ими отражали стихійныя бѣды. Иконы дѣлались необходимыми участницами въ жизни и государства, и общества, и отдѣльныхъ людей, какъ могучіе сотрудники, залоги благополучія, талисманы и амулеты.

Легко представить себѣ, что при такомъ положеніи вещей обладаніе особо знаменитой, прославленной чудесами иконой должно было становиться источникомъ и экономическаго, и соціально-политическаго могущества ея обладателя. Таковыми, естественно, являлись по преимуществу церкви и монастыри. Понятнымъ поэтому и со стороны духовенства кажется стремленіе интенсифицировать иконопочитаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны монастырей, обезпеченіе себя явленной и расточаю-

щей чудеса иконой. Обладаніе такимъ сокровищемъ при извѣстномъ состояніи религіознаго сознанія общества, могло для нихъ имѣть больше значенія, чѣмъ крупное землевладѣніе и экзимированность. Монастырь—собственникъ чудодѣйственной святыни—становился центромъ для очень широкаго края, притягивавшимъ къ себѣ массы нуждавшихся и ищущихъ благодати и невольно бравшимъ на себя культурно-руководствующую роль въ мѣстной жизни. Предоставленіе пользоваться святыней, прибѣгать къ ея защитѣ и помощи приносило монастырю великіе доходы, постоянные и, даже можно сказать, опредѣленные, своего рода правильный налогъ съ населенія данной области. Въ то же время возросталъ и укрѣплялся здѣсь тотъ нравственный авторитетъ монастыря, который застилалъ собою власть государственныхъ чиновниковъ, дѣлалъ ихъ какъ бы лишними. Да, наконецъ, и на правительство и его агентовъ присутствіе въ монастырѣ великой святыни не могло не дѣйствовать, располагая къ предоставленію льготъ и привилегій, сдерживая въ проявленіи ихъ власти. Вообще, характеръ иконопочитанія, то отношеніе къ иконамъ и пользованіе ими, которыя утвердились въ имперіи (хронологически, особенно прочно въ VII в., топографически, главнымъ образомъ, въ столицѣ и центральныхъ областяхъ, гдѣ тогда и сосредоточились монастыри), должны быть оцѣнены, какъ немаловажный, хотя и производный факторъ своеобразной феодализаціи: съ помощью иконъ и подъ ихъ прикрытіемъ рѣшительнѣе двигалось впередъ обособленіе монастырей отъ государства, превращеніе ихъ въ недоступные для его воздѣйствія и враждебные его интересамъ самостоятельные соціально-политическіе міры Иконоборчество, съ которымъ слилась или въ которое вылилась, какъ обыкновенно думаютъ, поднятая въ VIII в. борьба правительства съ монастырскимъ феодализмомъ, выясняется, такимъ образомъ, не какъ особое отъ этой борьбы религіозное движеніе, только случайно совпавшее съ ней (по времени и по распредѣленію участниковъ), а потому и сплетшееся съ ней. Иконопочитаніе было однимъ изъ самыхъ броскихъ выраженій аутодеспотіи монастырей, однимъ изъ самыхъ дѣйственныхъ средствъ ее укрѣпить. И государство, императорское правительство, вынужденное для своего спасенія отъ полнаго краха начать борьбу съ диссоцировавшими силами, первый натискъ и должно было направить на то, чтобы выбить изъ рукъ противника самое острое его оружіе.

А въ то же время слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что мы уже замѣтили мимоходомъ раньше: «иконный вопросъ былъ всегда въ восточной церкви никогда не снимавшимся съ очереди вопросомъ, который и обострялся въ связи съ каждымъ новымъ столкновеніемъ. Столкновеніе государства и церкви въ началѣ VIII в. было особенно жестоко,

жестоко раздувался и вопросъ объ отношеніи къ иконамъ. Но это было не что-нибудь неожиданное и новое для этого времени.

Уже въ IV вѣкѣ появляются первые противники употребленія иконъ. Среди нихъ замѣчаемъ такую знаменитость, какъ церковный историкъ Евсевій, епископъ Кесарійскій, близкій человѣкъ къ самому Константину Великому. Мы знаемъ его письмо къ императрицѣ Констанціи, женѣ Лициція: «Такъ какъ ты писала относительно какой-то какъ будто бы Христовой иконы и желала, чтобы я ее тебѣ прислалъ, то что ты собственно разумѣешь? Истинный ли и неизмѣняемый Его образъ, или же представляющую его воплощеніе?» И далѣе Евсевій доказываетъ, что изображать Христа во плоти—безцѣльная задача, ибо Христосъ неописуемъ.

Позднѣе, несторіанство и монофизитство, и сами по себѣ враждебныя иконопочитанія, выдѣлили секты съ явно-иконоборческими стремленіями. И въ V в. явственно слышны призывы, что «не слѣдуетъ безтѣлесныхъ ангеловъ дѣлать тѣлесными и изображать въ видѣ людей, нельзя воздавать честь и славу Христу посредствомъ живописной иконы его; напротивъ, надобно знать, что онъ принимаетъ одно только служеніе духомъ и истиной. Надобно знать и то, что изображать Духа Святого въ видѣ голубя есть признакъ дѣтской мысли». Такъ писалъ одинъ изъ видныхъ монофизитовъ V в. Филоксенъ, о которомъ извѣстно, что онъ низвергалъ иконы ангеловъ и уничтожалъ ихъ, а иконы Спасителя пряталъ въ тайныя мѣста. Другой монофизитъ, Северъ, низвергалъ св. жертвенники и сосуды, а золотыхъ и серебряныхъ голубей, изображавшихъ Святого Духа, забиралъ себѣ. Есть свѣдѣнія, что императоръ Анастасій конфисковалъ драгоцѣнныя изображенія въ константинопольскихъ храмахъ.

То же иконоборческое движеніе идетъ и черезъ VI и черезъ VII вв. Анастасій Синаитъ говоритъ, что онъ долженъ былъ защищать почитаніе иконъ противъ какихъ-то «враговъ иконъ», наносившихъ имъ безчестіе. Въ томъ же VI в. Симонъ Столпникъ въ посланіи къ императору Юстину II, жалуется на святотатственные поступки какихъ-то самарянъ, «нечестивыхъ и мерзкихъ людей», которые оскверняли иконы въ храмахъ. Въ VII вѣкѣ изъ писаній епископа Никопольскаго Леонтія мы узнаемъ, что ему приходилось часто слышать возраженія противъ иконопочитанія, которыя состояли въ слѣдующемъ: не слѣдуетъ дѣлать и почитать иконъ, ибо въ ветхомъ завѣтѣ израилю заповѣдано было не дѣлать никакого изваянія, ни образа, ни подобія того, что на небѣ и что на землѣ. Христіане поклоняются самому дереву иконы, какъ Богу, и забываютъ, что не слѣдуетъ оказывать почтенія ничему рукотворному. Наконецъ, изъ одного слова епископа Іоанна

Ѳессалоникійскаго извѣстно, что многіе называютъ христіанъ за иконопочитаніе язычниками и удивляются, какъ позволительно изображать въ чувственномъ видѣ Бога-Духа.

Обнаруженіе такого «иконоборчества до иконоборчества», показываетъ, что не правительство Льва III внезапно и ошеломляюще выдвинуло этотъ вопросъ, и не этимъ выступленіемъ оно вызвало взрывъ страстей. У государства были иныя необходимости, и иныя задачи. Стремясь разрѣшить ихъ, императоры, начиная со Льва III, поневолѣ должны были коснуться рокового вопроса. А на этомъ сыграли тѣ церковныя группы и лица, интересы и самолюбіе которыхъ были задѣты намѣчавшимися мѣропріятіями правительства. Патріархъ и монашество, оказавшіеся въ оппозиціи блоку правительства и епископата, изо всѣхъ силъ постарались антимонастырское движеніе представить, въ основѣ иконоборческимъ и христоборческимъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовала и позднѣйшая литература. Историки и богословы умышленно искажали дѣйствительность, выдвигая именно «икономахію» на мѣсто «монахомахіи».

XVII. Исламъ и имперія къ VIII в.

Переходя къ изученію фактической стороны крупнаго соціально-церковнаго движенія, занявшаго собою почти весь VIII в. и половину IX в., слѣдовало бы предварительно заняться выясненіемъ и оцѣнкой того круга отношеній, который въ это время представляется какъ бы центральнымъ и всенаправляющимъ моментомъ въ жизни имперіи. Я разумѣю многовѣковую борьбу ея съ надвинувшимся мусульманскимъ міромъ. Къ сожалѣнію, однако, отъ этой задачи приходится отказаться и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что весь вопросъ о сущности и значеніи взаимоотношеній между христіанской Европой и мусульманской Азіей еще ждетъ своей разработки. Правда, когда-то увѣренно господствовавшее представленіе о нихъ, какъ о борьбѣ двухъ безусловно антагонирующихъ началъ, проще культуры и варварства, теперь въ значительной степени поколеблено. Болѣе внимательное изученіе мусульманскаго міра, соціальной исторіи арабовъ приводило къ убѣжденію въ весьма высокой степени культурнаго развитія, достигнутой арабами послѣ религіозно-политическаго объединенія, созданнаго Мохаммедомъ и его продолжателями. Но что особенно важно—мусульманство въ своемъ объединительномъ подъемѣ, какъ въ послѣднее время выясняется, сумѣло воспринять тѣ элементы цивилизаціи, которые были налицо въ странахъ, захваченныхъ имъ, т.-е. элементы античнаго происхожденія. Оно примыкало собственно къ болѣе ранней, но менѣе удачной попыткѣ политическаго объединенія передне-азіатскихъ странъ, захваченныхъ въ эллинистическій культурный кругъ, но легко отрывавшихся отъ Римской имперіи,—къ ново-персидской имперіи Сассанидовъ, строившейся на эллинистическихъ, античныхъ основахъ. Исходя изъ этого опыта, арабское предпріятіе воспользовалось ими и въ сферѣ политической организаціи, и хозяйственныхъ порядковъ, и умственнаго движенія и тѣмъ глубже, сознательнѣе и плодотворнѣе, что тѣ же уклады и традиціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе живучіе,

арабское завоеваніе застало и въ другихъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ Египтѣ, Сиріи, служившихъ разными центрами эллинистическо-римской цивилизаціи.

Такимъ образомъ, мусульманство возможно разсматривать, какъ носителя и хранителя античныхъ традицій, во всякомъ случаѣ, не въ меньшей степени, чѣмъ хотя бы западно-европейскій міръ въ этотъ періодъ разлива варваризаціи (VII—VIII вв.). Самая мысль о культурномъ преобладаніи Востока надъ Западомъ въ средневѣковьѣ высказывалась давно: мы встрѣчаемся съ ней еще у Гумбольдта и Дрэпера, потомъ у Диркса. Но здѣсь она проводится слишкомъ прямолинейно: эти ученые прямо считаютъ всю средневѣковую культуру созданной арабами. Въ ихъ устахъ это былъ не болѣе, какъ историческій парадоксъ. Но позднѣйшее, болѣе солидное и отчетливое знакомство съ исторіей мусульманскаго міра заставило вспомнить объ этомъ построеніи, если не безусловно, то въ значительной степени принять его, теперь уже, какъ научно обоснованный выводъ. Я говорю, конечно, не о такихъ гипотезахъ, какъ, напримѣръ, выведеніе западнаго феодализма изъ арабскихъ корней: это не болѣе, какъ непозволительное увлеченіе. Важно отмѣтить то, что теперь изученіе европейской исторіи стало немыслимымъ безъ учета того культурнаго вклада, который шелъ со стороны мусульманскаго міра: арабско-мусульманскіе мотивы и оттѣнки явственно обнаруживаются въ самыхъ значительныхъ даже моментахъ западно-европейской жизни ранняго средневѣковья. Мы вольны приписывать имъ большее или меньшее значеніе, но обязаны разслышать ихъ и въ крупнѣйшей объединительной попыткѣ, христіанской имперіи Карла Великаго, и въ универсалистическихъ стремленіяхъ папства.

Такое, какъ говорятъ обыкновенно, «вліяніе» мусульманства изслѣдованіе уже не сводитъ огуломъ на счетъ пусть даже несомнѣннаго культурнаго превосходства Востока надъ Западомъ. Поскольку не поколеблено было представленіе о полной противоположности этихъ двухъ цивилизацій, непримиримой враждебности двухъ культурно-религіозныхъ міровъ, воздѣйствіе ихъ другъ на друга, ихъ взаимопроникновеніе оставалось трудно объяснимымъ. Но и здѣсь значительно перемѣстились и перестроились точки зрѣнія. Все болѣе убѣждаемся мы въ томъ, что глубокой, принципіальной розни между мусульманствомъ и христіанствомъ никогда не существовало. Напротивъ, все болѣе раскрывается и накапливается указаній на то, что въ этихъ двухъ культурно-религіозныхъ укладахъ съ самаго начала сознавалась извѣстная близость. По крайней мѣрѣ, со стороны христіанскаго Запада весьма явственны и настойчивы стремленія сблизить исламъ съ аріанствомъ и квалифи-

цировать его, какъ одну изъ христіанскихъ ересей. Въ какой степени такое воззрѣніе было правильнымъ и основательнымъ, этого мы сейчасъ разбирать не будемъ. Я только замѣчу, что, пожалуй, извѣстныя основанія для этого сближенія арианства и ислама и имѣются: и то, и другой были семитическимъ протестомъ во имя разума противъ непостижимаго момента въ христіанствѣ—обожествленія Іисуса Христа и троичности божества. Интереснымъ является самое признаніе христіанской церковью родства ислама. А послѣдній (т.-е. исламъ) и создавался, принимая христіанство, какъ одинъ изъ основныхъ своихъ элементовъ. Если вдуматься во все это, то не покажется несуразной мысль, что европейское христіанство, строившееся въ идеалѣ, какъ Civitas Dei, вселенскій «градъ Божій», и исламъ, какъ онъ создавался Мохаммедомъ, совсѣмъ не чуждыя другъ другу и въ историческомъ смыслѣ концепціи. Онѣ строились одновременно и параллельно, исходили изъ однихъ и тѣхъ же условій, имѣли передъ собой одну и ту же задачу, только совершались въ различныхъ этнографическихъ и культурныхъ средахъ. Распаденіе всемірной Римской имперіи несло за собой и паденіе церкви, поскольку имперія стала христіанской. Въ западныхъ странахъ, переставшихъ быть Римской имперіей, организующую и церковно-объединяющую роль взяло на себя папство, начиная съ Григорія I, явившееся по своимъ задачамъ настоящимъ преемникомъ императоровъ. Только новая «папская имперія» создавалась какъ Государство Божіе, какъ католическая, вселенская церковь, и роль завоевывающихъ легіоновъ приняли отряды миссіонеровъ. Современникомъ Григорія Великаго былъ Мохаммедъ, организовавшій монотеистическую религію въ восточныхъ странахъ, также выпавшихъ изъ состава всемірной имперіи. И Мохаммедъ главной цѣлью имѣлъ политическое объединеніе, созданіе государства. Но Григорій, исходившій изъ идей Августина, относился отрицательно къ земному государству и влекся къ царству не отъ міра сего. Раціоналистическій и реалистическій Востокъ и самый монотеизмъ принимали проще и дѣловитѣе, и государство, исходящее изъ торжества религіозной организаціи, представлялось здѣсь съ нѣсколько инымъ составомъ. Западные августиновцы считали возможнымъ объединеніе въ Божіе царство только христіанъ, оттого христіанизація и завоеваніе тамъ были нераздѣлимы. Восточный исламъ стремился установить лишь господство вѣрныхъ надъ невѣрными, но никогда не предпринималъ религіознаго насилія или обращенія, считая его, въ силу вѣры въ предопредѣленіе, дѣломъ просто безцѣльнымъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей мусульманства, какъ, напримѣръ, Гартманнъ, и самого Мохаммеда считаютъ главнымъ образомъ политикомъ, создателемъ государственнаго объединенія.

Расхожденіе есть, но не таково оно, чтобы совершенно разрывать непроходимой пропастью эти два міра, въ ихъ раннемъ существованіи. Скорѣе это два крупныхъ, параллельныхъ и синхронистическихъ процесса, почти касавшихся другъ друга, въ водахъ Средиземнаго моря и въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, моментахъ взаимодѣйствовавшихъ. Шире это двѣ новыхъ (послѣ Римской имперіи) попытки культурно-политическаго возсоединенія все того же средиземноморскаго круга странъ, который былъ захваченъ предшествующими объединительными опытами, кончая Римской имперіей. Только на этотъ разъ движеніе начинается одновременно на двухъ различныхъ концахъ этого міра.

Я остановился на этихъ соображеніяхъ нарочно, полагая, что они помогутъ намъ лучше уяснить себѣ сущность и характеръ той борьбы, которую пришлось выдержать съ мусульманскимъ объединеніемъ Восточной имперіи. Представленіе ея въ смыслѣ ожесточеннаго столкновенія двухъ совершенно чуждыхъ другъ другу и непримиримо антагонирующихъ силъ, очевидно, должно отпасть. Врагомъ имперіи была не первобытная, стихійно несшаяся извнѣ орда. Если мусульманство зародилось и внѣ предѣловъ имперіи, то выросло оно и сложилось въ крупную силу не въ аравійской степи, а именно въ тѣхъ странахъ, которыя, входя въ составъ имперіи, примыкали къ этой пустынѣ: восточная Сирія, западная Месопотамія, вотъ области, въ которыхъ опредѣлилось оно, какъ великая система, какъ значительное и аггрессивно-претенціозное объединеніе. Населеніе этихъ мѣстностей арабско-семитическое, поддержало движеніе Мохаммеда, но поддерживая, оно видоизмѣняло его, сообщало ему новый характеръ и новыя задачи. Для сирійскихъ арабовъ, евреевъ и др. полуэллинизированныхъ семитовъ, которые и составили главные кадры воинствующаго мусульманства, исламъ являлся давно ожидавшимся знаменемъ, вокругъ котораго могли объединиться элементы, недовольные имперіей въ томъ или иномъ отношеніи. Недовольство, стремленія къ обособленію, къ протесту, отчужденіе, все это давно накапливалось въ этой средѣ, обострялось не одинъ разъ и прорывалось и само по себѣ, и въ связи съ вѣковой борьбой имперіи и Ново-персидской монархіи. Такимъ образомъ, столкновеніе имперіи съ мусульманской аггрессивностью по своей сущности было совсѣмъ непохожимъ на столкновеніе ея, напримѣръ, съ нахлынувшимъ германскимъ передвиженіемъ. Количественно въ поднявшемся мусульманствѣ преобладали группы населенія, входившія раньше въ составъ имперіи. И въ концѣ-концовъ начинающіяся съ половины VII в. завоеванія арабовъ, въ извѣстной, конечно, мѣрѣ, должны были разсматриваться имперіей, правительствующими ея кругами, какъ обособленіе или отпаденіе ея областей. Если первыя войны съ арабами VII в.

отличаются ожесточенностью и кровопролитностью (какъ ихъ изображаютъ хроники), то такой пылъ кажется вполнѣ естественнымъ, но интересно то, что уже къ VIII в. онъ замѣтно стихаетъ. Борьба идетъ, военныя дѣйствія почти не прекращаются, они становятся какъ бы постоянными. Они продолжаютъ держать имперію въ прежнемъ напряженіи: мусульманскій натискъ еще грозитъ самому существованію имперіи. Но всматриваясь въ сообщенія тѣхъ же хроникъ съ ихъ однообразными описаніями сраженій, съ количествами убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ, съ извѣстіями объ опустошеніяхъ и звѣрствахъ, къ VIII в. можно замѣтить въ этомъ «батальномъ» процессѣ вплетеніе новыхъ чертъ. Прежде всего мы убѣждаемся въ томъ, что, несмотря на безпрерывныя войны, самыя отношенія между воюющими сторонами—внѣ войны не только не отличались враждебностью, но даже носили скорѣе дружественный характеръ, особенно, конечно, въ восточныхъ областяхъ имперіи, легко и охотно оттягивавшихся подъ власть мусульманства. Передъ правительствомъ имперіи въ качествѣ очередныхъ задачъ, на ряду съ поддержаніемъ и усиленіемъ боевой готовности, необходимо должны были становиться и такія тенденціи, какъ культурная приспособляемость, гибкость, съ которыми, изъ инстинкта самосохраненія, надо было спѣшить на смѣну старой требовательности и деспотичной нетерпимости. Нужно было привлекать, а не отталкивать. Въ этомъ моментѣ слѣдуетъ видѣть одно изъ немаловажныхъ слагаемыхъ того движенія, которое въ формахъ иконоборчества поднято было императорами, начиная со Льва III. Религіозные вопросы и исканія въ имперіи всегда были очень напряженными и наиболѣе вліятельными въ общественной жизни. Религіозное расхожденіе европейскихъ и неевропейскихъ земель имперіи было однимъ изъ условій быстраго роста и успѣховъ мусульманства, къ которому примкнули евреи, сирійцы, арабы и всѣ, стремившіеся «одухотворить и очистить» христіанство. Въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, здѣсь, въ Малой Азіи, которые остались на сторонѣ имперіи и христіанства и которые въ непосредственномъ и постоянномъ соприкосновеніи съ надвигавшимся арабскимъ міромъ какъ бы взяли на себя роль организаторовъ самообороны имперіи, естественно могъ возникнуть смѣлый планъ «очищенія» христіанства съ своей стороны, т.-е. устраненія изъ его обрядовъ и вѣрованій того, что выставляло его невыгодно по сравненію съ новой, но болѣе грубой религіей, привлекавшей къ себѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Этотъ планъ не только съ удивительной находчивостью намѣчалъ могучее средство защиты отъ мусульманскаго напора, но могъ быть разсчитанъ и на дальнѣйшую возможность христіанизаціи сирійскихъ семитовъ и арабовъ.

Льва III, занявшаго престолъ въ 717 г., выдвинули и поддержали именно указанные общественные круги: малоазіатское духовенство и войско. Предки его были исаврами, но онъ родился въ г. Германикіи (на границѣ Каппадокіи и Сиріи). Онъ выдвинулся на службѣ императора Юстиніана III, который, однако, заподозрѣвъ его въ какихъ-то козняхъ, надолго услалъ его въ Грузію съ дипломатическими порученіями. Левъ вернулся оттуда уже въ царствованіе Анастасія II и, получивъ санъ патрикія, былъ назначенъ на отвѣтственную должность стратига Анатолійской ѳемы. Здѣсь онъ пріобрѣлъ широкую популярность среди населенія Малой Азіи, особенно среди войскъ. Когда въ 716 г. въ Константинополѣ произошелъ переворотъ, низвергнувшій Анастасія, малоазіатскіе генералы и офицеры провозгласили Льва императоромъ, что встрѣтило горячее сочувствіе и среди прочаго населенія. Во главѣ преданнаго ему войска онъ занялъ столицу безъ особаго сопротивленія. Но въ первый же годъ его царствованія значительная армія дамасскаго халифа Сулеймана, переправленная черезъ Геллеспонтъ, подошла къ стѣнамъ Константинополя, а вскорѣ затѣмъ изъ Египта и Сиріи подоспѣлъ огромный арабскій флотъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тянулась грозная осада Константинополя и съ суши, и съ моря, но всѣ попытки арабовъ разбивались о неутомимую энергію императора, руководившаго обороной города. Отчаявшись въ успѣхѣ, арабы сняли осаду и начали отступленіе. Но ихъ армія почти вся погибла отъ свирѣпой эпидеміи, а флотъ застигнутъ былъ страшной бурей въ Эгейскомъ морѣ и былъ ею уничтоженъ. Изъ 180.000 человѣкъ спаслось ихъ едва 40.000, а отъ несмѣтной армады въ 2500 судовъ осталось всего 5 лодокъ. Это была катастрофа, отъ которой трудно было оправиться. Она и сыграла роль поворотнаго момента въ борьбѣ имперіи съ мусульманскимъ міромъ. Походы арабовъ на Константинополь прекращаются, тѣмъ болѣе, что вскорѣ начинаются несогласія и столкновенія въ восточныхъ частяхъ ихъ державы. Между тѣмъ имперія, пользуясь этими замѣшательствами, рѣшается перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ мусульманъ. Первые шаги въ этомъ направленіи предприняты были самимъ Львомъ III, задачей котораго становится организація военной защиты малоазіатскихъ областей и даже натискъ на халифатъ съ этого фланга. Въ связи съ этими задачами, очевидно, возникаетъ у него и круга его ближайшихъ сотрудниковъ, все выходцевъ съ азіатскаго Востока, планъ церковной реформаціи, долженствовавшей облегчить успѣхи принятаго наступленія.

Левъ III, повидимому, собирался заставить коренное населеніе имперіи отказаться въ пользу населенія окраинъ отъ нѣкоторыхъ обычаевъ, которые были не по душѣ инако мыслящимъ. Надо помнить, что

то очистительное движеніе, которое считаютъ обыкновенно главной сущностью иконоборчества, т.-е. походъ противъ иконъ и обрядной роскоши, можетъ быть, раньше прокатилось по Востоку, по мусульманскому міру, чѣмъ захлестнуло собой и имперію Вотъ отчего источники съ такой увѣренностью и настойчивостью и отмѣчаютъ арабское, сарацинское вліяніе на Льва III и его сподвижниковъ. Они олицетворяютъ его въ патриціи Висирѣ, сирійцѣ, напоенномъ арабскимъ ядомъ, который будто бы и руководитъ поддавшимся ему императоромъ Львомъ III. Можетъ быть, въ этомъ построеніи и есть нѣкоторая доля правды. Теперь, когда лучше изслѣдовали исторію сирійскаго и египетскаго искусства, обнаружили, что, напримѣръ, въ Сиріи скульптурныя украшенія хотя и приняли различные христіанскіе символы, но не доходили до изображенія человѣческой фигуры. Коптское искусство знаетъ христіанскую иконографію, но превращаетъ изображенія человѣка почти въ геометрическія фигуры. Въ Сиріи и Египтѣ такимъ образомъ византійская иконопись должна была казаться настоящимъ идолопоклонствомъ. Торжество ислама усилило это отношеніе. Коранъ съ особенной рѣзкостью выступилъ противъ идолослуженія, что должно было направить церковное искусство въ сторону символической орнаментаціи. Въ мусульманскомъ мірѣ образовалась школа богослововъ-ригористовъ, объявлявшихъ идолопоклонствомъ почитаніе всякихъ изображеній. Подъ вліяніемъ ихъ халифъ Омаръ II уничтожилъ росписи мечетей, въ которыхъ иногда находили мѣсто фрески, исполненныя и христіанскими мастерами, а также всю роскошь и драгоцѣнности, до позолоты на цѣпочкахъ лампадъ. Это движеніе въ исламѣ неизбѣжно должно было затронуть и христіанъ, такъ какъ полемисты-мусульмане именно здѣсь выбирали пункты для нападенія. Христіане же должны были здѣсь податься, и именно потому, что вѣдь обычай почитанія иконъ и у нихъ долгое время встрѣчалъ сильное сопротивленіе. А извѣстныя части христіанства, какъ монофизитство и позднѣе монофелитство, и навсегда остались врагами иконопочитанія. Отрицаніе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ и отверженіе иконъ находятся въ тѣсной психологической связи. Человѣческое естество въ глазахъ монофизитовъ подавляется божескимъ и потому перестаетъ подлежать пространству и времени, т.-е. становится неописуемымъ. То же приходится сказать и о настроеніи цѣлаго ряда довольно могучихъ сектъ, какъ аѳинганы-монтанисты, манихеи-павликіане. Всѣ онѣ проникнуты духомъ строгаго аскетизма, выступали съ отрицаніемъ обрядности и въ частности иконопочитанія. Мусульманское иконоборчество какъ разъ шло навстрѣчу этимъ тенденціямъ, оно подавало руку всѣмъ элементамъ, охотно шедшимъ на разрывъ съ императорскимъ православіемъ и оффиціальной

церковью. Такимъ образомъ для правительства (волей-неволей) поднимался вопросъ о мѣрахъ примиренія съ ними, привлеченія ихъ на свою сторону, и старый, въ теченіе вѣковъ неразрѣшенный вопросъ объ иконахъ снова надвигался на имперію, на этотъ разъ съ юга, со стороны ислама.

Но говоря такъ, я вовсе не хочу ставить иконоборчество, не только въ широкомъ, но и въ узкомъ, спеціальномъ смыслѣ, въ такую преемственную связь съ исламомъ ли или съ какой-либо изъ предшествующихъ ересей. Помимо того, что для меня въ самомъ движеніи моментъ гоненія на иконы отходитъ на второй планъ, а на первое мѣсто выдвигается борьба государства съ монастырскимъ феодализмомъ, я убѣжденъ на основаніи изученія источниковъ въ томъ, что эта линія специфическаго иконоборчества особенно въ первое время. и вообще выражалась довольно слабо, т.-е. не на ней сосредоточена была главная энергія «иконоборцевъ». Борьба съ иконопочитаніемъ, уничтоженіе иконъ, мощей, отрицаніе святыхъ и т. д., все это выдвинулось въ качествѣ роковыхъ вопросовъ позднѣе, уже къ началу IX в., а въ дѣятельности первыхъ иконоборческихъ императоровъ, Льва III и Константина V, оно поставлено голословно, но чрезвычайно злобно, историками изъ лагеря иконопочитателей, какими были Θеофанъ, Никифоръ, Георгій Монахъ и др. и составители Житій. Это была съ ихъ стороны месть ненавистнымъ монахомахамъ, разрушителямъ монастырства, очень мѣткій ударъ, поскольку враждебная партія обвинялась въ ереси и христоборчествѣ.

И когда въ этихъ источникахъ мы находимъ указанія на происхожденіе иконоборчества изъ арабскаго нечестія, изъ несторіанства, павликіанства, іудейства и т. д., то для насъ должно быть ясно, что указывающій желаетъ назвать самый отвратительный и позорный источникъ враждебной программы, но не болѣе. Вѣдь, хотя иконоборческая литература и была уничтожена, но по уцѣлѣвшимъ фрагментамъ мы можемъ разглядѣть, что и иконоборцы сами старались иконодуловъ поставить въ родственныя связи съ несторіанствомъ и монофизитствомъ.

XVIII. Иконоборческая дѣятельность Льва III.

Въ предшествовавшемъ я старался обозначить основанія, заставляющія рѣшительнымъ образомъ измѣнить взглядъ на ту крупную борьбу, которая вспыхиваетъ въ имперіи съ первой четверти VIII в., и которую принято называть и считать «иконоборчествомъ». Въ своей сущности это была не борьба по вопросу объ отношеніи къ иконамъ, а давно подготовлявшееся столкновеніе между императорскимъ правительствомъ и монастырскимъ феодализмомъ. «Иконный» вопросъ является въ дѣйствительности одной изъ второстепенныхъ линій въ этомъ конфликтѣ. И раздутъ, и выдвинутъ онъ былъ уже въ пылу борьбы стиснутой антигосударственной, монастырской стороной. Это сознательное искаженіе событій, созданное въ монашеской, противоправительственной средѣ, проникло и въ оставшіеся источники, т.-е. въ историческія повѣствованія «православной партіи». Поскольку писанія противоположнаго направленія, даже, вѣроятно, существовавшіе «иконоборческіе» оффиціозы, были уничтожены восторжествовавшимъ «монастырствомъ», искусственное построеніе иконоборчества безъ колебаній утвердилось въ позднѣйшія времена, перешло какъ нѣчто несомнѣнное и въ новѣйшее изслѣдованіе, опирающееся на матеріалъ, собранный въ хронографіи IX в., главнымъ образомъ, у Ѳеофана Исповѣдника. Но внимательный анализъ этихъ повѣствованій убѣждаетъ въ томъ, что лѣтопись Ѳеофана, современника его, патріарха Никифора, современный имъ кругъ Житій святыхъ, не могутъ стать источниками для ранняго періода иконоборчества.

Уже самое происхожденіе «иконоборчества» въ лѣтописи изображается такъ, что мы его никакъ принять не можемъ. Оно связывается съ похожденіями какихъ-то іудеевъ изъ Лаодикійской страны, которые пришли къ арабскому халифу Изиду и объявили ему, что онъ будетъ владычествовать надъ арабами сорокъ лѣтъ, если истребитъ въ христіанскихъ церквахъ всѣ святыя иконы. Изидъ, повѣривъ имъ, обнародо-

валъ общее ученіе противъ святыхъ иконъ. Но онъ умеръ въ томъ же году, и многіе даже и не узнали объ его повелѣніи. Однако эти евреи имѣли больше успѣха у воцарившагося тогда императора Льва III. И ему они обѣщали то же самое на тѣхъ же условіяхъ. И Левъ III, принявши горькое злоученіе, двинулъ гоненіе противъ иконъ, нашедши себѣ единомышленниковъ, въ лицѣ нѣкоего Висира, «пропитавшагося ученіемъ арабовъ», и епископа Наколійскаго Константина, «человѣка, исполненнаго всякой скверны». Ясно, конечно, что это не болѣе, какъ вульгарный и довольно плоскій анекдотъ, незатѣйливая выдумка, которой вѣрить не приходится, хотя, кромѣ Ѳеофана, она стоитъ уже въ актахъ VII Вселенскаго Собора, какъ своего рода оффиціозная версія. Здѣсь она докладывается нѣкіимъ пресвитеромъ, Киръ-Іоанномъ, какъ его собственное изслѣдованіе о началѣ низверженія иконъ въ имперіи. Первое выступленіе противъ иконъ правительства Льва III Ѳеофанъ и слѣдовавшіе за нимъ историки относятъ къ 726 году. «Тогда,—читаемъ мы,—нечестивый императоръ началъ говорить объ уничтоженіи иконъ». Но «настоящее» начало иконоборческой дѣятельности Льва III передвигается на слѣдующій годъ и связывается съ страшнымъ вулканическимъ изверженіемъ около острововъ Ѳеры и Ѳерасіи. Лѣтописцы считали это очень крупнымъ событіемъ, и прагматизируя, извлекали изъ него и значительныя послѣдствія. Это очень характерно для настроенія и міросозерцанія византійской хронографіи: крупное событіе не могло пройти безслѣдно, не могло не предвѣщать чего-либо. «Толкуя по-своему гнѣвъ Божій,—читаемъ мы у Ѳеофана,—Левъ III воздвигнулъ самую безстыдную войну противъ иконъ». Ясно, что ничего новаго изъ этого сообщенія мы не узнаемъ: оно голословно и безсодержательно, равно какъ и послѣдующее о томъ, что «жители царствующаго града, негодуя на взгляды, которыхъ держался императоръ, хотѣли напасть на него, но убили нѣсколькихъ императорскихъ служителей, которые снимали изображеніе Іисуса Христа съ Мѣдныхъ вратъ Великой Церкви. И многіе за ревность къ благочестію были казнены усѣченіемъ членовъ, плетьми, изгнаніемъ и лишеніемъ имѣній, особенно люди знаменитые и родомъ, и просвѣщеніемъ». Какъ будто картина яркая и убѣдительно-фактичная. Вглядываясь въ нее, мы быстро разочаровываемся въ ея достоинствахъ. Выходитъ, что правительство только еще думало, столичное населеніе только хотѣло, а завершается дѣло казнями и жестокими наказаніями какихъ-то «многихъ», принадлежавшихъ, однако, уже не къ народу, а къ аристократіи и интеллигенціи. Очевидно, въ распоряженіи лѣтописца и не было никакихъ данныхъ для изображенія этой несостоявшейся народной революціи, кромѣ все одного и того же инцидента у Мѣдныхъ

Воротъ, который, кромѣ Ѳеофана, мы застаемъ еще въ Житіи св. Стефана Новаго, составленномъ въ концѣ VIII вѣка. Здѣсь разсказывается о томъ, что по повелѣнію императора Льва III, чиновникъ (спаѳарій) пытался снять и предать огню икону Спасителя, водруженную надъ царскими вратами. Но явились ч е с т н ы я жены, отдернули лѣстницу и спаѳарій разбился до смерти Жены двинулись къ патріаршему дворцу и бросали въ него камни. Патріархъ бѣжалъ къ царю и убѣдилъ его казнить женщинъ, что тотъ и сдѣлалъ. Въ этомъ разсказѣ, къ тому же передаваемомъ въ несходящихся версіяхъ, столько несуразностей и непонятностей, что принять это халкопратійское столкновеніе за дѣйствительный фактъ представляется едва ли мыслимымъ. Что было за побоище у Мѣдныхъ Воротъ, на самомъ дѣлѣ, мы разобрать уже не въ состояніи, но ясно, что иконоборческій характеръ ему приписанъ былъ позднѣе, въ православной средѣ. Главное же то, что это какъ бы единственное происшествіе, которое могло быть истолковано иконодульскимъ злопамятствомъ, какъ доказательство иконоборческой дѣятельности Льва III. Если бы послѣдній, дѣйствительно, провелъ истребленіе иконъ, то, конечно, противные ему круги запомнили бы и еще цѣлый рядъ особенно яркихъ выступленій того же направленія. Но ихъ не было, и можно склоняться къ мысли, что и халкопратійскій инцидентъ былъ позднѣе уже истолкованъ въ смыслѣ столкновенія гонителей и почитателей иконъ.

Далѣе, чтобы усилить впечатлѣніе серьезнаго и могучаго отпора иконоборческимъ мѣропріятіямъ Льва III, хронографія повѣствуетъ о томъ, что «подвигаемые божественной ревностью, возстали противъ Льва и вступили въ великое морское сраженіе жители ѳемы Эллады и Кикладскихъ острововъ, избравшіе себѣ императоромъ нѣкоего Косьму»... Левъ III подавилъ это возстаніе и тогда съ своими единомышленниками еще болѣе утвердился въ злобѣ своей, чтобы усилить гоненіе на благочестивыхъ.

Мятежная попытка Косьмы во главѣ Элладикійской ѳемы могла быть дѣйствительнымъ фактомъ, но мотивы ея явно придуманы лѣтописцемъ: весь ходъ дѣла протекалъ вдали отъ вопроса объ иконахъ и вообще нѣтъ даже и намека на религіозный характеръ возстанія. Тѣмъ болѣе голословной и нефактичной кажется замѣтка объ усиленіи гоненія на благочестивыхъ,—гоненія, которое все еще не завѣрено, какъ осуществившееся.

Дальнѣйшая иконоборческая дѣятельность Льва III изображается у Ѳеофана на фонѣ конфликта императора съ престарѣлымъ патріархомъ Константинопольскимъ Германомъ. «Императоръ началъ безстыдно обращаться съ блаженнымъ Германомъ, ругалъ всѣхъ царей, до него быв-

нихъ, и архіереевъ, и всѣ христіанскіе народы, какъ идолопоклонниковъ»... Черезъ три года беззаконный императоръ, бѣснуясь противъ православной вѣры, призвалъ къ себѣ святого Германа и началъ обольщать его льстивыми словами. Эти бесѣды Льва III съ патріархомъ совершенно различно переданы въ различныхъ писаніяхъ. Но даже и помимо этого расхожденія, сами по себѣ сообщенія Ѳеофана внушаютъ къ себѣ мало довѣрія.

«Въ это время беззаконный царь Левъ, бѣснуясь противъ православной вѣры и призвавъ къ себѣ святого Германа, началъ обольщать его льстивыми словами. Но блаженный архіерей отвѣчалъ: «Слышали мы, что будетъ истребленіе святыхъ и досточтимыхъ иконъ, но не въ твое царствованіе». Царь спросилъ: «а въ чье же?»—«Это будетъ при Кононѣ».—«Мое имя при крещеніи истинно было Кононъ», сказалъ царь. «Да не будетъ, чтобы въ твое царствованіе совершилось зло сіе», говорилъ патріархъ. «Предтеча Антихриста, истребитель домоправительства божественнаго воплощенія совершитъ это». За такія слова тиранъ прогнѣвался на блаженнаго, какъ нѣкогда Иродъ на Предтечу. Патріархъ напомнилъ ему о присягѣ, данной при вступленіи на престолъ, что онъ представлялъ Бога во свидѣтели не колебать Божью церковь ни въ одномъ изъ апостольскихъ и Богомъ данныхъ ученій. Но несчастный и тутъ не устыдился, но ловилъ каждое слово его и, примѣшивая свои, старался какъ-нибудь поймать его, какъ оскорбителя величества, и потомъ низложить съ престола, не какъ исповѣдника, а какъ возмутителя. Въ этомъ онъ нашелъ себѣ помощника въ Анастасіи, ученикѣ и синкеллѣ Германа, которому далъ обѣщаніе, какъ единомышленнику своего нечестія, сдѣлать его преемникомъ и прелюбодѣемъ патріаршаго престола. Блаженный, зная его коварный характеръ и подражая своему Учителю, какъ къ другому Искаріоту, ясно и кротко говорилъ о предательствѣ его. Видя его въ невозвратномъ заблужденіи, когда Германъ пришелъ къ царю, и Анастасій сзади наступилъ ему на конецъ мантіи, Германъ сказалъ: не спѣши, еще успѣешь поѣздить по гипподрому. Тотъ смутился, и съ прочими, которые слышали это, и не понималъ этого предреченія, которое исполнилось черезъ 15 лѣтъ на третьемъ году царствованія гонителя Константина 12 инд., и тогда всѣ убѣдились, что Германъ предсказалъ по божественной благодати. Ибо Константинъ, по низверженіи Артавазда, овладѣлъ престоломъ, высѣкъ Анастасія..., и на гипподромѣ посадилъ голаго на осла передомъ къ хвосту, и приказалъ возить его за то, что онъ съ врагами изгладилъ имя его и вѣнчалъ на царство Артавазда, какъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ».

Всѣ эти росказни, конечно, продуктъ позднѣйшаго сочинительства, все это не болѣе, какъ злые анекдоты о первомъ «иконоборцѣ», ходившіе въ иконодульской средѣ. Но для насъ важно замѣтить, что всѣ эти анекдоты и разглагольствованія ровно ничего не прибавляютъ къ нашимъ знаніямъ о раннихъ выступленіяхъ иконоборческаго правительства, о гоненіи на иконы. Такимъ образомъ, мы приближаемся къ событію, которое обыкновенно считается центральнымъ въ исторіи ранняго иконоборчества. «Въ 730 г. нечестивый Левъ собралъ совѣтъ противъ св. иконъ въ трибуналѣ 19 совѣтниковъ, на который призвалъ и патріарха Германа, надѣясь убѣдить его подписаться противъ святыхъ иконъ. Но мужественный служитель Христа не только не поддался..., но, утверждая слово истины, отказался отъ епископства, сложилъ съ себя омофоръ и произнесъ поучительныя слова: «Если я Іона, то бросьте меня въ море. Безъ вселенскаго собора считаю невозможнымъ измѣнить вѣру, царь». Послѣ того удалился въ мѣстечко, называемое Платаніумъ, и успокоился здѣсь въ родительскомъ домѣ, правивши церковью 14 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ 7 дней. Въ томъ же мѣсяцѣ, январѣ 22-го, рукоположили Анастасія, лжеименнаго ученика и синкелла блаженнаго Германа. По честолюбію своему онъ согласился съ нечестіемъ Льва, и рукоположенъ въ лжеепископы Константинополя. Между тѣмъ, Григорій папа въ своихъ посланіяхъ не призналъ Анастасія и укорялъ Льва, какъ нечестивца, и отложилъ отъ него Римъ со всею Италіей. Тиранъ съ еще большимъ ожесточеніемъ продолжалъ гоненіе противъ святыхъ иконъ, и многіе клирики, монахи и благочестивые міряне подверглись опасности и пострадали за слово православной вѣры и украсились мученическимъ вѣнцомъ.

Если сравнить сообщеніе о низложеніи патріарха Германа у Ѳеофана съ таковыми же у другихъ историковъ: Никифора, Кердина, въ Житіи св. Стефана Новаго, насъ поразитъ пестрота и разноголосица версій. Видно, что относительно этой катастрофы къ концу VIII и началу IX в. ходило въ «православныхъ» кругахъ много разсказовъ, знакъ того, что въ точности этотъ мрачный эпизодъ не запомнился и не осталось отъ него никакихъ документальныхъ свидѣтельствъ. Возможно допустить, что и въ этомъ царско-патріаршемъ конфликтѣ вопросъ объ иконахъ стоялъ на второстепенномъ мѣстѣ: не онъ разжигалъ страсти и обострялъ вражду. Онъ напряженно всталъ въ это время, но только не между правительствомъ и монастырствомъ. Здѣсь же дѣйствовали иные мотивы борьбы. Вѣдь впечатлѣніе получается такое, что въ этой борьбѣ патріархъ Германъ остался чуть не въ одиночествѣ. Прочая же іерархія оказывалась если не на сторонѣ «нечестиваго богоборца»,

то, по крайней мѣрѣ, равнодушной свидѣтельницей загорѣвшейся борьбы.

Изъ всего сказаннаго не трудно придти къ убѣжденію, что въ лѣтописномъ и агіографическомъ матеріалѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, мы не въ состояніи найти фактическаго и достовѣрнаго изображенія начала, хода и сущности ранняго иконоборчества. И Ѳеофанъ, и патріархъ Никифоръ, и агіографы оказывались въ рядахъ поднимавшейся «монастырской» реакціи. Хотя цѣлью исторической работы и ставится здѣсь установленіе правды, но эту правду историки понимали весьма своеобразно, совсѣмъ не такъ, какъ понимаемъ мы. Для нихъ высшей правдой было то, что утвердилось въ сознаніи лицъ и круговъ, для нихъ авторитетныхъ. Это была правда во славу Божію, и передъ ней поникало все, и личныя наблюденія, и переживанія, и документальныя данныя. Оффиціозно, партійная точка зрѣнія, установившаяся въ православно-монашескихъ кругахъ къ концу VIII столѣтія, обязывала въ движеніи, поднятомъ правительствомъ Льва III, усматривать нечестіе, христоборческую ересь, направленную главнымъ образомъ на истребленіе иконъ и иконопочитанія. Этотъ канонъ мы и застаемъ въ нашихъ источникахъ, но проведенъ онъ далеко не безукоризненно, такъ что мы безъ особаго труда въ состояніи обнаружить его искусственность и тенденціозность.

При такомъ положеніи дѣлъ особую важность для насъ получаютъ менѣе значительные, но болѣе ранніе источники для начала иконоборчества. Это—выступленія первыхъ оппонентовъ иконоборчества, великихъ столповъ православія, какъ ихъ называетъ въ своей хронографіи и Ѳеофанъ, слѣдуя въ данномъ случаѣ приговору VII Вселенскаго Собора. Одинъ изъ нихъ—самъ патріархъ Германъ, письма котораго и церковно-историческій трактатъ—De haeresibus et synodis—сохранились до нашего времени. Другой—современный началу иконоборчества римскій папа Григорій II, о которомъ Ѳеофанъ повѣствуетъ, что онъ рѣшительно воспротивился начинаніямъ Льва III и пытался образумить его поучительными посланіями. Съ этимъ именемъ дошли до насъ два большихъ письма, но теперь доказано, что эти письма—поддѣлка, что они не могли быть писаны папой Григоріемъ. Но отъ послѣдняго сохранилось (въ актахъ VII Собора) обращеніе къ патріарху Герману по поводу его жалобъ на тяжелое его положеніе въ Константинополѣ. Наконецъ, третій столпъ православія,—знаменитый богословъ Іоаннъ Мансуръ, изъ Дамаска, по прозванію Хрисоррой (Златоструй), градоначальникъ и первый министръ халифа, который первымъ выступилъ противъ иконоборческаго правительства Льва III своими «опроверженіями» на гонителей св. иконъ. Начнемъ нашъ разборъ этихъ

выступленій съ послѣдняго, т.-е. Іоанна Дамаскина, и прежде всего напомнимъ себѣ, что въ имперіи, въ имперской церкви никогда не было недостатка въ особаго рода богословахъ-спорщикахъ во что бы то ни стало, богословахъ-спортсменахъ. Вообще можно сказать, что богословіе, на Востокѣ особенно, носило такой спортивный характеръ. Не стану здѣсь говорить объ источникахъ его и условіяхъ его образованія: возможна здѣсь, конечно, и живучесть антично-эллинистическихъ діалектическихъ и софистико-эристическихъ тенденцій, возможна ссылка на синкретическій, пестрый составъ христіанской религіи и такой же составъ ея носителей, приводившіе къ тому, что не было единаго, яснаго и одинаково пріемлемаго для всѣхъ христіанства и даже Христа, а было вѣковое, не затихавшее состязаніе разномастныхъ и разнокалиберныхъ расхожденій, будоражившее мысль и создававшее теологическій азартъ. Не только чисто-религіозные и церковные вопросы раздувались въ ожесточенныя столкновенія, захватывавшія и потрясавшія значительныя части имперіи, но и, наоборотъ, всякаго рода жизненныя отношенія и колебанія переносились въ религіозную плоскость, вызывали игру богословствующей мысли.

И въ данномъ случаѣ первое же иконоборческое выступленіе Льва III или только слухъ о немъ, помимо оппозиціи со стороны тѣхъ группъ и лицъ, интересы и самолюбіе которыхъ были затронуты имъ, вызвалъ безкорыстно-отвлеченный, можно сказать, чисто-литературный отпоръ со стороны лица, стоявшаго внѣ круга церковно-политическихъ отношеній имперіи. Чѣмъ инымъ, какъ не спортивнымъ задоромъ и не страстью къ спорщичеству и богомудрствованію, можно объяснить выступленіе изъ далекаго Дамаска министра сирійскаго халифа, Іоанна Мансура, вдругъ ставшаго на защиту чистоты и непоколебимости христіанской вѣры и церкви. Этотъ неожиданный поборникъ правовѣрія всю свою прежнюю жизнь не считалъ предосудительнымъ для христіанина вѣрно служить врагамъ Христа, дѣлать блестящую карьеру при дворѣ халифа, и это не оскорбляло его православной щепетильности. И вдругъ «онъ считаетъ безумнымъ молчать и наложить на языкъ узы, увидавъ, что Церковь поражается какъ бы морской бурею, приводится въ безпорядокъ, что сыны нечестивыхъ раздираютъ свыше сотканное одѣяніе Христа» и т. д. Что «наполнило ужасомъ» сознаніе Іоанна? Это, «чтобы Церковь, блистающая столь великими преимуществами, и искони украшенная преданіями благочестивѣйшихъ мужей, возвращалась «паки на худыя стихіи, трепеща страхомъ, гдѣ нѣтъ страха, боясь впадать въ идолослуженіе и даже хотъ въ весьма малой степени лишалась совершенства, какъ бы на срединѣ прекраснаго лица имѣя незаживающій нарывчикъ, портящій всю красоту своею неумѣстной прибавкой. Вѣдь

малое, когда оно ведетъ къ великому, не есть малое, ибо эта прибавочка, чтобъ древнее преданіе Церкви поколебалось, не мала, ведя къ осужденію прежнихъ великихъ наставниковъ нашихъ».

Ясно, что въ душѣ Іоаннъ Дамаскинъ не придаетъ большого значенія вопросу объ иконахъ: это, какъ онъ говоритъ, само по себѣ пустякъ. Важно другое: тѣ основанія, на которыхъ встало иконоборчество, то мнѣніе, которое оно высказало, именно, поскольку оно новое. Можно думать, что выступи Левъ III съ указомъ о необходимости воздавать иконамъ поклоненіе наравнѣ съ первообразомъ, Іоаннъ съ такимъ же пафосомъ и азартомъ игрока сталъ доказывать, что это призывъ къ идолопоклонству. Онъ самъ признается, что «цѣль его не побѣдить, но протянуть руку подвергающейся нападенію истинѣ», т.-е. для него безразлично, будутъ или не будутъ иконы, а главное— переспорить, ухитриться доказать, что вновь высказанное, чужое мнѣніе неправильно, что аргументація его не выдерживаетъ критики, что не только вообще св. писаніе и преданіе, но и тѣ ссылки на нихъ, на которыхъ утвердилось это мнѣніе, приводятъ при правильномъ ихъ пониманіи какъ разъ къ противоположнымъ заключеніямъ. «Слова» Іоанна Дамаскина—холодная, выспженная игра богословствующаго спорщическаго ума, а не взволнованный крикъ испуганнаго или озлобленнаго оппонента. Дамасскій богомудръ и эрудитъ—любитель. Въ начавшейся въ имперіи борьбѣ даже въ частности по вопросу объ иконахъ его нельзя считать представителемъ той или другой изъ враждовавшихъ сторонъ. Но онъ сыгралъ въ этой борьбѣ своеобразную и немаловажную роль. Его во-время подоспѣвшія, подчасъ ловкія, подчасъ неуклюжія, «шалости пера» указали растерявшимся и возбужденнымъ противникамъ правительства тонкій ходъ и дали въ руки значительную коллекцію аргументовъ, отводовъ и ссылокъ на Писаніе и отцовъ Церкви.

Это именно было то оружіе, въ которомъ такъ нуждались круги, считавшіе необходимымъ воспротивиться правительственнымъ мѣрамъ, та «сила высшаго вспоможенія, поразившая земное богоборство отступника», на которую злорадно указываетъ и папа Григорій въ своемъ посланіи къ Герману. Что это такъ, можно убѣдиться, сравнивая «Слова» Іоанна со всѣми дошедшими до насъ ранними опытами «опроверженія» иконоборчества. На ряду съ письмомъ Григорія, мы имѣемъ посланія патріарха Германа къ епископу Іоанну Синадскому, Константину Наколійскому и Ѳомѣ Клавдіупольскому. Въ своихъ основахъ они всѣ исходятъ изъ разсужденій Іоанна Дамаскина, опираются на доводы и ссылки, собранные имъ, и, что характерно, не выходятъ изъ круга матеріала, очерченнаго имъ. Такимъ образомъ Іоаннъ явил-

ся какъ бы инструкторомъ иконопочитателей. И раскрытыя въ XVI в., такъ называемыя, «два посланія папы Григорія II къ императору Льву III», писанія, составленныя въ Константинополѣ неизвѣстнымъ противникомъ иконоборчества, вѣрнѣе всего въ 30 или 40-хъ годахъ VIII столѣтія, тоже представляютъ собой переложеніе словъ Іоанна Дамаскина.

Нельзя, однако, не замѣтить значительныхъ расхожденій и во взглядахъ, и въ настроеніи, и въ занятыхъ позиціяхъ по отношенію къ «реформаціи» у Іоанна Дамаскина и первыхъ оппонентовъ «иконоборческаго» правительства. Все дѣло представлялось имъ совершенно различно, и собственно на первыхъ порахъ они говорили на чуждыхъ другъ другу языкахъ. Даже больше: въ собственно имперскихъ противо-реформаціонныхъ кругахъ не было единства интересовъ. Нападеніе на иконы, какъ наиболѣе рѣзкое и броское изъ выступленій реформы, не одинаково задѣвало различныя группы, не одинаково ими и оцѣнивалось. Для монастырей и монашества это былъ первый, неожиданный и грозящій дальнѣйшимъ разгромомъ ударъ. Для высшей церковной іерархіи, т.-е. римскаго папы, и патріарховъ, главнымъ образомъ, Константинопольскаго, само по себѣ «очищеніе церкви отъ идолопоклонства» должно было бы быть сравнительно безразлично и даже скорѣе пріемлемо, если бы оно не исходило изъ иниціативы значительной группы епископовъ и проводилось бы не въ такомъ увѣренно «цезаро-папистическомъ» тонѣ. Попытка пресѣчь доведенное усиліями монашества до извращеній иконопоклоненіе и культъ святыхъ была первымъ и, главное, чрезвычайно яркимъ шагомъ принятаго рѣшительно цезаропапистскаго курса, и на немъ оттого сосредоточилась неподатливость и задоръ патріарховъ. Противъ натиска на монастырскую «аутодеспотію» они едва ли что-нибудь могли имѣть, такъ какъ здѣсь ихъ интересы въ общемъ не расходились съ епископскими. Наконецъ, Іоаннъ Дамаскинъ видѣлъ не столько императорскую реформацію и какъ ея приступъ, указы противъ иконопочитанія, сколько, внѣ всякаго «контекста», новое, чужое «богословское» мнѣніе, которое онъ, считая себя великимъ мастеромъ богословія и знатокомъ Писанія и Преданія, не могъ пропустить безъ критики: это для него была, какъ для любителя-математика, вновь придуманная фокусная теорема, на которую онъ набросился съ непреодолимымъ желаніемъ, доказать правильность какъ разъ противоположнаго.

Вотъ отчего въ «опроверженіяхъ нечестія» и «защитѣ православія и чистаго преданія» у Іоанна Дамаскина и оппозиціонныхъ патріарховъ, при явномъ заимствованіи основныхъ мыслей вторыми у перваго, проходятъ и различія, не столько значительныя, сколько характерныя

для нихъ и многое разъясняющія для насъ въ первомъ періодѣ «иконоборчества».

Главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе разница въ самомъ тонѣ обращеній. Іоаннъ Дамаскинъ спокоенъ и сдержанъ по отношенію къ императору Льву III. Онъ ни разу не обвиняетъ его ни въ злобѣ, ни въ нечестіи. Одно, что онъ ставитъ ему въ упрекъ, это «разбойничье нападеніе на церковь» и «похищеніе священства по обычаю тирановъ», но онъ отказывается считать это безповоротнымъ и не считаетъ себя въ правѣ произносить суровый приговоръ и анаѳематствовать. Такая мягкость и снисходительность вполнѣ понятна со стороны Іоанна Дамаскина. Въ сознаніи превосходства своихъ богословскихъ силъ и мастерства, онъ беретъ на себя роль благоувѣтливаго и авторитетнаго учителя. Иконоборчество для него не злостное преступленіе, не ересь, а ошибка или заблужденіе, происшедшее отъ недостаточно глубокаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія, неправильныхъ, противорѣчивыхъ разсужденій и неосторожно-легкомысленнаго отношенія къ традиціи. Онъ исправляетъ эти ошибки и наставляетъ на истину, предлагая вѣрное рѣшеніе той же задачи. Онъ достигаетъ этого тѣмъ, что обнаруживаетъ узость и поверхностность пониманія иконоборцами тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, на которыя тѣ ссылаются. При этомъ, съ одной стороны, онъ показываетъ абсурдность разсужденій и выводовъ противниковъ, пользуясь доказательствомъ отъ противнаго, а съ другой— онъ вводитъ эти выхваченныя цитаты въ надлежащій контекстъ и въ историческую перспективу.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ писанія патріарха Германа и папы Григорія, если даже оставить въ сторонѣ ненадежныя посланія папы къ императору. Здѣсь прежде всего нѣтъ спокойствія и душевнаго равновѣсія, увѣренности въ себѣ, а потому тонъ берется гиперболическій. Пишущіе чувствуютъ потрясеніе основъ и безпомощность своей позиціи, а потому усиленно стараются придать себѣ видъ побѣдителей и другъ друга обманываютъ въ своей правотѣ. Папа Григорій поздравляетъ своего злополучнаго корреспондента, патріарха Германа, съ великимъ благодѣяніемъ, которое нынѣ Богъ явилъ ему, съ катастрофой, которую потерпѣлъ «предтеча нечестія». Похоже на то, что императоръ Левъ III долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ начинаній и принести повинную передъ лицомъ восторжествовавшаго патріарха. Но на дѣлѣ оказывается, что императоръ, употребившій насиліе противъ благочестія, т.-е. властно проведшій свои мѣропріятія, даже и не думалъ отступать и колебаться. Папа говоритъ: «онъ погибъ, обманувшись сверхъ ожиданья въ успѣхѣ своихъ предпріятій». Но это не болѣе, какъ фигуральное выраженіе, которое и разъясняется послѣ-

дующимъ: «ибо силою высшаго вспоможенія вамъ было обезсилено земное богоборство отступника, такъ какъ окончательно истреблена гордость едва ли не христоборца». Гибель заключается, стало быть, въ томъ, что патріархъ такъ и не сдался, и въ его лицѣ небо возстало противъ императора. Но далѣе оказывается, что и стойкость патріарха не столько дѣйствительна, сколько желательна, и папа лишь хочетъ внушить ему бодрость, упрекая его въ пассивности и мягкости: «какъ же ты, освященный, воюя вмѣстѣ съ Богомъ, не приведешь въ смятеніе безбожниковъ, которые обрѣли Того, противъ кого скрытно вооружались etc.».

Далѣе, Григорій переходитъ на трудную дорогу богословствованія, указанную Іоанномъ Дамаскинымъ, изо всѣхъ силъ доказываетъ, что и съ этой стороны непреклонность имѣетъ всѣ права. Но вѣдь сейчасъ же видно, что папа не глубоко убѣжденъ въ этомъ: онъ машинально, спѣша и нанизывая, повторяетъ чужіе доводы, чужіе ссылки и аргументы, особенно выдвигая излюбленный «первообразъ» Василія Великаго. Здѣсь же и ссылки на чудеса, вообще, великій сумбуръ, явно, господствуетъ въ взволнованномъ сознаніи папы. Но характерно то, что даже здѣсь, въ письмѣ къ единомышленнику, патріарху Герману, папа не можетъ отдѣлаться отъ нѣкотораго смущенно-оправдывающагося тона. «И никогда церковь не погрѣшала, хотя и существуетъ такое мнѣніе: да снизойдетъ этому Богъ! Преданіе объ иконахъ не есть слѣдованіе язычникамъ; да не будетъ... И въ этомъ нѣтъ ничего несогласнаго съ божественными повелѣніями... Но церковь Христова не имѣетъ никакого общенія съ идолами; да не будетъ... Нѣтъ, нѣтъ, никто пусть не обвиняетъ насъ въ этомъ; потому что народъ Христовъ, носящій имя, которое выше всякаго имени, не почиталъ ничего изъ сущаго и сотвореннаго, кромѣ святой Троицы... да не будетъ... И если кто, подобно іудеямъ, увлекался страстью къ обвиненію, будетъ примѣнять къ нимъ то, что въ древности было провозглашаемо противъ идолопоклонниковъ, и будетъ приписывать идолослуженіе нашей церкви изъ того, что она при содѣйствіи святыхъ иконъ, божественнымъ и чудеснымъ образомъ приводитъ насъ къ совершенству, то пусть онъ считается ничѣмъ инымъ, какъ лающей собакой, пусть будетъ извержень далеко...».

Папѣ Григорію кажется, что онъ что-то доказываетъ, и что его рѣчи убѣдительны, а между тѣмъ въ каждой строкѣ его письма непрерывно звучитъ сомнѣніе, переходящее въ крикъ отчаянія. Не касаясь богословско-философской стороны вопроса, въ данномъ случаѣ для насъ безразличнаго и едва ли могущаго вызвать интересъ въ XX столѣтіи, и вообще отстраняя отъ себя рѣшеніе вопроса, кто правъ,

кто виноватъ, изслѣдователь не можетъ отдѣлаться отъ нѣкотораго недовѣрія къ искренности поборниковъ «св. иконъ». Слишкомъ обидчивы они въ этомъ именно, собственно на такомъ уже крупномъ пунктѣ. Слишкомъ упрямо и капризно стараются они его не только помѣстить въ центрѣ столкновенія, но и все столкновеніе представить въ видѣ специфически этого «нечестія». Когда этотъ пунктъ избираетъ для ратоборства Іоаннъ Дамаскинъ, это понятно съ его стороны, потому что этотъ вопросъ весьма соблазнительный для споровъ. Но у «сановныхъ» иконодуловъ на душѣ иные движенія и интересы: имъ, собственно, не до богословствованія, а богословствуютъ они только потому, что это наиболѣе выгодный для нихъ путь и наиболѣе удобное и дѣйственное оружіе. Императоръ Левъ и его кругъ не выступали «иконоборцами» по преимуществу. Такими ихъ сдѣлали ихъ противники: они сузили вопросъ и заставили вмѣстѣ съ тѣмъ и правительственную партію забронироваться въ этомъ мѣстѣ, вызвали иконоборческое богословствованіе и движеніе расщепилось: съ одной стороны, шла, напрягаясь, реформаціонная попытка и при Константинѣ, съ другой—и параллельно этой борьбѣ съ монастырскимъ феодализмомъ пылалъ уже спеціально богословскій, притянутый къ старинной Христологіи споръ объ описуемости Христа и поклоненіи святымъ.

Обратимся къ тѣмъ тремъ письмамъ патріарха Германа, которыя дошли до насъ въ актахъ VII Вселенскаго Собора. На засѣданіи они были прочитаны въ качествѣ образцоваго выраженія правильнаго мнѣнія объ иконахъ перваго борца за нихъ. Первое изъ нихъ адресовано Іоанну, митрополиту Синадскому. Въ составъ этой митрополіи входило и епископство Наколійское, знаменитое своимъ носителемъ Константиномъ. Нужно имѣть въ виду, что антагонизмъ не менѣе сильный, чѣмъ между епископатомъ и монастырями, замѣчался между двумя этажами церковной іерархіи: епископами и митрополитами. Сторонники церковной автономіи, въ данное время «православная» партія, стремились къ усиленію власти митрополитовъ на счетъ епископской, что явственно и сказалось въ «Церковныхъ правилахъ», провозглашенныхъ Соборомъ 787 г. (Укажу установленіе епископскаго экзамена предъ митрополитомъ, обязательность митрополичьяго утвержденія епископовъ въ должности и созыва помѣстныхъ соборовъ подъ ихъ предсѣдательствомъ.) Въ столкновеніи епископовъ съ монастырями митрополиты во главѣ съ патріархами должны были въ своихъ интересахъ взять сторону вторыхъ. Всѣ они оказались въ рядахъ «иконопочитателей».

Митрополитъ Синадскій, очевидно, оказался въ своей митрополіи въ довольно изолированномъ положеніи и нуждался въ подкрѣпленіи противъ энергичныхъ выступленій епископовъ во главѣ съ Константиномъ Наколійскимъ. Повидимому, онъ даже былъ сбитъ съ толку и былъ склоненъ къ «соблазну». По крайней мѣрѣ Германъ убѣждаетъ его «успокоить свой синодъ и самому не соблазняться по этому поводу». На синодѣ, надо думать, Константинъ произвелъ полный разгромъ и оказался неуязвимымъ въ своей позиціи врага идолопоклонства. Чѣмъ же помогаетъ своему собрату патріархъ Германъ, какимъ орудіемъ онъ снабжаетъ изнемогшаго соратника? Онъ призывалъ къ себѣ для переговоровъ самого «зачинщика нечестія» Константина, и, судя по всему, пытался такъ или иначе, хотя бы формально, уладить дѣло миромъ, добиться соглашенія, притянуть врага на свою сторону. Онъ излагаетъ Іоанну, какъ онъ уговаривалъ Константина и доказывалъ, что церковь чужда идолопоклонства, что въ иконослуженіи нѣтъ ничего противнаго основамъ христіанскаго вѣроученія, что иконы принимаются никакъ не на подрывъ истиннаго и совершеннаго почитанія, какое воздается Богу: «потому что мы и не представляемъ изображенія или образа или вида Божества, которое невидимо и которое не могутъ вполнѣ уразумѣть даже ангелы... Что изображая икону человѣческаго образа Христа и человѣческаго вида его по плоти, а не божества Его, которое непостижимо и невидимо стараемся наглядно представить предметъ вѣры и показать, что Онъ не фантастично и не призрачно соединился съ нашимъ естествомъ, какъ ошибочно учили нѣкоторые древніе еретики...».

Убѣждая и оправдываясь, Германъ, пользуясь ловкимъ маневромъ Іоанна Дамаскина, робко бросаетъ полуобвиненіе противникамъ въ догматическомъ прегрѣшеніи, не останавливаясь на немъ, еще не рѣшаясь на немъ обосноваться. Въ общемъ, ничего новаго въ аргументаціи по сравненію съ Іоанномъ Дамаскинымъ мы здѣсь не замѣчаемъ: повторяются тѣ же доводы и ссылки, ставшіе шаблономъ и стереотипомъ. Видно, что задача патріарха (по крайней мѣрѣ, въ этомъ письмѣ), не столько безповоротно и тонко, убѣдительно обосновать иконопочитаніе (его разсужденія сбивчивы и неувѣренно-путанны), сколько установить единый minimum этихъ обоснованій, распропагандировать богословскую апологію партіи, чтобы дѣйствовать не врозь, не путаться въ частичныхъ противорѣчіяхъ и не ослаблять себя индивидуальными расхожденіями. Для него важно, чтобы всѣ единомышленники приняли единообразную программу самообороны, заключающую въ себѣ не только отводъ удара, нанесеннаго правительствомъ, но и переводъ того же самаго удара «нечестіемъ», если возможно, даже удвоеннаго, на напа-

дающую сторону. Такой пріемъ изобрѣтенъ былъ Іоанномъ Дамаскинымъ; за него ухватились и превратили въ шаблонъ, сначала сторонники аутодеспотіи церковной, а потомъ и монастырской.

Разбирая слѣдующее письмо Германа, направленное къ самому Константину Наколійскому, который не счелъ нужнымъ исполнить просьбу патріарха о передачѣ врученнаго ему посланія Синадскому митрополиту, какъ его примасу, мы съ изумленіемъ замѣчаемъ, что собственно богословскихъ разногласій между корреспондентами какъ будто и не существуетъ. По крайней мѣрѣ патріархъ самъ говоритъ: «Ты ничего не утверждалъ оскорбительнаго для Господа или святыхъ Его, ничего такого не говорилъ и не дѣлалъ относительно иконъ ихъ, за исключеніемъ развѣ ссылки на ученіе Писанія, что никакое твореніе не должно быть удостоиваемо божеской чести. Но это ученіе и мы принимаемъ и твердо содержимъ его, и исповѣдуемъ». Скажутъ, что это ловкій, политическій пріемъ со стороны патріарха, напоминающаго епископу, что тотъ торжественно призналъ справедливость воззрѣній его и отказался отъ своихъ заблужденій, давъ честное слово. Но это соглашеніе, какъ его здѣсь изображаетъ патріархъ, было не полной побѣдой его, а компромиссомъ, такъ какъ признается, что мнѣнія Константина тоже правильны и протестъ его противъ «идолослуженія» законенъ и вполнѣ пріемлемъ. Такимъ образомъ, собственно, б о г о с л о в с к а я линія столкновенія разсматривается, какъ несущественная и отходящая на второй планъ. Патріархъ, нечаянно и можетъ быть самъ не замѣчая того, раскрываетъ ту правду, которую онъ и его единомышленники старались скрыть, а именно, что не въ иконахъ и способахъ поклоненія имъ здѣсь главное дѣло, что самъ по себѣ этотъ вопросъ и не могъ бы вызвать возбужденія страстей. Вина епископа Наколійскаго въ способѣ дѣйствій, въ томъ, что онъ выбился изъ-подъ субординаціи митрополита и совершилъ эту «епископскую революцію» въ формѣ выступленія противъ иконъ.

Мы еще болѣе убѣдимся въ томъ же, прочитавъ внимательно слѣдующее большое посланіе патріарха Германа къ другому «столпу иконоборчества», епископу Клавдіупольскому Ѳомѣ. Здѣсь весьма тщательно и риторично излагаются снова оправданія и обоснованія иконопочитанія, въ которыхъ мы безъ труда узнаемъ принятое и усвоенное «исповѣданіе» Іоанна Дамаскина. Но въ томъ-то и дѣло, что все это обстоятельное изложеніе «правильнаго мнѣнія» производитъ впечатлѣніе поставленнаго, такъ сказать, ex officio: согласно традиціи, архипастырь обязанъ «смиренно, но внушительно» поучать, указывать заблудшимъ истинный путь и пытаться вернуть на него не угрозами и проклятіями, а увѣщаніями, произнести то, что полагается и установлено произно-

сить въ данномъ случаѣ. Но упрекаетъ патріархъ Ѳому, главнымъ образомъ и на первомъ мѣстѣ, съ особеннымъ волненіемъ обвиняетъ не въ гоненіи на иконы и не въ искаженномъ взглядѣ на нихъ, а въ томъ, что «его боголюбезность, во время долгаго требованія съ нами, предлагала намъ свои сужденія и вопросы, но ни разу ни одного слова не уронила объ иконахъ святыхъ ли то мужей, или самого Господа и Спасителя нашего, а также и Матери Его по плоти, святой и нетлѣнной Богородицы. Когда ты жилъ съ нами, ты не показывалъ желанія тщательнѣе узнать дѣло, т.-е. ты не спрашивалъ, *какого мнѣнія* держимся мы относительно этого предмета, и, полагая, что слѣдуетъ отвергнуть и уничтожить иконы, *не обратился даже къ намъ* съ вопросомъ: того ли же мнѣнія держимся мы? А предпочелъ хранить совершенное молчаніе объ этомъ предметѣ. Прибывши же въ свой городъ, рѣшился, какъ мы узнали, уничтожить иконы, какъ будто это было общимъ мнѣніемъ и не подлежало никакому сомнѣнію и разсмотрѣнію...».

Епископъ Клавдіупольскій, по мнѣнію патріарха, виноватъ въ томъ, что произвелъ уничтоженіе иконъ въ своей епископіи безъ совѣта съ высшими іерархами и самимъ Константинопольскимъ патріархомъ, т.-е. нарушилъ принятый и издревле освященный церковный порядокъ. А отсюда, какъ выясняетъ далѣе Германъ, колеблется единство и крѣпость церкви, создается великій соблазнъ и христіанская церковь становится предметомъ презрѣнія и униженія иновѣрцевъ, какъ блуждающая и качающаяся. Ходъ мыслей и наклонъ интересовъ и волненій перваго лидера «иконопочитанія» вполнѣ ясны изъ этого письма: и богословскія разъясненія и поученія, заполняющія его, идутъ обособленной, оффиціальной линіей, параллельной и не соприкасающейся съ основной линіей его стремленій. Патріархъ озабоченъ оборономъ *старинной* церковной организаціи, которой наносятся жестокіе удары. Эта старая организація, покоившаяся на строгой іерархизаціи и на субординаціи, была залогомъ и основаніемъ могущества высшихъ главъ церкви, патріарховъ съ Константинопольскимъ во главѣ, и въ значительной мѣрѣ независимости ихъ и самостоятельности по отношенію къ верховной власти, къ императорамъ, теоретически признававшимся «равноапостольными и боговдохновенными». Старый порядокъ, однако, чѣмъ выпуклѣе онъ съ теченіемъ времени выражался, становился все болѣе тяжелымъ гнетомъ для многочисленныхъ и привыкшихъ къ активному участію и въ церковной, и въ общественной жизни епископскихъ рядовъ. Епископамъ грозило превратиться въ безгласно-подчиненныхъ исполнителей велѣній «папъ», все задорнѣе претендовавшихъ на «непогрѣшимость». Феодализированное сознаніе, похоже, готово было трак-

товать епископовъ просто, какъ обязательно-вѣрныхъ вассаловъ крупныхъ церковныхъ сюзереновъ. Теченіе это явственнѣе и прямолинейнѣе идетъ на Западѣ еще съ VI в., съ дѣятельности папы Григорія Великаго, питаясь августинизмомъ, но и Востокъ, можно сказать, не отстаетъ въ этой феодализаціи церкви. Другой процессъ тоже развивающагося феодализма—образованіе монастырей-сеньорій и успѣхи монастырской аутодеспотіи дѣлали положеніе епископовъ совершенно невыносимымъ. Такимъ образомъ, «епископская революція» была неизбѣжной. Такъ намѣчается новая, существенная линія въ томъ процессѣ, который принято считать «иконоборчествомъ».

Но линія эта беретъ свое начало и развивается вполнѣ самостоятельно, отдѣльно отъ «правительственнаго иконоборчества». Нельзя не указать на одно характерное явленіе: въ посланіяхъ, напр., Германа «нечестіе» совсѣмъ не ассоціируется съ императоромъ Львомъ III. Его имя, память о немъ отсутствуютъ здѣсь. «Зачинщикомъ скверны» весьма категорически считается знаменитый Наколійскій епископъ, и весь расколъ представляется инцидентомъ внутри церковной организаціи. Съ императора Льва здѣсь снимается вина «иконоборческой» иниціативы. Его «нечестіе»—какъ бы нѣчто другое, а не спеціально гоненіе на иконопочитаніе. Сближеніе между этими двумя «реформаціями» епископской и императорской происходитъ позднѣе и совершенно естественно. Въ началѣ же и въ своей сущности попытка Льва III была далека отъ сосредоточенія на вопросѣ объ иконахъ. Это былъ походъ противъ монастырства и монашества. Въ самомъ дѣлѣ, изъ источниковъ мы узнаемъ объ образѣ мыслей этого императора, объ его нечестіи, навѣянномъ арабами и евреями, объ его столкновеніи съ патріархомъ Германомъ и о томъ, что онъ бѣсновался противъ иконъ, собираясь начать ихъ уничтоженіе. Но опредѣленныхъ выступленій *правительства* въ данномъ направленіи, дѣйствительныхъ гоненій на иконы, ихъ уничтоженія, мы въ источникахъ не застаемъ. Ѳеофану и прочимъ нечего было разсказать объ этомъ. Но озлобленіе противъ «гонителя благочестія» и «богоборца» у нихъ было очень сильное, и они записывали о немъ не сущее и бывшее, а должное и возможное. Споръ старинный по вопросу объ отношеніи къ иконамъ вспыхиваетъ въ это время, но правительство первоначально стояло въ сторонѣ отъ него. Тѣ круги, которымъ пришлось отстаивать иконопочитаніе, застигнуты были правительственнымъ натискомъ: въ встревоженномъ сознаніи ихъ получилось сліяніе двухъ враждебныхъ фронтовъ. Патріаршеско-монастырская среда смѣшала икономанховъ и монахоманховъ вмѣстѣ, въ одно «нечестіе и ересь». И правительство, боровшееся съ антигосударственнымъ положеніемъ монастырства, невольно вовлечено было и въ иконный воп-

росъ, хотя онъ былъ и второстепеннымъ для него. Но для враждебной стороны было важно перевести и эту борьбу на богословскую почву, чтобы, поймавъ противниковъ въ ереси, подорвать къ нимъ довѣріе со стороны болѣе широкихъ круговъ населенія. Не даромъ въ «иконоборческой» средѣ «сочинителемъ зла» называется опредѣленно Іоаннъ Дамаскинъ, какъ первый поборникъ иконодулія.

Насколько можно судить на основаніи доступнаго для изученія матеріала, этотъ маневръ далеко не удался противникамъ Льва III.

Источники, объ односторонности которыхъ я уже упоминалъ, изображаютъ дѣло такъ, что первыя же мѣры Льва III вызвали въ народѣ сильный и далеко распространившійся протестъ. При этомъ подчеркивается, что противниками императора выступили низшіе классы населенія городовъ, не уступавшіе въ своей стойкости даже монашеству, естественно, ожесточенному реформой. На сторонѣ же императора были свѣтская, чиновная и придворная знать и войско, которое служило подъ его командой въ Малой Азіи. Къ этимъ изображеніямъ, однако, слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью: авторамъ хроникъ, представителямъ затронутаго въ своихъ интересахъ духовенства и монашества, разумѣется, хотѣлось доказать, что иконоборчество встрѣтило всеобщій и горячій отпоръ, и что отпоръ этотъ былъ именно демократичнымъ. Вѣдь оппозиціонное духовенство стремилось агитировать среди темнаго и легко возбудимаго простонародья столицы и другихъ крупныхъ городовъ. Очень возможно, что иногда и кое-гдѣ пропаганда имѣла успѣхъ: сбитая съ толка, терроризованная гнѣвомъ Божіимъ толпа производила скандалъ, устраивала шумную манифестацію. Но сознательнаго, планомѣрнаго участія въ поднявшейся борьбѣ народъ не принималъ. Историкамъ, сторонникамъ иконопочитанія, было важно, чтобы *такъ* было, и свои желанія, можетъ быть, и невольно, они записывали, какъ дѣйствительные факты. Народнаго волненія, крупнаго протеста мѣропріятія Льва III не подняли даже въ самомъ Константинополѣ, это можно утверждать съ увѣренностью. Такой протестъ вылился бы въ революцію, явленіе обычное въ имперіи VII—VIII вѣковъ, между тѣмъ какъ ни о какой даже революціонной попыткѣ, направленной противъ императора и воцарившейся династіи, не упоминаютъ сами современные историки. Правда, царствованіе преемника Льва III, Константина V, Ѳеофанъ начинаетъ съ попытки родственника императора Артавазда захватить власть въ имперіи, стараясь ввести ее въ кругъ иконоборческаго движенія. Но помимо того, что болѣе серьезный и культурный патріархъ Никифоръ этотъ мятежъ Артавазда выясняетъ внѣ религіозныхъ соображеній, самъ Ѳеофанъ прагматизируетъ здѣсь такъ неуклюже и наивно, что принять его построенія мы никоимъ образомъ не можемъ.

XIX. Иконоборчество при Константинѣ X.

Къ описанію иконоборческой дѣятельности Константина V Ѳеофанъ приступаетъ съ заявленіемъ, что онъ хочетъ обозрѣть беззаконныя дѣла нечестиваго императора—со всякою истиной, какъ передъ лицомъ Бога всевидящаго, для пользы тѣхъ, которые и теперь обманываются еще относительно него. Въ этомъ заявленіи явно звучитъ полемическій тонъ. Надо думать, что царствованіе этого выдающагося государя нашло себѣ оцѣнку со стороны болѣе безпристрастныхъ современныхъ ему историковъ. Эта литература не дошла до насъ, но Ѳеофанъ могъ еще имѣть передъ собой писанія подобнаго рода. Ихъ отношеніе къ «ненавистнѣйшему изъ иконоборцевъ», къ «Копрониму» и «Каваллину», и заставляетъ Ѳеофана идти на опроверженіе. Свою полемику онъ начинаетъ дикимъ воплемъ: «Этотъ всегубительный, безумный, кровожадный, лютѣйшій звѣрь, обративши власть свою къ насиліямъ и беззаконіямъ, съ самаго начала отступилъ отъ Бога и Спасителя, отъ Пресвятой Богородицы и отъ всѣхъ святыхъ, увлекаясь волхвованіями, невоздержаніемъ, кровавыми жертвами, конскимъ навозомъ и мочой, радовался разврату и вызыванію демоновъ и т. д.».

Это, конечно, не опроверженіе и не характеристика Константина V, а неистовая брань, наборъ совершенно безсмысленныхъ словъ и выраженій. Характерно однако для Ѳеофана, что среди всевозможныхъ обвиненій Константина онъ не поставилъ то, которое, съ его точки зрѣнія, являлось бы самымъ грознымъ: о гоненіи на иконы—ни звука.

И, исходя отсюда, Ѳеофанъ передаетъ далѣе: «христіане, видѣвшіе это, пришли почти въ отчаяніе, всѣ возненавидѣли его и обратили взоры на Артавазда, дука Опсикійскаго, и хотѣли отдать ему, какъ православному, царскій престолъ». На самомъ дѣлѣ узурпаціонная попытка императорскаго зятя, окончившаяся для него очень быстро и печально, не вызвала сочувствія въ широкихъ слояхъ населенія: напротивъ, народъ явно стоялъ на сторонѣ Константина V, который, рас-

правившись съ Артаваздомъ и его приверженцами, спокойно и твердо занялъ императорскій престолъ. Больше десяти первыхъ лѣтъ царствованія этого императора—по даннымъ лѣтописи—проходитъ безъ иконоборческихъ выступленій. Лишь Ѳеофанъ сообщаетъ глухо о той пропагандѣ нечестиваго мнѣнія и ученія, которую будто бы императоръ черезъ своихъ приверженцевъ-епископовъ и военныхъ чиновниковъ велъ въ провинціяхъ. Похоже на то, что дѣло обстояло какъ разъ противоположнымъ образомъ, т.-е. тайная агитація противъ правительства и реформы велась стиснутымъ монашествомъ. И чтобы покончить съ этимъ противодѣйствіемъ, правительство въ союзѣ съ епископатомъ, сплошь оказавшимся на его сторонѣ, задумало рѣшительный шагъ—созывъ вселенскаго собора. Объ этомъ знаменитомъ Копронимовскомъ соборѣ 754 г. въ лѣтописи застаемъ слѣдующее сообщеніе: «нечестивый Константинъ собралъ безконечное сходбище изъ 348 епископовъ во дворцѣ Іеріи противъ святыхъ и досточтимыхъ иконъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Эфесскаго Ѳеодосія, сына Апсимара, и еп. Пергскаго, Пастиллы, которые, высказавши свои мнѣнія въ отсутствіи всѣхъ членовъ вселенскихъ престоловъ, начиная съ 10 февраля—до 8 августа вели свои засѣданія. 8-го же августа, когда враги Богородицы сошлись во Влахернскомъ храмѣ ея, императоръ, взявъ за руку еп. Силейскаго Константина (изъ монаховъ) и помолившись, громко возгласилъ: многая лѣта Константину, вселенскому патріарху. 27-го августа императоръ вышелъ на площадь съ патріархомъ и прочими и они объявили передъ народомъ свою злочестивую ересь, прокляли патріарха Германа, Георгія Кипрскаго, Іоанна Дамаскина, мужей святыхъ и почтенныхъ учителей».

Можно сказать, что это первое, дѣйствительно, фактичное сообщеніе лѣтописи въ сферѣ иконоборческаго движенія. Ему мы не имѣемъ основаній не вѣрить, такъ какъ оно провѣряется такимъ надежнымъ документомъ, какъ дошедшіе до насъ акты VII Вселенскаго Собора 787 г. На этомъ соборѣ, возстановившемъ иконопочитаніе, читалось вѣроопредѣленіе собора 754 г. и подвергалось критикѣ и опроверженію. Въ этой догматической части, дѣйствительно, Копронимовскій соборъ высказался противъ иконопочитанія, аргументируя отъ разума человѣческаго и отъ Священнаго Писанія, но высказался довольно мягко и терпимо. Однако надо имѣть въ виду, что дѣятельность собора продолжалась болѣе полугода и, несомнѣнно, она не исчерпывалась только этимъ вопросомъ объ иконахъ. Какіе были еще предметы засѣданій, каковы были постановленія собора, мы не знаемъ, такъ какъ акты его были исправно уничтожены восторжествовавшимъ православіемъ. На соборѣ 787 г. изъ опредѣленій предшественника приведено было только то, что возможно было опровергать, какъ ересь, при чемъ и эта часть

была, вѣроятно, тенденціозно подработана и искажена. И все-таки я склоняюсь къ мысли, что вопросъ объ отношеніи къ иконамъ являлся второстепеннымъ на соборѣ 754 г. а главная его энергія была сосредоточена на выработкѣ мѣръ разгрома монастырской аутодеспотичности и антигосударственности. Думаю я такъ потому, что, во-первыхъ, дальнѣйшая «иконоборческая» дѣятельность Константина V, вышедшая изъ собора, даже по изображенію лѣтописи и агіографіи, направлена противъ монастырей и монашества (въ этомъ мы скоро убѣдимся); а, во-вторыхъ, мы располагаемъ весьма замѣчательнымъ признаніемъ патріарха Никифора въ его третьемъ «Опроверженіи иконоборчества» (Antirrheticus III, въ концѣ), признаніемъ, сдѣланнымъ неосторожно и мимоходомъ. Онъ описываетъ здѣсь то гоненіе на «благочестіе» и «благочестивую жизнь» (разумѣй—монашество), которое усилено было послѣ Льва III его злоименнымъ сыномъ; сообщаетъ о соборѣ нечестивыхъ архіереевъ и говоритъ, что соборъ этотъ вынесъ два основныхъ рѣшенія: первое объ уничтоженіи иконъ и преслѣдованіи упорствующихъ въ поклоненіи имъ, а второе объ отмѣнѣ монашества и обязательномъ возвращеніи въ міръ всѣхъ монаховъ. И второе постановленіе явственно доминировало надъ первымъ, такъ какъ вообще, повидимому, «иконоборчество», какъ таковое, проходило подъ весьма умѣреннымъ закономъ. По крайней мѣрѣ діаконъ Епифаній, опровергавшій на VII соборѣ опредѣленіе собора 754 г., дѣлаетъ любопытное признаніе: «многіе говорятъ, будто достаточно имѣть иконныя изображенія для одного только напоминанія, но не лобзать ихъ; одно принимаютъ, а другое отвергаютъ, и такимъ образомъ оказываются какими-то полулжецами». Вообще же, что касается правительства Константина V, то оно, если даже принять его эдиктъ о запрещеніи иконъ и ту клятву, которую оно заставило населеніе дать передъ Честнымъ Древомъ, все-таки не считало нужнымъ настойчиво и неуклонно добиваться ихъ осуществленія. Ни лѣтопись, ни агіографія не въ состояніи подобрать достаточнаго и убѣдительнаго матеріала для обвиненія Константина V въ гоненіяхъ за иконы и уничтоженіи иконъ. А тѣ выступленія его, которыми у историковъ характеризуются его «нечестіе и борьба противъ Христа, Богородицы и святыхъ», проходятъ въ плоскости совсѣмъ не иконопочитанія, а исключительно натиска на монашество.

Въ этомъ легко убѣдиться уже изъ пересмотра самаго яркаго изъ этихъ выступленій—мученичества св. Стефана Новаго. Особенно поучителенъ въ этомъ смыслѣ разсказъ, помѣщенный объ этомъ дѣлѣ въ Краткой исторіи патріарха Никифора. Здѣсь говорится о томъ, что нечестіе императора все разгоралось и жизнь во благочестіи и въ Богѣ подвергалась насмѣшкамъ и поруганію. Особенно же подвер-

галось преслѣдованію монашество. И кто изъ его рядовъ упорствовалъ въ своемъ образѣ жизни и учрежденіи, подвергался различнымъ карамъ и пыткамъ... И всѣ преступныя средства были двинуты въ ходъ, чтобы глумиться надъ святыми людьми и вредить имъ. Такъ что нѣкоторыхъ увлекли за собою въ ту же гибель. Это тѣ, которые уступили ихъ злому ученію, отчасти обойденные коварствомъ, отчасти лестью и деньгами или надеждой на высокія должности и военное начальство. Въ связи съ этимъ и воздвигается преслѣдованіе Стефана, яраго и убѣжденно-фанатичнаго «монастырника». Вина его во всѣхъ источникахъ формулируется такъ: «онъ многихъ сманивалъ, уча презирать славу этого міра, оставлять дома и семьи, держаться дальше отъ царскаго дворца и государственной службы и стремиться къ иноческой жизни». Отсюда ясно, что не иконопочитаніе и твердость въ немъ были главными винами монашества въ глазахъ правительства—и не за то преслѣдовали монаховъ. А въ то же время въ виды правительства вовсе не входило истребленіе монаховъ: оно стремилось перетягивать ихъ въ мірское состояніе, дѣйствовало и лестью, и обманомъ, и деньгами. Значитъ, истребляли не монаховъ и не иконы, и не иконопочитателей, а искореняли монашество, монастырство. Это не была попытка общей секуляризаціи, сопряженной съ террористическими мѣрами: для такого переворота правительство въ VIII в., повидимому, уже не обладало ни достаточнымъ авторитетомъ, ни достаточными рессурсами. Дѣйствительно, при всемъ желаніи представить дѣло именно въ такихъ очертаніяхъ, раздуть его до вселенскаго пожара и неистовства, иконодульные источники—лѣтописи и житія—оказываются въ состояніи сообщить только единичные случаи рѣшительной расправы съ монастырями. Ѳеофанъ заявляетъ, что Константинъ V громилъ монастыри и превращалъ ихъ въ казармы, но на дѣлѣ оказывается, что такъ было поступлено только съ Далматской киновіей. Онъ говоритъ, что въ 767—8 году срыты были до основанія т р и обители—Каллистрата, Дія и Максимина, но патріархъ Никифоръ сообщаетъ, что монастырь Каллистрата не былъ срытъ, а только проданъ въ частное владѣніе (Antirrheticus III adv. Const. Copr.). Въ провинціяхъ указываются инциденты болѣе крутые, но все же это только инциденты—безъ всякой систематичности и принципіальности, тѣмъ болѣе, что и здѣсь едва ли изображенія остались безъ преувеличеній и даже легендарности. Ѳеофанъ разсказываетъ, что начальникъ Ѳракійской оемы Михаилъ Лаханодраконъ собралъ в с ѣ х ъ монаховъ и монахинь области и, не упоминая о почитаніи иконъ, объявилъ, что они должны выбрать одно изъ двухъ: или снять иноческія одежды и вступить въ бракъ, или по ослѣпленіи быть отосланными на о. Кипръ. Тотъ же Михаилъ

послалъ своего нотарія Льва Кулуку и Льва разстригу продавать всѣ монастыри мужскіе и женскіе, и всѣ священные сосуды и книги, и скотъ и все монастырское имущество. Вырученныя деньги онъ представлялъ императору. Многихъ монаховъ умертвилъ бичами и даже мечомъ, многихъ изуродовалъ, многихъ отсылалъ въ изгнаніе и, наконецъ, въ области своей не оставилъ никого, кто бы носилъ монашеское платье. Въ подражаніе ему и другіе то же дѣлали.

Всматриваясь въ этотъ матеріалъ по иконоборческой дѣятельности Константина V, собранный въ лѣтописи и житіяхъ, мы убѣждаемся, что передъ нами неприкрытое ничѣмъ движеніе противъ монастырей и монашества, притомъ ведущееся явно не по религіознымъ мотивамъ. Монаховъ принуждаютъ вернуться въ міръ, притянуть къ работѣ для государства, вступить въ бракъ и сдѣлаться производителями. Монастыри и ихъ имущества пускаются въ продажу, и вырученныя суммы поступаютъ въ казну. Монастырскія заповѣдныя зданія превращаются въ казармы и сборные пункты для войсковыхъ частей, чѣмъ нарушалась главнѣйшая изъ привилегій, предоставлявшихся экскуссіей, свобода отъ испомѣщенія чиновниковъ и постоя войска.

Своеобразнымъ способомъ уничтоженія монастырей при Константинѣ V становится существовавшій и ранѣе, но теперь особенно широко примѣнявшійся обычай передавать монастыри въ видѣ пожалованія разнымъ лицамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ. Такое пожалованіе носило названіе харистикія, что близко по значенію съ западно-европейскимъ beneficium. «Наше величество,—гласитъ харистикарная формула,—даритъ такому-то—такой-то монастырь съ его имѣніями, движимыми и недвижимыми на все время его жизни». Какъ будто—при этомъ предусматривались обязанности такого новаго владѣльца—харистикарія—по внѣшнему благоустройству монастыря, улучшенію монастырскихъ зданій, увеличенію владѣній, защитѣ отъ различныхъ невзгодъ, такъ какъ вначалѣ въ качествѣ харистикій отдавались только бѣдные и пришедшіе въ ветхость монастыри. Но при Константинѣ жаловались монастыри благоустроеннѣе и богаче—и, конечно, вовсе не съ цѣлью меліораціи, а для того, чтобы вознаградить нужныхъ людей за службу и вѣрность. И лица, получавшія монастыри въ харистикіи, не только не старались улучшить ихъ состояніе, но напротивъ—смотрѣли на нихъ только съ точки зрѣнія извлеченія выгодъ. Они безконтрольно пользовались монастырскими доходами, тратили монастырскія средства на свои нужды, превращали монастыри въ гостиницы, назначали по своему усмотрѣнію игуменовъ, помѣщали въ монастыряхъ свѣтскихъ людей и т. д. Не даромъ про отдачу монастырей въ харистикіи говорили, что это все равно, что дать волкамъ пасти овецъ или положить

въ сѣно горящую головню. А въ одномъ, правда, позднѣйшемъ, осужденіи харистикарной системы мы читаемъ такое живое описаніе дѣятельности харистикарія въ монастырѣ.

«Лишь только получитъ онъ монастырь, сейчасъ же распускаетъ свою ненасытную пазуху и тамъ пропадаетъ все—и дома монастыря, и помѣстья, и скотъ, и всякіе доходы, даже самые храмы. Игумена и монаховъ онъ считаетъ за своихъ рабовъ и на все смотритъ, какъ на свою собственность, и главное—ни передъ кѣмъ и ни за что не отвѣчаетъ. Прекращается всякая благочестивая служба, славословія, возжиганіе свѣчей, псалмопѣнія, раздача милостыни, прекращается и пропитаніе монаховъ, разрушается монастырскій порядокъ, уставъ и иноческое правило. Ибо когда власть настоятеля отмѣнена и замѣнена властью харистикарія, то кто будетъ подчиняться правиламъ? А тутъ и наплывъ множества мірскихъ людей, живущихъ въ монастырѣ, пьющихъ, убивающихъ внутри св. ограды скотъ, поющихъ пѣсни и невозбранно вносящихъ сюда мірскую суету... Монастыри превращаются въ мірскія убѣжища». А именно это и было цѣлью энергичной дѣятельности имп. Константина V.

У монастырской феодальности нечѣмъ было прикрыться противъ этого естественнаго натиска государства и его правительства, немыслимо было прямо отстаивать свою позицію. Оно непремѣнно должно было въ цѣляхъ самозащиты перевести борьбу на религіозную почву, выдвинуть и раздуть собственно проходной вопросъ о поклоненіи иконамъ, вовлечь и далекое отъ богословствованія правительство въ христологическій споръ, который можно было вести до безконечности, отвлекая вниманіе общества отъ сущности движенія.

XX. Позднѣе иконоборчество.

Дальнѣйшія судьбы иконоборческаго движенія намѣчу лишь въ общихъ линіяхъ. Рѣшительный натискъ на монастырскій феодализмъ, начатый Львомъ III и Константиномъ V, несмотря на первые успѣхи, обреченъ былъ въ концѣ-концовъ на неудачу. Главнымъ условіемъ этой неудачи было уже указанное мною отсутствіе систематичности и спокойной увѣренности въ своихъ силахъ самого правительства. Несмотря на то, что широкія массы населенія оказывались на сторонѣ движенія и повсемѣстно принимали активное участіе въ монастырскихъ погромахъ и антимонашескихъ демонстраціяхъ, несмотря на то, что въ «иконоборческій» блокъ вошли такія крупныя силы, какъ епископатъ и войско, все-таки дѣло не пошло дальше отдѣльныхъ смѣлыхъ ударовъ, плохо сраставшихся въ «реформацію». Имперія и ея общество въ достаточной степени были феодализированы: правительственнымъ распоряженіямъ не хватало надлежащей авторитетности, а разомкнувшимся частямъ общества—сознанія принадлежности къ единому государству и стремленія къ его пользѣ и поддержанію его. Время общегосударственныхъ мѣропріятій и имперскихъ реформъ уже прошло. А въ то же время носители феодальной мощи въ имперіи—монастыри-сеньоріи—были очень крѣпки и жизнеспособны, и послѣ нѣкоторой растерянности отъ первыхъ ударовъ они сумѣли оправиться и даже забронироваться до неуязвимости. Движеніе послѣ смерти Константина V мельчаетъ, распыляется и вырождается въ дѣйствительное, узкое иконоборчество. Монастырство подъ флагомъ православія и иконопочитанія само рѣшается перейти въ наступленіе, и первая побѣда одержана была имъ очень скоро.

Въ 775 г. умеръ Константинъ V, оставивъ престолъ безличному Льву IV, женатому на Иринѣ. «Поклонникъ Богородицы и монаховъ», Левъ однако продолжаетъ быть противникомъ иконъ. Въ пять лѣтъ его правленія вздохнувшее было свободно монашество сумѣло организо-

ваться, распропагандировать правительнные круги и императрицу Ирину, которую они и предполагали возвести на тронъ послѣ слабаго Льва IV. Иконоборческая партія, уже начинавшая рѣдѣть, пыталась было противопоставить Иринѣ ея деверя. Но заговоръ этотъ былъ раскрытъ и участники его разгромлены. Ирина сдѣлалась императрицей—и окружила себя монахами, которыхъ вызвала изъ ссылки. Начинаетъ разрабатываться планъ возстановленія иконопочитанія. Необходимо было аннулировать иконоборческій соборъ 754 г. Правительство Ирины подъ монастырскимъ вліяніемъ старается внушить подданнымъ, что этотъ соборъ не былъ вселенскимъ, т.-е. что на немъ не было представителей патріарховъ. Такимъ образомъ иконоборчество изображалось стоящимъ подъ анаѳемой со стороны четырехъ апостольскихъ престоловъ. Престарѣлый патріархъ константинопольскій Павелъ, ставленникъ иконоборцевъ былъ принужденъ уйти на покой. Его мѣсто занимаетъ важный сановникъ и тонкій политикъ Тарасій. Онъ не былъ прямымъ и горячимъ сторонникомъ монашества и иконопочитанія, но поднявшему голову монастырству слѣдовало быть осторожнѣе, такъ какъ иконоборческая сторона все еще была очень сильна. Приходилось исподволь перетягивать на свою сторону элементы безразличные и «колебавшіеся умами». Главной заботой «православнаго» правительства было заручиться согласіемъ и поддержкой римскаго папы и патріарховъ. Здѣсь однако встрѣтились неодолимыя затрудненія. Папа Адріанъ, опираясь на связи свои съ Каролингами, оказался очень несговорчивымъ и заявилъ крупныя претензіи. Онъ съ неохотой призналъ избраніе въ патріархи Тарасія и потребовалъ возвращенія папскому престолу патримоніевъ, отобранныхъ Львомъ III. А главное—не прислалъ своихъ представителей на предполагавшійся въ Константинополѣ вселенскій соборъ, который долженъ былъ уничтожить значеніе собора 754 г. Точно такъ же не удалось привлечь на соборъ и прочихъ патріарховъ. Правительство принуждено было выставить фиктивныхъ замѣстителей апостольскихъ престоловъ. Соборъ открылъ свои засѣданія въ Константинополѣ въ августѣ 786 г. Но передъ этимъ епископы, большинство которыхъ было «иконоборцами», устраивали свои тайныя совѣщанія и, повидимому, агитировали въ народѣ. Поэтому первое же засѣданіе собора оказалось сорваннымъ. Передъ храмомъ собралась огромная толпа—во главѣ съ военными. Кричали, что, если отвергнутъ соборъ Константина V, перебьютъ всѣхъ собравшихся св. отцовъ. Члены собора тайкомъ разошлись изъ храма. Тогда правительство поспѣшило вывести войска изъ Константинополя въ Малую Азію, якобы для похода на арабовъ, и тамъ объявило ихъ распущенными. Но все-таки въ столицѣ продолжать собора не рѣшились, а перенесли его въ Никею, гдѣ засѣданія его и

начались въ сентябрѣ 787 г. На соборѣ присутствовало около 350 лицъ, большинство которыхъ принадлежало къ монахамъ: однихъ игуменовъ было до 130. Монашеское ядро держалось на соборѣ очень претенціозно, въ сознаніи, что праздникъ «православія» долженъ быть и праздникомъ монаховъ. Оно требовало суда надъ противниками и рѣшительной расправы съ ними. Когда на первомъ засѣданіи возникъ вопросъ о принятіи группы раскаявшихся иконоборческихъ епископовъ, монахи оказали бурное сопротивленіе этому примиренію. Они мечтали даже о томъ, что они будутъ судить всѣхъ епископовъ, поставленныхъ еретиками, а таково было большинство членовъ собора. Эти претензіи монастырства не были удовлетворены: патріархъ Тарасій чрезвычайно ловко отводилъ ихъ въ сторону. Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ собора устанавливались аргументы въ пользу иконопочитанія и приводилось опроверженіе опредѣленій собора 754 г. Въ седьмомъ, заключительномъ, было опредѣлено—допустить иконы и воздавать имъ «цѣлованіе и почитательное поклоненіе», но не «истинное служеніе». Монашество не могло быть удовлетворено такими умѣренными рѣшеніями. Оно и повело кампанію противъ патріарха, котораго считало слишкомъ гибкимъ и уступчивымъ, двоедушнымъ. Монастырская партія прервала съ нимъ общеніе, ссылаясь на то, что онъ не хотѣлъ отлучить отъ церкви экономa Іосифа, обвѣнчавшаго сына и соправителя Ирины—императора Константина VI—со второй женой при жизни первой. Это дѣло получило названіе «прелюбодѣйной ереси».

Ирина въ 797 г. ослѣпила своего сына и стала править одна. Но въ 802 г. и она была свергнута съ престола, который переходитъ къ императору Никифору I (802—811), человѣку простому и дѣловому, задавшемуся цѣлью привести въ порядокъ финансы, разстроенные при Иринѣ. Снова вниманіе правительства было привлечено крупными богатствами и независимостью монастырей; снова былъ произведенъ натискъ на монастырство: монастыри лишались экскуссій и прочихъ привилегій, колоссальныя владѣнія ихъ отбирались въ казну, монастырскія зданія отдавались на военныя и государственныя нужды. Никифоръ и не думалъ о преслѣдованіи иконъ и вообще о какихъ-либо религіозныхъ перемѣнахъ, и тѣмъ не менѣе монашество считало его нечестивымъ и еретикомъ. Противъ него не разъ организовывались покушенія.

Въ это время умеръ патріархъ Тарасій—и на его мѣсто возведенъ былъ опять-таки изъ свѣтскихъ сановниковъ—Никифоръ (авторъ Краткой исторіи и др. трудовъ). Глава монастырства—Студійскій монастырь и его игуменъ—знаменитый Ѳеодоръ Студитъ—не признавали новаго патріарха, какъ близкаго по убѣжденіямъ къ Тарасію. А затѣмъ Ники-

форъ вызвалъ цѣлую бурю негодованія со стороны монашеской партіи: будучи иконопочитателемъ, онъ однако считалъ цѣлесообразными мѣры императора противъ монастырей и даже поддержалъ его въ уничтоженіи предосудительныхъ «двойныхъ» монастырей. Въ имперіи назрѣвалъ «великій расколъ». Для его предотвращенія созванъ былъ въ 809 г. соборъ, осудившій студитовъ. Ихъ монастырь былъ подвергнутъ разгрому. Ѳеодоръ и другіе видные представители партіи отправлены въ ссылку.

Но картина рѣзко измѣнилась со смертью императора Никифора и восшествіемъ на престолъ Михаила I (811—813). Это былъ большой монахолюбъ, обогащавшій монастыри и правившій по внушенію монаховъ. Для послѣднихъ наступили золотые дни: они развили необыкновенную энергію и добились чрезвычайно вліятельнаго положенія въ обществѣ. Рядовые монахи получили власть вязать и рѣшать—и покаянная практика оказалась всецѣло въ ихъ рукахъ. Монахи открыто провозглашали себя «свѣтомъ имперіи и спасеніемъ всего міра». Подъ вліяніемъ ихъ же Михаилъ, бездарный ханжа, предпринялъ походъ на болгаръ, который сложился крайне неудачно. Въ столицѣ народъ, собравшись у гробницы императора Константина V, кричалъ: «вставай, императоръ, и спасай погибающее государство». Михаилъ былъ низложенъ, а императоромъ былъ провозглашенъ Левъ V Армянинъ (813—820). Разбивъ болгаръ, новый императоръ, выдвинутый иконоборческой средой и войскомъ, сталъ подготовлять возвращеніе къ политикѣ Льва III и Константина V. Кружокъ ученыхъ съ Іоанномъ Грамматикомъ во главѣ разрабатывалъ доводы противъ «идолопоклонства». Левъ V предложилъ патріарху Никифору принять мѣры къ удаленію иконъ, висящихъ низко, чтобы народъ не прикладывался къ нимъ, и созвать соборъ для диспута съ иконоборцами. Никифоръ отказался исполнить это и покинулъ каѳедру. Соборъ созванъ былъ на Пасхѣ 815 г. Онъ постановилъ, что иконы не подлежатъ поклоненію, но не назвалъ ихъ идолами, разрѣшилъ имѣть иконы, висящія высоко и служащія какъ бы замѣной Писанія.

При преемникѣ Льва V—Михаилѣ II (820—829) предоставлена была и полная религіозная свобода. Лидеры монастырства, какъ, напримѣръ, Ѳеодоръ Студитъ, пытались воспользоваться этимъ для переворота, но ихъ постигла неудача. Во всякомъ случаѣ они вели усиленную агитацію.

Въ 829 г. императоромъ сдѣлался Ѳеофилъ, воспитанникъ Іоанна Грамматика. При немъ была двинута послѣдняя попытка иконоборчества въ полномъ ея составѣ.

Съ одной стороны, усиленно стали замѣнять церковную живопись въ храмахъ свѣтской, запрещена была дѣятельность монаховъ-живо-

писцевъ, а съ другой—вновь упраздняли монастыри, превращали ихъ въ государственныя и общественныя зданія. Монахамъ не разрѣшалось появляться въ городахъ и селахъ. Но видно было, что иконоборчество уже использовало всѣ силы. Его энергія шла на убыль. Феодализированное общество слабо поддерживало объединительныя государственныя попытки. Пока правительственная иконоборческая дѣятельность сопровождалась внѣшнимъ успѣхамъ, эти побѣды надъ врагами кружили головы. Но когда, позднѣе, войны стали складываться все неудачнѣе, когда и внутри всѣ оказывались утомленными отъ безконечныхъ споровъ и озлобленія, общество все съ меньшей охотой поддерживало правительственныя начинанія. Императоръ Ѳеофилъ пять разъ ходилъ на арабовъ и пять разъ терпѣлъ отъ нихъ пораженія. Монашеско-православная партія неуклонно агитировала и объясняла эти неудачи гнѣвомъ Божіимъ за иконоборчество. Агитація эта имѣла успѣхъ даже въ арміи, которая откачнулась отъ Ѳеофила, сплачиваясь около монахолюбиваго генерала Мануила.

Послѣ смерти Ѳеофила (842) его вдова и преемница Ѳеодора принуждена была идти на уступки. Образована была комиссія для обсужденія положенія дѣлъ—и здѣсь было рѣшено возстановить иконопочитаніе. Въ первое воскресенье Великаго поста 842 г. устроили скромный крестный ходъ изъ храма св. Софіи. Это и былъ тотъ праздникъ православія, который потомъ повторялся изъ года въ годъ, повторяется у насъ и до сихъ поръ. Патріархъ Іоаннъ Грамматикъ былъ низложенъ и замѣненъ «лукавымъ царедворцемъ» Меѳодіемъ, человѣкомъ типа Тарасія и Никифора. Потомъ созванъ былъ соборъ (843 г.), на который монахи явились съ такими же великими претензіями, какъ и на соборъ 787 г. Снова они жаждали расправы съ противниками, снова столкнулись съ умѣренностью предсѣдательствовавшаго патріарха Меѳодія. Особенно неистовствовали опять студиты. Отношенія ихъ съ патріархомъ стали крайне натянуты. Желая возвеличить своего героя Ѳеодора Студита, мощи котораго были перенесены ими въ Константинополь, они начали бросать тѣнь на патріарховъ Тарасія и Никифора, ссылаясь на писанія Ѳеодора. Меѳодій, задѣтый этимъ, отвѣчалъ обвиненіемъ Ѳеодора въ безтактности и грубости относительно патріарховъ. Принуждены были даже созвать соборъ, который предалъ студитовъ анаѳемѣ. На этомъ борьба не кончилась, но она носила уже иной, чѣмъ раньше, характеръ, и сами боровшіяся стороны измѣнили свой составъ. Основной вопросъ иконоборчества: государство или монастырскій феодализмъ, перестаетъ стоять напряженно. Правительство изъ наступательности переходитъ къ оборонѣ. Вторая половина IX и первая X вѣка—время новаго роста монастырскаго феодализма. До чего дошло

развитіе монастырства за это столѣтіе, свидѣтельствуетъ хотя бы знаменитая новелла императора Никифора Фоки «de monasteriis», запрещающая строить новые монастыри и дарить имъ земли.

Законодатель жалуется на то, что имперія пришла опять къ тому же ненормальному положенію вещей, какое было передъ «иконоборчествомъ». «Если,—говоритъ онъ,—мы распустимъ по монастырямъ и тѣ земли, съ которыхъ мы получаемъ доходы, то мы неизбѣжно придемъ къ тому же состоянію, какое было раньше, и всѣ неустройства и недостатки жизни придется оставить неисправленными, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не будетъ никакихъ средствъ и наши правительственныя руки будутъ парализованными».

Но эти спорадическія позднѣйшія попытки правительства бороться съ ростомъ монастырства были совершенно безрезультатны.

Литература по исторіи Византійской имперіи.

Общія пособія:

Гиббонъ—Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. М. 1883.
Фи лей—Исторія Греціи подъ римскимъ владычествомъ. М. 1877.
Bury—A History of the later Roman Empire I—II. L. 1889.
Zachariaev. Lingenthal-Geschichte d. griech-röm. Rechts—1893.
Ю. Кулаковскій—Исторія Византіи, I—III—К. 1910—1915.
Шестаковъ—Лекціи по исторіи Византіи, изд. 2. К. 1916.
Ѳ. И. Успенскій—Исторія Византіи, т. I Спб. 1914.
P. Grenier—L'empire byzantin, I—II. P. 1902.

По исторіи Римской имперіи:

Р. Виппе ръ—Очерки исторіи Римской имперіи М. 1908.
Н. Карѣевъ—Монархіи древняго міра.
Д. Петрушевскій—Очерки изъ исторіи среднев. общества и государства.
O. Seeck—Geschichte des Untergangs der antiken Welt—I—II.
Mommsen—Römisches Staatsrecht I—II.
Hirschfeld—Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, 2 Aufl. 1905.
Фюстель де Куланжъ—Римскій колонатъ.
П. Виноградовъ—Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911 (гл. II).
Rostowzew—Studien zur Geschichte des röm Kolonates (1910).
Beaudouin—Les grands domaines dans l'empire romain.
Schulten—Die römischen Grundherrschaften, 1896.
His—Die Domänen der röm. Kaiserzeit.
Weber—Römische Agrargeschichte. 1891.
Beurlier—Le culte impérial. P. 1891.
Зѣлинскій—Изъ міра идей, т. II и III.
Раннее христіанство—тт. V и VI Общей исторіи европейской культуры
Буасье—Паденіе язычества.
Болотовъ—Лекціи по исторіи древней церкви.
Duchesne—Histoire ancienne de l'Eglise I—II.
Э. Мейеръ—Экономическое развитіе древняго міра.
М. Веберъ—Соціальныя причины паденія античной культуры (Научн. Сл. 1904, VII).
Гартманнъ—Паденіе античнаго міра. 1913.

Фюстель де Куланжъ—Исторія обществ. учрежденій древней Франціи I—II.
Schafer—Deutsche Geschichte, B I. 1910.
Hartmann—Geschichte Italiens im Mittelalter I—III. 1897 sqq

Эпоха Юстиніана:

Дильль—Юстиніанъ и визант. цивилизація VI в.
Dahn—Procopius von Caesarea. 1865.
Б. Панченко—О тайной исторіи Прокопія.
Haury—Procopiana—1892.
Holmes—The age of Iustinian and Theodora I—II.
M. Gelzer—Studien zur byz. Verwaltung Aegyptens.
Monnier—Etudes sur le droit byzantin.
F. Leo—Die capitatio plebeia. im röm—byz. Steuerrecht. 1900.
Iórs—Die Reichspolitik Iustinians. 1893.
Knecht—Die Religions—Politik K. Iustinians. 1896
К. Успенскій—Юстиніанъ и сенаторское землевладѣніе
Heid—Histoire du commerce du Levant, т. I. 1885.

Къ „Имперіи VI—VII вв.“.

Bury—The constitution of the Later Roman Empire. 1910.
Diehl—Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne, 1888.
L'Afrique Byzantine. 1896.
Güterboock—Byzanz und Persien. 1906.
Aussaresses—L'armée byzantine à la fin du VI s. 1909.
Hartmann—Geschichte Italiens, т. I—II.
Drapeyron—L'empereur Heraclius et l'empire byz. au VII s. P. 1869.
Ласкинъ—Ираклій, х. 1889.
Pernice—L'emperatore Eraclio. F. 1905.

„Θ е м ы“.

Θ. И. Успенскій—Исторія Византіи. 1912.
Diehl—L'origine du règime des thèmes. 1896.
Gelzer—Die Genesis der Themenverfassung. 1899.
Кулаковскій—Къ вопросу о происхожденіи ѳемнаго строя, 1904 г.

„Славянская иммиграція“.

А. Васильевъ—О славянахъ въ Греціи—Биз. врем. V.
Niederle—Slovanskè Starôzitnosti. (1903).
Дриновъ—Заселеніе Балк. полуострова славянами (1873).
Милюковъ—ст. „Славяне“ въ Энц. сл. Брокгауза—Ефрона.
Смирновъ—Очеркъ культурной исторіи южн. Славянъ. Казань, 1900.

„Земледѣльческій Уставъ“.

Zachariae v. Lingental. Geschichte des griech—röm. Rechts. 1893.
В. Васильевскій—Законодательство иконоборцевъ. Ж. М. Н. Пр. ч. 199 200.

Панченко — Крестьянская собственность въ Византіи.
W. Ashburner — The Fermers Law.

Монастыри и ихъ положеніе въ имперіи:

Nissen — Die Regelung des Klosterwesens.
Marin — Les moines de Constantinople.
Férradou — Les biens des monastères en l'empire byzantin.
П. Казанскій — Исторіи правосл. монашества на Востокѣ I—II.
П. Яковенко — Къ исторіи иммунитета въ Византіи.
К. Успенскій — Экскуссія — иммунитетъ въ Византійской имперіи (Виз. Вр. 1917).
П. Соколовъ — Состояніе визант. монашества съ IX в.

„Иконоборчество".

Krumbacher — Gecchichte der byz. Litteratur (1897).
Paparrigopoule — Histoire de la civilisation hellenique (1878).
Diehl — Manuel d'art byzantin (P. 1910).
Schwarzlose — Der Bilderstreit (1890).
Bréhier — La querelle des images (1904).
Schenk — Kaiser Leons Walten im Innern.
Lombard — Constantin V (1902).
Андреевъ — Германъ и Тарасій (1907).
Хр. Лопаревъ — Византійскія житія святыхъ, 1914.
Доброклонскій. Ѳеодоръ Студитъ (1910).
К. Успенскій — Очерки по исторіи иконоборчества въ Византійской имперіи, т. I. (печатается).

Изданія Издательскаго О-ва при Историко-Философскомъ факультетѣ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

А. Н. Веселовскій.	Ист. новѣйш. русск. лит. 2 ч. 1 р. 80 к., изд. 1912—13 г. (распродано).
Его-же	Ист. нов. русск. лит. 19 вѣка съ 30-60 гг. 1 р. 60 к., изд. 1913—14 г.
Его-же	Новѣйш. русск. лит. изд. 1914—15 г. 2 р. 30 к.
Его-же	Ист. новой русск. лит. Просвѣт. вѣк. и Алекс. пора, изд. 1915—16 г. ц. 1 р. 90 к.
Его-же	Исторія новой русск. лит. 30-40 гг. 2 р. 20 к.
Н. Д. Виноградовъ.	Педагогическ. психологія. 3 ч. 2 р. 25 к., изд. 1911—12 г. (распродано).
Его-же	Педагогика. 3 ч. 2 р. 50 к., изд. 1913—14 г.
Его-же	Педагог. психологія въ связи съ общей педагогикой, изд. 1916 г. ц. 3 р. 75 к.
В. Е. Гіацинтовъ.	Итальянск. иск. эпохи Высокаго Возрожденія. 2 ч. 2 р., изд. 1913—14 г. (распродано).
Его-же	Альбомъ фототипій къ курсу „Итал. иск. эпохи Высокаго Возрожд." 3 серіи 2 р. 50 к., изд. 1913—14 г.
А. Г. Грузинскій.	Методика русскаго языка и литературы. 2 р. 10 к.
В. Ф. Давыдовскій.	Физика, изд. 1913—14 г. 2 р. (распродано).
Его-же	Физика, изд. 1915—16 г. и атласъ ц. 4 р.
Д. Н. Егоровъ.	Европа и нов. страны. 2 ч. 50 к., изд. 1911—12 г.
Его-же	Исторія Греціи 2 р. 65 к.
Его-же	Средніе вѣка 2 р. 70 к.
Его-же	Исторія Греціи. 2 ч., изд. 1912—13 г., 50 к.
Его-же	Ист. поздняго средневѣковья, изд. 1913—14 г., 1 р. 25 к.
Его-же	Ист. Греціи. 2 ч., изд. 1914—15 г., 1 р. 85 к.
Его-же	Крестовые походы. 2 ч., изд 1914—15 г., 2 р.
Его-же	Введеніе въ изученіе среднихъ вѣковъ, изд. 1915—16 г. ц. 2 р. 40 к.
Его-же	Методика исторіи, изд. 1916 г., ц. 1 р. 60 к.
С. А. Котляревскій.	Исторія международн. отнсшеній. 1 ч, 80 к. (распродано).
Его-же	Исторія международн. отношеній (печатается).
А. А. Круберъ.	Общее землевѣдѣніе. 2 ч., 2 р. 20 к., изд. 1911—12 г. (распродано).
Его-же	Антропогеографія. 2 ч., 2 р. 10 к., изд. 1913—14 г. (распродано).
Его-же	Общее землевѣд., изд. 1913—14 г. 2 р. 20 к.
Его-же	Общее землевѣдѣніе, изд. 1914—15 г. III ч., 1 р. 60 к.
Его-же	Общее землевѣдѣніе 1914—15 г. IV ч., 1 р. 40 (распродано).
Его-же	Общее землевѣдѣніе (печатается).
М. К. Любавскій.	Русск. ист. XVII и первая четверть XVIII в. 2 ч., изд. 1913—14 г., 2 р. 10 к. (распродано).
В. Ѳ. Миллеръ.	Народная словесность. 2 ч., 15 к.
М. М. Покровскій.	Толкованіе избран. стихотв. Катулла, изд. 1914—15 г., ц. 70 к.
Его-же	Толкованіе избран. стихотв. Тибулла и ком. Теренція, изд. 1915—16 г., ц. 2 р. 90 к.
М. Н. Розановъ.	Франц. лит. эпохи Просв. 2 ч., изд. 1911—12 г., 1 р. 75 к. (распродано).
Его-же	Истор. лит. эпохи Возрожд. 2 ч., изд. 1912—13 г., 2 р. (распродано).
Его-же	Ист. запад.-европ. лит. XIX вѣка. 2 ч., изд. 1912—13 г., 2 р. 10 к. (распродано).
Его-же	Эпоха Просвѣщ. въ Англіи и Герм., изд. 1913—14 г., 2 р. 20 к

М. К. Розановъ.	Ист. лит. эпохи Возрожденія изд. 1914—15 г., 2 р. (распродано).
Н. И. Романовъ.	Введеніе въ ист. искусства, изд. 1914—15 г. 80 к. (распродано). 2-е изд. 1916—17 г. 1 р. 60 к.
П. Н. Сакулинъ.	Русск. лит. послѣ Пушкина. 3 ч., изд. 1914—15 г. 2 р. 50 к. (распродано).
Н. В. Самсоновъ.	Истор. эстетич. ученій. 2 ч., изд. 1912—13 г., 2 р. 25 к. (распродано).
Его-же	Истор. эстетич. ученій, изд. 1914—15 г., 2 р. 30 к.
М. Н. Сперанскій.	Древн. русск. лит. (Введеніе—Кіевск. пер.) 3 ч., изд. 1911—12 г. 2 р. (распродано).
Его-же	Русск. народн. слов. 2 ч., изд. 1912—13 г. 2 р. 50 к. (распродано).
Его-же	Древн. русск. лит. (Моск. пер.). 2 ч., изд. 1912—13 г., 1 р.
Его-же	Народ. слов., изд. 1914—15 г., 2 р. 60 к. (распродано).
Его-же	Ист. повѣсти и романы. 2 ч., 50 к.
К. Н. Успенскій.	Истор. Византійской имперіи. 2 ч., изд. 1912—13 г. 2 р. (распродано)
Его-же	Истор. Византійской имперіи, изд. 1913—14 г. 1 р. 60 к. (распродано)
Его-же	Истор. Византіи, изд. 1914—15 г., [illegible] (распродано).
Его-же	Очерки по исторіи Византіи.
С. Ѳ. Фортунатовъ.	Англія и Герм. XIX в. 2 ч., изд. 1911—12 г., 1 р. 85 к. (распродано).
Его-же	Истор. Соедин. Шт. Сѣверн. Амер. 2 ч., изд. 1912—13 г. 2 р. 20 к. (распродано).
Его-же	Истор. Франціи со врем. вел. Револ., изд. 1913—14 г., Ц. 1 р. 90 к.
Его-же	Истор. Англ. и Герм. XIX в., изд. 1914—15 г. 1 р. 85 к.
Его-же	Ист. Соед. Шт. [illegible] в. Амер., 2 изд., ц. 3 р.
Его-же	Истор. Франціи XIX в. 2 р. 50 к.
В. Н. Харузина.	Этногр фія. 2 ч., 1 р., изд. 1911—12 г. (распродано).
В. Н. Щепкинъ.	Конспектъ по старославянск. языку, изд. 1914—15 г., 70 к. (распродано).
Его-же	Введеніе въ славяновѣдѣніе (печатается).
Его-же	Ист. польск. лит. 1915—16 г., 1 р. 10 к.
Его-же	Конспектъ по старославянск. языку (печатается).
Его-же	Конспектъ славяно-русской палеографіи, 60 к., изд. 1915—16 г.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія лекціи:

А. А. Кизеветтеръ.	Исторія Россіи XIX в., изд. 1915—16 г., ц. 2 р. 85 к.
А. Н. Савинъ.	Исторія Западной Европы въ XIV—XV вв., ц. 4 р. 05 к.
Его-же	Исторія Западной Европы въ XVI в. (печатается).
М. М. Покровскій.	Анналы Тацита (комментарій), изд. 1915—16 г., ц. 1 р. 50 к.
Его-же	Лекціи по Цицерону, ч. II Pro Cluent. (комментарій), ц. 1 р. 50 к.
М. Н. Сперанскій.	Новѣйшая русская литература. 4 р. 50 к.
А. Н. Савинъ.	Исторія французской литературы. 4 р. 05 к.

Цѣна **3** руб.